П. П. ЧЕРКАСОВ

Кардинал РИШЕЛЬЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Предлагаемая книга — первая в советской литературе политическая биография выдающегося государственного деятеля Франции Армана Жана дю Плесси — кардинала де Ришелье (1585–1642 гг.). Политическая деятельность кардинала включала дипломатию, военное дело, внутреннюю политику, экономику и культуру. Об этом, опираясь на большой фактический материал, автор и рассказывает в своей книге. Он подчеркивает, что деятельность кардинала, как любого крупного реформатора, вызывала противоречивое отношение к нему не только при жизни, но и после смерти.

http://fb2.traumlibrary.net

- Петр Петрович Черкасов
  - Кардинал Ришелье
    - От автора
    - Камзол или сутана
    - Епископ Люсонский
    - Депутат Генеральных штатов
    - Государственный секретарь
    - Падение
    - Его высокопреосвященство
    - Власть
    - Ларошель
    - «Мантуанское дело»
    - «День одураченных»
    - Господин главный государственный министр
    - Лотарингия
    - Между миром и войной
    - Вторжение
    - Испытания
    - Перелом
    - Заря победы
    - Последняя схватка
    - Заключение
  - Источники и литература
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24

Петр Петрович Черкасов
Кардинал Ришелье

Кардинал Ришелье

От автора

15 фримера II года Республики (5 декабря 1793 г.). Толпа возбужденных парижан врывается в церковь Сорбонны и с громкими криками устремляется к мраморному надгробию, под которым вот уже сто пятьдесят один год мирно покоится прах кардинала де Ришелье. В считанные минуты творение скульптора Жирардона разбито, гробница вскрыта, а извлеченная из нее бальзамированная мумия растерзана и отдана на забаву вездесущим парижским мальчишкам. Толпа проследовала дальше, предводительствуемая вожаком, у которого приказ Конвента разрушить гробницы «тиранов». В этот день разграблению подверглись еще сорок восемь захоронений.

Случайные прохожие с ужасом взирают на то, как мальчишки с радостными воплями, словно мяч, гоняют по улице мумифицированную голову кардинала Ришелье. Впрочем, что осуждать несмышленышей, чье детство проходит в обстановке кровавого насилия. Ежедневно они являются свидетелями массовых казней. Головы, насаженные на пики или палки, — привычная деталь городского пейзажа,

Среди тех, кто молчаливо наблюдал за действиями детей и подростков, находился бывший аббат Башан. В какой-то момент то, что некогда было головой знаменитого правителя Франции, оказалось у ног Башана. Не раздумывая, он подхватил голову и пустился наутек, обнаружив неожиданную для своего возраста и комплекции резвость. Через несколько мгновений он скрылся за углом, крепко держа под плащом свою необычную ношу. Опомнившись, мальчишки устремились вдогонку за похитителем, но ему удалось затеряться в лабиринте узких улочек Латинского квартала какой-то каменотес, воспользовавшись общей сумятицей, оторвал у мумии палец, прельстившись надетым на него кольцом с драгоценным камнем. Кто-то схватил и унес посмертную маску, закрывавшую лицо Ришелье.

Впоследствии все эти реликвии, бережно хранившиеся в течение многих десятилетий несколькими поколениями их владельцев, будут переданы в дар императору Наполеону III, приказавшему восстановить гробницу и поместить в нее то, что осталось от «одного из самых великих людей Франции». 15 декабря 1866 г. в университетской церкви Сорбонны была устроена грандиозная церемония захоронения останков Ришелье.

…Минуло почти сто лет, точнее — девяносто один год и шесть месяцев. Майские дни 1968 года… Студенты с красными и черными знаменами врываются в помещение ректората

Сорбонны, срывают висящий на стене огромный, в полный рост портрет Ришелье кисти Филиппа де Шампеня и разрывают его. Через несколько минут красные и черные знамена взвиваются над куполом Сорбонны. Гробница Ришелье, находившаяся на реставрации, осталась нетронутой.

4 декабря 1971 г. министр культуры Пятой республики Жак Дюамель возглавил пышную церемонию очередного захоронения останков кардинала Ришелье. В ней приняли участие канцлер парижских университетов и два его заместителя, президенты и ректоры 13 парижских университетов, деканы факультетов, постоянный секретарь Французской академии, члены академии, префекты, высшие государственные служащие. Голова, палец и клок волос из бороды — все, что осталось от Ришелье, — были помещены в шкатулку и опущены на дно отреставрированной гробницы.

…Прошло еще четырнадцать лет. Ноябрь 1985 года. Во Франции отмечалось 400-летие со дня рождения Ришелье и 350-летие основанной им Французской академии. Правда, правительство социалистов и президент Франсуа Миттеран сочли нецелесообразным чрезмерно политизировать юбилей Ришелье, чего можно было ожидать от администраций генерала де Голля или В. Жискар д'Эстена. В организованных торжествах, скромных по масштабам, был выделен лишь один аспект из многообразной деятельности кардинала Ришелье, причем самый неожиданный, — культура. Не внутренняя политика и администрация, не внешняя политика и дипломатия, а именно культура.

В ноябре 1985 года в здании Сорбонны была развернута богатая выставка «Ришелье и интеллектуальный мир», на которой были представлены уникальные документы и произведения искусства из национальных и департаментских архивов, библиотек и музеев. Материалы выставки, организованной под патронажем президента Республики Франсуа Миттерана, были опубликованы тогда же, в 1985 году.

Серия мероприятий, среди которых был и международный научный коллоквиум «Ришелье и культура», завершилась 12 декабря 1985 г. торжественным заседанием Французской академии с участием главы государства, по традиции считающегося ее покровителем. На заседании президенту Республики вручили первый экземпляр выбитой к 350-летию Французской академии памятной медали.

Случайно ли юбилею Ришелье придали сугубо культурную направленность? Естественно было бы ожидать в дни празднования 400-летия со дня рождения выдающегося

государственного деятеля Франции широкого освещения вклада Ришелье прежде всего в политическую и военную историю страны. Конечно, сфера культуры в деятельности кардинала Ришелье до последнего времени оставалась наименее изученной специалистами в сравнении с гражданской и военной администрацией, экономикой и дипломатией. И все же, думается, не в этом дело.

Кардинал Ришелье принадлежит к числу тех редких исторических деятелей, вокруг которых до сих пор идут острые дискуссии. В оценке Ришелье на протяжении последних трехсот лет преобладали не столько научные, сколько политические соображения. Слишком глубок оказался след, оставленный им в истории Франции и Европы, и слишком большие последствия имела его деятельность, чтобы примирить с кардиналом не только его современников, но и последующие поколения политиков, историков и литераторов. Трудно найти в истории нового времени другой такой пример полярности оценок исторической личности. Может быть — Кромвель в Англии, Петр I в России или Наполеон Бонапарт в той же Франции?..

Великий французский математик и философ Блез Паскаль как-то заметил, что «господин кардинал не пожелал быть разгаданным». Другой современник Ришелье поэт Поль Скаррон вложил в уста Ришелье следующие многозначительные строки, обращенные скорее к потомкам:

> Тех, кто желал мне пораженья,
> Своим всесильем подавил:
> Чтоб покорить испанцев гордых,
> Я Франции не пощадил,
> Безгрешный ангел или демон —
> Судите сами, кем я был.[1]

Над разгадкой «тайны» Ришелье трудились многие поколения историков как во Франции, так и в других странах.

Любопытно, что даже на родине Ришелье долгое время акцент делался не на позитивной, а на негативной стороне деятельности министра-кардинала. Речь шла о приятии или неприятии Ришелье и его политики в целом. Еще при жизни кардинал снискал редкую непопулярность у себя на родине. Его боялись и ненавидели как аристократы, так и народ. Аристократия связывала с Ришелье причину упадка своего политического влияния, выставляя его врагом дворянства. Впоследствии правыми ему будет приписана историческая ответственность за подрыв феодальных устоев Старого порядка,

приведший к его падению в 1789 году. В «низах» Ришелье считали виновником бедственного положения народа, усугубленного развязанной кардиналом разорительной войной против Габсбургов.

Просветители — от Монтескье до Вольтера и Руссо — будут обвинять Ришелье в насаждении деспотизма и подавлении всякого свободомыслия. «У этого человека деспотизм был не только в сердце, но и в голове». — утверждал Монтескье. Он называл его «негоднейшим из граждан», ответственным за злоупотребление властью не только лично, но и его преемниками. Таким образом, одни обвиняли Ришелье в разрушении Старого порядка, другие — в его консервации.

Великая французская революция объявит Ришелье тираном, а якобинцы даже надругаются над его прахом.

Резкое осуждение Ришелье прочно утвердится во французской литературе XIX века благодаря Альфреду де Виньи (пьеса «Сен-Мар»), Александру Дюма-отцу (роман «Три мушкетера») и Виктору Гюго (драма «Марион Делорм»). Для писателей-романтиков Ришелье — тиран, монстр, безжалостно сокрушающий человеческие судьбы. С аналогичных позиций республиканского романтизма оценивал правление Ришелье и его личность крупнейший французский историк середины XIX века Жюль Мишле, идеализировавший «республиканизм» гугенотской партии, разгром которой не мог простить «деспоту-кардиналу».

Историки долгое время шли за литераторами. Кое-кто из них, правда, находил в деятельности Ришелье отдельные положительные стороны, например внешнюю политику.

Довольно рано идейное размежевание в оценке личности Ришелье произошло по принципу политической принадлежности. Левые, унаследовавшие концепцию просветителей, видели в Ришелье только мрачного деспота, душителя свобод. Правые все более определенно склонялись к тому, чтобы объявить его национальным героем, поставить в один ряд с Жанной д'Арк. Апология Ришелье достигла высшей точки в годы Второй империи, озабоченной соображениями национального величия и международного престижа. Разоблачая деспотизм «злодея-кардинала», Гюго и другие непримиримые противники бонапартизма целили, разумеется, в авторитарный режим Второй империи.

Надо сказать, что вплоть до конца XIX века литературно-политические споры о роли Ришелье в истории велись без достаточно полного знания предмета спора — как самой личности Ришелье, так и его политики. Только к концу столетия, когда появилась и была историографически освоена

восьмитомная публикация деловых бумаг Ришелье, стало возможным всерьез изучать его политическую биографию, В результате прежняя маска злодея уступила место более привлекательному образу министра-кардинала.

Нарастание националистических, реваншистских настроений во Франции, пережившей позор поражения 1870 года, лишившейся Эльзаса и Лотарингии, «приобретенных» в свое время кардиналом Ришелье, привело к возрождению легенды о Ришелье — «спасителе Франции». Откровенной апологии кардинала Ришелье правыми по-прежнему противостояло резко критическое отношение к нему леволиберальных историков. Острой критике левых подвергалась и «близорукая» внешняя политика Ришелье, для которой прежде иной раз делалось исключение. Историки либерального направления утверждали, что поражение Габсбургов в Тридцатилетней войне, чему активно способствовал Ришелье, было скорее его ошибкой, оно нисколько не улучшило международных позиций Франции, так как унижение Австрии привело к последующему возвышению Пруссии — куца более опасного противника.

Споры относительно оценки политического наследия Ришелье не утихали и в XX столетии, по-прежнему сохраняя откровенную идеологическую окраску. Правые продолжали превозносить Ришелье, левые настойчиво разоблачали его деспотизм.

400-летний юбилей Ришелье пришелся на время правления во Франции социалистов, которые ограничили проводимые торжества сугубо академическими рамками. Юбилей должен был не разобщить, а объединить французов, тем паче что и сам «юбиляр» завещал своей стране беречь национальное единство как самое ценное историческое завоевание.

Культура, развитию которой Ришелье уделял много внимания, представлялась удачным, объединяющим всех началом. К тому же культура, в отличие, скажем, от внешней политики Ришелье, никоим образом не задевала национальных чувств западных партнеров Франции — Великобритании, ФРГ, Испании или Австрии.

Эти и другие соображения, не высказывавшиеся, разумеется, открыто, позволили провести юбилейные торжества в спокойной, благожелательной атмосфере.

Юбилей Ришелье послужил поводом для появления во Франции и в ряде других стран новых работ, посвященных его жизни и деятельности, а также для переиздания наиболее интересных старых публикаций. Библиография только монографических исследований о Ришелье и его политике

насчитывает десятки названий.

В нашей стране, включая весь дореволюционный период, не было опубликовано ни одной биографической книги о выдающемся государственном деятеле Франции, если не считать небольшую (77 страниц) брошюру В. Л. Ранцова «Ришелье» (СПб., 1893). Зато дважды — в 1766 и 1788 годах — видимо, по указанию Екатерины II в России издавалось «Политическое завещание» Ришелье. Лучше обстоит дело с изучением истории Франции эпохи Ришелье благодаря главным образом исследованиям ныне покойных советских историков А. Д. Люблинской и Б. Ф. Поршнева. Их специальные труды внесли заметный вклад в изучение внутренней, экономической и внешней политики Ришелье. Что же касается самого Ришелье, то советский читатель имеет о нем совершенно недостаточное и весьма превратное представление лишь по знаменитому роману Дюма-отца.

Приступая к написанию политической биографии кардинала Ришелье, автор надеялся восполнить этот очевидный пробел на основе имеющихся в его распоряжении источников и литературы. Разумеется, речь идет лишь о части, хотя и наиболее важной, источников, позволяющих воссоздать в самых общих чертах исторический портрет Ришелье. Прежде всего это восьмитомная публикация «Писем, дипломатических инструкций и государственных бумаг кардинала де Ришелье», подготовленная в 1853–1877 годах. Она содержит 3817 документов.

Значительный интерес для понимания воззрений Ришелье представляет его «Политическое завещание», в котором он подробно и предельно четко изложил свои взгляды на ведение государственных дел, общее положение Франции эпохи Людовика XIII, ее финансы, экономику, армию и флот, внутреннюю и внешнюю политику.

Несомненную ценность для биографа представляют десятитомные «Мемуары кардинала де Ришелье о царствовании Людовика XIII», содержащие богатейший, хотя и тенденциозно подаваемый материал по истории Франции с 1600 по 1638 год.

В своей работе автор использовал биографические труды о Ришелье и общие исследования по истории Франции, принадлежащие французским историкам как прошлого, так и современным. Он опирался на достижения отечественного франковедения по освещаемому периоду истории Франции. Перечень использованной автором литературы читатель найдет в конце книги.

Яркая личность Ришелье, удивительное многообразие его государственной деятельности, богатство и неоднозначность

оставленного им наследия, наконец, драматическая насыщенность «эпохи Ришелье» ставят перед его биографом очень трудные задачи. Вряд ли в равной степени можно охватить в одной книге все стороны деятельности кардинала Ришелье. Наверное, любая работа о нем будет неполной и несовершенной. Крупный историк, член Французской академии Габриоль Аното посвятил биографии Ришелье семь объемистых книг, но даже этот фундаментальный труд с точки зрения современных требований представляется несовершенным.

Автор адресует свою книгу прежде всего широкому кругу читателей и пользуется случаем, чтобы выразить признательность за помощь в ее подготовке Н. К. Александровой и Б. Е. Косолапову.

Камзол или сутана

Жизнь Армана Жана дю Плесси — кардинала Ришелье, первого министра Людовика XIII — не лишена загадок и тайн. И начинаются они буквально с первого дня его жизни. Никто не смог достаточно достоверно указать место рождения всесильного правителя. Одни биографы, ссылаясь, в частности, на свидетельство любимой племянницы кардинала герцогини д'Эгийон, полагают, что он появился на свет в родовом замке Ришелье в провинции Пуату. После смерти кардинала в его реконструированном замке гостям долгое время показывали комнату, где мать якобы дала ему жизнь. Эта версия не подтверждается документами, так как в регистрационных книгах прихода Брей, к которому принадлежал замок Ришелье, не сохранились записи, относящиеся к 1580–1600 годам. Они кем-то вырваны.

Первый прижизненный биограф Ришелье Андре Дюшен, а вслед за ним и большинство современных историков местом рождения будущего кардинала называют Париж. Впрочем, прямых документальных подтверждений они не приводят. Косвенным свидетельством в пользу данного мнения является акт о крещении Ришелье, впервые опубликованный в 1867 году. Из него следует, что сын Франсуа дю Плесси, сеньора де Ришелье, и дамы Сюзанны де Ла Порт, его жены, родившийся в девятый день сентября 1585 года, был крещен 5 мая 1586 г. в парижской церкви Сент-Эсташ и наречен именем Арман Жан. Из этого же документа мы узнаем, что родители младенца проживали в Париже на улице Булуа. Как давно они там поселились, остается неизвестным. И все же есть некоторые основания принять версию тех, кто считает родиной Ришелье столицу Франции.

Сопоставление двух дат — рождения ребенка и его крестин — может вызвать удивление: младенец получил имя лишь на девятом месяце жизни. Дело в том, что малыш родился очень слабым; его здоровье долгое время внушало серьезные опасения, чем и объясняется столь позднее крещение.

По существовавшей тогда традиции у новорожденного мальчика должно было быть два крестных отца (у девочки — две крестные матери). Крестными отцами Ришелье стали два маршала Франции — Арман де Гонто-Бирон и Жан д'Омон, давшие младенцу свои имена, крестной матерью — его бабка по отцу Франсуаза де Ришелье, урожденная де Рошешуар.

Семья дю Плесси де Ришелье принадлежала к родовитому дворянству Пуату. Первые упоминания о предках Ришелье по

отцовской линии содержатся в актах XIV века. Удачными брачными союзами дю Плесси де Ришелье сумели закрепить свое положение среди французской аристократии. Бабка Армана — Франсуаза де Рошешуар состояла в прямом родстве с Полиньяками, Ларошфуко и другими древнейшими фамилиями Франции.

Отец Ришелье входил в число самых доверенных лиц короля Генриха III. Судьба свела их еще в 1573 году в Польше, куда Генрих, тогда еще герцог Анжуйский, третий сын Генриха II и Екатерины Медичи, прибыл по приглашению сейма, чтобы занять вакантный трон. В Кракове молодому польскому королю среди прочих был представлен 25-летний французский дворянин Франсуа дю Плесси де Ришелье, покинувший родину после неприглядной истории с убийством некоего сьера де Бришетьера. Это была месть за убийство на дуэли старшего брата Ришелье лейтенанта Луи дю Плесси. В полном противоречии с нормами дворянской этики Франсуа дю Плесси де Ришелье, вместо того чтобы вызвать Бришетьера на дуэль, обманом заманил его в западню и хладнокровно зарезал свою безоружную жертву, после чего бежал из родных мест. Несколько лет он скитался — сначала по Франции, затем по Германии, и. наконец, судьба занесла его в далекую Польшу. Всюду сеньор де Ришелье отдавал свою шпагу тому, кто готов был платить за его услуги.

Между двумя молодыми соотечественниками почти сразу же установились доверительные отношения, и очень скоро Франсуа дю Плесси де Ришелье стал заметной фигурой при Краковском дворе. Именно он принес королю Польши известие о внезапной смерти в Париже его старшего брата Карла IX. Он же в числе приближенных сопровождал Генриха Анжуйского, тайно бежавшего из Польши в Париж в мае 1574 года.

С воцарением Генриха III Валуа сеньор де Ришелье стал важной государственной персоной. Молодой король назначил своего любимца на почетную должность прево Королевского дома, а затем в 1576 году возвел в ранг главного прево Франции, пожаловав одновременно орден Св. Духа, который имели лишь немногие избранные. В эпоху ожесточенных религиозных войн главный прево фактически объединял в одном лице верховного судью, министра юстиции и руководителя секретной службы королевства. Столь многотрудные обязанности с успехом мог выполнять лишь человек сурового склада, энергичный и в то же время не отличавшийся чрезмерной щепетильностью. Безгранично преданный королю Франсуа дю Плесси де Ришелье удачно сочетал в себе все эти качества. Во всяком случае, этот вчерашний бузотер проявил на высоком посту умеренность и

здравый смысл. Он был суров, но не жесток, энергичен, но не суетлив, расчетлив, но не жаден; интересы короля и государства ставил превыше интересов личных и семейных, что со всей очевидностью обнаружилось после его смерти…

Франсуа де Ришелье до конца оставался верен королю. В «день баррикад»[2] он помог Генриху III благополучно бежать из восставшего Парижа в Блуа. Он стал невольным свидетелем убийства Генриха III. Лишь на мгновенье главный прево опоздал предупредить удар кинжала, спрятанного под сутаной доминиканского монаха Жана Клемана, подосланного лигистами в лагерь короля.

С убийством бездетного Генриха III пресеклась династия Валуа и законное право на престол перешло к вождю гугенотов Генриху Наваррскому, ближайшему родственнику Валуа по боковой линии Бурбонов, ставшему королем под именем Генриха IV.

Главный прево колебался недолго. Государственные соображения быстро взяли верх над религиозными сомнениями. В создавшейся обстановке гугенот Генрих IV в глазах Франсуа де Ришелье олицетворял закон и порядок, а Католическая лига — смуту и неповиновение. Главный прево Франции верой и правдой служил новому королю и неотлучно находился при нем вплоть до самой своей смерти. Сраженный жестокой лихорадкой, Франсуа де Ришелье умер 19 июля 1590 г. в возрасте 42 лет.

Его вдова Сюзанна де Ришелье осталась с пятью детьми: Анри было 10 лет, Альфонсу — 7, Арману — 5, старшей дочери Франсуазе — 12 и младшей Николь — 4 года. Семья оказалась в весьма стесненных обстоятельствах. Бесчисленные религиозные войны опустошили некогда цветущую провинцию Пуату. Небольшие земельные владения семьи, разоренные войной, практически не приносили дохода. В довершение всех несчастий главный прево не оставил семье ничего, кроме долгов. Для того чтобы его похоронить, как подобает, мать покойного была вынуждена заложить бриллиантовую цепь ордена Св. Духа. Правда, известный своей скупостью Генрих IV сделал исключение и приказал казначейству выдать мадам де Ришелье 20 тысяч ливров в знак уважения к заслугам покойного главного прево. На следующий год король выделил его семье еще 16 тысяч ливров. Эта помощь пришлась как нельзя кстати.

Настало время сказать хотя бы несколько слов о той, кого кардинал Ришелье считал идеалом женской добродетели, — о его матери.

Сюзанна де Ла Порт — такова была ее девичья фамилия — не принадлежала по рождению к аристократии. Она происходила из

скромной семьи адвоката парижского парламента, известного своими глубокими познаниями в юриспруденции, позволившими отпрыску буржуа среднего достатка приобрести дворянство. Выйдя в 16 лет замуж за сеньора де Ришелье и став матерью пятерых детей, Сюзанна де Ла Порт полностью посвятила свою жизнь нежной заботе о них. Она с трудом переносила беспокойную жизнь при дворе. На фоне царившего при дворе Генриха III разврата Сюзанна де Ришелье, отнюдь не лишенная привлекательности, являла образец скромности и супружеской верности. Пример матери кардинал, по-видимому, считал уникальным и был невысокого мнения о женской половине рода человеческою: на жизненном пути ему встречались женщины совсем другого сорта, которых он откровенно презирал. Впрочем, это мнение, как и сутана, не мешало ему искать расположения прекрасного пола.

По всей видимости, семья главного прево покинула охваченный восстанием Париж вместе или вслед за Генрихом III и его двором 12 мая 1588 г. Первые жизненные впечатления нашего героя связаны с фамильным гнездом Ришелье, Именно там, за внушительными стенами восьмибашенного замка, возведенного еще в 1429 году — в разгар Столетней войны, семейство Франсуа де Ришелье выжидало окончания гражданской войны.

Начальное образование Армана было доверено Арди Гюилло, настоятелю аббатства Сен-Флоран-де-Сомюр. Набожная Сюзанна де Ришелье обращала особое внимание на религиозно-нравственную сторону воспитания детей. Каждый вечер по заведенному ею порядку обитатели замка собирались в часовне для общей молитвы. Затем женщины и девочки садились за шитье и вышивание, мальчики склонялись над своими заданиями. Младший — Арман — хрупкий, бледный мальчик, подверженный частым простудам и прочим недугам, — с самого рождения внушал постоянную тревогу матери и бабушке своим слабым здоровьем. В замке царили тишина и покой, нарушаемые редкими гостями, которые приносили невеселые вести из внешнего мира, где бушевала война.

Так — в уединении старого замка, в дружном семейном кругу — незаметно пролетели шесть лет.

* * *

Летом 1594 года Сюзанна де Ришелье решила возвратиться в Париж. Война окончилась, жизнь в стране постепенно входила в обычное русло. Обращение Генриха IV в католичество открыло

перед ним 22 марта 1594 г. желанные ворота Парижа, который он не мог подчинить силой долгие четыре года.

Мальчики подросли, и надо было думать об их дальнейшем образовании. Возобновлялись занятия в учебных заведениях, вновь открылся знаменитый Наваррский коллеж, где в свое время учились два будущих короля Франции — Генрих III и Генрих IV. Именно сюда брат Сюзанны де Ришелье — Амадор де Ла Порт, взявший на себя дальнейшие заботы о судьбе младшего племянника, определил и девятилетнего Армана.

Занятия начались осенью. Годы потрясений сказались на состоянии дел в Парижском университете и связанных с ним коллежах, в том числе Наваррском. Преподаватели в, большинстве своем оставили Париж вслед за учениками, распущенными по домам. Остались лишь немногие энтузиасты. Культурные и духовные потери восстанавливаются труднее и медленнее материальных. Тяжелые последствия опустошения храмов науки будут сказываться еще многие годы.

Обучение в Наваррском коллеже было преимущественно светским. Ученики изучали грамматику, искусства и философию. Помимо Катехизиса читали Цицерона, Горация, Квинтилиана и других античных авторов. В коллеже принято было говорить только на латыни. Программа предусматривала изучение древнегреческого языка, который вошел в моду благодаря популярным литераторам Бюде, Рамю и Ронсару. Воспитанники коллежа должны были владеть основами стихосложения и прозы. У них развивали способность к полемике и ученому спору. Под руководством преподавателей подростки вели подлинные словесные баталии на заданные темы.

Чаще всего воспитанники коллежа ограничивались двумя циклами обучения — грамматикой и искусствами, рассчитанными на четыре года. Третий двухгодичный цикл — философский — одолевали немногие. Впрочем, это было не обязательно для дальнейшей карьеры. Курс философии включал изучение логики и основ наук. Обучение сводилось к чтению в подлиннике и комментированию Аристотеля: в течение первого года молодые люди разбирали «Категории», затем «Аналитики», «Топику» и «Этику»; на втором году цикла — «Физику» и «Метафизику», после чего наступал черед сочинений Евклида. Юных «философов» готовили к публичным выступлениям по широкому кругу научных и теологических вопросов.

Система обучения в Наваррском коллеже отличалась строгостью и даже суровостью. Независимый характер Армана дю Плесси с трудом мирился с нравами, царившими там. Живой, подвижный, вспыльчивый подросток не выносил принуждения. На

него можно было воздействовать только ласками и похвалой, но не угрозами и страхом. «У него были жажда к похвалам и страх получить выговор, что держало его в состоянии постоянного напряжения, — отмечал один из биографов Ришелье аббат Мишель де Пюр. — Он резко выделялся среди своих сверстников. То, что его одноклассники делают по-детски, он делает методично; он отдавал себе полный отчет во всем, что делал и говорил Когда его о чем-нибудь спрашивали, он всегда обдумывал ответ и обескураживающими репликами умел предупредить последующие вопросы». Амери канский ученый Элизабет Марвик, проводившая в наши дни психоаналитическое исследование первых лет жизни Ришелье, пришла к выводу, что уже в детстве у него обнаружилось сильное стремление к лидерству- В коллеже, а затем и в академии Плювинеля он всегда хотел быть только первым.

Наибольших успехов Арман дю Плесси добился на втором цикле обучения. Ему было всего 12 лет, когда его отметили, выбрав певчим который должен был сопровождать ректора коллежа Жана Ивона и ученых членов Сорбонны на церемонии посещения усыпальницы французских королей в Сен-Дени.

В числе немногих юный дю Плесси изъявил желание продолжить учебу на третьем цикле. Он с головой окунулся в изучение философии. Видимо, в память об этом юношеском увлечении кардинал Ришелье откроет в Наваррском коллеже кафедру теологических диспутов в 1638 году.

К моменту окончания коллежа Арман блестяще знал латынь, прилично говорил по-итальянски и по-испански. Подлинной страстью пытливого юноши стала история. Античную историю он знал во всех деталях и часами мог увлеченно рассказывать о тех или иных событиях прошлого. Познания Армана в этой области не уступали знаниям лучших ученых того времени.

Пребывание в коллеже повлияло на характер Ришелье. Уже в те годы он проявил себя упорным и стойким в самых трудных ситуациях. Тогда же обнаружилось его свойство ничего не забывать и тем более ничего не прощать. Современники свидетельствуют, что от пронизывающего взгляда его больших серых глаз становилось не по себе даже пожилым мэтрам коллежа.

* * *

Когда учеба подошла к концу, Сюзанна де Ришелье собрала семейный совет для обсуждения дальнейшей судьбы Армана.

Было решено направить его по военной стезе, что полностью отвечало и намерениям самого юноши. Арман получил титул маркиза дю Шиллу, по названию местечка, отошедшего к семье Ришелье еще в конце XV века.

Новоиспеченный 15-летний маркиз пристегивает шпагу и берет на службу двух лакеев, а мать и дядя определяют к нему нового воспитателя-секретаря — некоего сьера Ле Масля. Арман оставляет гостеприимный дом дядюшки Амадора и снимает несколько комнат в доме дядиного друга и коллеги Бутиле — адвоката парижского парламента. Он определяется в академию Плювинеля, и из заботливых рук ректора коллежа Жана Ивона юноша переходит под попечительство ректора академии Антуана дю Плювинеля.

Скромный дворянин из Дофине открыл свое учебное заведение с целью подготовки кавалерийских офицеров для королевской армии. Сам бывший военный, непревзойденный наездник и прекрасный фехтовальщик, Антуан дю Плювинель с молодых лет много путешествовал, служа при различных европейских дворах. При Генрихе III он исполнял обязанности первого шталмейстера. Генрих IV доверит Плювинелю физическое и военное воспитание своего сына — будущего короля Людовика XIII. Он поддержал замысел старого вояки открыть школу для подготовки офицерского состава и даже предоставил некоторые средства. Королевская казна ежегодно выделяла на каждого «студента» от 800 до 1000 экю.

Плювинель был горячим приверженцем голландской военной школы — наиболее передовой по тем временам, а также методов итальянских преподавателей, поскольку в молодости сам учился военному делу в Неаполе. Однако в академии обучали не только военному делу. Наряду с усиленной военно-физической подготовкой Плювинель давал своим питомцам то, что мы сейчас называем «уроками мужества», воспитывая у них чувство патриотизма и гордости за военную историю своей страны. Талантливый рассказчик, наделенный актерским даром, Плювинель живописал события военной истории Франции. После строгого коллежа с постными лицами учителей молодые люди с восторгом приняли жизнерадостного и остроумного Плювинеля. С раскрытыми ртами слушали они яркие рассказы о лучших дворянах Франции — Бельфорах, Монморанси, Бассомпьерах, ставших символами чести и достоинства. Юноши хотели подражать им, мечтая повторить их подвиги.

Самое пристальное внимание Плювинель уделял светскому воспитанию своих подопечных. И здесь столь же легко он обходился без нудных нотаций и поучений, поскольку отличался

изысканностью манер и безупречным вкусом. К его мнению прислушивались и при дворе. Известные модники и модницы с тревогой ловили его взгляд в ожидании одобрения или насмешки. Одним только словом, улыбкой или жестом он мог выразить суждение о высоте шляпы, о завитости перьев или длине плаща, о накрахмаленности воротника и о многом другом.

В опытных руках этого прирожденного воспитателя ученики незаметно для себя приобрели привычку к порядку, к размеренной жизни без излишеств. Именно Плювинелю Арман обязан выработанной им способностью сохранять спокойствие и даже невозмутимость в самых трудных ситуациях.

Юный маркиз дю Шиллу получал огромное удовольствие от занятий в академии Плювинеля. Сыну, внуку и правнуку военного, ему было предназначено стать одним из «людей шпаги», которых он сам считал элитой французского дворянства. Поэтому он увлеченно постигал уроки любимого учителя, которые должны помочь осуществлению его мечты. Любви к военному делу, привычкам и вкусам, привитым ему в академии, Ришелье останется верен до конца своих дней.

* * *

В 1602 году жизнь 17-летнего маркиза дю Шиллу внезапно и кр>то изменилась. Старший брат Армана, Альфонс, неожиданно отказался занять уготованное ему место епископа в Люссне. Здесь необходимо сделать небольшое отступление, поясняющее суть происшедшего, определившего дальнейшую судьбу нашего героя.

Примерно в 1584 году или, может, несколько ранее Генрих III, желая отметить главного прево, предоставил ему в наследственное владение Люсонское епископство. Королевская казна была пуста, и король нашел оригинальное средство поощрения наиболее верных слуг: стал раздавать в наследственное владение аббатства и епископства. Благо, Болонский конкордат 1516 года, заключенный Франциском I с римским папой, обеспечил французской галликанской церкви определенную автономию от Рима, а королю Франции — право назначения на высшие церковные посты своих кандидатов, которые, правда, должны были получить одобрение в Ватикане. Таким образом, церковные доходы и бенефиции, поступавшие в распоряжение короля, становились средством вознаграждения дворянства- Обычно в награду давались аббатства. Дарование епископства было редкостью и свидетельствовало об особом благоволении короля.

Главный прево. а после его смерти — Сюзанна де Ришелье получали часть доходов люсонской консистории через временных администраторов, назначаемых семьей Ришелье.

В 1592 году семейный совет решил предоставить Люсонское епископство среднему сыну Альфонсу. До завершения его теологического образования в Люсон был отправлен доверенный семьи Ришелье священник Франсуа Ивер, временно занявший люсонскую кафедру и исправно переводивший вдове главного прево причитавшуюся ей часть церковных доходов.

Надо сказать, что духовенство люсонской епархии косо смотрело на ставленника семейства Ришелье. Постоянно возникали трения по поводу распределения доходов. Дело дошло до судебного разбирательства. Почувствовав угрозу интересам своей семьи, мадам де Ришелье поторопила Альфон. а с завершением образования, о чем поспешила известить люсонское общество. Одновременно она добилась от Генриха IV подтверждения прав своего среднего сына на епархию. В 1595 году 12-летний Альфонс дю Плесси де Ришелье был официально объявлен будущим епископом Люсонским. Па несколько лет мадам де Ришелье удалось приглушить ропот недовольства люсонского духовенства.

Удар последовал с самой неожиданной стороны. Его нанес сам будущий епископ, объявивший матери, что решительно отказывается от епископской митры и принимает монашеский постриг.

Трудно понять мотивы, которыми руководствовался скромный, набожный и несколько чудаковатый Альфонс. Может быть, до него дошли слухи о тяжбе его матери с люсонским духовенством из-за небольшого дохода его будущей епархии (16 тысяч ливров в год). Была ли причиной его чрезмерная щепетильность — осталось неизвестно. Так или иначе, но в 1602 году Альфонс де Ришелье осуществил свое намерение, уединившись в картезианской обители Гранд Шартрез под именем «отца Ансельма».

Поступок Альфонса привел мадам де Ришелье в отчаяние. Епископство, приносившее хотя и небольшой, но регулярный доход, грозило выскользнуть из рук ее семьи. Старший сын Анри не обнаруживал ни малейшего желания сменить светскую одежду на сутану. К тому же у него не было соответствующего образования. К счастью, у мадам де Ришелье был еще один сын — энергичный, находчивый, умный и образованный. Сюзанна де Ришелье умоляла Армана спасти семью от разорения. Хладнокровно взвесив все «за» и «против», маркиз дю Шиллу принимает предложение матери оставить светскую жизнь. «Да

исполнится воля Божья! — сообщает он о своем решении дяде Амадору. — Я на все согласен ради блага церкви и славы нашей семьи». Как видим, будущий кардинал и министр уже в 17 лет обнаружил способность принимать важные решения в неожиданно меняющейся обстановке.

Ришелье оставляет академию Плювинеля и возвращается в Наваррский коллеж. Верховую езду и фехтование сменяют углубленные занятия теологией. Вместо маркиза дю Шиллу появляется аббат де Ришелье.

* * *

Новоиспеченный студент не намерен засиживаться на ученической скамье. Чрезмерно затянутый учебный процесс явно не соответствовал способностям и трудолюбию юного аббата. Параллельно с занятиями в коллеже Арман берет уроки теологии у известного в то время богослова Жака Эннекена, преподававшего в коллеже Кальви. Очень скоро он полностью переходит на самостоятельные занятия, которым отдается с редким прилежанием. В 1603 году юный аббат встречается с мастером полемики англичанином Ричардом Смитом, одним из самых широкомыслящих теологов своего времени.

То ли под влиянием Смита, то ли по внутреннему побуждению Арман задумывает устроить публичный теологический диспут в стенах Сорбонны. Блюстители академических канонов воспротивились намерению не в меру ретивого студента-аббата. Тогда Ришелье обращается с аналогичной просьбой в коллеж, где она встретила более благожелательный прием. В 1604 году (более точную дату не удалось установить ни одному из биографов кардинала) в Наваррском коллеже впервые в его истории состоялся открытый философско-теологический диспут, в котором самое активное участие принял и наш герой. Диспут удался, а его организатор и основной оратор получил первую, пока еще ограниченную академическими рамками известность.

К этому периоду жизни Ришелье относится одна полуанекдотическая история, описанная в мемуарах некоего Клода Куртена, современника кардинала.

Куртен рассказывает, что, изучая философию и теологию, аббат де Ришелье снимал часть дома в саду коллежа Сен-Жан-де-Латран, где садовником служил некий Рабле. Сорок лет спустя кардинал неожиданно вспомнил о том периоде жизни и приказал своему верному камердинеру Дебурне выяснить, что стало с

садовником и двумя его дочерьми. В случае, если их удастся разыскать, камердинер имел указание доставить семью садовника во дворец. Дебурне исправно выполнил поручение хозяина, и в один прекрасный день всесильному министру представили насмерть перепуганного добряка Рабле с обеими уже немолодыми дочерьми и внуками, которые упали на колени и в один голос принялись умолять кардинала простить их, так как даже в помыслах своих, а не то что вслух, они не могли и подумать ничего дурного о Его Высокопреосвященстве.

Кардинал, снисходительно посмеиваясь над их простодушием, приказал всем подняться и обратился к старику Рабле:

— Вы не должны ничего опасаться. Скажите, милейший, вы не помните меня?

— Увы, добрый господин, — ответил все еще потрясенный Рабле. — Мы вас никогда не видели.

— А не помните ли вы молодого студента, — продолжал свой допрос Ришелье, — у которого наставником был господин Мюло, а камердинером — господин Дебурне, ваш земляк?

— О да, монсеньор, — вспомнил не подозревавший подвоха старик. — Они съели все персики в моем саду и не сознались в этом.

— Так это был я, милейший, и теперь я хочу заплатить вам за ваши фрукты, — с улыбкой сказал Ришелье и подал знак камердинеру.

Дебурне подошел к совершенно обескураженному семейству и вручил его главе 100 пистолей, а обеим дочерям — по 200.

— Вы довольны мной? — заключил эту необычную аудиенцию Ришелье.

Эта история свидетельствует, что и великие в молодости не чужды забав и проказ.

…Обстоятельства торопили Армана к завершению учебы. Дело в том, что постановлением парижского парламента местоблюститель епископа Люсонского сьер Ивер обязан был отныне выплачивать треть общего дохода епархии на ремонт кафедрального собора и епископского дворца. Мадам де Ришелье крайне встревожилась реальной перспективой резкого сокращения семейного бюджета. Пытаясь договориться с люсонским духовенством, вдова главного прево поспешила заполнить возникшую из-за ухода Альфонса в монастырь вакансию, добившись в 1606 году согласия короля утвердить кандидатуру Армана ле Ришелье на пост епископа Люсонского. Генрих IV не забыл верной службы главного прево и продолжал оказывать протекцию его семье. В данном случае король пошел

даже на нарушение порядка, который предусматривал, что претендент на епископскую митру, помимо всего прочего, не может быть моложе 23 лет. Аббату де Ришелье в то время только что исполнилось 20 лет. Предстояло решить нелегкую задачу — получить конфирмацию Святого престола.

К этому времени у Армана появился при дворе верный и влиятельный покровитель — его старший брат Анри дю Плесси, энергичный молодой человек, наделенный природным умом и веселым нравом. Анри довольно рано был представлен ко двору и быстро завоевал всеобщее расположение. К нему благоволили король и молодая королева Мария Медичи. Ограниченность средств не помешала Анри дю Плесси войти в самое избранное общество, задававшее тон при дворе и определявшее направление моды. Мемуары современников свидетельствуют о его активном участии во всех дворцовых интригах. Именно он содействовал утверждению младшего брата епископом Люсонским.

Вторым покровителем будущего кардинала стал капитан королевской гвардии дю Пон де Курле, женившийся в 1603 году на сестре Анри и Армана — Франсуазе. В 1626 году после смерти Франсуазы и ее немолодого супруга кардинал Ришелье усыновит их детей: девочка впоследствии станет герцогиней д'Эгийон, мальчик — генералом королевских галер. Но это все впереди, а пока сам аббат де Ришелье нуждается в протекции родных и близких.

Анри дю Плесси и капитан дю Пон де Курле не упускали случая напомнить кому следует, чтобы посол Генриха IV в Риме д'Аленкур не забывал о «деле» епископа Люсонского. Пока это дело улаживалось между Парижем и Римом- Арман спешил завершить теологическое образование. В июне или июле 1606 года он получает первую ученую степень магистра богословия, после чего просит ректора Сорбонны предоставить ему отсрочку в дальнейшей учебе.

Неторопливость папской канцелярии и неблагоприятная ситуация в Люсоне побудили Ришелье к самостоятельным действиям. Получив благословение Генриха IV, молодой человек отправляется в дальний путь. Его цель Рим.

* * *

Путешествие продолжалось целый месяц. Ришелье пришлось проделать нелегкий путь через зимние Альпы. Разбитый от усталости, с жестокой простудой он прибыл в Рим в 1607 году. Несколько дней юный соискатель епископского звания вынужден

был провести в постели.

Восстановив силы, он представился французскому послу при Святом престоле д'Аленкуру, который, памятуя о полученных инструкциях, принял соотечественника тепло и радушно.

Первые дни ушли на знакомство с Вечным городом, поразившим молодого француза своим величием и многоязычием. Христиане здесь мирно уживались с мусульманами и евреями. В центре столицы католического мира, в квартале Трастевере, возвышалось здание синагоги. Именно в Риме будущий кардинал получил первый урок религиозно-идеологической терпимости.

Через некоторое время посол д'Аленкур представил юного прелата папе Павлу V. Выходец из знаменитой семьи Боргезе. Павел V был энергичен, полон решимости укрепить основы католицизма и дать отпор вызову Реформации.

Поначалу протеже короля-еретика не вызывал у Его Святейшества симпатии. Тем не менее он привлек Ришелье к участию в заседаниях конгрегации, дав молодому соискателю возможность проявить себя.

Ришелье не теряет времени даром. Он с головой уходит в жизнь папского двора, устанавливает нужные связи. В короткий срок он добивается расположения не только кардиналов-французов Живри и Жуайеза, но и племянника папы кардинала Боргезе.

Непосредственное знакомство с папским двором, несомненно, оказало серьезное влияние на последующие отношения кардинала Ришелье с Римом. От его проницательного взгляда не ускользнули ни сильные, ни слабые стороны папства То, что издали производило впечатление величия и могущества, вблизи оказалось незначительным и даже мелким. За внешним благочестием, смирением и альтруизмом Ришелье увидел корысть и непримиримую борьбу честолюбий.

Время, проведенное в Риме, Ришелье использовал для совершенствования в итальянском и испанском языках. Последний был в то время в особой моде при многих европейских дворах, и в первую очередь при папском. Юный богослов не упускал случая принять участие в теологических и литературных диспутах, где демонстрировал необыкновенную память и глубокие знания, живой ум и красноречие. Папа все чаще слышал похвальные отзывы о молодом французе, и его первоначальное неблагоприятное отношение к нему постепенно сменилось расположением. Последовали все более частые приглашения во дворец на длительные и серьезные беседы. Растущее доверие папы к юному прелату достигло такой степени, что Павел V

поделился с ним своим беспокойством в отношении короля Франции, вчерашнего гугенота. «Этот государь, едва вырванный из своих заблуждений, по-прежнему предается всем чувственным удовольствиям, — доверительно говорил своему собеседнику папа. — Не можем ли мы обоснованно опасаться, что подобное поведение уведет его с прямого пути и подтолкнет к старым ошибкам?»

Смиренно выслушав сетования Святого отца, в расположении которого Ришелье был теперь уверен, он встал на защиту своего короля и сумел рассеять сомнения папы. Как свидетельствует аббат де Пюр, один из первых биографов Ришелье, Павел V завершил беседу поистине папской шуткой: «Henncus Magnus armandus Armando»[3].

Скоро Ришелье стал популярен в Ватикане. Всех поражала его необыкновенная память. Однажды он смог повторить слово в слово продолжительную проповедь, с которой накануне выступал перед многочисленной аудиторией один из дворцовых проповедников. Слух об этом дошел до папы. Через несколько дней он пригласил Ришелье на аудиенцию и попросил молодого богослова повторить услышанную проповедь в присутствии ее автора. Арман исполнил желание папы, чем вызвал его нескрываемое восхищение. Но самолюбивый юноша хотел произвести еще больший эффект. Он тут же составил собственную проповедь и произнес ее столь убедительно и ярко, что привел слушателей в полный восторг.

Как это нередко бывает, благоволение сильных мира сего немедленно породило завистливых врагов. Ришелье не стал исключением. Уже в Риме кто-то приписал ему авторство издевательского памфлета против одного из испанских кардиналов. Ришелье был вынужден публично защищаться от возведенных на него обвинений и сделал это с тем же блеском, с каким произносил проповеди. Первая случайная стычка с испанской партией, претендовавшей на то, чтобы направлять политику папской власти, была предвестницей будущего противоборства кардинала Ришелье и политиков из Эскориала, стремившихся распространить гегемонию Габсбургов на весь мир.

Папа, вынужденный мириться с испанским засильем при своем дворе, был рад хоть чем-то досадить эмиссарам Филиппа II. Он распорядился ускорить утверждение понравившегося ему французского аббата в сане епископа. Панегиристы кардинала впоследствии приписывали Павлу V слова, якобы произнесенные им по этому поводу: «Aequum est ut qui sapra aetatem sapis infra aetatem ordineris»[4].

Со своей стороны, противники Ришелье утверждали, будто он

предъявил в Риме поддельный документ, удостоверявший, что возраст позволяет ему претендовать на сан епископа. Вот что говорит об этом современник Ришелье известный мемуарист и бытописатель эпохи Жедеон Таллеман де Рео, чьи «Занимательные истории» послужили источником для многих французских исторических романистов, в том числе и для Александра Дюма-отца: «Папа, — сообщает нам Таллеман де Рео, — спросил его (Ришелье. — *П. Ч.*), достиг ли он положенного возраста; юноша ответил утвердительно, а после церемонии стал просить у Святого отца прощения за то, что солгал ему, сказав, будто достиг положенных лет, хотя оных еще не достиг. Папа заметил тогда: „Questo giovane sara un grand furbo“»[5].

Трудно утверждать, какой из двух анекдотов более достоверен. Бесспорно одно: 17 апреля 1607 г., в день Пасхи, магистр канонического права Арман Жан дю Плесси де Ришелье был посвящен кардиналом Живри в сан епископа на год и три месяца раньше допустимого возраста.

Получив желанный сан. новоиспеченный епископ возвращается в Париж. Его богословское образование еще не завершено, и он погружается в учебу с новым пылом. В августе 1607 года Ришелье добивается разрешения на досрочное завершение учебы, а уже 29 октября того же года в одном из залов Сорбонны при большом стечении заинтересованной ученой публики студент-епископ защищал диссертацию на степень доктора богословия. Как свидетельствуют мемуаристы того времени, всех поразило, что молодой соискатель посвятил свою диссертацию Генриху IV — случай беспрецедентный. — обещав оказать королю важные услуги на государственном поприще. «Желание выдвинуться и стремление получить доступ к управлению государственными делами замечалось за ним во все временам», — сообщает нам Таллеман де Рео. Эпиграфом к диссертации, озаглавленной «Вопросы теологии», Ришелье взял надменные слова из Священного писания: «Кто уподобится мне?»

Факультет назначил ему двух оппонентов — бакалавров теологии. Современники утверждают, что диссертант свободно отводил одно за другим их критические замечания; сила аргументации и легкость изложения вызвали одобрение старых богословов и восхищение молодых. Жюри факультета единогласно проголосовало за присуждение Ришелье ученой степени доктора богословия.

Два дня спустя епископ Люсонский удостоился чести быть принятым официально в число достопочтенных докторов Сорбонны. Природные способности в сочетании с редким трудолюбием и настойчивостью позволили Ришелье завершить

полный курс обучения на четыре года раньше установленного срока. Это редко кому удавалось. Благожелатели и завистники — все пророчили молодому богослову блестящее будущее.

Начало нового, 1608 года, первого по-настоящему самостоятельного года жизни, застало Ришелье в постели, к которой он был прикован три долгих месяца. Его одолевают изматывающая мигрень, невыносимые боли в суставах; непонятный воспалительный процесс постепенно охватывает руки, ноги, а затем и все тело. Боли такие, что лишают его последнего утешения — чтения. Слабый организм 22-летнего честолюбца не выдержал сильнейшего напряжения последних лет. Внезапные приступы лихорадки, мигрень и бессонница будут преследовать его до конца дней. Врачи и историки, ломавшие голову над характером непонятной болезни, унесшей Ришелье в могилу еще до наступления старости, сходятся на том, что она была вызвана постоянным нервным напряжением и непрерывной работой, явно непосильными для его хрупкого здоровья. Поистине его голова была создана для другого тела.

Ужасные головные боли и хроническая бессонница были, по всей видимости, связаны с душевными заболеваниями, имевшими место в родне дю Плесси. Незначительные психические отклонения были у старшего брата Ришелье — Альфонса, монаха-отшельника: в еще большей степени им была подвержена младшая сестра Николь. У самого Ришелье час го и беспричинно менялось настроение, иногда он впадал в меланхолию и даже депрессию, тем более удивительную для столь деятельной, активной натуры. Ришелье не всегда мог контролировать свое поведение, несмотря на школу, пройденную у Плювинеля. Современники кардинала говорили о частых взрывах эмоций у него, проявлявшихся в неожиданных и резких криках, переходивших в завывания. Ему были свойственны — правда, нечасто — непонятные состояния: он вдруг воображал себя лошадью и с громким ржанием бегал вокруг письменного стола или бильярда.

Какой могучей волей надо было обладать, чтобы всю жизнь преодолевать физическую немощь и душевные недуги! Убеждение в своем высоком предназначении, которое другого могло бы превратить в заурядного обитателя сумасшедшего дома, неустанное служение, можно даже сказать, поклонение raison d'etat (государственному интересу) в сочетании с бесспорными талантами сделали Ришелье выдающимся государственным деятелем Франции.

К началу февраля 1608 года молодой епископ оправился от болезни и стал появляться при дворе. Нередко Ришелье можно

было видеть в обществе самого Генриха IV, который несколько фамильярно называет его «мой епископ» и прозрачно намекает на возможную карьеру. Ришелье часто приглашают выступать с проповедями, собирающими большую аудиторию. Он входит в узкий круг модных придворных проповедников. На Великий пост ему оказана честь: он служит в королевской приходской церкви Сен-Жермен-л'Оксеруа в компании с отцом-иезуитом Коттоном — духовником Генриха IV. Быстрый успех епископа Люсонского вызывает в Париже те же чувства, что и ранее в Риме, — восхищение и зависть.

В своих связях при дворе Ришелье проявляет разборчивость и осмотрительность: он ищет дружбы только с наиболее влиятельными людьми, избегая обременительных, ненужных связей. Ему удается добиться расположения одного из фаворитов короля кардинала дю Перрона, великого капеллана Франции. К Ришелье благоволит и отец Коттон. Зато другой фаворит короля герцог де Сюлли, занимавший к тому же должность губернатора Пуату, родины Ришелье, не жаловал епископа Люсонского. Все попытки молодого честолюбца войти в доверие к влиятельному гугеноту успеха не имели. Его чрезмерная предупредительность к дю Перрону не осталась без внимания Сюлли. Ришелье получил один из первых уроков: нельзя одновременно ставить на двух лиц, возглавляющих враждующие партии.

Не завязались поначалу отношения Ришелье и с окружением королевы Марии Медичи, которая собирала вокруг себя всех недовольных политикой Генриха IV. Все более отдалявшаяся от мужа, а вернее — отдаляемая им самим, королева не могла симпатизировать тому, кто энергично пытался войти в окружение короля. У Марии Медичи не было никаких оснований видеть в епископе Люсонском «своего человека»-, и потому она отвергла верноподданнические авансы Ришелье. Встретив прохладный прием, он и сам охладел к флорентийке. Ничто, казалось, не обещало их будущей интимной дружбы.

Шли месяцы беззаботной жизни при дворе, и Ришелье все чаще испытывал неудовлетворение. Правильнее даже сказать, что неудовлетворение он испытывал от своего двусмысленного положения при дворе. Кто он? Епископ без резиденции. Князь церкви без какого-либо духовного и тем более политического влияния. Одинокий, в сущности, человек, чье непрочное положение целиком зависит от превратностей жизни и благорасположения сильных мира сего. Он понял, что в Париже ему нечего и мечтать о дальнейшем возвышении. Честолюбие и трезвый расчет взяли верх над тщеславием и удобствами столичной жизни. Ришелье принимает решение оставить Париж и

отправиться в Люсон. Он должен стать настоящим епископом с собственной епархией и резиденцией. Проявив себя должным образом в провинции, он обязательно вернется в Париж в новом качестве — опытного администратора.

В написанных впоследствии многотомных «Мемуарах» Ришелье ни слова не говорит о мотивах своего неожиданного отъезда из Парижа в Люсон. Причину объясняет один из наиболее авторитетных биографов кардинала академик Габриэль Аното: «Планы Ришелье были вполне определенными: выиграть несколько лет, пополнить образование, приобрести репутацию человека долга и способного администратора, заслужить уважение своих сограждан и быть готовым воспользоваться, но без поспешности и осмотрительно благоприятными возможностями. Он покинул Париж в надежде вернуться туда. И он туда вернется повзрослевшим, более опытным, более известным и уважаемым. Он отдаляется от двора еще школяром. Он вернется туда зрелым, уверенным в себе мужем, с чувством исполненного долга».

В середине декабря 1608 года, приведя в порядок текущие дела и нанеся прощальные визиты, епископ отправляется в путь.

* * *

Конец 1608 года. Последний период правления Генриха IV. Позади четыре десятилетия кровопролитных и разорительных религиозных войн. Королевская власть в тяжелой и длительной борьбе сумела утвердить себя перед опасными и сильными противниками — Католической лигой и гугенотской партией, которые, несмотря на непримиримое религиозно-политическое противоборство, объективно сходились в одном — в неприятии сильной центральной (королевской) власти, в настойчивом стремлении отстоять привилегии старой феодальной знати, ее полуавтономию. И здесь крайности, как это час го бывает, сошлись. Королевский власти приходилось вести неустанную борьбу на два фронта. Вели ее истые католики Генрих II, а затем его сыновья Франциск II, Карл IX и Генрих III, действовавшие под руководством Екатерины Медичи. Продолжил борьбу и вчерашний гугенот Генрих IV, добившийся более ощутимых успехов. Он сумел заметно ослабить, хотя и не сломить окончательно, сопротивление старой феодальной знати и добиться установления долгожданного внутреннего мира в исстрадавшейся стране, умело сочетал в своей политике решительность и гибкость, карательные действия и компромиссы.

Влияние Католической лиги было значительно подорвано. Протестантская оппозиция получила удовлетворение Нантским эдиктом (13 апреля 1598 г), предоставившим гугенотам достаточно широкую свободу вероисповедания и гражданские права, равные с правами католиков. Секретные приложения к Нантскому эдикту оставляй гугенотам их крепости, в том числе такие важные, как Ларошель, Монпелье, Монтобан и др. «Они (гугеноты — *П. Ч.*) оставались, таким образом, государством в государстве, началом хотя побежденным, но не безвредным, с которым рано или поздно должна была вступить в борьбу центральная власть», отмечал по этому поводу выдающийся русский историк Тимофей Николаевич Грановский. И все же Нантский эдикт дал центральной власти необходимую передышку, которую она использовала для экономической и политической консолидации страны, отвечавшей ее насущным интересам.

К началу XVII века были заложены основы национально-государственною единства Франции, чему, как это ни парадоксально, по-своему способствовали и религиозные войны. Франция второй половины XVI века это гигантский кипящий котел, в котором шел исторической важности процесс формирования французской нации, постепенно осознававшей свою общность и потребность в защите своих интересов от частных и региональных эгоизмов, от экономической и политической разобщенности. Долгие годы военных действий, непрерывные передвижения войск и перемещения населения из одного района Франции в другой способствовали, в частности, смешению диалектов и наречий в единый французский язык.

В области внешней политики Генрих IV ставил своей целью отстоять интересы Франции в Европе от гегемонистских притязаний Испании. При нем ужесточился давний франко-испанский антагонизм времен Франциска I и Карла V. Усилия Генриха IV были направлены прежде всего на то, чтобы заставить Испанию вернуть Франции захваченное в предшествующих войнах. В январе 1595 года он объявляет войну Филиппу II и направляет войска в Шампань, Пикардию, Иль-де-Франс, Нормандию, Овернь, Прованс и в другие провинции, контролируемые союзницей Мадрида Католической лигой. Это был первый смелый вызов Австрийскому дому.

Неожиданную поддержку получил французский король от папы римского Климента VIII, давно искавшего случая освободиться от удушающей опеки Филиппа II. Вчерашний еретик предоставил такую возможность.

17 сентябри 1595 г. Климент VIII торжественно провозгласил

власть Генриха IV над французскими католиками и галликанской церковью. Разумеется, у папы были и иные причины принять сторону Генриха IV. Он воспользовался начавшейся войной, чтобы установить свой контроль над Феррарой. Хотя этот город и считался формально папским леном, он находился в сфере влияния Испании. Поддержка Генриха IV Клименту VIII была обеспечена.

Бросая вызов Испании. Генрих IV трезво учитывал растущее недовольство испанским владычеством в Европе, усилившимся после объединения Габсбургами в первой половине XVI века двух корон — австрийской и испанской. Он взял курс на сближение с протестантами Германии.

Первые успехи Франции поощрили давних и непримиримых врагов Испании — Англию и Нидерланды (Соединенные провинции) — в мае 1596 года объявить войну Филиппу II. Финансовую поддержку Генриху IV оказали великий герцог Тосканский и другие итальянские владетельные князья.

Угроза полной изоляции, военные неудачи и истощение казны вынудили старого и больного короля Испании искать мира.

В феврале 1598 года при посредничестве папы римского в Вервене начались переговоры, завершившиеся 2 мая 1598 г. подписанием мирного договора По условиям Вервенского договора Испания лишалась всех своих прежних завоеваний во Франции. Кале, Ардра, Монтюлена, Дулланса, Ла-Каппели, Ле-Кателе — на севере, Блаве — в Бретани, Берра вблизи Марселя. Женева переходила под покровительство короля Франции. Испания не получила никакой компенсации.

Генрих IV отблагодарил своих союзников тем, что вскоре после подписания мира с Испанией — в 1600 году с благословения папы развелся с Маргаритой Валуа и женился на племяннице великого герцога Тосканского Марии Медичи.

В 1607 году Генрих IV принудил к капитуляции союзника Испании герцога Савойского, отобрав у него Бресс и Бюжей.

После окончания воины, если верить мемуарам Сюлли, у Генриха IV возникает идея создания «Христианской республики» — федерации европейских государств, управляемых «европейским сенатом» По замыслу короля Франции, эта федерация призвана была обеспечить недопущение войн на Европейском континенте и мирное решение возникающих конфликтов. Основанная на принципах христианского вероучения и религиозной терпимости, «Христианская республика» в составе основных государств тогдашней Европы должна была проводить согласованную единую внешнюю политику в от ношении всего нехристианского мира. Одна из важнейших задач этой

республики, по мысли Генриха IV, состояла в изгнании турок из Европы.

К сожалению, мы не располагаем более точными сведениями относительно плана Генриха IV. Некоторые историки вообще сомневаются в его существовании, хотя у Сюлли, как представляется, не было никаких оснований в данном случае приписывать своему покровителю не существовавших у того намерений Во всяком случае, Большой Ларусс XIX века признает за Генрихом IV такую идею, заимствованную, скорее всего, у великого гуманиста эпохи Возрождения Эразма Роттердамского.

Как бы то ни было достигнутый в 1598 году в Вервене Успех Генрих IV стремился закрепить всеми средствами. В этом смысле идея растворить Испанию и Австрию в европейской федерации — а именно в этом, скорее всего, состоял «великий замысел» Генриха IV — и тем самым положить конец гегемонии Габсбургов представляется ему вполне реальной. Нантский эдикт и Вервенский мирный договор развязали руки Генриху IV в осуществлении столь необходимых преобразований в стране.

Начало XVII столетия застало Францию в плачевном состоянии: страна разорена, годами не обрабатывавшаяся земля в полном запустении, торговля расстроена, королевская казна в долгах.

Проведение реформ возложено королем на Сюлли — его верного соратника, прошедшего вместе с ним весь трудный путь к власти. Максимильен де Бетюн, барон де Рони, а с 1606 года — герцог де Сюлли, родился в 1559 году. Воспитывался при дворе Жанны д'Альбре, королевы Наваррской, с детских лет дружил с ее сыном Генрихом, на которого имел большое влияние. Именно он, пользуясь огромным авторитетом в гугенотской партии, убедил Генриха IV перейти в католичество и всячески оправдывал этот шаг в глазах своих соратников. «Париж стоит обедни» — эта ставшая знаменитой фраза, произнесенная Генрихом IV 25 июля 1593 г. в аббатстве Сен-Дени, была вложена в его уста все тем же Сюлли.

Суровый и сварливый, высокомерный и тщеславный, он был в то же время неутомимым и решительным администратором. Он вникал во все: в финансы и торговлю, в сельское хозяйство и дорожное строительство, не говоря уж о внешней политике и военном деле. Вот как характеризовал Сюлли и его деятельность Тимофей Николаевич Грановский: «Вышедшие при нем (Сюлли. — *П. Ч.*) постановления не обличают в нем высших государственных идей: но он был человек строгий, чрезвычайно бережливый, любивший порядок, введший самую строгую отчетливость в дела государственного управления… Он

приложил к государственному хозяйству простые начала управления частными доходами; но этою уже одною отчетливостью он оказал большие услуги государству: расходы перестали превышать доходы, расточительность короля была сдерживаема в пределах умным и строгим министром. Пути сообщения были улучшены, на земледелие обращено большое внимание. К концу царствования Генриха финансы Франции находились в лучшем состоянии, чем где либо».

Встав во главе министерства, Сюлли обнаружил, что долг казны превышает 348 миллионов ливров, из которых 32 миллиона ушли вождям Лиги в оплату их покорности. Сюлли удалось договориться с кредиторами относительно изменения условий выплаты долгов, сроки погашения их были отодвинуты. Для увеличения поступлений в государственную казну Сюлли старался разнообразить их источники и каналы. Он ужесточил контроль над сборщиками налогов, к рукам которых прилипала немалая их толика. Эдикт 1601 года запретил хождение по всей территории королевства иностранной звонкой монеты и ввел суровое наказание за вывоз из страны золота и серебра как в слитках, так и в виде монет. Эдикт 1602 года повысил стоимость французской золотой и серебряной монеты. Эти и другие меры позволили в короткий срок укрепить финансы и покрыть часть государственного долга.

Самое серьезное внимание Сюлли уделял развитию сельского хозяйства, официально покровительствуя ему. Ему принадлежит известная формула, согласно которой «земледелие и животноводство — это две женские груди, которые питают Францию». Он запретил произвольное обложение повинностями крестьян дворянами, освободил сельскохозяйственных производителей от больших недоимок, но в то же время увеличил косвенные налоги. Сюлли поощрял освоение незанятых и запущенных земель. В опубликованной в 1600 году книге «Театр сельского хозяйства», выдержавшей до смерти Генриха IV пять изданий, он пропагандировал прогрессивные методы обработки земли. Сюлли старался заинтересовать дворянство предпринимательством и вывозом сельскохозяйственной продукции. Одновременно ввел обложение специальным налогом всех буржуа, приобретших дворянство после 1578 года.

Действия Сюлли, направленные на ускоренное развитие сельского хозяйства, встречали полное понимание и поддержку Генриха IV. Когда в 1610 году король собрал армию в Шампани для намеченного похода в Рейнскую область, ему стали известны факты грабежей местных крестьян солдатами. Генрих IV вызвал к себе командиров и приказал немедленно положить конец этим

бесчинствам. «Что же будет, если мой народ, который кормит меня, который несет государственные тяготы, который оплачивает ваше содержание, будет разорен? Господа, обижать Мой народ — это значит обижать меня!»

Умелое управление Сюлли, продолжавшееся до конца Царствования Генриха IV, значительно поправило дела в стране. Однако при всех несомненных заслугах Сюлли в деле реконструкции страны не следует забывать, что он был лишь способным исполнителем воли Генриха IV. Именно с королем народная молва связывала всеобщее успокоение и невиданное по своей продолжительности — 12 лет — состояние мира. «Наш добрый король Генрих» — под таким именем все та же народная молва сохранила память о короле-реформаторе. Все — и современники, и позднейшие историки, — рисуя политический портрет Генриха IV, отмечают одну и ту же главную черту — склонность к компромиссу и примирению. «Этот гений примирения, которым он был одарен, — отмечал Габриэль Аното, — особенно проявился в найденном им выходе из религиозных затруднений. Это была самая трудная часть его задачи. Всем нужно было дать удовлетворение, делая по возможности меньше уступок и оберегая достоинство и прерогативы королевской власти». «…Государство отдохнуло при нем от своих долгих страданий; раны, нанесенные междоусобными войнами, были отчасти залечены, — констатировал Тимофей Николаевич Грановский и продолжал: — В 1610 году Генрих IV стоял, бесспорно, во главе самого могущественного из государств Европы. 12 лет мира успокоили Францию: в ней было многочисленное воинственное и нетерпеливо ожидавшее новых подвигов дворянство. Отличная артиллерия, хорошо устроенные доходы, значительные запасы, и во главе стоял король, который, бесспорно, принадлежал к числу величайших людей той эпохи… Затаенной его мыслью было унижение Австрийского дома за мир с Испанией… Смерть Генриха была великим бедствием для Франции».

Епископ Люсонский

…Преодолев 100 лье, отделявших епархию Ришелье от Парижа, молодой епископ прибыл в Люсон. В тот же день, 20 декабря 1608 г., он обратился к горожанам с посланием, в котором не забыл и люсонских гугенотов. Епископ пообещал всем жителям быть внимательным к их нуждам и особо подчеркнул: «Я желаю, чтобы мы, независимо от религиозных различий, были едины в нашей любви к королю».

А уже на следующий день, едва успев привести себя в порядок после утомительной дороги, Ришелье служил первую мессу в кафедральном соборе Люсона. Перед началом службы, на которой присутствовало от 300 до 400 прихожан, епископ, восседая в своем кресле, принимал обеты послушания от местного духовенства. Затем он встал и, положив руку на Евангелия, произнес торжественную клятву: «Я, Арман Жан дю Плесси де Ришелье, епископ кафедрального собора Люсона, даю обет верности этой церкви — моей супруге. Я обещаю также не раскрывать кому бы то ни было тайн капитула. Всей моей властью я буду защищать имущество и свободы моей епархии. Да поможет мне Господь и его святые Евангелия! Да будет так!» После этих слов епископ произнес проповедь, в которой призвал свою паству к единству, порядку, терпимости и примирению. Уже в этой речи Ришелье отчетливо звучат политические, а не только религиозные мотивы.

Первая месса молодого епископа вызвала живой отклик в городе. Прихожане, равно как и духовенство, испытывали удовлетворение: наконец-то они обрели своего духовного пастыря, и теперь у них — все как у других.

Ришелье тоже был удовлетворен. Начало положено. Он почувствовал свою власть над этими людьми, которыми ему надлежит править. Ришелье возлагал большие надежды на провинцию. Свою службу здесь он рассматривал как необходимый трамплин для последующего восхождения к вершинам власти. Пребывание в провинции должно было обогатить его знаниями реальной жизни страны. Удушливая атмосфера двора могла и загубить молодое честолюбие, не дав ему успешно развиться и окрепнуть. Свежий воздух провинции, широкие возможности самостоятельной деятельности создавали самые благоприятные условия для его роста и политического созревания. Епископ считался вторым человеком в Пуату после губернатора Сюлли, по большей части находившегося в столице. Он получил право носить титул барона де Люсона и охотно использовал его.

Помимо чисто политических расчетов Ришелье питал также надежду поправить здесь свое материальное положение. Он был столь же молод, сколь и беден. Крайне самолюбивый, он рассчитывал прежде всего на самого себя, что, впрочем, не мешало ему принимать помощь друзей и покровителей.

Первое, с чем столкнулся молодой епископ, это с необходимостью устроиться сообразно своему новому положению. О его жизни в тот период мы узнаем из писем самого Ришелье к некоей мадам де Бурже. Биографам кардинала не удалось собрать сколь-нибудь достоверных сведений о той. кого молодой Ришелье почитал своим верным другом. Известно лишь, что она была женой одного из профессоров медицинского факультета Сорбонны, ставшего впоследствии членом городского магистрата. По некоторым данным, семья де Бурже происходила из Пуату и находилась в дружеских отношениях с семьей матери Ришелье.

Именно мадам де Бурже поверял свои мысли и чувства молодой епископ Люсонский. «Я крайне плохо разместился, — сообщает он ей в конце апреля 1609 года, — так как во всем доме нет ни одной исправной печи, чтобы можно было развести огонь. Из этого вы можете судить, сколь опасна для меня суровая зима. Но выхода нет, приходится терпеть. Я могу вас уверить, — продолжал Ришелье, — что у меня самое скверное епископство во всей Франции, самое грязное и самое неприятное. Думайте сами, каков епископ. Здесь нет никакой возможности совершать прогулки, нет ни парка, ни аллеи, ни чего-нибудь в этом роде, так что мой дом превращается для меня в тюрьму».

Ришелье прилагает много усилий для того, чтобы превратить срою «тюрьму» в достойную его сана резиденцию. Епископский дворец за долгие годы, что он пустовал, пришел в крайнее запустение и требовал капитального ремонта. Энергичными усилиями Ришелье и управителя его дома обедневшего дворянина де Лабросса, проявлявшего чудеса экономии, обитель епископа Люсонского постепенно стала превращаться в официальную резиденцию. Обследуя чердак, Ришелье обнаружил там старые, изъеденные молью ковры и гобелены; он приказал управителю привести их в порядок и хоть как-то украсить внутренние покои.

Уже в середине 1609 года Ришелье с некоторым удовлетворением сообщает мадам де Бурже: «Меня принимают здесь за важного сеньора… Я нищ, как вы знаете, и мне трудно производить впечатление очень обеспеченного человека, и все же, когда у меня будет серебряная посуда, мое дворянство значительно возрастет». В переписке Ришелье тех первых лет

можно обнаружить множество штрихов, свидетельствующих о его живой озабоченности тем, какое впечатление он производит на окружающих.

Первоочередной заботой нового епископа стало урегулирование давнего спора его семьи с местным духовенством относительно распределения доходов епархии. Внимательно изучив все относящиеся к этому делу документы, Ришелье принимает решение полюбовно договориться с духовенством. 4 июня 1609 г. он подписывает обязательство оплатить из своей доли доходов треть расходов на ремонт кафедрального собора.

Заботясь о своей репутации среди прихожан, епископ проявляет интерес к их нуждам, хлопочет о пособиях, уменьшении налогового бремени. С этой целью он обращается к самому сюринтенданту финансов всесильному Сюлли, используя посредничество своего брата маркиза де Ришелье. Его просьбы к Сюлли проникнуты самым высоким почтением и подчеркнутой покорностью. Пройдет несколько лет, и они поменяются ролями, о чем, разумеется, пока не ведают оба.

Накануне пасхальных праздников 1609 года епископ совершает объезд своей епархии, инспектируя священнослужителей, выступая с проповедями и участвуя в многочисленных службах. Люсонская епархия представляла собой одну из самых незначительных и бедных во французском королевстве: 420 церковных приходов, 48 приорств (настоятельских церквей), 13 аббатств (монастырей), 7 капитулов (коллегий священников, состоящих при епископе), 357 часовен и 10 богаделен. Ежегодный доход епархии не превышал 15–16 тысяч ливров.

Кризис католицизма, прогрессировавший в течение XVI века, затронул и самих служителей церкви, которые все чаще обнаруживали нерадивость и пренебрежение к делам духовным. Многие священнослужители откровенно пренебрегали своими прямыми обязанностями, зато с удовольствием предавались делам мирским: одни занимались сельским хозяйством, другие открыли харчевни, третьи приторговывали. Менялся и их внешний облик: молодые кюре стали следить за светской модой и даже носить оружие; те, кто постарше, более напоминали крестьян, нежели слуг божьих. Повсеместным явлением стала профессиональная неграмотность священников — незнание латыни, соответствующих обрядов и молитв.

Решения Тридентского собора, завершившегося в 1563 году, предписывали католической церкви и всем ее служителям активизировать борьбу с протестантской ересью на основе неприкосновенности средневековых догматов католицизма.

Однако эти решения в течение полувека не признавались официально галликанской церковью, несмотря на постоянный нажим Рима.

И все же опасное расширение влияния протестантизма побуждало князей французской церкви к наведению порядка в своих рядах. Епископ Люсонский был в числе тех, кто наиболее активно взялся за это дело.

Знакомство с епархией открыло картину разложения духовенства. Со стороны энергичного епископа последовали незамедлительные действия. Он вводит штрафы для нерадивых аббатов и кюре в размере от 10 до 120 ливров за игру в карты и другие азартные игры, а также за занятие торговлей. Под угрозой отлучения от церкви требует от них неукоснительного соблюдения постов и церковных праздников (50 праздников в году). Во время церковных служб все харчевни и лавки должны быть закрыты. Каждое воскресенье сельские кюре обязаны присутствовать на занятиях по Катехшису, проводимых монахами-доминиканцами.

Ришелье положил конец укоренившейся практике назначения кюре по указаниям или советам влиятельных лиц. Отныне все кюре в его епархии будут проходить конкурсный отбор. Не прошедшие эту своеобразную «переаттестацию» немедленно отстраняются от своих обязанностей. Ощущая острый дефицит подготовленных кадров, епископ Люсонский задумал открыть в своей епархии духовную семинарию. Уже в 1609 году он приобрел на собственные средства дом недалеко от кафедрального собора, а спустя два или три года при содействии кардинала де Берюля открыл там духовную семинарию, пригласив в качестве преподавателей отцов-ораторианцев, известных своими познаниями в области теологии, философии и естественных наук. Любопытно, что Ришелье отверг услуги иезуитов, так как всегда сдержанно относился к этому ордену, не без основания считая его прямой агентурой Рима. Епископ уделял много внимания своему детищу. Он часто присутствовал на занятиях и даже лично руководил ими.

За время длительного отсутствия епископа в епархии заметно возросло влияние протестантизма. Ришелье повел решительную борьбу с этим учением, широко пропагандируемым энергичными пасторами, не ущемляя, впрочем, политических и гражданских прав гугенотов.

Уже первый год пребывания на посту епископа Люсонского показал всем, что Ришелье принадлежал *к* числу ревностных князей церкви. Для того чтобы понять характер и значение его деятельности в Пуату, следует хотя бы в самых общих чертах

сказать о роли религии в начале XVII века.

За редким исключением немногих просвещенных скептиков, большинство людей той эпохи — католиков и протестантов — были глубоко и искренне верующими. Религия играла важную роль в повседневной жизни человека. Ее слуги обеспечивали духовное воспитание паствы, чаще всего являлись единственным источником информации, особенно для сельских жителей. Церковь обеспечивала все начальное образование в стране; среднее образование находилось в руках монашеских орденов: иезуиты обучали мальчиков и подростков; воспитание девушек было отдано женскому монашескому ордену Св. Урсулы, начавшему основывать свои монастыри во Франции с конца XVI века. Система высшего образования — университеты — также была самым тесным образом связана с церковью.

Церковь была крупнейшим земельным собственником. Можно с полным основанием говорить о ее более чем важной роли в экономической и политической жизни Франции начала XVII века. Характерно, что многие крупные проблемы и конфликты того времени часто приобретали религиозную окраску. Достаточно вспомнить религиозные воины во Франции второй половины XVI века или Тридцатилетнюю войну (1618–1648), о которой еще будет сказано. Как государство, так и отдельный человек должны были четко определить свою религиозно-политическую принадлежность. XVI век породил максиму «Cijus regio, ejus religio»[6]. Веровать считалось гражданским долгом. Никто не мог быть в стороне.

Можно ли удивляться, что служители церкви играли в политике первостепенную роль, возглавляя Королевский совет. Канцлер-кардинал Дюпра, кардиналы де Турнон, Рено де Бон, д'Осса, кардинал Лотарингский и кардинал дю Перрон — все эти люди имели столь же сильное политическое влияние, сколь и духовное.

Молодые честолюбивые люди, не принадлежавшие к крупной земельной аристократии, чаще всего выбирали духовную карьеру с политическим прицелом. Они настойчиво стремились к кардинальской мантии.

Ришелье принадлежал как раз к этим честолюбцам. У него был свой идеал — кардинал дю Перрон, человек более чем заурядных способностей, сделавший головокружительную карьеру — от безвестного богослова до одного из столпов монархии Генриха IV. Молодой епископ откровенно восхищался и подражал великому капеллану Франции. Именно дю Перрон ввел вернувшегося из Рима Ришелье в круг придворных священников. Он же рекомендовал Ришелье для отправления пасхальной

службы в присутствии короля. После отъезда епископа в Люсон кардинал дю Перрон не забывал своего протеже и часто ставил в пример другим князьям церкви, превосходившим 23-летнего Ришелье по возрасту и опыту.

Ришелье очень дорожил вниманием кардинала и регулярно писал ему о своей жизни в Пуату, не забывая давать политическую оценку событиям провинциальной жизни. Вообще Ришелье очень заботился о поддержании связей с парижскими знакомыми. Не проходило вечера, чтобы он не садился за стол для составления очередного, а то и не одного, письма в Париж. Посвящая друзей и знакомых в мельчайшие детали своей люсонской жизни, Ришелье был убежден, что это самое надежное средство сохранения нужных связей на расстоянии. Он поддерживает оживленную переписку с близкими, в первую очередь с матерью. Она не могла оказать ему материальную поддержку, так как все свободные средства уходили на содержание старшего сына Анри, обязанного жить при дворе на широкую ногу. Мать сама нуждалась в помощи, и Арман пригласил ее к себе в Люсон. Сюзанна де Ришелье поблагодарила сына, но не решилась оставить фамильный замок. Если же ее любимый сын, сообщала она в письме, сочтет возможным выплачивать ей регулярно небольшую пенсию, то она была бы совершенно счастлива. Епископ, сумевший в короткий срок увеличить доходы своей епархии до 18 тысяч ливров, немедленно удовлетворил просьбу матери. Отныне она будет регулярно получать 2 тысячи ливров в год.

Жизнь Ришелье заполнена до предела. Он мечтает создать богословский труд, который должен принести ему славу, и с увлечением отдается теологическим исследованиям. Он управляет, примиряет, воспитывает, обучает и, разумеется, активно проповедует.

Характерной особенностью проповедей Ришелье уже тогда было сочетание религиозных и политических мотивов. Он последовательно проводил мысль о том, что церковь обязана служить не только Богу, но и королю — его наместнику на Земле. Впоследствии идея подчинения церкви интересам государства займет в деятельности Ришелье одно из важных мест.

Как уже говорилось, Ришелье был усердным епископом, не пренебрегавшим ни одной из своих многочисленных обязанностей. Он умело руководил своей паствой. Сложная миссия, тем более что помимо «собственных», местных гугенотов Ришелье должен был считаться с близостью Ларошели, цитадели протестантизма, а также Сомюра и Фонтене, где гугеноты составляли значительную часть населения. Пока он борется с

ересью силой слова и убеждений, дискутируя с протестантскими пасторами на богословских диспутах и в своих проповедях. Но недалек тот день, когда Ришелье сокрушит политическую мощь протестантизма, прибегнув к военной силе. Его целью — и тогда, в Люсоне, и позднее — была ликвидация именно политического влияния протестантизма. Он не замахивался на полное искоренение лютеранства и кальвинизма, понимая невыполнимость этой задачи. Для него как для политика речь шла главным образом о том, чтобы сделать гугенотов послушными и преданными подданными короля Франции, оставив им свободу вероисповедания. Однако в любом случае должны быть поставлены пределы дальнейшему распространению протестантизма. Именно в этом направлении и действовал епископ Люсонский. Вспоминая годы своего епископства в труде «Метод обращения тех, кто отделил себя от церкви», написанном на закате жизни и опубликованном уже после смерти кардинала, Ришелье писал: «Более тридцати лет назад, выполняя обязанности епископа в люсонской епархии, вблизи Ларошели, я часто думал… о всевозможных средствах, которые позволили бы привести этот город в повиновение королю. Эти мысли возникали тогда в моем сознании как мечты или пустые фантазии, но с тех пор Господь совершил то, что мне раньше представлялось лишь химерой…»

Знакомство с теологическим наследием Ришелье со всей очевидностью показывает, что он всегда тесно увязывал вопросы религии с политикой[7]. Так, в «Синодальных ордонансах», где Ришелье проповедует нормы христианской морали и поведения, он, по существу, ведет речь о гражданском повиновении и соблюдении общественного порядка, столь важных в то беспокойное время. Любопытно, что для объяснения всемогущества Бога Ришелье не находит ничего более убедительного, чем сравнение его с могуществом короля.

В своих трудах, как и в своих проповедях, Ришелье сурово осуждает еретиков, магов и колдунов. Сам же он был человеком глубоко суеверным: верил в счастливые и несчастливые дни, в предзнаменования и предсказания астрологов, в силу амулетов, с помощью которых тщетно пытался поправить свое здоровье. Так, разуверившись в лекарствах, епископ втайне прибегает к магии: под рубашкой в моменты обострения болезни носит ладанку (как утверждают его французские биографы — персидского происхождения), содержащую порошок из истолченных человеческих костей. В «Наставлении христианина», имевшем большой успех во Франции и переведенном на многие европейские языки. Ришелье проповедует строгость нравов и

святость брака. Мужчина, соблазнивший девушку, обязан на ней жениться с согласия ее родителей. Всякий брак без отцовского благословения Ришелье объявляет «смертным грехом».

* * *

В 1880 году французский историк Арман Баше в одном из архивов обнаружил интересный документ, написанный рукой Ришелье в бытность его епископом Люсонским. Документ озаглавлен «Наставления и правила, которыми я должен руководствоваться, чтобы привести себя ко двору». Затаенные честолюбивые мысли и намерения Ришелье выражены в нем в столь откровенной форме, что некоторые историки усомнились поначалу в его подлинности. Внимательное исследование рукописи подтвердило, однако, ее подлинность, а Габриэль Аното, наиболее авторитетный биограф Ришелье, установил даже примерное время ее написания — конец 1609-го — начало 1610 года. Этот документ убедительно свидетельствует о том, что Ришелье никогда не забывал о смысле своего пребывания в Люсоне — о подготовке условий для во {вращения в Париж. Этой желанной цели он подчинил буквально каждый свой шаг, каждое свое слово.

Б «Наставлениях и правилах…» Ришелье предается мечтам о будущем возвращении в Париж и о том, как добьется расположения короля. Он воображает беседы с ним, детально продумывает свое поведение, даже жесты. Незаурядный психолог, Ришелье точно рисует портрет Генриха IV: «Слова, которые более всего приятны королю, — это те, что возвышают его королевские достоинства. Он ценит остроты и быстрые ответы и не любит тех, кто не говорит смело. Но делать это надо уважительно. Важно всегда знать, откуда дует ветер, и не подходить к нему (королю. — *П. Ч.*), когда он в плохом настроении, когда ему не хочется ни с кем говорить. В эти моменты он крайне раздраженно реагирует на попытки заговорить с ним… Особо надо остерегаться подавать голос в момент, когда король пьет вино».

Ришелье резонно отмечает, что во Франции карьера любого честолюбивого политика целиком зависит от благорасположения короля. «Хорошо бы дать ему (королю. — *П. Ч.*) понять, что только по несчастью ты пока способен оказывать ему незначительные услуги, но что для человека доброй воли нет ничего невозможного ради такого хорошего господина и такого великого короля».

Епископ Люсонский говорит о важности поддержки со

стороны влиятельных при дворе особ. Необходимо, считает он, регулярно бывать в свете, на званых приемах и обедах, но не искать этих приглашений самому и постоянно сохранять достоинство. Быть на равных со всеми, не отдавать откровенного предпочтения кому бы то ни было, больше молчать и больше слушать, но не изображать из себя меланхолика или равнодушного; когда кто-то говорит, обнаруживать живой интерес. Собственное мнение излагать уважительно по отношению к собеседнику и ни в коем случае не резюмировать беседу и тем более не выносить осуждающих вердиктов.

На светских приемах говорить только о вещах, «которые не будут скучными для присутствующих и в то же время не представляют интереса для отсутствующих»: самые удобные темы — история и география; в разговоре избегать назидательности и не демонстрировать сверх меры своих познаний. Надлежит быть скромным, сдержанным, не возбуждать подозрений знаниями, выходящими за пределы общеизвестных фактов; демонстрация своих способностей может сослужить плохую службу. Если кто-либо рассказывает что-то новое, нужно без ложного стыда воспользоваться этим для расширения своей культуры, а при случае пересказать услышанную историю.

Избегать ненужной переписки, но всегда и сразу отвечать на полученные письма. Тщательно продумывать ответ, чтобы он не принес ни тебе, ни твоему адресату никакого вреда, даже в перспективе. Запечатывать письма только в последний момент для того, чтобы иметь возможность добавить туда несколько фраз. Опасные письма непременно сжигать, не доверяя их даже тайным шкатулкам. Снимать копии со своих наиболее важных писем и держать их при себе.

Лейтмотивом «Наставлений и правил…» звучит мысль о сдержанности как о главном правиле поведения придворного. Это трудное, но совершенно необходимое для успешной карьеры условие. Тщательно скрывать собственные замыслы и оберегать доверенные чужие секреты. Одно неосторожное слово может разрушить любой, самый хитроумный план. Сдержанность со всеми, включая ближайших друзей, так как именно они могут доставить самые крупные неприятности. «Когда некоторые вещи сорвались с языка или оказались на бумаге, их уже нельзя взять обратно».

Итак, цель Ришелье ясна — возвращение в Париж и приобщение к кормилу власти. Средства ее достижения — настойчивость, гибкость, сдержанность. Для успешного дебюта на политическом подиуме молодой честолюбец должен проявить не только усердие, но и умение ладить со светом и даже быть

обаятельным.

В своем интимном дневнике Ришелье ничего не говорит о роли женщин в обеспечении политической карьеры. Здесь он проявляет понятную для его сана осмотрительность. Но именно женщинам молодой элегантный прелат, еще вчера готовившийся стать кавалерийским офицером, будет обязан своими первыми успехами в политике.

Слишком длительное пребывание в Люсоне не входило в планы Ришелье. Сколь активной ни была его многообразная деятельность как епископа Пуату, она явно не удовлетворяла его честолюбия. Все более настойчиво он ищет выхода на горизонты общегосударственной деятельности.

Первая такая возможность, как ему показалось, появилась в начале 1610 года, когда Генрих IV объявил о предстоящем созыве в Париже генеральной ассамблеи французского духовенства. Цель короля — укрепить связи с первым и самым влиятельным сословием своей страны. Ассамблея духовенства должна была обсудить вопрос об утверждении постановлений Тридентского церковного собора, что было обещано Генрихом IV папе римскому еще в 1593 году в обмен на поддержку его притязаний на трон. Кроме того, ассамблея должна была урегулировать проблему возвращения католической церкви имущества, конфискованного полвека назад протестантами Беарна.

Узнав о предстоящем важном событии, епископ Люсонский немедленно начинает действовать в пользу своего избрания делегатом ассамблеи от бордоского архиепископства, куда входила его епархия. Ришелье пишет заискивающие письма архиепископу Бордо кардиналу де Сурди. Он руководил выборами делегатов от архиепископства, и от его расположения многое зависело. Незадолго до назначения выборов Ришелье посылает в Бордо своего викария аббата Бутилье де Ла Кошера, который разворачивает энергичную деятельность в пользу епископа Люсонского.

Увы, старания Ришелье и его эмиссара оказались тщетными. Сурди явно не благоволил к чрезмерно честолюбивому молодому епископу. Он считал претензии Ришелье по меньшей мере преждевременными. Провинциальная ассамблея духовенства избрала своими делегатами самого архиепископа, епископа д'Ора и коадъютора де Кондома.

Самолюбию Ришелье был нанесен удар. Он впал в меланхолию и, покинув свою резиденцию, уединился в приорстве Куссей, где предавался мрачным размышлениям. Тяжелое душевное состояние немедленно сказалось на его здоровье. Через некоторое время Ришелье взял себя в руки. Случай упущен, но он

не может быть последним. Необходимо извлечь уроки из первого поражения и постараться избежать последующих. Епископ вновь во всеоружии и готов к новым испытаниям.

Он возобновляет активную жизнь, расширяя круг знакомств среди местной знати. Именно в это время в жизнь Ришелье войдет и останется в ней навсегда отец Жозеф, которого современники назовут «серым преосвященством», alter ego кардинала Ришелье. Он сыграл столь важную роль в жизни Ришелье, что заслуживает нашего особого внимания.

* * *

Мирское имя отца Жозефа — Франсуа Леклерк дю Трамбле. Он родился в 1577 году в семье знатного анжуйского дворянина Жана Леклерка дю Трамбле, канцлера герцога Алансонского, и Марии де Лафайет. Как старший из трех детей Франсуа должен был наследовать баронство Мафлиер, принадлежавшее его бабушке Клод де Лафайет. С раннего детства мальчик обнаружил редкие, если не уникальные, способности. В четыре года Франсуа уже знал латынь, а чуть позже быстро овладел древнегреческим. В восемь лет ему было доверено произнести надгробную молитву над телом знаменитого Ронсара, друга их семьи, продолжавшуюся на латыни более часа. Мальчик столь ярко живописал Страсти Христовы, что по окончании молитвы сам разразился слезами, произведя сильное впечатление на присутствующих.

Конечно же, он должен был пойти по духовной стезе. В восемь лет его отдали в один из лучших парижских коллежей, где он сразу же стал первым учеником. Его сотоварищем в эти годы был Пьер де Берюль, будущий кардинал.

По окончании коллежа Франсуа в течение года прошел полный курс в академии Плювинеля, а затем отправился в путешествие по Италии и Германии. Вернувшись в Париж, барон де Мафлиер был приближен ко двору, где на него обращает внимание любовница Генриха IV Габриэль д'Эстре. называвшая молодого человека не иначе как «Цицерон Франции и своего времени». Фаворитка представляет его королю.

В течение года барон де Мафлиер находится при дворе, а в 1597 году отправляется с дипломатической миссией в Лондон. По возвращении во Францию он объявляет родным и знакомым о своем решении оставить мир и постричься в монахи. Более всего поразил выбор, на котором остановился преуспевающий молодой человек, — орден капуцинов, самый строгий из всех монашеских

конгрегации.

Само название ордена произошло от насмешливого прозвища, относившегося к остроконечному капюшону, который носили монахи. Отделившись от францисканцев, орден капуцинов провозгласил верность заветам Св. Франциска (крайняя строгость образа жизни, благотворительность среди нищих, убогих, больных и т. д.). В 1529 году папа Климент VII утвердил устав ордена, вводивший суровую дисциплину: еженощные коллективные молитвы, двухчасовые индивидуальные молитвы днем; за пределами монастыря у капуцина не должно быть ни минуты отдыха — только проповеди, молитвы, постоянная забота о спасении заблудших душ, помощь бедным и всем страждущим, настойчивая пропаганда устоев католической веры.

Внешний облик капуцинов вполне соответствовал суровости их образа жизни: власяница серого цвета с пришитым к ней капюшоном и веревочным поясом, сандалии на босу ногу летом и зимой, непременные длинные бороды. Свое одеяние капуцины могли менять в исключительных случаях, и потому оно нередко представляло собой лохмотья.

Подчеркнутая бедность и строгость нравов являла резкий контраст с праздной жизнью большинства служителей церкви, погрязших в мирских грехах. Именно поэтому простой люд благожелательно относился к капуцинам, охотно слушая их проповеди. Одним словом, капуцин представлял собой антипод образа хитрого монаха-греховодника, бытовавшего в общественном сознании XVI–XVII веков.

Епископы, в том числе и Ришелье, часто обращались к помощи капуцинов, когда предстояла трудная работа, в частности, среди протестантов. Только с их помощью и удавалось время от времени возвращать заблудших в лоно римско-католической церкви.

Орден капуцинов привлекал в свои ряды многих людей не только из народа и духовенства, но и из дворянства. К числу этих людей, ощущавших неудовлетворенность от окружавшей их жизни, принадлежал и Франсуа Леклерк дю Трамбле, барон де Мафлиер.

Оставив свет, молодой человек за два года прошел четырехлетний курс обучения в семинарии капуцинов в Руане, а также в учебных заведениях Орлеана и Парижа.

С 1603 года отец Жозеф наставляет монахов в богословии и философии в монастыре Сент-Оноре в Париже, а затем преподает в Доме капуцинов в Медоне. К нему быстро приходит известность и прочная репутация эрудированного теолога и талантливого

проповедника. Уже в 1605 году он становится во главе Дома капуцинов в Бурже. Его проповеди слушают в Мансе, Анжере, Сомюре и в других районах, где среди населения много гугенотов.

Недалеко от Сомюра располагалось аббатство Фонтевро, а аббатисой там была принцесса крови Элеонора де Бурбон, тетка Генриха IV. Отец Жозеф был ее наставником. По совету капуцина аббатиса задумала осуществить реформу монастыря, где вместо подвижнической деятельности монахини предавались созерцательности. Однако планы реформы натолкнулись на противодействие соправительницы аббатисы и одновременно ее племянницы Антуанетты Орлеанской, желавшей все оставить по-старому. В их спор был вовлечен двор, и в частности королева Мария Медичи, которая к тому времени уже хорошо знала отца Жозефа.

Не мог остаться в стороне и епископ Люсонский, в чью епархию входило аббатство Фонтевро. В самом конце 1609 года состоялась первая встреча Ришелье с отцом Жозефом. Молодые люди — отец Жозеф был на восемь лет старше Ришелье — с первого взгляда понравились друг другу, обнаружив много общего в характерах и вкусах. Но главное — они интуитивно почувствовали, что удачно дополняют друг друга. Оба были прекрасно образованны, оба честолюбивы, хотя честолюбие отца Жозефа не простиралось столь высоко, как у Ришелье. Наделенный, казалось бы, всеми необходимыми качествами для того, чтобы играть первые роли, отец Жозеф предпочитал действовать за кулисами. Можно сказать, он подсознательно искал человека, достойного себя, которому был готов отдать все свои способности и на которого мог бы оказывать влияние. Он сразу же угадал такого человека в епископе Люсонском, каким-то непостижимым образом провидя его предназначение.

Они были очень похожи — Ришелье и отец Жозеф. Оба наделены пылким воображением и вместе с тем холодным, расчетливым умом. Ришелье импонировало в отце Жозефе буквально все: бескорыстие и широта мысли, редкая настойчивость и трудолюбие, преданность своему призванию, знание жизни и всех изгибов человеческой души. Одержимый католик, отец Жозеф обладал даром воздействия на людей, повергая самых непокорных к ногам Христа. Его замыслы всегда были грандиозны, а казавшиеся непреодолимыми преграды и трудности лишь удесятеряли его энергию. В то же время он был способен вникать в мельчайшие детали, ничего не упуская из своего поля зрения. Одним словом, встреча в аббатстве Фонтевро была поистине подарком судьбы как для отца Жозефа, так и для

Ришелье.

Не исключено, что именно отец Жозеф познакомил епископа Люсонского с кардиналом Пьером де Берюлем, своим бывшим однокашником, порекомендовав его руководителем основанной Ришелье в Люсоне семинарии.

Берюль, один из ближайших советников Марии Медичи, сыграл немаловажную роль в судьбе Ришелье. Именно он введет епископа Люсонского в окружение королевы, сумев растопить лед предубеждения в отношении протеже кардинала дю Перрона. Правда, сам Ришелье, как и многие преуспевающие карьеристы, не любил впоследствии вспоминать услуги, оказанные ему Берюлем, да и всю их прошлую дружбу. Он вообще не был подвержен влиянию чувств, когда речь шла о политической игре. Трезвый расчет всегда определял не только его действия, но и отношения с людьми. Случалось, его любили. Он, за редким исключением, не любил никого. Все обычные человеческие чувства с молодых лет занимали мало места в его душе. Ришелье владела одна-единственная страсть — властвовать над людьми, вершить не только их судьбами, но и судьбами страны.

По мере восхождения к власти он будет оставлять одного за другим всех друзей молодости. Он сделает это легко, без всякого сожаления. Просто забудет о них. Ему не нужны друзья. Он нуждается только в способных помощниках. Единственным исключением станет отец Жозеф, в отношении которого можно все же усомниться: друг он или верный слуга? Так или иначе, но мрачноватый, немногословный капуцин до конца дней, словно тень, будет следовать за тем, кого он считал выдающимся человеком своего времени.

* * *

В последних числах мая 1610 года Ришелье получает ошеломляющее известие от своего викария Бутилье де а Кошера, направленного им ранее в Париж по делам епархии. В письме, датированном 16 мая, викарий сообщает епископу, что 14 мая на одной из парижских улиц некий Франсуа Равальяк ударом кинжала убил короля, прогуливавшегося в своей карете.

Убийство произошло накануне отъезда Генриха IV в армию, сосредоточенную в Шампани для похода в Рейнскую область и испанские Нидерланды. Король намеревался нанести второй удар могуществу Австрийского дома, что вызывало самые серьезные опасения как в Мадриде, так и в Вене, поспешивших принять превентивные меры.

Как нередко бывало в истории, предвоенный кризис был облечен в весьма романтическую оболочку.

1609 год. У 56-летнего Генриха IV, известного многочисленными любовными похождениями, вызывавшими бешеную ревность его молодой жены, появилась новая страсть — 14-летняя Шарлотта де Монморанси. Неписаные правила запрещали королю брать в любовницы незамужнюю девушку из хорошей семьи. Предварительно ее нужно было выдать замуж, позаботившись о приискании снисходительного мужа. Шарлотта была помолвлена с одним из ближайших друзей короля Франсуа де Бассомпьером, имевшим репутацию большого повесы. Генрих IV сумел расстроить готовившийся брак и выдать предмет своей страсти замуж за принца Конде, своего ближайшего родственника, казавшегося ему покладистым и незлобивым. Последующее развитие событий показало, насколько король ошибся в своих расчетах.

Конде решительно отказался играть уготованную ему роль. Вскоре после женитьбы он покинул двор и уединился с женой в одном из своих многочисленных владений. Ярость короля не знала предела. Он стал настаивать на немедленном разводе супругов Конде, которые, прекрасно зная крутой нрав короля, тайно покинули Францию и нашли убежище в испанских Нидерландах.

Бегство принца и принцессы Конде получило широкий резонанс. Европейские, и прежде всего испанские, политики увидели возможность возобновления внутренних распрей и последующего ослабления Франции. Назревал военный конфликт между Генрихом IV и домом Габсбургов. Король собирал армию для вторжения в бельгийские провинции. Отъезд Генриха IV в армию был назначен на 19 мая 1610 г. На время своего отсутствия в Париже он решил оставить в качестве регентши при малолетнем сыне его мать и свою жену Марию Медичи. 13 мая в королевской базилике Сен-Дени была назначена соответствующая церемония. По этому случаю город был украшен: на скорую руку воздвигнуты триумфальные арки из дерева и искусственные фонтаны; повсюду множество цветов. «Никогда, — писал в своих воспоминаниях Ришелье, — собрание дворянства не было столь представительным, как на этой священной церемонии, никогда принцы не были более парадно одеты, а принцессы и дамы — украшены драгоценностями; кардиналы и епископы украшают это собрание; уши наполнены очаровательной музыкой и песнопениями; ко всеобщему удовлетворению, разбрасываются золотые и серебряные монеты».

Месяц спустя Мария Медичи призналась послу великого

герцога Тосканского, что это был самый прекрасный день в ее жизни. Король же, на что многие обратили внимание, нервничал, часто вскакивал с места, бросал на присутствующих подозрительно-недоброжелательные взгляды. В один момент он неожиданно взял на руки малолетнего дофина и, подняв его высоко, чтобы видели все, произнес в наступившей тишине сильным голосом: «Господа, вот ваш король!»

Вернувшись в Лувр, как сообщает историк Жюль Мишле, Генрих провел бессонную ночь, тщетно пытаясь уснуть. Утро 14 мая не принесло успокоения. К тому же посетивший отца побочный сын де Вандом совсем некстати рассказал, что какой-то прорицатель по имени Лаброс же который день предрекает близкую смерть короля, Генрих пытался шутить: ему не первый раз пророчили насильственную смерть, все обойдется…

Полуденный завтрак проходит как обычно, но король рассеян и явно не слушает разговоров присутствующих. В четыре часа дня Генрих изъявляет желание прогуляться и приказывает заложить экипаж. Он намерен навестить Сюлли, который, кажется, болеет. Но потом неожиданно меняет первоначальный план и приказывает ехать к банкиру Поле, точнее — к его рыжеволосой красавице дочери. Погода стояла солнечная, теплая, и король просит раздвинуть кожаные занавеси. В карете с ним мсье де Монбазон и герцог д'Эпернон. Они оживленно беседуют, не замечая, что за ними неотступно следует одетый в плащ человек. На одном из перекрестков карета короля приостанавливается, в этот момент ее дверца внезапно раскрывается и Генрих IV получает первый удар кинжалом, нанесенный стоящим на ступеньке неизвестным. Это Равальяк. «Я ранен!» — вскрикнул король и инстинктивно поднял левую руку, защищаясь от нападения. Этот жест оказался роковым для него. Равальяк молниеносно наносит второй удар, кинжал пронзает сердце, смерть наступает мгновенно. Преступник пытается скрыться, но его хватают. Опомнившийся наконец д'Эпернон накрывает тело короля плащом и приказывает немедленно следовать в Лувр. Он кричит шарахающимся в сторону прохожим: «Король ранен!»

Королева в это время пытается унять приступ мигрени беседой с мадам де Монпансье, своей компаньонкой. Поначалу она думает, что привезли ее сына, и цепенеет от ужаса, но мадам де Монпансье, посланная узнать, что произошло, успокаивает ее: «Это не ваш сын, это король». Мигрень переходит в истерику, завершившуюся тяжелыми рыданиями. Королева беспрерывно повторяет: «Король умер…» Очевидцы рассказывали, что канцлер Брюлар де Силлери учтиво возразил ей, указав жестом на дофина: «Пусть Ваше Величество меня извинит, но во Франции короли не

умирают. Да здравствует король!»

Весть об убийстве Генриха IV произвела на Ришелье сильнейшее впечатление. Сколь молод он ни был, но вполне мог оценить значение деятельности короля-реформатора для страны, его очевидное превосходство по крайней мере над тремя его бездарными предшественниками. Уже тогда Ришелье именовал Генриха IV не иначе как «великий король». С годами Ришелье сумеет в полной мере воздать должное тому, чье дело он продолжит. В своих «Мемуарах» Ришелье отмечал, что смерть Генриха IV «одним ударом уничтожила замыслы и усилия всей его (короля. — *П. Ч.*) жизни, чем не преминули воспользоваться его враги, уже почти побежденные».

Но тогда, в мае 1610 года, Ришелье, пожалуй, гораздо больше волновало другое: его собственные планы, его надежды, которые он связывал с благоволившим к нему королем, рушились.

Однако трезвый ум возобладал над чувствами, и очень скоро Ришелье стал размышлять о том, какую пользу можно и должно извлечь из новой ситуации. Он запрашивает своих парижских корреспондентов о настроениях и новых веяниях при дворе. Бутилье де Ла Кошер пишет ему 22 мая: «Я рад сообщить Вам, что здесь царит полное спокойствие и вместо несчастий, которых можно было опасаться в связи со случившимся, есть все основания надеяться на благополучное развитие событий. Власть королевы очень прочная, и каждый надеется, что она будет пользоваться ею со всей присущей ей благоразумностью и набожностью». От того же викария Ришелье узнает о возрастающем влиянии при новом дворе Кончино Кончини — одного из придворных королевы-регентши, вывезенных ею из Флоренции.

Начались смутные времена — эпоха регентства Марии Медичи.

Король, намеревавшийся править еще многие годы, не оставил никакого завещания. Кое-кто говорил о его намерении учредить — в случае неожиданной смерти — регентский совет из 15 доверенных лиц. Будущему Людовику XIII к моменту гибели отца не исполнилось и девяти лет. Но никто не знал, кого имел в виду Генрих IV. В данной ситуации, как пишет Ришелье в «Мемуарах», «все пришли к согласию, что регентство королевы было бы самым лучшим способом предотвратить гибель короля и королевства».

Конечно же, все было не так просто, как изображает Ришелье. Сразу же после смерти Генриха IV вспыхнула ожесточенная борьба партий и кланов, в которую был вовлечен и парижский парламент — центральная административно-судебная инстанция

королевства. Была высказана идея о необходимости созыва Генеральных штатов (собрания всех трех сословий Франции) для решения вопроса о престолонаследии. Однако сторонники королевы добились отклонения этого предложения. Дело осложнялось тем, что во Франции того времени не существовало никаких установлений, регламентирующих учреждение регентства. Неразберихе и неопределенности был положен юнец после того, как герцог д'Эпернон, один из фаворитов покойного короля, переметнувшийся теперь на сторону Марии Медичи, явился в парламент с внушительной охраной и объявил, что король перед смертью успел якобы сообщить ему свою последнюю волю — доверить регентство королеве до совершеннолетия дофина. И добавил, что, как генерал-полковник пехоты (одна из высших военных должностей), он, д'Эпернон. гарантирует верность войск королеве-регентше и сохранение общественного порядка.

Первый президент парламента д'Арле высказался в поддержку идеи регентства, после чего магистраты без сякой дискуссии одобрили кандидатуру королевы в качестве регентши при малолетнем Людовике до достижения им необходимых для занятия престола 13 лет. Одновременно они возложили на королеву-мать ответственность за воспитание и образование юного короля. Все это происходило в то время, когда еще не успело остыть тело убитого короля.

Счет шел на часы и минуты.

На следующий день, 15 мая, состоялось заседание парламента в присутствии Марии Медичи и 8-летнего Людовика XIII — так называемое lit de justice. Парламент — институт прежде всего судебный, и потому состоявшаяся там процедура напоминала своеобразный судебный процесс. Генеральный адвокат парламента, представлявший интересы королевы, расписал все ее неповторимые и несравненные достоинства. В заключение своей речи он высказал высокочтимой ассамблее просьбу официально подтвердить ее вчерашнее постановление, разрешив опубликовать его во всех бальяжах и сенешальствах королевства. Канцлер Брюлар де Силлери начал обход присутствующих, с тем чтобы каждый проголосовал. Первым был юный король, затем королева-мать и далее в строгой иерархии все участники lit de justice. Завершив обход, канцлер вернулся к возвышению, на котором располагался мальчик-король, и провозгласил постановление парламента, утверждавшее королеву-мать в ее функциях регентши королевства. Постановление было оформлено в виде доверенности Людовика XIII своей матери на управление делами до достижения им

необходимого возраста.

Итак, регентство установлено. Положено начало новой эпохи в истории Франции. Оживление в высших сферах достигает кульминации. Распадаются старые кланы и создаются новые. Вчерашние соратники становятся непримиримыми врагами и наоборот. Придворные теснятся у нового трона в едином желании быть к нему предельно близко.

Среди них не видно только одного, вчера еще влиятельнейшего человека — герцога де Сюлли. Узнав о смерти своего покровителя, сюринтендант финансов забаррикадировался за мощными стенами Арсенала и не рисковал выходить. В решающий момент ему не хватило мужества. Судьба страны в первые дни нового правления решалась без его участия. Вокруг Марии Медичи — герцог д'Эпернон, канцлер Силлери, президент парижского парламента Жаннен, государственный секретарь де Виллеруа. В покоях королевы безраздельно властвует тщеславный итальянец Кончини, нетерпеливо ожидающий своего часа.

Племянник одного из министров великого герцога Тосканского, он был включен в свиту Марии Медичи при ее отъезде во Францию. Уже в Париже настойчивый флорентиец добился расположения камеристки и подруги королевы Леоноры Галигай, на которой женился в 1601 году. Сумев обратить на себя внимание скучающей королевы, очень скоро оставленной королем, Кончини настойчиво, шаг за шагом подчинял ее своему влиянию, которое ко времени убийства короля стало поистине безграничным. Самое удивительное в этой, казалось бы, банальной интрижке состояло в том, что в отношения Кончини с королевой была полностью посвящена его жена Леонора. Впоследствии поговаривали, что именно она толкнула Кончини в объятия своей госпожи, чтобы прочнее связать королеву с их семьей и таким образом обеспечить будущность мужа, вынашивавшего далеко идущие планы. Любопытно, что уже в 1610 году Ришелье только на основании писем из Парижа понял, кто в действительности руководит семейным дуэтом Кончини. Многочисленные страницы его мемуаров свидетельствуют о понимании им истинной роли Леоноры в политической одиссее мужа.

Со смертью короля Кончини решил, что наконец настал его час. Он вознамерился встать во главе Королевского совета (правительства). Генрих IV терпел нахала-иностранца, только чтобы не ссориться с Марией Медичи. Смертельного врага имел Кончини и в лице герцога де Сюлли, который, по свидетельству Ришелье, «питал открытое недоверие к Кончини, имевшему, по его убеждению, большое влияние на королеву». Сюлли

неоднократно пытался удалить итальянца из Парижа, но всякий раз наталкивался на самое решительное сопротивление королевы.

Смерть Генриха IV была великим бедствием для Франции, отмечал русский историк Тимофей Николаевич Грановский. «Во главе ее осталась вдова короля Мария Медичис (так в оригинале. — *П. Ч.*), итальянка, женщина раздражительного и слабого характера, не внушавшая доверия народу, напоминавшая своим происхождением Екатерину Медичис: и ей-то должно было стать во главе государства, едва умиренного и содержавшего в себе элементы новых раздоров».

Едва став регентшей, Мария Медичи ищет опоры у испанской партии. Наряду с Кончини ее главными советниками становятся папский нунций и испанский посол. Ее первые шаги на внешнеполитическом поприще были направлены на нормализацию отношений с Габсбургами. Едва начавшиеся военные действия были немедленно прекращены, а армия возвращена в места обычного расквартирования. Все более четко просматривается линия на свертывание сопротивления габсбургской гегемонии в Европе. У Марии Медичи возникает мысль о династическом примирении с Австрийским домом: ее сын должен жениться на испанской принцессе.

В начале 1611 года королева дала отставку ненавидимому ею Сюлли, с которым у нее при жизни короля происходили частые столкновения: однажды Сюлли заявил ей, что она может лишиться головы, когда Мария Медичи в очередном припадке ревности подняла руку на мужа в присутствии его министра. Сюринтендант финансов нередко отказывал королеве в выдаче запрашиваемых ею сумм. С уходом Сюлли старательно пополнявшаяся им казна, надежно хранившаяся в подвалах Бастилии, была, по существу, отдана на откуп новым фаворитам.

Устранение одного из вождей гугенотов вызвало тревогу и волнения среди протестантов. «Раздоры между грандами нашего двора придали смелость и гугенотам в провинции…» — вспоминал впоследствии Ришелье.

* * *

О событиях, происходивших в столице, Ришелье узнает лишь из писем, которые изучает самым внимательным образом в надежде понять больше, чем сообщают его корреспонденты. Он делает ряд верных наблюдений относительно новой политической линии королевы-регентши. Все чаще епископ задумывается над тем, как выйти из своего люсонского

уединения. Он должен найти удобный повод для того, чтобы предстать перед королевой и показать, что может быть полезен ей. Уже 22 мая, то есть через неделю после убийства Генриха IV, Ришелье направляет своему брату маркизу де Ришелье письмо для королевы. В нем он от своего имени и от имени всего духовенства Люсонского епископства заверяет королеву-регентшу в самой искренней преданности и готовности верно служить ей. Письмо написано в самых возвышенных и откровенно льстивых тонах; оно полно явно преувеличенных похвал государственному уму и другим «несравненным» достоинствам королевы. Ознакомившись с письмом, Анри де Ришелье — человек, искушенный в дворцовых интригах, — счел, что оно может быть превратно истолковано болезненно-подозрительной Марией Медичи, и решил не передавать его.

Изучая регулярно получаемые донесения Бутилье де Ла Кошера, Ришелье делает проницательный вывод, что под видимостью демонстрируемой преемственности происходят серьезные изменения в высших эшелонах власти, а также в направлении политического курса.

Тем временем, не дождавшись ответа на письмо, Ришелье в первых числах июня решает ехать в Париж. Он хочет своими глазами увидеть, что происходит в столице, и составить более ясное представление о происходящих переменах. 6 июня Ришелье отправляет письмо своей доброй знакомой мадам де Бурже с уведомлением о предстоящем приезде и просьбой подыскать для него подходящее жилище. Ришелье оповещает и других своих парижских знакомых — кардиналов дю Перрона и де Сурди, епископа де Маллезе, отца Коттона, которого после смерти короля Мария Медичи, благоволившая к иезуитам, приблизила к себе и к советам которого прислушивалась.

В последних числах июля Ришелье прибыл в Париж, где мадам де Бурже сняла для него небольшой дом на улице Блан-Манто, в нескольких шагах от Лувра. Прибегнув к помощи старшего брата, епископ Люсонский возобновляет старые знакомства и заводит новые. Значительная часть времени уходит на визиты к влиятельным особам. Сюлли, чувствующий, что дни его могущества миновали, встречает Ришелье более чем прохладно. Брюлар де Силлери, Жаннен и Виллеруа стараются показать расположение. Но Ришелье прекрасно видит, что они озабочены исключительно своей судьбой и им нет дела до непрошеного гостя с его непонятными амбициями.

Епископ выступает с проповедями в различных парижских церквах. Они имеют успех у рядовых прихожан, но оставляют равнодушным двор, который целиком поглощен интригами. Не

известно, удалось ли Ришелье в этот приезд в Париж встретиться с королевой-регентшей, но даже если эта встреча и произошла, то явно не оправдала надежд епископа. Мария Медичи вся во власти неожиданно свалившихся на нее забот и думает только об одном — как взять в свои руки бразды правления, оттеснив старых министров покойного мужа. Она пока еще вынуждена считаться с ними. Ежедневно ей приходится выдерживать натиск вельмож, каждый из которых ожидает королевской милости. В этой пестрой, разноликой толпе лиловая сутана епископа Люсонского вряд ли произвела на королеву особое впечатление.

Очень скоро Ришелье понял, что поторопился; неудача его визита в Париж была очевидна. Ему ничего не остается, как следовать им самим же выработанным правилам — внимательно наблюдать за жизнью двора. Впоследствии он поделится своими наблюдениями в «Мемуарах».

Проницательный епископ безошибочно выделил того, кому предстояло стать властителем Франции. Пока еще Кончини держится в тени королевы-регентши, и многие сомневаются, способен ли он выйти на политическую авансцену. Кое-кто уверяет, что после утверждения в регентстве Мария Медичи оставила пустого и тщеславного итальянца. Прогноз Ришелье стал оправдываться очень скоро. Королева осыпает семью Кончини многочисленными милостями, оплачиваемыми из государственной казны.

В один прекрасный день флорентиец превращается в маркиза д'Анкра, а 27 сентября 1610 г. его назначают первым дворянином палаты. Теперь он — второе лицо при дворе после обер-шталмейстера, что дает ему право въезжать в Лувр верхом. Некоторое время спустя маркиз д'Анкр получает почетное наименование «светлейший».

Ришелье понимает, что теперь его судьба во многом зависит от того, сумеет ли он войти в доверие к супругам Кончини. Флорентийцы, чувствуя растущую враждебную зависть со стороны французской знати, недоверчивы и подозрительны.

В сентябре или октябре того же, 1610 года самолюбивый Ришелье покидает Париж. Но не возвращается в Люсон, а поселяется в скромном приорстве Роше, недалеко от Фонтевро. Отсюда он наезжает в свою любимую обитель Куссей, в нескольких лье от Пуатье. Здесь Ришелье чувствует себя особенно хорошо, полной грудью вдыхая аромат лугов и лесов. Епископ расположился в башне небольшого замка, где работает в уединенном кабинете. Рядом — часовня, в которой он служит мессу. У него множество книг и потайной шкаф, которому он поверяет свои честолюбивые мечты. Епископ обрел свой эрмитаж

— место уединения, где никто не мешает предаваться размышлениям над увиденным и услышанным в Париже. Мысли его по-прежнему там, в столице.

Через несколько месяцев Ришелье возвращается в Люсон, куда, как ему стало известно, должен прибыть королевский эмиссар Мери де Вик для урегулирования трений, возникших между католиками и гугенотами Пуату. Епископ Люсонский отдает себя в полное распоряжение важного чиновника из Парижа. Одновременно он вступает в переписку с Фелипо де Поншартреном — государственным секретарем (министром), ведавшим вопросами религии. Ришелье старается оказать этим двум вельможам необходимую помощь, снабжая их сведениями о положении здешних гугенотов. Его усердие будет отмечено благосклонными отзывами при новом дворе, где к тому времени произошли большие перемены. Бывших соратников Генриха IV, включая даже тех, кто сразу же поддержал Марию Медичи, по существу, отстранили от власти. Преобладающее влияние на государственные дела приобретал итальянский выскочка, который был, ко всеобщему возмущению, произведен королевой в маршалы Франции, хотя не участвовал ни в одном бою, никогда ничем и никем не командовал. Теперь Кончини именуют не иначе как маршал д'Анкр.

* * *

…Прошло не более полутора лет после неудачного вояжа Ришелье в Париж. Он счел, что настало время ознакомиться с положением дел в столице. В 1612 году незадолго до Великого поста епископ Люсонский вновь появляется там под предлогом урегулирования дел с реформой женского монастыря Фонтевро. Друзья и помощники (в том числе отец Жозеф) на этот раз хорошо потрудились накануне приезда Ришелье. Теперь его встречают при дворе как желанного гостя. Ему даже поручают выступить с проповедями в соборе Сент-Андре-дез-Ар в присутствии королевы-регентши, Людовика XIII и королевского двора в полном составе. Во время этой поездки Ришелье знакомится с Кончини и его женой.

Он быстро улавливает смысл новой внешней политики Марии Медичи — сближение с Габсбургами и включение Франции в ансамбль католических держав, противодействующих распространению протестантской ереси. Ришелье видит, что начавшееся сближение с Испанией вызывает беспокойство не только у гугенотской партии при дворе, но и среди убежденных

католиков, поддерживавших внешнеполитическую ориентацию Генриха IV. Все громче ропщет многочисленная королевская семья. Принцы крови не желают усиления власти королевы и оспаривают ее регентство. Они подвергают сомнению правомочность конфирмации Марии Медичи в ее регентских полномочиях, осуществленной парижским парламентом.

Со своей стороны, королева торопится претворить намеченные ею, а точнее — ее советниками, планы в жизнь. 26 января 1612 г. она объявляет на Королевском совете о предстоящей женитьбе 10-летнего Людовика XIII на дочери Филиппа III испанской инфанте Анне Австрийской, а уже 25 августа того же года, в день Св. Людовика, в Париже был подписан брачный контракт.

Ришелье тем временем возвращается в Пуату, а при дворе завязывается новый клубок интриг вокруг предстоящего бракосочетания короля, до совершеннолетия которого еще целых два года.

К концу 1613 года в казне, старательно пополнявшейся Генрихом IV и Сюлли, было практически пусто. Всего за три года Мария Медичи, ублажая фаворитов и покупая покорность принцев, растратила все, что полтора десятка лет собирал ее муж. Только за бриллиантовое ожерелье, заказанное для Анны Австрийской в качестве свадебного подарка жениха, было уплачено 450 тысяч ливров. Когда же поток подарков и пенсий грандам иссяк, они один за другим стали уезжать в свои владения и наместничества. За исключением Гизов и д'Эпернона, все принцы покинули Париж в знак протеста против усиливавшегося влияния маршала д'Анкра. Они выдвинули требование созыва Генеральных штатов для рассмотрения положения дел в королевстве, которое, по их мнению, было неблагополучным. Отвергая регентство королевы-матери, «оппозиция принцев» выдвинула кандидатуру принца Конде на должность наместника королевства до совершеннолетия Людовика XIII. Принцы в категорической форме потребовали удаления министров, ориентирующихся на Мадрид,

Истощение казны имело следствием усиление налогового бремени, в свою очередь стимулировавшее нарастание широкого общественного недовольства. Описывая впоследствии эти годы, Ришелье называл их «крайне тяжелыми», когда отсутствовала элементарная «общественная безопасность», а ответственные за ее поддержание «министры занимались исключительно устройством собственных дел, не заботясь об интересах государства».

Слабое, непопулярное в обществе правительство королевы-регентши обнаружило полную неспособность нормализовать

положение в стране. Однако нараставшее недовольство странным образом уживалось с полной апатией, не принимая агрессивных форм. Слишком много крови было пролито в религиозных войнах, недобрая память о которых еще не изгладилась. Конде и партии его сторонников не удалось в тот период развязать новую гражданскую войну. Может быть, по этой причине принцы пошли на компромисс с королевой, подписав 15 мая 1614 г. так называемый Сент-Менеульский договор, зафиксировавший modus vivendi. Признав регентские права Марии Медичи, аристократическая оппозиция добилась многого из того, на чем настаивала: созыва Генеральных штатов, новых даров в виде губернаторств, наместничеств и других доходных мест и т. д. Однако принцам не удалось добиться удаления Кончини.

Епископ Люсонский на этот раз правильно сориентировался в сложной обстановке. В своих проповедях он настойчиво втолковывает прихожанам мысль о государственной мудрости королевы-матери, обеспечившей стране мир и спокойствие. В то же время Ришелье сумел не испортить отношений и с принцем Конде, обосновавшимся на некоторое время в Пуату, хотя тот и действовал закулисно против него. Епископ Люсонский продолжает добиваться расположения влиятельнейшего маршала д'Анкра. Еще в феврале 1614 года он направил ему льстивое письмо с предложением услуг. Напомнив временщику об их последней встрече и своих заверениях в верности, Ришелье писал: «Прошу Вас верить, что мои обещания всегда будут сопровождаться добрыми действиями и, когда Вы окажете мне честь своим расположением, я сумею всегда верно и достойно служить Вам». Чем ближе совершеннолетие сына Марии Медичи, тем чаще она задумывается над тем, как продлить свое регентство. Благодаря компромиссу с принцами она сумела остаться чем-то вроде наместницы и главы Королевского совета после того, как 27 сентября 1614 г. Людовик XIII стал формально суверенным королем. Инаугурация короля состоялась 2 октября 1614 г. Во время церемонии на 13-летнем Людовике XIII было бриллиантовое ожерелье стоимостью 900 тысяч ливров. За спиной короля расположились его младший брат Гастон, герцог Анжуйский, принц Конде, другие принцы крови согласно строгой иерархии. Здесь же присутствуют весь двор и нотабли Франции. Королева объявляет о передаче правления в руки сына.

По существу, и после 2 октября мало что изменилось. Власть короля-подростка чисто номинальная. Всем по-прежнему заправляет мать, действующая под влиянием маршала д'Анкра.

В соответствии с договором в Сент-Менеуле в течение лета 1614 года по всей Франции проводились выборы делегатов в

Генеральные штаты. 23 июня епископ Люсонский получил предписание губернатора Пуату герцога де Сюлли относительно выборов в его епархии. Ришелье понял, что настал долгожданный момент. Он обязан использовать его любой ценой. На этот раз предоставленный ему шанс не может быть упущен.

Епископ сумел хорошо подготовить почву, прежде чем звон колоколов 10 августа 1614 г. призвал выборщиков Пуатье на голосование. Стараниями Ришелье и его сторонников духовенство провинции единодушно выдвинуло и утвердило епископа Люсонского делегатом от первого сословия. Последующие дни и недели ушли на составление и редактирование наказа духовенства Пуату, которому избранный делегат должен будет следовать на Генеральных штатах. Эта работа была завершена к 4 сентября. В архивах сохранился экземпляр наказа с правкой Ришелье. В нем говорилось о необходимости укрепить и расширить права первого сословия, содействовать официальному принятию Францией постановлений Тридентского собора 1563 года, организовать в масштабах государства профессиональную подготовку священнослужителей, запретить дуэли и т. д. Большинство высказанных пожеланий полностью совпадало с умонастроениями самого Ришелье.

Поблагодарив всех, кто содействовал его выдвижению, молодой депутат в сопровождении своего помощника де Сент-Илера отбыл в Париж по той самой дороге, которая шесть лет назад привела его в Люсон. В пути Ришелье предавался размышлениям о прожитых здесь годах, которые провел с немалой для себя пользой. Теперь он уважаемый человек, полномочный представитель своей провинции, которому предстоит непосредственно приобщиться к решению важнейших государственных дел.

Ему нет и тридцати. Он полон радужных, но уже не беспочвенных надежд. На нем лиловая сутана с широким белым воротником, подчеркивающим бледность узкого лица, обрамленного черной, спускающейся густыми локонами шевелюрой. Высокий, тяжелый лоб, приподнятые, словно в удивлении, брови, длинный, с горбинкой, тонкий нос, волевой рот — признак затаенных желаний. Удлиненность лица усиливают весело, по-солдатски приподнятые усы и заостренная бородка на испанский манер. Выразительный, всепроникающий взгляд больших серых глаз придает его лицу в одно и то же время суровое и приветливое выражение. Чаще всего в этом взгляде — ясность и спокойствие уверенного в себе человека. Его глаза обладают непостижимой завораживающей силой, особенно действуют они на женщин. Он знает это и иногда не отказывает

себе в удовольствии проявить свою власть над ними. В последний приезд в Париж он заметил, что их притягательность не оставила безучастной даже 39-летнюю королеву-регентшу. Кто знает, может быть, именно тогда у него появились первые смутные предчувствия…

Ришелье уже твердо осознал свое призвание: он должен посвятить себя служению Франции. Его интересуют прежде всего политические вопросы. Сутана — лишь удобное средство, облегчающее достижение желанной цели. Правда, необходимо приложить усилия, чтобы сменить ее лиловый цвет на кардинальский пурпур. Перед ним двуединая цель — кардинальство и министерство. Приблизиться к ней он надеется активным участием в работе Генеральных штатов. Его должны по достоинству оценить те, кто вершит судьбами страны, — оценить и принять в свой узкий круг.

Депутат Генеральных штатов

Впервые Генеральные штаты были созваны во Франции в 1302 году. Важнейший институт феодальной сословной монархии, Генеральные штаты выражали интересы всех трех сословий: духовенства, дворянства и городской верхушки. Однако со временем они стали использоваться королевской властью для упрочения своих позиций в борьбе с сепаратизмом отдельных провинций и местничеством аристократии. Как правило, Генеральные штаты созывались в кризисные для государства моменты: в период религиозных войн, например, центральная власть вынуждена была трижды прибегнуть к их созыву: в 1560, 1576 и 1588 годах. Помимо обсуждения назревших политических проблем Генеральные штаты занимались изысканием новых источников налоговых поступлений в казну. Важность обсуждавшихся вопросов на Генеральных штатах предопределяла высокий накал политической борьбы, из которой королевская власть далеко не всегда выходила победительницей. Со временем она стала все чаще терпеть поражение перед возраставшим сопротивлением аристократии. В процессе перерастания монархии сословной в монархию абсолютную Генеральные штаты теряли свое прежнее значение. Королевская власть все неохотнее шла на их созыв.

Генеральные штаты 1614 года стали предпоследним собранием трех сословий французского королевства перед Великой французской революцией конца XVIII века.

По условиям Сент-Менеульского мирного договора Мария Медичи обещала принцам созвать Генеральные штаты не позднее 25 августа 1614 г. в городе Сане. Однако подготовительные работы затягивались, и королева-регентша вынуждена была несколько раз откладывать их открытие. Наконец было твердо обещано, что Генеральные штаты откроются 27 октября 1614 г. в Париже.

В первых числах октября депутаты начали прибывать в столицу. Приехал в Париж и епископ Люсонский. Духовенство прислало 140 представителей, дворянство — 132, третье сословие — 192. Всего 464 депутата. Разместили их в монастыре Августинцев, расположенном на левом берегу Сены, близ Пон-Нёф. Здесь 26 октября началась торжественная прелюдия к открытию Генеральных штатов.

В 8 часов утра все 464 депутата собрались на монастырской площади в ожидании прибытия короля и королевы-матери. В 10 часов Людовик XIII, Мария Медичи и принцы крови появились в

воротах монастыря. На возвышении перед главным входом в часовню для них установили кресла под балдахином. Один за другим депутаты в строгом порядке проходят перед Их Величествами.

На всем протяжении набережной Августинцев — от монастыря до Нотр-Дам — солдаты гвардейского полка с бородками а-ля король Генрих, в оранжево-фиолетовых костюмах, в шляпах зеленого и черного цветов, с мушкетами на плечах сдерживают любопытную многотысячную толпу.

Где-то к полудню из монастыря выходит длинная процессия, предводительствуемая толпой нищих и калек, выпущенных по этому случаю из городских богаделен. Вслед за ними идут представители «нищенствующей четверки» — популярных в Париже «нищенствующих» монашеских орденов: кармелитов, августинцев, доминиканцев и францисканцев. Далее — духовенство различных приходов, ремесленные корпорации с их отличительными знаками, городская верхушка. Затем в окружении лучников верхом на коне едет главный прево, сопровождаемый своими помощниками; за ним — 100 дворян Королевского дома, священники Сент-Шапели и Нотр-Дам, регенты Сорбонны, ректор и доктора четырех факультетов.

Наконец, появляется делегация третьего сословия. Все одеты в черное, у каждого в руке зажженная свеча из белого воска.

Мрачную колонну третьего сословия сменяет яркое, многокрасочное шествие дворянства. На головах у дворянских депутатов шляпы с перьями на испанский манер, нарядные плащи на плечах, все со шпагами на боку.

Шествие депутатов замыкает колонна первого сословия — сначала черное, или рядовое, духовенство по четыре человека в ряд, следом по двое архиепископы и епископы в лиловых сутанах, затем сверкающие пурпуром кардиналы де Сурди, де Ларошфуко и де Бузи в широкополых ярко-красных шляпах и, наконец, архиепископ Парижский кардинал дю Перрон, несущий Святые Дары, которые поддерживают с четырех сторон четыре принца крови: младший брат короля Гастон, принц де Конде, герцог де Гиз и принц де Жуанвиль.

За ними под сенью балдахина шествует сам Людовик XIII в платье из белого атласа, сопровождаемый одетой в черное Марией Медичи, младшей сестрой 12-летней принцессой Елизаветой, невестой испанского инфанта принца Астурийского, королевой Маргаритой Валуа, первой женой Генриха IV, красавицей принцессой де Конде и другими принцессами-Королевского дома. Далее в строгой иерархии — высшая знать, маршалы Франции, кавалеры ордена Св. Духа.

Процессию замыкают представители магистратуры во главе с первым президентом парижского парламента д'Арле. Перейдя по мосту через Сену, в районе Сите, процессия достигла Нотр-Дам де Пари. Торжественная месса завершила предварительную церемонию открытия Генеральных штатов.

Первое заседание Генеральных штатов состоялось 27 октября в большом зале Бурбонского дворца, украшенном бархатом с золотыми лилиями — символами королевской власти. Депутаты трех сословий должны были занять места в центре. Придворным были отведены кресла по периметру зала. Однако они, толкая и опережая друг друга, садятся на депутатские места, нарушая установленный порядок. Возникает давка и неразбериха. Депутаты недовольны. Потребовалось некоторое время, прежде чем все наконец устроилось.

На почетном месте восседает совсем еще юный Людовик XIII. Справа от него — Мария Медичи, затем Маргарита Валуа и Елизавета Французская, которой очень скоро предстоит отправиться в Мадрид. Слева — младший брат Гастон и сестры.

Выждав, пока установится тишина, король поднялся и произнес краткую приветственную речь, обращенную к депутатам. Заверив их в своей любви к народу Франции, Людовик XIII сказал, что его воля будет объявлена депутатам канцлером де Силлери. Таков был порядок, установленный еще в XIV веке.

Канцлер — сухой старик с бородой, терявшейся в горностаевом воротнике, — поднялся с места и начал свою речь, продолжавшуюся более часа. Бездарный, бесхарактерный человек, он удерживался у власти благодаря невероятной ловкости, а также полной беспринципности. Об этом говорит и Ришелье в своих «Мемуарах». Канцлер не был оратором, и депутаты с трудом слушали его путаную речь, в которой он не затронул ни одной из многочисленных проблем, волновавших общество. Объявив собрание Генеральных штатов открытым, Силлери, к облегчению присутствующих, завершил свое затянувшееся выступление.

Вслед за ним один за другим берут слово председатели сословных делегаций: от духовенства — ученый прелат архиепископ Лионский де Маркемон; от дворянства — убеленный сединами дипломат барон де Пон Сен-Пьер; от третьего сословия — представитель Парижа Франсуа Мирон.

Затем взоры присутствующих обратились в сторону главного «виновника» созыва Генеральных штатов — принца Конде. Именно от него ждали развернутого выступления по всем насущным вопросам. Ко всеобщему удивлению, надменный принц сохранял невозмутимое спокойствие, не обнаруживая никакого

желания взять слово. Богатейший человек Франции, принц Конде отличался невероятной скупостью и безграничной амбицией. Он откровенно претендовал на высшую власть в королевстве. Не обладая никакими полководческими талантами, Конде видел себя по меньшей мере коннетаблем Франции, то есть генералиссимусом, верховным главнокомандующим, вторым лицом в государстве — своего рода вице-королем.

После несколько затянувшейся паузы заседание было объявлено закрытым. Теперь предстояла напряженная работа по сословным палатам, каждая из которых должна была выработать свой наказ королю. В палате духовенства инициативу взяли на себя молодые честолюбивые прелаты, поощряемые кардиналом дю Перроном: епископ Анжера — Шарль Мирон, епископ Бове — Рене Потье, епископ Монпелье — Пьер Фенуйе, епископ Байонны — Бертран д'Эшо, епископ Орлеанский Габриэль де Л'Обеспин и епископ Люсонский Арман дю Плесси де Ришелье. По предложению дю Перрона Ришелье ввели в состав рабочего органа первой палаты — Комитета духовенства, и он очень быстро сумел завоевать уважение и доверие коллег фундаментальностью своих познаний, зрелостью суждений, энергией и инициативностью. Именно на него была возложена почетная обязанность представлять интересы первого сословия перед двумя другими палатами. Епископ Люсонский приобретал широкую известность в обществе.

Вскоре ему представился случай вновь заявить о себе. В середине ноября 1614 года возник довольно острый конфликт между второй и третьей палатами по вопросу о так называемой полетте — ежегодном денежном взносе в казну, вносимом чиновниками за занимаемую ими должность. По существу, чиновничество получало должности в неограниченную собственность. Дворянская палата включила в свой наказ требование об отмене полетты, а третье сословие, не желавшее отказываться от этой бенефиции, настаивало на ее сохранении. Со своей стороны, буржуа выдвинули требование сократить пенсии и другие многочисленные выплаты дворянству. Возник своего рода «межклассовый» конфликт. Урегулировать его поручили епископу Люсонскому.

В сопровождении нескольких коллег Ришелье отправился в зал заседаний третьего сословия, где выступил с речью, в которой призвал депутатов-буржуа «во имя мира» пойти на компромисс с дворянством. Поначалу призыв Ришелье встретил прохладный прием в палате третьего сословия. Епископу довольно решительно возразил некий Саврон, президент бальяжа Оверни, избранный своей палатой представлять ее интересы в споре с

дворянством.

И все же Ришелье удалось повлиять на настроения в третьей палате, склонив ее к компромиссу с дворянством. Более того, он добился замены нетерпимого овернца менее радикально настроенным гражданским лейтенантом[8] де Мэмом. Тот заговорил о «трех братских сословиях» — «детях общей матери — Франции». Воздав должное дворянству, месье де Мэм призвал его в большей степени уважать права «младшего брата» — третьего сословия.

Идея «родства» — ее настойчиво проводили представители третьего сословия — не встретила энтузиазма в дворянской палате. «Мы не желаем, чтобы сыновья сапожников называли нас братьями. Между нами существует та же разница, что между господином и слугой», — можно было услышать в кулуарах второй палаты. Недовольство дворянства претензиями «сапожников» умело подогревалось наиболее непримиримыми депутатами, побудившими палату в полном составе отправиться к королю с протестом против непозволительных притязаний третьего сословия. От имени дворянства барон де Сеннесеи просил Его Величество напомнить третьему сословию о его месте и обязанностях.

Королевский совет оказался в затруднительном положении и предпочел не ввязываться в конфликт.

Что касается Ришелье, то хотя его миссия в целом и не увенчалась успехом, она не была бесполезной, во всяком случае, для карьеры самого епископа.

Конфликт по вопросу полетты и пенсий не был единственным в ходе работы Генеральных штатов. В декабре 1614 года произошел инцидент — на этот раз между третьим сословием и блоком духовенства и дворянства.

15 декабря палата третьего сословия приняла резолюцию, которая должна была войти в сословный наказ. Резолюция утверждала суверенные права королевской власти и отвергала любые попытки ее ограничения как внутри Франции, так и за ее пределами. «Король — суверен Франции. Он обязан своей короной одному только Господу Богу. Нет на земле никакой другой силы… которая имела бы право на его королевство и которая могла бы лишить его короны, равно как и освободить его подданных под каким бы то ни было предлогом от верности ему и повиновения». Резолюция в полной мере отвечала интересам становления абсолютизма, но в то же время ставила предел политическим амбициям французской аристократии и папского престола, их попыткам ограничить власть короля Франции. Разумеется, вожди первого и второго сословий объединились

против внесения резолюции третьей палаты в общий наказ Генеральных штатов.

Особую активность в этом отношении проявляло духовенство, отстаивавшее законность вмешательства Рима во внутрифранцузские дела. Первая палата делегировала в палату третьего сословия архиепископа Экса, который тщетно пытался «образумить» депутатов, убедить их отказаться от принятой ими резолюции. Тогда в дело вмешался сам кардинал дю Перрон. Он лично явился в палату дворянства, где подробно изложил свою точку зрения на возникший конфликт. Кардинал признал, что власть пап над французскими королями со времен Франциска I «проблематична», но вместе с тем подчеркнул, что она признается во всех других католических странах. Что касается резолюции третьей палаты, то дю Перрон определил ее как «козни, направленные на раскол французов». Кардинал заявил, что французская церковь и все «добрые католики» категорически отвергают эту резолюцию. Внимательно выслушав выступление дю Перрона, палата дворянства решила поддержать духовенство.

На следующий день, 2 января 1615 г., в сопровождении внушительной делегации от первой и второй палат кардинал дю Перрон отправился в зал заседаний третьей палаты-, где повторил свои доводы, сделав упор на «высшую миссию» Святого престола. Он заявил, что французское духовенство никогда не согласится занять то унизительное положение, в котором находится духовенство Англии. А именно такую опасность, по мнению дю Перрона, представляла позиция, занятая третьим сословием.

Трехчасовая речь кардинала не произвела никакого впечатления на представителей третьего сословия, убежденных, что только сильная центральная власть способна оградить «людей мантии» (служилое дворянство) и буржуазию от произвола духовенства и владетельной аристократии. Заручившись поддержкой парижского парламента, депутаты третьего сословия отказались пойти на уступки требованиям духовенства и дворянства. Вновь встал вопрос о вмешательстве короля, а точнее — королевы-матери и возглавляемого ею Королевского совета.

Позиция третьего сословия, безусловно, отвечала интересам королевской власти, однако сама эта власть была серьезно скомпрометирована четырьмя годами регентства Марии Медичи. Опасаясь новой вспышки гражданской войны, Королевский совет искал компромиссного решения и в конечном счете предпочел занять сторону духовенства и дворянства. Эдиктом Его Величества Людовика XIII третьей палате было запрещено включать в наказ наделавшую столько шума резолюцию.

Воодушевленные победой, духовенство и дворянство перешли в наступление и потребовали существенного сокращения государственных расходов, а также отмены полетты. Начались первые, пока замаскированные, нападки на расплодившихся при дворе Марии Медичи фаворитов. Раздаются отдельные, но все более настойчивые требования установить строгий контроль над финансами. Более того, впервые ставится вопрос об изменении состава Королевского совета. Неизбежно возникает и вопрос о двоевластии — малолетнего Людовика XIII и Марии Медичи.

Подавляющее большинство депутатов от духовенства высказалось за сохранение двух властей. Необходимо было добиться аналогичной позиции второй палаты, чтобы сообща оказать давление на палату третьего сословия. Эту важную миссию вновь возлагают на епископа Люсонского. Ришелье с жаром берется за ее осуществление. Он понимает, что в его успехе заинтересована сама Мария Медичи. Епископ с полным основанием мог надеяться на благосклонность королевы в случае благоприятного для нее исхода столь щекотливого дела. Ришелье сопутствовала удача. Ему удалось убедить вторую палату поддержать закулисные притязания королевы-матери.

Вскоре епископ Люсонский предстает перед Марией Медичи. Обе палаты поручили ему сообщить юному королю, королеве-матери и двору о желании духовенства и дворянства продлить на неопределенный срок двойное правление. Королева-мать весьма любезно встретила молодого интересного прелата. Она явно переменила мнение о нем. С этого дня имя Ришелье все чаще звучит в ее окружении.

В середине февраля 1615 года палатам было предложено завершить редактирование наказов и передать их королю на заключительном заседании Генеральных штатов. Каждая палата должна была назначить докладчика, который зачитает наказ своего сословия.

Очень скоро в палате духовенства стало известно о желании Марии Медичи видеть в качестве докладчика от первого сословия епископа Люсонского. Пожелание королевы совпало с общим мнением палаты, настроенной в пользу молодого, хорошо себя проявившего епископа. Внешне спокойный, исполненный достоинства и смирения, Ришелье ликовал: нет, он не ошибся, годы, проведенные в провинциальной глуши, не были потеряны зря — столь терпеливо взращиваемые амбиции, кажется, дали первые обнадеживающие всходы.

23 февраля 1615 г. все три сословия вновь собираются вместе в большом зале Бурбонского дворца на церемонию закрытия Генеральных штатов. Как и в первый день, не обошлось без

неразберихи и толчеи. Около 500 депутатов буквально потерялись в двухтысячной гудящей толпе придворных и гостей. Необходимой тишины добиться так и не удалось.

Первым от имени своего сословия выступал епископ Люсонский. Он держался уверенно и достойно, будто находился среди своих прихожан, а не на заседании в Бурбонском дворце.

Прежде всего Ришелье выразил благодарность королю за предоставленную возможность изложить на Генеральных штатах проблемы, волнующие французское духовенство. Он указал на снижение влияния католической церкви, на ухудшение материального положения ее служителей, на элементарную неграмотность священников. Епископ не без умысла нарисовал мрачную картину положения католической церкви и духовенства, лишенного «чести и имущества». В его речи отчетливо прозвучал призыв к более широкому привлечению церкви к участию в государственном управлении. Ришелье напомнил собранию, что во всех странах в прежние времена служители церкви всегда «находились рядом с царствующей особой», давая мудрые советы правителям. Оратор напомнил, что 35 канцлеров Франции были священнослужителями и что самые великие короли всегда опирались на духовенство.

Коллеги Ришелье одобрительно внимали словам епископа Люсонского. Мало кому тогда могло прийти в голову, что честолюбивый епископ имеет в виду не столько свое сословие, сколько лично себя.

Раздел речи Ришелье, относящийся к проблеме протестантизма во Франции, был отмечен умеренностью и взвешенностью. Ришелье не разделял крайних позиций вчерашних лигистов, требовавших полного искоренения протестантизма во Франции. Уже тогда, в 1615 году, он считал возможным мирное сожительство католиков и гугенотов при условии неукоснительного соблюдения последними законов государства, их отказа от претензий на какое-то особое, независимое от центральной власти положение.

Сославшись на заповеди Христа, епископ Люсонский призвал короля и его Совет к мудрому правлению, которое только и может дать надежду на изменение к лучшему. «Зло будет наказано, а добро не останется без вознаграждения. Расцветут литература и искусство. Финансы, эти нервы государства, будут регулироваться с осмотрительностью; расходы будут урезаны, пенсии — сокращены… С новой силой расцветет религия. Восстановленная в своем авторитете церковь вновь обретет весь свой блеск. Дворянству вернут его исключительные права и почести».

В выступлении Ришелье нашлось место и для обещаний лучшего будущего простому люду: «Народ будет освобожден от притеснений некоторых чиновников…» Епископ недвусмысленно указал на государство как на естественного защитника народа от незаконных «обид», не забыв сказать о более разумном обложении налогами.

Нарисовав радужную картину светлого будущего, Ришелье обратился к королеве-регентше с тщательно продуманным панегириком. «Счастлив государь, — воскликнул он, — которому Господь дарует мать, исполненную любви к его особе, усердием по отношению к его государству, столь опытную в ведении его дел!» Епископ не преминул воздать хвалу Марии Медичи и за ее внешнеполитическую «мудрость», выразившуюся в заключении династического альянса с испанской короной. Прозорливость королевы-матери, воскликнул оратор, создала «залог надежного мира между двумя самыми великими королевствами в мире…».

Со всей проникновенностью, на какую был способен, Ришелье завершил свое обращение к Марии Медичи еще одним пассажем: «Вы многое сделали, Мадам, но не нужно останавливаться на этом; не продвигаться дальше по дороге чести и славы, не возвыситься на этом пути означало бы отступить. Но если Вы после столь замечательного успеха еще отважитесь на то, чтобы королевство воспользовалось плодами, которые обещает и должна дать ассамблея (Генеральные штаты. — *П. Ч.*), обязательства королевства перед Вами расширятся до бесконечности; тысячи благословений будут призваны на короля за то, что он поручил Вам вести свои дела, на Вас — за то, что Вы столь достойно справились с ними, на нас — за то, что мы смиренно и пламенно молим Ваше Величество продолжать править таким образом, чтобы Вы могли прибавить к славному имени матери короля не менее прекрасное имя матери королевства».

Последние слова оратора были обращены к юному королю. Ришелье выразил желание французского духовенства «видеть королевскую власть до такой степени укрепленной, чтобы она стала подобна неприступной скале, о которую разбивается все, что по ней ударяет». Свою речь епископ Люсонский завершил пожеланием, чтобы «Его Величество Людовик XIII царствовал долго и славно, служа утешением для своих подданных и устрашением для своих врагов».

Конечно же, епископ говорил не лично от себя, а от имени своего сословия, но для него важно было то, что выступал именно он, а не кто другой. Именно на него были обращены взоры «лучших людей» Франции и, что самое главное, благосклонный

взор Марии Медичи, продолжавшей оставаться правительницей государства.

Честолюбивый епископ прекрасно знал истинную цену «государственному уму» правительницы королевства, сумевшей менее чем за пять лет практически свести на нет все усилия Генриха IV, прежде всего в финансово-экономической области. Жертвуя истиной ради карьеры, Ришелье полностью отдавал себе отчет в том, что говорил; его не мучили угрызения совести за безудержную лесть в адрес королевы-регентши. Более того, его даже устраивала бездарность Марии Медичи в государственных делах, равно как и слабость ее характера. Посредственность государя, его заурядность везде и во все времена на руку не одним только авантюристам-временщикам типа Кончини, но и крупным государственным деятелям, умело направляющим политику безвольных правителей. Проблема состоит в том, кто окажется у трона — авантюрист или человек государственного ума; от этого иной раз зависит и судьба государств.

Льстя без меры Марии Медичи, Ришелье — тонкий знаток человеческой натуры — делал ставку на женское тщеславие и не ошибся. Ему удалось обратить на себя внимание болезненно-недоверчивой королевы. Очень скоро он будет вознагражден.

Что касается коллег епископа Люсонского, то они удовлетворенно констатировали, что Ришелье как нельзя лучше справился со своей миссией.

Доволен был и сам Ришелье. Он чувствовал, что доставил королеве несколько приятных минут. Теперь уже было неважно, что он говорил не от себя, а от всего сословия. Скромный епископ в одночасье стал фигурой государственного масштаба.

Вслед за Ришелье с небольшой речью выступил делегат от дворянства барон де Сеннесей, который заметно проиграл на фоне предшествующего оратора.

Затем слово взял Франсуа Мирон — представитель третьей палаты. Его выступление не было лишено смелости, когда он заговорил о бедственном положении народа, терпящего притеснения и лишения. Депутат говорил о необходимости реформ и об усилении королевской власти — защитницы народа. Он передал требования своего сословия: регулярно (не реже одного раза в 10 лет) созывать Генеральные штаты, строго контролировать «правильное» распределение финансов и государственных должностей. В наказе третьего сословия говорилось также о необходимости соблюдения равенства всех перед законом, об отмене чрезвычайных трибуналов, поощрении торговли и ремесел, отмене внутренних таможенных барьеров и принятии ограничительных мер в отношении иностранных

торговцев, о сокращении пенсий сановникам и т. д.

Выступление представителя третьего сословия вызвало откровенное недовольство духовенства и дворянства.

12 марта 1615 г. Людовик XIII закрыл Генеральные штаты словами: «Господа, я благодарю вас за усердный труд… Я поручу изучить ваши наказы и дам вам ответ».

Обещания король так и не выполнил. Наказы сословий не были даже изучены, а специальная комиссия представителей трех сословий, призванная оказать помощь Королевскому совету в подготовке соответствующих решений, прекратила свое существование, не успев даже собраться.

Неделю спустя, 19 марта 1615 г., в том самом зале, где проходила напряженная работа Генеральных штатов, двор присутствовал на балетном представлении «Африканка, или Триумф Минервы» на античный сюжет. 1200 свечей освещали зал. Вызывающий парад роскоши, бриллиантов и золота на фоне вопиющей бедности подавляющей массы населения. Казна пуста — неутешительный итог «мудрого» правления Марии Медичи, прославленного епископом Люсонским.

По окончании работы Генеральных штатов Ришелье некоторое время — по разным сведениям, от двух недель до двух месяцев — оставался в Париже. Не дождавшись желанного вызова в Лувр, он возвращается в свою епархию и уединяется в приорстве Куссей, где предается размышлениям о будущем; оно все еще оставалось неопределенным.

При дворе как будто забыли о епископе Люсонском. Жизнь идет своим чередом, словно и не было Генеральных штатов. Двор целиком поглощен подготовкой испанских браков, задуманных Марией Медичи. Елизавета Французская должна стать женой наследника испанского престола, а инфанта Анна Австрийская — королевой Франции, женой Людовика XIII. Создание двора будущей королевы и выбор для нее духовника заботили Марию Медичи и ее окружение гораздо больше, нежели наказы Генеральных штатов.

Ришелье был занят делами перестройки кафедрального собора, когда из письма давнего знакомого епископа Байоннского Бертрана д'Эшо узнал о своем возможном назначении духовником Анны Австрийской. Ему было известно, что на эту должность прочили епископа Орлеанского Габриэля де Л'Обеспина, славившегося благочестием и образованностью.

Кандидатуру епископа Люсонского предложили Марии Медичи маркиз Анри де Ришелье и его друзья. Королева-регентша, искавшая случая отметить Ришелье, одобрила выбор. Однако окончательное решение было отсрочено в связи с новым

мятежом, поднятым принцами.

Конце и его сторонники выпустили манифест, в котором говорилось, что Королевский совет не выполняет наказов Генеральных штатов и не намерен осуществлять необходимые преобразования. В манифесте также осуждалась габсбургская ориентация французской внешней политики — заключение двойного династического союза. Особое беспокойство у Марии Медичи и ее окружения вызвало заигрывание Конде с гугенотами. Возникла реальная угроза новой вспышки внутренних междоусобиц.

Тем временем приближался срок договоренностей, достигнутых с Мадридом и Веной. В последних числах сентября 1615 года из Парижа на юг Франции, в направлении франко-испанской границы, двинулся внушительный кортеж — весь цвет французского двора во главе с Людовиком XIII, Марией Медичи и принцессой Елизаветой. Тысяча отборных всадников под командованием герцога д'Эпернона обеспечивала безопасность продвижения.

Мария Медичи с тревожным чувством оставляла Париж. Для того чтобы предотвратить возможность захвата столицы мятежниками, она оставила там 2 тысячи швейцарских наемников, а ответственность за оборону и поддержание порядка в городе возложила на старейшего маршала Франции де Буадофена. Маршалу было приказано контролировать возможное передвижение вооруженных формирований Конде, дислоцированных в районе Клермон-аи-Бовези.

Епископ Люсонский внимательно следил за неторопливым продвижением двора. Когда королева и ее дети достигли наконец Пуатье, Ришелье лично выехал встречать их. Принцесса Елизавета, неожиданно почувствовавшая недомогание, вынуждена была на несколько дней задержаться в Пуатье. Двор тем временем двинулся дальше. Мария Медичи оставила принцессу на попечение епископа, поручив регулярно сообщать о состоянии здоровья дочери. Восстановив силы, Елизавета через несколько дней в сопровождении вооруженного эскорта отправилась догонять двор, остановившийся в Бордо.

9 ноября королевский кортеж достиг конечной цели путешествия — приграничного городка Бидассоа, расположенного на франко-испанской границе. Туда же прибыла не менее внушительная испанская делегация. В тот же день состоялась торжественная церемония обмена невестами: 13-летней Елизаветы Французской на 14-летнюю Анну Австрийскую.

Несколько дней шли переговоры, сопровождавшиеся ежевечерними пиршествами. 25 ноября 1615 г. все формальности

были улажены, после чего 14-летние Людовик XIII и Анна Австрийская провели первую брачную ночь. На следующий день французский двор покинул Бидассоа и отправился в обратный путь.

Мария Медичи могла быть всем довольна, если бы не постоянные мысли о Конде. От агентов, рассылавшихся во все концы, ей стало известно, что отряду Конде удалось обойти заслоны королевских войск и прорваться на юг. Не исключено, что принц может попытаться напасть на королевский кортеж. Были приняты дополнительные меры безопасности.

За важными заботами Мария Медичи не забыла и о епископе Люсонском. Еще по пути в Париж она утвердила Ришелье духовником юной королевы, о чем он был официально уведомлен.

Понимая, кому обязан этой милостью, Ришелье немедленно отправляет королеве-матери пространное письмо с выражением самых возвышенных чувств. Он пишет, что у него нет «достойных слов, чтобы поблагодарить» королеву «за незаслуженную честь», коей удостоен. Он обещает Марии Медичи «посвятить всю свою жизнь» служению ей, «моля Господа о том, чтобы он продлил мои годы ради продолжения Ваших…».

Однако очередное обострение болезни помешало Ришелье сразу же занять место при дворе.

Начало нового, 1616 года принесло надежду на мирное урегулирование конфликта между Марией Медичи и недовольными принцами. Не сумев собрать достаточно сил для похода на Париж, Конде и его сторонники вынуждены были искать пути примирения с центральной властью. В середине февраля в районе городка Луден начались мирные переговоры, продолжавшиеся до конца апреля.

3 мая 1616 г. было подписано соглашение, по которому принцы, и в первую очередь Конде, добились от правительства новых уступок (губернаторств, замков, денежной компенсации за понесенные военные издержки и т. д.). Государству эти уступки обошлись в 20 миллионов ливров, дополнительно выкачанных из налогоплательщиков.

За подписанием мирного соглашения последовали серьезные перемены в Королевском совете. Принцам не удалось добиться устранения Кончини, зато Мария Медичи использовала соглашение для окончательного отстранения от власти «барбонов» («бородачей») — старых соратников Генриха IV. Канцлер Силлери уступил место первому президенту парламента Экса дю Вэру. Жаннен, удержавшись в Королевском совете, потерял пост генерального контролера (министра) финансов,

доставшийся сьеру Барбену — доверенному человеку Марии Медичи. Внешнеполитические дела были переданы из рук Виллеруа ставленнику Кончини — Клоду Манго, первому президенту парламента Бордо.

Узнав о переменах в Париже, епископ Люсонский счел, что медлить более нельзя. Он покидает приорство Куссей и едет в Париж. Едва устроившись, садится за письмо королеве-матери с предложением услуг. Ришелье явно нервничает, не скрывая боязни быть обойденным при дележе пирога власти. «Я не только полезен Вашему Величеству, но, что более важно, нужен Вам…» — пишет епископ.

Интуиция подсказывает Ришелье, что сейчас как никогда бездарная правительница нуждается в опытном советнике, чтобы успешно противостоять усиливающемуся натиску знати. Он понимает: ненавистный Кончини обречен, рано или поздно он будет устранен — скорее всего, физически. В Париже участились случаи открытых нападок на итальянца и его жену. По рукам ходят многочисленные памфлеты оскорбительного характера, направленные против маршала д'Анкра.

Незаметно при дворе появляется новое лицо — любимец юного короля Альбер де Люинь. Выходец из обедневшей провансальской дворянской семьи, он служил пажем при Генрихе IV, определившем его к малолетнему дофину наставником по военному делу и охоте. Альбер де Люинь — непревзойденный мастер соколиной охоты — пристрастил к ней и Людовика XIII. Почти на 20 лет старше короля, де Люинь сумел завоевать доверие Людовика XIII, стать его ближайшим другом и советником. Именно под влиянием де Люиня прежде покорный и безропотный сын, к неудовольствию королевы-матери, обнаруживает растущее неповиновение и стремление к самостоятельности. Встревоженная правительница очень скоро поняла, кто направляет ее сына. Поначалу она попыталась договориться с де Люинем, осыпая его милостями: доверила ему управление замком Амбуаз, ввела в состав Королевского совета, наконец, сделала его главным сокольничим королевства. Увы, ожидаемого сближения не произошло. Людовик XIII все больше отдаляется от матери; положение подконтрольного суверена уже не устраивает его. После женитьбы недовольство угнетающим влиянием матери приняло у Людовика XIII столь откровенную форму, что Мария Медичи вынуждена была пойти на уступки. Юный король стал принимать участие в решении государственных дел, не ограничивающееся только представительской ролью.

Произведя перемены в составе Королевского совета, Мария

Медичи сумела провести на ключевые посты своих ставленников и людей Кончини. Оставалось убедить строптивого Конде, собиравшего армию в районе Бурже, пойти на переговоры.

Кому доверить ведение переговоров? Мария Медичи выбирает епископа Люсонского.

Это было первое важное политическое поручение, возложенное на Ришелье. От его успешного выполнения во многом зависела карьера честолюбивого прелата, он это ясно сознавал. Вспоминая впоследствии этот эпизод, Ришелье отмечал: «…Королева поспешила направить меня к принцу, полагая, что моей верности и ловкости будет достаточно для того, чтобы развеять облака недоверия по отношению к ней».

Для начала Ришелье направил Конде письмо, в котором отметил его заслуги в достижении соглашения в Лудене и заверил в самом лучшем расположении со стороны Их Величеств, только и мечтающих о том, чтобы видеть принца при дворе. Он не преминул довести до сведения Конде и «страстное желание» супругов Кончини содействовать его примирению с королевской семьей. Пожалуй, здесь епископ переусердствовал, так как не было у Конде большего врага, чем итальянский выскочка. Во всяком случае, Ришелье не получил ответа от принца.

Выждав некоторое время, епископ на свой страх и риск отправился в Бурже и добился приема у Конде. От имени королевы-матери он изложил мотивы, по которым она произвела перестановки в Королевском совете. Единственный, кого там недостает, — это первый принц крови, без которого Совет не имеет достаточного авторитета. Трудно с достоверностью утверждать, какие доводы приводил посланец Марии Медичи, чем искушал высокомерного и недоверчивого Конде, но, так или иначе, 17 июля 1616 г. вождь оппозиции неожиданно прибыл в Париж, изумив как своих сторонников, так и саму королеву-мать. Этим успехом, отмечает биограф Ришелье Габриэль Аното, «люсонский епископ одним разом приобрел репутацию искусного посредника и предусмотрительного политика». С этого момента Ришелье вошел в узкий круг личных советников королевы-регентши.

Мария Медичи устроила Конде пышный прием и немедленно ввела его в Королевский совет. Пообещав новые уступки и льготы, она добилась от Конде хотя бы внешнего примирения с Кончини.

И все же непомерные амбиции не давали Конде покоя. Постоянно недовольный, он порой был просто невыносим. Конде не порвал связей со своими сообщниками — герцогами Майенским, де Лонгвилем и де Буильоном, не спешившими последовать примеру принца и сохранявшими свои вооруженные

формирования. Как вспоминал Ришелье, чем дальше, тем очевиднее становились сокровенные замыслы Конде — «лишить короля трона и самому занять его место».

Встревоженная Мария Медичи по совету Барбена и Ришелье решилась прибегнуть к крайним мерам, рискуя вызвать новую вспышку гражданской войны. 1 сентября 1616 г. принца Конде арестовали и заключили в Бастилию.

Хорошо рассчитанный удар произвел должное впечатление. Никто не ожидал от королевы-матери столь решительных действий. Сторонники Конде спешно покинули Париж и затаились Попытка вдовствующей принцессы Конде — матери вождя оппозиции — поднять мятеж в столице была подавлена в считанные часы.

5 октября мятежные принцы объявили о прекращении сопротивления и подчинении центральной власти. Лишь герцог де Буильон, укрепившийся в Седане, и герцог де Невер, губернатор Шампани, решили продолжать борьбу.

Попытка нового посредничества Ришелье между двором и двумя мятежниками успеха не имела. Из поездки в Шампань епископ вернулся ни с чем и смог лишь посоветовать правительству в данном случае продемонстрировать силу.

По возвращении в Париж Ришелье узнает о своем назначении послом в Испанию, которое ему исхлопотал его покровитель Барбен — генеральный контролер финансов. Посольство в Мадриде считалось тогда самым престижным во французском дипломатическом корпусе. Казалось бы, епископ должен был испытывать удовлетворение. Однако мало кто догадывался, сколь высоко было устремлено честолюбие Ришелье. Вот что пишет об этом в «Мемуарах» он сам: «…Я был назначен чрезвычайным послом в Испанию. Однако по своим склонностям я скорее предпочел бы остаться на своей настоящей должности (духовника молодой королевы. — *П. Ч.*). Но, не говоря уж о том, что мне не было позволено рассуждать на эту тему, когда воля высшей власти казалась мне непререкаемой, должен признаться, что немногие молодые люди могли бы отказаться от назначения, которое обещает одновременно власть и занятие. Итак, я принял то, что мне предложил маршал д'Анкр от имени королевы, и тем более охотно, что мой личный друг сьер Барбен настойчиво советовал поступить именно таким образом». Ришелье уже начал готовиться к отъезду, когда обнаружилась измена канцлера дю Вэра, уличенного в тайных связях с мятежниками. Он был арестован, а его место занял Клод Манго. Таким образом, освобождался пост государственного секретаря по иностранным делам.

Государственный секретарь

Мария Медичи вновь вспоминает о епископе Люсонском, возможно, не без подсказки все того же Барбена.

Назначение Ришелье состоялось где-то между 24 и 29 ноября 1616 г. Различные биографы Ришелье называют разные даты. 29 ноября епископ Люсонский пишет заискивающее письмо маршалу д'Анкру, которого в душе глубоко презирал, с выражением глубочайшей признательности за оказанную милость. Новоиспеченный министр заверяет всесильного фаворита и «мадам маршальшу» в своих самых искренних чувствах и помыслах. Характерно, что Ришелье ни разу не упоминает в письме о государственных интересах, которым отныне обязан служить. Он достаточно хорошо изучил циничную натуру временщика. Подлинные мысли епископа глубоко спрятаны под маской подобострастного исполнителя чужих предначертаний.

Разное говорили современники Ришелье о гипнотическом воздействии его на немолодую уже маршальшу д'Анкр, об их взаимоотношениях. Достоверно только то, что сам маршал д'Анкр с некоторых пор явно благоволил к энергичному епископу Люсонскому, не подозревая о сокровенных мыслях того, кто вознамерился устранить своего покровителя и занять его место у руля власти. Сам Ришелье пишет об отношении к нему Кончили следующее: «Я понравился ему, и он проникся ко мне некоторым уважением. С первой нашей встречи он сказал кому-то из своих родственников, что у него есть один молодой человек, способный проучить любого барбона».

Что касается Марии Медичи, то очень скоро ее слабая женская натура полностью подчинится железной воле нового советника, превратившего королеву в исполнительницу своих честолюбивых желаний и политических замыслов. Надо сказать, что в тот период Ришелье допустил серьезный политический просчет. Он сделал ставку исключительно на королеву-мать и не предпринял ровным счетом ничего для того, чтобы завоевать симпатию короля-подростка. Он просто его игнорировал. Этот непростительный промах дорого обойдется честолюбивому прелату. Но все это в будущем, хотя и недалеком. А пока новый государственный секретарь принимает многочисленные поздравления от друзей и недругов. Все спешат засвидетельствовать почтение новой «звезде», вспыхнувшей на политическом небосклоне Франции.

В целом назначение Ришелье встретили благожелательно. «Меркюр Франсе» — официальный вестник, выходивший в

Париже, — посвятил ему несколько лестных слов: «Тот, кто стал государственным секретарем, является прелатом, о котором благодаря чистоте его жизни, возвышенности устремлений и незаурядности ума идет столь громкая слава, что те, кто знает его достоинства, убеждены: Господь предназначил его для оказания великих и славных услуг Их Величествам».

С одобрением отнеслись к выдвижению Ришелье и иностранные дипломаты в Париже. Папский нунций кардинал Бентивольо сообщал в Рим 2 декабря 1616 г.: «На место де Манго поставили епископа Люсонского господина де Ришелье — прелата, который хотя и молод, но, как известно Вашему Святейшеству, хорошо известен во Франции своими познаниями, красноречием, добродетелью и религиозным усердием. Мы можем надеяться на то, что эта перемена будет для нас благоприятна… Нельзя было и желать лучшей кандидатуры на пост государственного секретаря, чем кандидатура епископа Люсонского». Получив это донесение, папа римский счел необходимым выразить благодарность маршалу д'Анкру за столь удачный выбор.

Герцог Монтелеоне, посол Испании в Париже, в свою очередь, доносил в Мадрид: «Господин де Ришелье, епископ Люсонский, — мой близкий друг. Я убежден, что во всей Франции не найдется двух таких ревнителей дела Господня, нашей короны и общественного блага. И даже если бы он не обладал всеми этими качествами, его усердие на службе у королевы-инфанты (Анны Австрийской. — *П. Ч.)* позволяет надеяться на него. Кстати, у меня есть и формальное доказательство его преданности нашему делу». Испанский посол не сообщает, о каком «формальном доказательстве» идет речь, но тогдашние симпатии Ришелье к Мадриду были общеизвестны.

А вот как оценивал назначение Ришелье посол Венецианской республики в донесении своему правительству: «По нашему мнению, выбор нового государственного секретаря не может считаться благоприятным для интересов Ваших Милостей. Нет сомнения, что он принадлежит к испанской партии. Его часто можно видеть в посольстве Испании, поговаривают даже, что Мадрид выплачивает ему пенсию».

Действительно, протеже Марии Медичи, одержимой идеей союза с Испанией, не мог не сблизиться с испанской партией при французском дворе, если надеялся сделать успешную карьеру. Понимание необходимости противодействовать гегемонистским устремлениям Габсбургов придет к Ришелье позднее, когда он в полной мере оценит смысл внешнеполитических усилий Генриха IV.

Итак, 32-летний епископ Люсонский — новый государственный секретарь. За 18 месяцев, истекших со времени его появления на трибуне Генеральных штатов, он многое успел: стал духовником молодой королевы, личным советником Марии Медичи, государственным секретарем и членом Королевского совета; в знак признания его заслуг ему была пожалована пенсия в размере б тысяч ливров в год — скромная, в общем-то, сумма, но это только первая капля обильного золотого дождя, который прольется на Ришелье милостью его венценосных благодетелей.

За несколько дней до назначения епископа Люсонского государственным секретарем в старом фамильном замке в возрасте 60 лет тихо угасла его мать мадам де Ришелье, не дождавшись первого триумфа своего любимца. Втянутый в круговерть обрушившихся на него дел, Ришелье не смог выехать из Парижа и проститься с матерью. Мадам де Ришелье была похоронена 8 декабря 1616 г. в присутствии сельского кюре прихода Брей. «Я вынужден с глубокой горечью поведать Вам о постигшей нас утрате — смерти нашей бедной матери… — сообщал Ришелье в письме брату монаху-картезианцу. — При ее кончине Господь даровал ей столько же милости, утешения и нежности, сколько несчастий, обид и горечи она испытала при жизни. Что касается меня, то я молю Бога, чтобы ее и Ваш добрые примеры помогли мне в будущей жизни».

* * *

От нового Королевского совета ждали перемен к лучшему. Но этого не произошло. С устранением «барбонов» влияние Кончини стало поистине не ограниченным. Он призвал к власти людей малоизвестных, не имеющих влияния и опыта в ведении государственных дел, и они попали в полную зависимость от временщика. Кончини, безусловно, нуждался в энергичных, способных помощниках, но он же постарался лишить их всякой самостоятельности. Маневр хитрого итальянца быстро разгадали. В новых министрах видели его ставленников, поэтому поддержки в обществе они не получили.

С самого начала высокомерный фаворит дал понять своим помощникам, кому они обязаны возвышением и как им надлежит вести себя. Кончини требовал от них абсолютного повиновения. Он запрещал принимать какие-либо важные решения во время своих частых и длительных отъездов из Парижа. Министрам приходилось проявлять невероятную изворотливость, чтобы решать непрерывно возникающие вопросы, не задевая

болезненного самолюбия маршала д'Анкра.

С возрастом — а в 1616 году Марии Медичи было уже 42 года — она становилась все более капризной и вздорной. Властолюбивая от природы, королева проявляла поражавшую ее помощников апатию ко всему, что прямо не затрагивало ее интересов. Нередко со слезами на глазах она обвиняла других в ошибках, которые сама же совершала. При этом королева была на редкость упряма, что не мешало ей постоянно подпадать под чье-нибудь влияние. Нельзя было полагаться на ее слово. Она непрерывно меняла свои решения.

За немногие годы регентства Мария Медичи потеряла всякое уважение своих подданных, став объектом насмешек — подчас фривольного толка — анонимных памфлетистов. Ришелье очень скоро воочию убедился в том, о чем раньше лишь догадывался: королева-мать жила во власти своих чувств и чужих мыслей. И он сделает из этого соответствующие выводы.

Ведущую роль в министерском триумвирате маршал д'Анкр отвел Барбену, способному финансисту, наделенному воображением и твердостью. Ришелье говорит о нем как о «мужественном человеке с чистыми руками». Епископ Люсонский стал правой рукой Барбена, на чью поддержку вполне мог рассчитывать. В то время Ришелье охотно демонстрировал доверительный, дружеский характер своих отношений с генеральным контролером финансов.

Маршал д'Анкр попытался убедить Ришелье отказаться от люсонского епископства, на которое у него, по-видимому, были какие-то виды, но при поддержке Барбена и других влиятельных друзей молодому министру удалось сохранить за собой наследственное владение. Правда, должность духовника Анны Австрийской пришлось уступить другому протеже Кончини. Материальное положение Ришелье к тому времени значительно улучшилось. 17 тысяч ливров в год, конечно же, не предел его мечтаний, но все же эти деньги давали возможность вести достойную его сана и высокого поста жизнь при дворе.

Новый государственный секретарь, несмотря на сутану, проявлял живой интерес к светской жизни. Часто его можно было видеть на балах и даже на маскарадах. Он элегантен, общителен, приветлив и явно ищет расположения не только влиятельных сановников, но и молодых женщин.

В обязанности Ришелье, определенные специальным королевским повелением, входило составление депеш, писем и других бумаг, имеющих отношение не только к внешней политике и дипломатии, но и к военным делам. Посему и занимаемый им пост назывался внушительно — государственный

секретарь по иностранным и военным делам. Такая двойная нагрузка была, конечно же, тяжела для дебютанта в большой политике. Но епископ слишком верил в себя, чтобы отступать.

Уже первое порученное ему дело было весьма нелегким: он должен был изыскать возможности и средства заставить мятежников — герцогов Неверского и Буильонского — прекратить сопротивление и подчиниться Королевскому совету. Узнав об аресте принца Конде, герцоги собрали армию для похода на Париж. Укрепившись в Шампани, герцог Неверский в декабре 1616 года неожиданно атаковал Сент-Менеуль и захватил этот город, где в свое время было подписано соглашение о прекращении междоусобицы. Затем согласовал с герцогом Буильонским, засевшим в Седане, план совместной весенней кампании. Мятежные принцы договорились пополнить свои армии наемниками, которых предстояло навербовать в германских княжествах.

Узнав об этих приготовлениях и получив согласие королевы-матери и маршала д'Анкра, Ришелье двинул небольшую армию под командованием де Праслена к Сент-Менеулю. Уже к концу декабря 1616 года королевские войска освободили город. Это было первое серьезное предупреждение герцогу Неверскому.

17 января 1617 г. парижский парламент зарегистрировал (т. е. придал силу закона) королевский ордонанс, гласивший, что если в течение двух недель мятежный герцог не явится с повинной к королю, то будет осужден за «оскорбление Величества»[9]. С дальнейшими уступками покончено. Власть намерена утвердить свои права.

Энергичную деятельность министерского триумвирата сразу же должным образом оценили иностранные дипломаты в Париже. Венецианский посол сообщал своему правительству: «Здесь непрерывно проводятся чрезвычайные заседания. Принято решение отказаться от мягкой и терпимой политики предыдущих королей. В случае необходимости решено прибегнуть к силе. Цель состоит в том, чтобы добиться полного повиновения. Война отныне считается единственным средством борьбы с возмутителями спокойствия. Королева-мать готова поставить на карту все. Об этом мы узнали от епископа Люсонского, который сообщил о принятом решении».

Озадаченные непривычным обращением, герцоги Неверский и Буильонский направили королю манифест с прямым требованием удалить новых министров и возвратить «барбонов». Это означало, что они намерены продолжать войну.

Тогда Ришелье составляет документ, который должен стать своеобразным обвинительным актом, политически

дискредитирующим мятежников в глазах французского и европейского общественного мнения. Документ получил название «Декларация короля по поводу новых волнений в его королевстве».

Его составитель сделал акцент на разоблачении противозаконного характера действий мятежников. «Для того чтобы привлечь на свою сторону население, жаждущее покоя, — говорилось в королевской декларации, — принцы коварно провозглашают стремление к миру, в то время как Его Величество якобы желает войны… Разве стремление к миру совместимо с тем, что они делают: собирают людей на войну, используя свой авторитет, вербуют солдат, укрепляют крепости, охрана и управление которыми были им доверены Его Величеством, покушаются на города и захватывают их казну, прибегают к внешней помощи и желают введения иностранных войск в королевство, наконец, совершают всевозможные враждебные действия? Могут ли подданные стремиться к миру с оружием в руках? Это вправе делать только короли, но не их подданные».

Далее в декларации говорилось о тщетных попытках Королевского совета мирным путем договориться с мятежниками: «Что касается Его Величества, то кто осмелится утверждать, что он желает войны, после того как в течение короткого промежутка времени он заключил три договора, чтобы даровать мир своему народу и поддерживать его?» Ришелье не забыл напомнить и об огромных суммах, выплаченных королевской казной вождям мятежников ради сохранения мира, и об их неблагодарности.

Перечислив все преступления, совершенные герцогами против короля и общественного спокойствия, осудив их попытки «опустошить государство», свергнуть «законную власть» и «установить личную тиранию», Ришелье завершил обвинительный акт следующими словами: «Кто же не видит, наконец, что единственное средство, оставшееся в распоряжении Его Величества и способное прекратить непрерывные мятежи в его королевстве, — это суровое наказание тех, кто их организует, с помощью верных своих подданных…»

Последовавшие энергичные и решительные действия показали, что обещание покончить с мятежным духом не было пустыми словами.

* * *

Прежде всего Ришелье как ответственный за военное управление занялся реорганизацией армии. Надо сказать, что в

тот период заботы военные занимали главное место в деятельности нового государственного секретаря, оттеснив на задний план дипломатию.

Существовавший в те годы порядок комплектования армии был крайне несовершенен и открывал самые широкие возможности для всевозможных злоупотреблений. В мирное время ядро королевской армии составляли швейцарские наемники, гвардейские подразделения, несколько старых полков и крепостные гарнизоны. Перед очередной военной кампанией король вручал офицерам, назначенным на командные посты, предписания (commissions), предоставлявшие им право комплектовать подразделения и части (роты или полки) путем вербовки солдат. При этом каждый офицер получал определенную сумму. На эти деньги командир был обязан полностью экипировать своих подчиненных и выплачивать им жалованье. Понятно, что офицеры, пользуясь отсутствием должного контроля, злоупотребляли предоставленной им самостоятельностью и обирали солдат всеми возможными способами. Если к этому добавить, что правом commissions пользовались губернаторы провинций, в том числе и мятежные принцы, то становятся очевидными все недостатки системы комплектования армии.

Ришелье пытался как-то исправить положение. Особое беспокойство у него вызывала перспектива вербовки мятежниками иностранных наемников, тем более что герцоги Неверский и Буильонский располагали для этого достаточными финансовыми возможностями. 29 декабря 1616 г. Ришелье направил послу Франции при австрийском дворе графу де Шомбергу инструкцию с указанием принять все меры для того, чтобы воспрепятствовать мятежным принцам осуществить вербовку наемников в пределах габсбургской империи. Одновременно посол получил предписание набрать 3 тысячи наемников и закупить 500 лошадей для королевской армии.

Ришелье внимательно следил за действиями мятежников, предупреждая их возможные контакты с иностранными дворами. Он обязал французских дипломатов докладывать ему обо всем, что могло бы быть использовано мятежниками в ущерб интересам короля Франции.

От своих агентов Ришелье узнал о попытках некоего шотландского дворянина, состоявшего ранее на службе у короля Франции, склонить солдат и офицеров королевской гвардии к измене в пользу герцога Неверского. Государственный секретарь приказал немедленно арестовать шотландца. Вскоре он был казнен на площади перед Лувром.

Слова Ришелье не расходились с делами. И в будущем он никогда не остановится перед крайними мерами наказания, если речь пойдет об интересах государства, олицетворяемого в его глазах королевской властью.

Государственному секретарю уже через два месяца удалось сформировать две армии и отдельный корпус. Первая армия численностью 30 тысяч человек (в том числе 10 тысяч иностранных наемников) при 40 пушках концентрировалась в Иль-де-Франс и должна была прикрывать Париж от возможного выступления герцога Неверского из Шампани. Командовал армией недавний мятежник герцог де Гиз. По расчетам дальновидного государственного секретаря, участие Гиза в военной кампании должно было символизировать полную изоляцию мятежников и одновременно окончательно рассорить вчерашних единомышленников. Конечно, Гиз мог и изменить, но Ришелье считал это маловероятным и не ошибся.

Вторая армия, несколько меньшей численности, была сосредоточена к юго-западу от Парижа, в провинции Перш — вотчине герцога Майенского. Ею командовал граф Овернский, побочный сын Карла IX. Граф Овернский 12 лет провел в Бастилии за участие в заговоре против Генриха IV. Ришелье, зная о военных способностях графа, добился его освобождения. Армия остро нуждалась в способных, волевых командирах. На всякий случай — мало ли что? — офицером для поручений к графу Овернскому государственный секретарь приставил своего старшего брата маркиза Анри де Ришелье. Маршал де Монтиньи возглавил небольшой корпус в составе 4 тысяч пехотинцев и 500 кавалеристов. Корпус сосредоточивался в провинциях Берри и Нивернь, к югу от Парижа.

Государственному секретарю пришлось приложить немало усилий, чтобы координировать действия трех командующих. Он внимательно следил за перемещением их войск, давая соответствующие указания. С самого начала в отношениях с военными 32-летний Ришелье взял решительный тон, невзирая на их возраст, чины и звания. Он знал неповоротливость тяжелой военной машины и непрерывно подгонял, причем в довольно резких выражениях, именитых военачальников, если считал, что они недостаточно активны. Примером подобного обращения может служить письмо Ришелье маршалу Франции де Витри, ветерану войн Генриха IV. «Я был очень удивлен, — отчитывал Ришелье старого маршала, — узнав, что Вы до сих пор не привели свой отряд в указанное мною место. По получении настоящего письма Вы должны немедленно принять все необходимые меры для скорейшего выступления и соединиться с армией,

действующей в Шампани». Не щадил Ришелье и члена королевской семьи герцога де Лонгвиля, недостаточно активно, по мнению Ришелье, действовавшего в Пикардии, а также других нерадивых военачальников, не устававших удивляться осведомленности государственного секретаря.

Детальное знание истинного положения дел было для Ришелье едва ли не главным условием принятия тех или иных решений. Именно в эти первые годы приобщения к власти у Ришелье пробудился интерес к тому, что мы называем разведкой и контрразведкой. С годами этот интерес возрастал. Собственно говоря, к услугам тайных осведомителей прибегали задолго до Ришелье. Он явно не был здесь пионером. Но именно ему принадлежит заслуга в организации французской секретной службы как таковой. С первых дней пребывания на посту государственного секретаря Ришелье обнаружил недюжинные организаторские способности и твердую волю. Характерным для него было стремление все дела доводить до конца. Никогда он не останавливался на полпути, не бросал начатого, не забывал обещанного. Необязательность и нерешительность Ришелье считал качествами, недопустимыми для государственного деятеля. Он сумел убедить Марию Медичи и маршала д'Анкра в том, что только сила способна положить конец мятежным притязаниям на власть; политика бесконечных уступок и компромиссов доказала свою несостоятельность. Посетивший государственного секретаря в середине января 1617 года папский нунций кардинал Бентиволью по возвращении от Ришелье записал: «Он буквально одержим войной. Он считает ее совершенно необходимой, если король желает оставаться королем. В самых энергичных выражениях он говорил со мной о принцах, заявив, что если бы их мощно атаковали с самого начала, то война завершилась бы в предельно короткий срок. Он добавил, что дней через восемь — десять Его Величество намерен отправиться в Реймс (в армию. — *П. Ч.*), что контролер финансов выделил (на ведение войны. — *П. Ч.*) 900 тысяч экю и что во всех провинциях войск вполне достаточно для подавления всякой попытки мятежа».

Очень скоро твердую руку нового государственного секретаря почувствовали не только его подчиненные, но и мятежники. Встревоженный серьезными военными приготовлениями правительства, герцог Неверский через свою сестру герцогиню де Лонгвиль попытался выяснить возможность и условия компромисса. Красавица герцогиня с энтузиазмом взялась за дело, но все ее старания воздействовать на Ришелье оказались тщетными. Он был полон решимости сокрушить мятежников.

Королевским эдиктом всех вождей мятежа объявили врагами престола; их имущество должно было перейти в собственность короля.

Ришелье занимается активными военными приготовлениями. Его стараниями армия получает новые пушки и пополняется несколькими тысячами иностранных наемников. При содействии генерального контролера финансов Барбена Ришелье добивается регулярной выплаты жалованья солдатам. Государственный секретарь вводит удивившее его сотрудников правило — отвечать на все запросы армейского командования. До сих пор такой практики не существовало. Ришелье считал, что как военные командиры на местах, так и дипломаты за рубежом должны постоянно чувствовать заинтересованность правительства в их деятельности. Между руководством и исполнителями, по убеждению Ришелье, должно существовать полное взаимопонимание.

Государственный секретарь разработал стратегический план предстоящей кампании. Он исходил из того, что силы герцогов Неверского, Буильонского и Майенского были разобщены и сконцентрированы в трех отдаленных один от другого районах. Ришелье принял решение, создав перевес сил, окружить каждую из мятежных армий, поочередно разбить или вынудить сдаться. 4 марта 1617 г. государственный секретарь направил командующим приказ короля о начале военных действий.

Ришелье внимательно следит за выполнением приказа, подгоняя нерадивых генералов. «Мы каждодневно ожидаем взятия Ретеля и Шато-Порсьена (крепостей, где засели мятежные принцы. — *П. Ч.*), — напоминает он генералу де Кюру. — Я прошу Вас поторопиться с этим, последовав примеру маршала де Монтиньи, который одерживает одну победу за другой». Действительно, корпус Монтиньи, действовавший на южном направлении, успешно наступал.

Менее удачно развивались события на участке армии графа Овернского. Поначалу ему удалось нанести поражение главным силам герцога Майенского в провинции Перш и вынудить их отступать в направлении Иль-де-Франс. Однако мятежный герцог оторвался от преследования и благополучно укрылся за мощными стенами Суассона — на полпути от Парижа до Реймса. Граф Овернский тем временем стоял у Пьерфона, будучи не в состоянии овладеть им.

Подобная медлительность грозила сорвать наметившийся успех всей кампании, и Ришелье направляет графу приказ, подписанный королем: «Я несколько удивлен, — говорится в документе, — видя, что Вы до сих пор не блокировали Суассон,

несмотря на мое повеление… Я не вижу причин, которые побудили Вас остановиться у Пьерфона и до сих пор не взять его. Вы теряете слишком много времени. Стремительность — это то, что более всего может повредить моим врагам…» Внизу Ришелье собственноручно добавил: «Вам надлежит решительно ускорить взятие крепости. Дело короля и Ваша честь требуют, чтобы Вы поспешили с этим».

Не полагаясь полностью на достоверность сведений, получаемых от графа Овернского, государственный секретарь перепроверяет их у своего брата маркиза Анри де Ришелье. В секретном письме брату Ришелье направляет свой личный шифр «для того, чтобы Вы могли отныне и впредь сообщать все подробности, какие сочтете необходимыми и которые должны быть известны только Вам и мне…» Тайные осведомители, по всей видимости, были у Ришелье и в других армиях. Когда по неизвестным причинам герцог де Гиз промедлил с сообщением в Париж о взятии им 15 февраля 1617 г. крепости Ришекур, он, к своему удивлению, получил письмо короля, датированное 7 марта, с выражением неудовольствия по этому поводу. Удивление герцога было тем более велико, что к моменту получения письма он так и не удосужился сообщить королю об одержанной победе. В послании, составленном все тем же вездесущим Ришелье, говорилось: «Этим письмом я напоминаю Вам о необходимости немедленно сообщать мне о предпринимаемых Вами действиях, о положении моих войск, о наличных силах и диспозиции моих врагов, а также то, что Вам известно об их замыслах. Тотчас же по получении этого письма Вы должны принять меры по срытию стен Ришекура с целью избавить меня от последующих забот об этой крепости, а также для устрашения других…».

Именно Ришелье принадлежала идея разрушения взятых крепостей и замков, и именно ему в определенной мере Франция обязана утратой многих интересных памятников средневековой архитектуры.

Немало времени и энергии отнимало у Ришелье разбирательство недоразумений и постоянных ссор между генералами и маршалами, нередко принадлежавшими к враждебным лагерям. В собрании его деловых бумаг можно обнаружить множество писем, адресованных заносчивым военачальникам, с призывами к примирению. Ришелье неустанно добивался согласованности действий армий. Эти усилия в значительной мере способствовали успехам королевской армии. В конце марта 1617 года граф Овернский сумел-таки взять Суассон, а герцог Гиз после захвата Шато-Порсьена осадил крепость Ретель, создав угрозу Седану, где укрывался герцог Буильонский.

Военная кампания вступила в свою завершающую стадию. К началу апреля 1617 года мятежные принцы вынуждены были прекратить сопротивление и сложить оружие.

* * *

С этого времени государственный секретарь уделяет больше внимания вопросам внешней политики. Здесь, как и в военном делопроизводстве, он обнаружил полную запущенность: никаких текущих бумаг, никакого архива.

Многочисленные предшественники Ришелье приходили и уходили, не оставляя после себя никаких следов. На депеши послов и другие официальные документы смотрели как на личную собственность. Практики приема и сдачи дел как таковой не существовало. Каждый новый министр должен был начинать с пустого места и такое же пустое место оставлял своему преемнику. Ценнейшие для истории документы либо бесследно исчезали, либо в лучшем случае оседали в семейных архивах бывших министров.

Ришелье принимает решительные меры по наведению порядка. Он направляет письменный запрос Абелю Сервьену — ближайшему помощнику бывшего государственного секретаря Виллеруа: «Убедительно прошу Вас выслать мне копии инструкций, которые Вы забрали с собой; кроме того, прошу детально ознакомить меня с тем, что происходило за время Вашего пребывания здесь, с состоянием дел на текущий момент и с тем, чего можно было бы ожидать в будущем. Я должен составить себе более полное представление о возможном течении событий. Служба королю требует того, чтобы вновь назначенный стремился получить всесторонние сведения».

С аналогичной просьбой Ришелье обратился к французскому послу при папском дворе де Бетюну, не обнаружив его депеш из Рима. Государственный секретарь потребовал от всех дипломатических представителей Франции за рубежом навести порядок в делопроизводстве.

Дипломатия, как и военное дело, — новое занятие для Ришелье, и здесь у него поначалу не все шло гладко, о чем свидетельствуют современники, в частности французский посол в Венеции де Леон и посол Испании при французском дворе герцог Монтелеоне. Они говорят об отдельных промахах нового государственного секретаря по части дипломатического протокола. Впрочем, довольно быстро Ришелье преодолел первоначальные затруднения.

Гораздо большие заботы у него вызывали проблемы европейской политики. В тот момент французская дипломатия была встревожена обострением ситуации в Северной Италии.

Напряженность в этом районе была вызвана противоборством Испании с Савойей и Венецией. Испания в начале XVII века контролировала Неаполь, Мантую и Милан, намереваясь распространить свое влияние на север и северо-восток Италии, вплоть до границ габсбургской империи. На пути гегемонистских притязаний Мадрида встал герцог Савойский Карл Эммануил. Он отказался от союза с Испанией и заручился поддержкой английского короля Якова I и Венецианской республики.

Летом 1616 года Карл Эммануил предпринял попытку захватить маркизат Монферрат, принадлежавший герцогу Мантуанскому, которому покровительствовал Мадрид. Губернатор Милана дон Педро Толедский, энергичный, жестокий правитель, немедленно вторгся со своей армией в пределы Пьемонта и захватил несколько крепостей. Положение герцога Савойского стало критическим, и он вынужден был обратиться к Франции с призывом о помощи.

Одновременно дон Педро создал угрозу для Венеции, которая со дня на день ожидала испанского вторжения с суши и с моря. Положение Венеции осложнялось тем, что в это же время резко обострились ее отношения с эрцгерцогом Штирии Фердинандом, также угрожавшим войной «королеве Адриатики». Венецианская республика обратилась за помощью к Франции, напомнив о своей давней поддержке политики Генриха IV.

Королевский совет в Париже оказался в трудном положении из-за возникших в нем разногласий — поддержать Савойю и Венецию или встать на сторону Испании. Перед трудным выбором оказался и Ришелье — личный друг посла Филиппа III при французском дворе. Какую позицию занять? Как оценить интересы Франции в этом конфликте? Что предпринять? Поддержать герцога Савойского и Венецианскую республику — значит вступить в конфликт с Мадридом, считавшимся с недавних пор союзником Франции. К тому же, по мнению Ришелье, французская армия, несмотря на победы, одержанные над мятежными принцами, все еще не могла противостоять лучшей по тем временам в Европе испанской пехоте.

С другой стороны, бросить на произвол судьбы Карла Эммануила и отказать в помощи Венеции означало бы молчаливо согласиться на испанскую гегемонию в Северной Италии. Это противоречило линии, последовательно проводившейся Генрихом IV, и могло быть воспринято в Европе, в том числе и в Мадриде, как свидетельство очевидной слабости Франции.

Ришелье склонялся к третьему варианту — поискам мирного решения конфликта при самом активном участии Франции. Герцог Савойский в обращении к Людовику XIII явно намекал на возможность и такого исхода. Для него было важно в создавшейся ситуации прежде всего удержаться у власти, предотвратив неминуемый разгром его слабой армии войсками дона Педро Толедского. К счастью для него и для французской дипломатии, Филипп III неожиданно известил Людовика XIII о том, что не возражает против переговоров с герцогом Савойским. Ришелье поспешил воспользоваться предоставленной возможностью и дал на подпись королю письмо, адресованное французскому послу в Турине. В нем говорилось: «Я испытал большое неудовольствие, узнав о беспорядках, учиненных в Монферрате армией моего кузена герцога Савойского… Поэтому я желаю, чтобы Вы от моего имени передали ему мое неудовольствие относительно нарушения им данного мне слова, что землям и подданным моего кузена герцога Мантуанского не будет причинено никакого вреда. Вы воспользуетесь этим случаем и передадите моему кузену герцогу Савойскому пожелание вывести все войска из Монферрата…» Посол должен был предупредить Карла Эммануила о приближении к Монферрату испанских войск и его неизбежном поражении в случае продолжения военных действий.

Пока Ришелье пытался урегулировать конфликт, произошли непредвиденные события, которые поначалу вызвали в Лувре переполох, а затем были с успехом использованы французской дипломатией.

В середине декабря 1616 года губернатор Дофине маршал де Ледигюйер, старый соратник Генриха IV. без согласования с правительством двинулся из Гренобля во главе 7-тысячного пехотного корпуса и 500 всадников на помощь Карлу Эммануилу. Его войска в короткий срок успешно пересекли Альпы и быстрым маршем двинулись на юг, захватывая одну за другой крепости взятые перед этим армией дона Педро в Пьемонте. Именно эта непредвиденная, дерзкая инициатива старого гугенота, верного антииспанскому духу политики Генриха IV, спасла герцога Савойского. Поход Ледигюйера произвел должное впечатление в Мадриде, усмотревшем в нем готовность Франции скрестить оружие с Испанией. В Эскориале все более определенно стали склоняться к переговорам. В Лувре же первоначальный шок вскоре сменился едва скрываемой радостью. Официально поступок старого маршала не одобрили, но ему и не приказали отвести войска из Пьемонта. Франция неожиданно оказалась «присутствующей» на севере Италии, что открывало перед французской дипломатией новые возможности. Ришелье мог

поздравить себя с неожиданным успехом. Он располагал теперь козырной картой, которую мог с успехом использовать в игре с Мадридом.

В то время как в отношениях с Савойей и Испанией Ришелье удалось сохранить равновесие, традиционно добрые отношения Франции с Венецией были испорчены. В результате помощь Венеции так и не была оказана. Сказались неопытность Ришелье и еще в большей мере его происпанская ориентация, отражавшая габсбургские симпатии двора Марии Медичи.

Параллельно с вопросами политическими молодой государственный секретарь занимался и подбором людей, которые придали бы новый импульс французской внешней политике. Одним из первых его протеже стал гугенот граф Шомберг, назначенный послом при австрийском дворе. Ришелье высоко ценил способности Шомберга и его преданность делу, о чем свидетельствует сам кардинал в своих «Мемуарах». Цель миссии Шомберга была достаточно четко сформулирована Ришелье в данной послу инструкции, подписанной королем. В ней говорилось: «Главное, что должен сделать граф де Шомберг, отправляясь в Германию, — рассеять мятежников, которые могут причинить вред Франции, донести туда (в империю Габсбургов. — *П. Ч.)* как можно скорее имя короля и прочно утвердить там его авторитет». Дело в том, что после смерти Генриха IV за годы регентства Марии Медичи престиж королевской власти упал и за пределами Франции, что открывало широкие возможности для действий мятежников. Содействовать утверждению авторитета королевской власти, олицетворяемой юным Людовиком XIII, и одновременно нейтрализовать действия аристократической оппозиции в пределах габсбургской империи — в этом состояла основная задача нового посла Франции в Вене.

Ришелье надеялся, что протестант Шомберг сумеет выполнить и другую задачу, поставленную перед послом, — укрепить давние связи Франции с германскими протестантскими княжествами. Уже тогда Ришелье отдавал безусловный приоритет политике над религией, что прослеживается по его дипломатической переписке. В переводе на современный политический язык это означает, что интересы реальной политики для епископа Люсонского (а впоследствии и кардинала) были выше религиозно-идеологических соображений. Религиозные (т. е. идеологические) соображения, по убеждению Ришелье, не могут и не должны направлять внешнюю политику. Не политика на службе идеологии, а идеология, подчиненная политическим интересам, — так мыслил Ришелье уже в самом начале своей деятельности на государственном поприще.

Наставляя Шомберга, Ришелье в упоминавшейся выше инструкции особо подчеркивал недопустимость действовать «в интересах Рима (т. е. папского престола. — *П. Ч.*) или Испании в ущерб нашим старым союзам (с германскими протестантскими княжествами. — *П. Ч.*) и нашим собственным интересам». Посол был уполномочен заверить германских протестантов в приверженности Франции к союзу с ними, возникшему при Генрихе IV. «…Мы будем всемерно заботиться о сохранении этого союза, и они (протестантские князья. — *П. Ч.*) могут рассчитывать на нашу помощь», — говорилось в секретной инструкции.

Папский нунций и испанский посол дорого бы дали за то, чтобы ознакомиться с этой инструкцией, составленной «их другом» епископом Люсокским. Надо сказать, что назначение графа Шомберга пришлось не по душе как кардиналу Бентивольо, так и герцогу Монтелеоне, подозревавшим нового посла в антипапских и антииспанских настроениях.

Конечно, было бы преждевременным говорить о каком-то повороте во внешней политике Франции в 1616–1617 годах от ориентации на союз с австрийскими и испанскими Габсбургами, а также от безусловной поддержки папского Рима. Гарантами этого курса, проводившегося со времени убийства Генриха IV, были сама Мария Медичи и маршал д'Анкр. Что касается Ришелье, то и он в то время, безусловно, принадлежал к испанской партии. Однако уже тогда его позиция была двусмысленной. С одной стороны, Ришелье выступает активным сторонником союза с Испанией, провозглашенного Марией Медичи, с другой — он фактически поощряет германских протестантов, поддерживая их против Габсбургов. Как иначе можно объяснить его указания тому же графу Шомбергу: «Нужно воспользоваться случаем дать им (протестантским князьям. — *П. Ч.*) понять, что мы ни в малейшей степени не желаем выдвижения Испании, предложив им, хотя и косвенно, помощь в борьбе против короля Испании, который стремится свергнуть королевские дома Венгрии и Богемии, а также Румынии (так в тексте. — *П. Ч.*) и намерен со временем Г возложить императорскую корону на голову одного из своих сыновей»?

Ришелье уже тогда предвидел будущие конфликты, которые начнутся из-за наследования императорской короны.

В 1616–1617 годах Ришелье, по-видимому, начинает понимать необходимость продолжения внешнеполитического курса Генриха IV. Не случайно в написанных гораздо позднее «Мемуарах» Ришелье старательно воспроизведет все свои тогдашние дипломатические инструкции, которые должны были засвидетельствовать документально, что он с самого начала был

убежденным противником испанских и австрийских Габсбургов.

Граф Шомберг с успехом выполнил поручение Ришелье. Уже по пути в Германию он провел переговоры с владетельными князьями Лотарингии и Эльзаса, курфюрстом Нижнего Пфальца, с некоторыми другими германскими князьями, которым обещал помощь короля Франции. Они, в свою очередь, обещали не оказывать поддержку мятежникам. Шомбергу удалось нейтрализовать попытки мятежных принцев склонить на свою сторону венский двор.

В Соединенные провинции (Голландию) со специальной миссией направляют де Ла Ну. Он должен предупредить действия герцога Буильонского, пытавшегося через принца Морица Нассау склонить Генеральные штаты (парламент) Голландии к поддержке французских мятежников. Посланца Ришелье приняли в Гааге весьма сдержанно, что означало недвусмысленное осуждение Соединенными провинциями происпанской ориентации политики Марии Медичи. Попытка Ришелье заручиться военной помощью Голландии в окончательной ликвидации мятежа в приграничной зоне успеха не имела. Испанские браки, заключенные стараниями королевы-регентши, лишили, Францию одного из ее вчерашних союзников.

Король Англии Яков I также не одобрял династического союза Франции и Испании, не без основания видя в нем угрозу английским интересам. Опасения в Лондоне были настолько велики, что английские представители поспешили установить тесные контакты с вождями гугенотской партии во Франции. Ришелье вынужден был сделать официальное представление послу Якова I при французском дворе лорду Хэю в связи с поддержкой Англией «мятежных подданных» короля Франции.

Одновременно Ришелье предпринял попытку нормализовать отношения с Англией, сознавая все негативные последствия для внутренней обстановки в стране поощрения Лондоном гугенотов и мятежных принцев. Через ЛаМанш был направлен посол барон де Ла Тур с поручением любой ценой добиться прекращения ашлийской помощи явным и потенциальным мятежникам. Судя по всему, миссия де Ла Тура увенчалась успехом. Во всяком случае, сам Ришелье сообщал в письме от 27 марта 1617 г. командующему одной из французских армий герцогу де Гизу: «Из Англии хорошие новости. Король Великобритании заверил барона де Ла Тура, что, хотя и говорят, будто он тайно оказывает помощь принцам, он никогда этого не сделает».

Ришелье вынашивал большие и по тем временам весьма оригинальные планы: вознамерился созвать в Париже, говоря современным языком, международную конференцию для

урегулирования проблем Северной Италии с участием Испании, Савойи, Венеции, папского Рима и императора Священной Римской империи при посредничестве короля Франции. Цель конференции — «сохранить мир для французского королевства и одновременно для всей Европы». Подобная идея могла возникнуть только в дерзкой голове. Ришелье употребил немало усилий для осуществления своих планов. Увы, его предложение явно опередило время, показавшись многим странной химерой.

Тем временем произошло резкое ухудшение отношений между Францией и Венецией, ответственность за которое в значительной мере падает на Ришелье. Уже говорилось о том, что Венецианская республика оказалась в сложном положении из-за угрозы вторжения Испании и Штирии. Не имея своей армии, Венеция обратилась за помощью к соседним государствам — Савойе, Франции, Швейцарскому союзу и Соединенным провинциям. Савойя в это время сама вела войну и была фактически союзницей Венеции; Голландия ограничилась финансовой поддержкой, а Франция тянула с ответом, явно не желая ввязываться в конфликт. На помощь Венеции пришли лишь протестантские кантоны Швейцарии — Берн и Цюрих, предоставившие ей наемных солдат. Поскольку число их было незначительно, Венеция вынуждена была обратиться к соседней крошечной альпийской республике гризонов[10]. Ее воинственное население, проживавшее в ущельях Альп, традиционно поддерживало хорошие отношения с Францией, которая с давних пор вербовала там наемников для своей армии. По соглашению, заключенному с Генрихом IV, гризоны обязаны были в случае необходимости пропускать французские войска через контролируемые ими горные перевалы. Поначалу Ришелье благосклонно отнесся к желанию Венеции заручиться поддержкой союзных с Францией гризонов, но уже через несколько дней в результате вмешательства испанского посла вынужден был изменить свою позицию. Более того, под давлением Мадрида он стал чинить всевозможные препоны Венеции в переправке через Альпы завербованных ею наемников. Ришелье попал в затруднительное положение; оно осложнялось еще и тем, что в составе Королевского совета были сторонники оказания помощи Венеции. Здесь как раз и проявилась непоследовательность государственного секретаря, пытавшегося сочетать защиту интересов Франции с интересами испанской партии при дворе. В конечном счете Ришелье повернул все дело так, будто Венеция желает столкнуть лбами Францию и Испанию. В результате Франция так и не оказала помощи Венеции и отношения между двумя странами окончательно испортились.

Как видим, молодой государственный секретарь преуспел более на военном поприще, нежели на дипломатическом. Твердости, столь необходимой в военном управлении, ему было не занимать, а вот знания европейских проблем ему пока явно недоставало. Вместе с тем нельзя не видеть, что просчеты Ришелье во внешней политике были, можно сказать, запрограммированы той общей стратегической линией, которая проводилась Марией Медичи. Ришелье пока еще только проводник чужой политики. За его спиной стояли Кончини, другие влиятельные члены Королевского совета, да и он сам не определил еще своего отношения к этой политике. У него пока не было собственной идеи внешней политики — того, что Сюлли называл «великим замыслом».

Но, несомненно, Ришелье был в поисках этой идеи, и те примерно пять месяцев, которые ему довелось пробыть на посту государственного секретаря по военным и иностранным делам, стали для него серьезной школой политического возмужания.

Он сумеет извлечь правильные уроки из допущенных в этот период ошибок и просчетов, преодолеть старые заблуждения, расширить свой политический кругозор и в конечном счете в целом реалистично определить государственные интересы Франции. Этот пятимесячный опыт — своеобразная генеральная репетиция для Ришелье перед тем политическим спектаклем, в котором он предстанет одновременно в двух амплуа — режиссера-постановщика и исполнителя главной роли.

Падение

К середине апреля 1617 года мятежные принцы сложили оружие. К нескрываемой радости королевы-матери, отпала необходимость отъезда Людовика XIII в армию. Мог «расслабиться» и ее фаворит — маршал д'Анкр, отправившийся на несколько дней в Нормандию. Его отсутствием поспешил воспользоваться любимец короля Альбер де Люинь. Он убедил Людовика XIII покончить наконец с ненавистным временщиком. Преодолев страх и сомнения, король дал согласие на акцию, доверенную капитану королевских мушкетеров де Витри.

Непомерные амбиции Кончини перешли все границы. Однажды на заседании Королевского совета он самовольно занял место отсутствовавшего в тот день короля, шокировав даже своих приближенных. Кончини откровенно домогался звания коннетабля Франции. Он настолько зарвался в своих претензиях, что перестал обращать внимание на предостережения своей более предусмотрительной жены, тщетно уговаривавшей его уехать подобру-поздорову в Италию, прихватив нажитое. Ришелье в «Мемуарах» утверждает, что даже Мария Медичи, порядком уставшая от постоянных домогательств ненасытного итальянца, советовала ему покинуть Францию. Однако маршал д'Анкр не внял благим советам.

Тиранические повадки временщика угнетали даже его ближайших помощников. Барбен вынужден был однажды заявить протест против унизительного обращения с ним маршала д'Анкра. Осторожный Ришелье не рисковал показывать свои эмоции, но и его терпение было не безгранично. Епископ Люсонский подумывал даже о возвращении к духовной карьере — возвращении, конечно же, временном, но в сложившихся обстоятельствах необходимом. Он даже присмотрел для себя Реймсское архиепископство, после чего надеялся получить желанную кардинальскую шляпу. Ришелье попытался заговорить об этом с папским нунцием, но монсеньор Бентиволью не поддержал разговора, полагая, что его «друг» Ришелье еще слишком молод.

Интуиция подсказывала Ришелье: приближается конец правлению Кончини. Он понимал: в его интересах как можно скорее отдалиться от ненавидимого обществом временщика и сохранить тем самым перспективу на будущее. Если верить воспоминаниям Ришелье, то он пытался обратить внимание Марии Медичи на опасность для спокойствия в государстве чрезмерного влияния маршала д'Анкра. Он утверждал даже,

будто просил королеву-мать об отставке. «Я отправился в Лувр, — пишет Ришелье. — В беседе с королевой я настойчиво просил ее позволить Барбену и мне выйти в отставку. Она сказала, что даст ответ через восемь дней (к этому времени в Париж из Нормандии должен был вернуться маршал д'Анкр. — *П. Ч.*). Это меня остановило…» — с горечью добавляет Ришелье, намекая на развернувшиеся за эти дни события, изменившие его жизнь на долгие годы.

Чувствуя приближение грозы, а быть может, и зная о заговоре, Ришелье пытается сблизиться с тем, кого считал наиболее вероятным кандидатом в правители Франции, — Альбером де Люинем. Он предлагает ему свои услуги в качестве… осведомителя при королеве-матери и ее фаворите. Через своего шурина дю Пон Курле Ришелье передает де Люиню письмо следующего содержания: «Господин де Люсон (т. е. Ришелье. — *П. Ч.*) вступил в должность государственного секретаря с намерением служить королю, а не какому-либо другому лицу. С крайним неудовольствием он видел, что дела идут из рук вон плохо и что Его Величество не удовлетворен этим. Покойный отец господина де Ришелье с большим усердием и верностью служил предыдущим королям. Если Его Величество пожелает воспользоваться услугами сына и видеть его в числе своих министров, то Вы, месье, будете в курсе всех решений, принимаемых на секретных совещаниях у королевы».

Де Люинь не принял услуг перебежчика и даже не ответил Ришелье, которого в партии короля не без оснований считали ставленником Кончини. Епископу Люсонскому не оставалось ничего другого, как дожидаться дальнейшею развития событий.

Тем временем в Париж вернулся маршал д'Анкр. Он что-то пронюхал о заговоре и намеревался предупредить его. Заговорщики решили не медлить.

24 апреля 1617 г. король встал раньше обычного. На этот день была назначена королевская охота. В церемонии проводов короля должны были участвовать все придворные, в том числе и маршал д'Анкр, который почему-то опаздывал. Ждали выхода короля, но он не появлялся.

Людовик XIII крайне возбужден. Он ждет сигнала, а его все нет. В комнате с королем де Люинь, д'Орнано и де Ботрю. Все заметно нервничают.

Около 10 часов утра в сопровождении свиты из 60 вооруженных дворян на подъемном мосту Лувра появился маршал д'Анкр. Внезапно навстречу ему вышел капитан мушкетеров де Витри и, подойдя вплотную, твердо произнес: «Именем короля, Вы арестованы!»

«Я?» — упавшим голосом воскликнул Кончини и отпрянул назад, к своей охране. В этот момент из-за спины де Витри вышли четыре человека с пистолетами и одновременно выстрелили прямо в лицо Кончини. Итальянец упал как подкошенный. Кое-кто из свиты Кончини выхватил шпагу и изготовился к бою, но де Витри, поставив ногу на тело маршала д'Анкра, грозно заявил: «Месье, я действовал по приказу короля!» При этих словах охрана поверженного властителя поспешила скрыться.

Услышав выстрелы, Людовик XIII отправил д'Орнано к месту происшествия. Через несколько минут тот вернулся и коротко сказал: «Сделано». Король тотчас же спустился в зал, выходивший окнами во двор. Д'Орнано поднял Людовика XIII и поставил его на подоконник. Де Витри и несколько десятков его единомышленников, вышедших из своего укрытия, собрались перед окном и непрестанно кричали: «Да здравствует король!»

Юный король был возбужден не менее заговорщиков. «Большое спасибо! Большое спасибо всем! — кричал Людовик XIII. — С этого часа я король! Пусть пошлют за старыми служителями моего отца и бывшими членами Совета. Я хочу управлять с их помощью». На поиски «барбснов» отправили камердинеров.

Спустя некоторое время Людовик XIII лично приветствовал изумленных соратников Генриха IV — Виллеруа. Жаннена, Ломени и Поншартрена. Он обнял Виллеруа, сказав, что Господу было угодно освободить его от маршала д'Анкра и что теперь он возвращает бывшего государственного секретаря и его коллег на их посты.

Любопытна реакция на убийство Кончини той, кто был игрушкой в его руках в течение семи лет. Мария Медичи не обнаружила ни гнева, ни грусти, ни жалости. «Пусть мне более никогда не говорят об этих людях (о супругах Кончини. — *П. Ч.*), — заявила королева-мать. — Я их предупреждала. Они должны были уехать в Италию…»

Еще удивительнее поведение маршальши д'Анкр — Леоноры Галигай, в одночасье потерявшей все надежды на будущее. Назвав покойного мужа «спесивым безумцем» и напомнив, что неоднократно предлагала ему покинуть эту страну, вдова добавила: «Если он убит, значит, это угодно королю». Столь же безучастно отнеслась Леонора Галигай и к вторжению в ее дом мушкетеров де Витри, изъявших все ценности. Она лишь с мрачной усмешкой наблюдала за тем, как они заталкивали куда попало ее шелковые чулки.

Вот как описывает Ришелье первые впечатления о перевороте: «Когда произошел этот инцидент, я находился у одного из

ректоров Сорбонны… Я был крайне поражен, я даже не предполагал, что в окружении короля могут найтись решительные люди, способные на такое дело». Такой дальновидный человек — и не предполагал? Трудно поверить. Ненависть к Кончини была всеобщей, все только и надеялись избавиться от него поскорее. В чем Ришелье действительно просчитался, так это в недооценке юного короля и его окружения. Он сделал слишком откровенную ставку на королеву-мать и ее фаворита.

Но вернемся к воспоминаниям Ришелье, относящимся к 24 апреля 1617 г. и последующим дням.

Узнав о происшедшем, государственный секретарь поспешил в Лувр, где обнаружил своих коллег Барбена и Манго в полной растерянности. Они не рисковали выходить из покоев Марии Медичи, в страхе ожидая решения своей участи. Королева-мать сама находилась в состоянии, близком к обморочному. Она не могла не понимать, что ее доселе не ограниченному правлению пришел конец. На призывы о помощи, обращенные к ней тремя ее соратниками, она ответила, что попытается спасти хотя бы Барбена, что же касается Манго и Ришелье, то она ничего не может твердо обещать. Потом сообща решили, что к королю отправится Ришелье.

Епископ Люсонский в своей лиловой сутане появился в большой галерее Лувра, до предела заполненной придворными. Вышедшего в галерею Людовика XIII едва не раздавили; гвардейцам пришлось поднять короля и поставить на бильярд, откуда он мог общаться с устремившимися к нему куртизанами, жадно ловившими его взгляд. Ришелье стоило неимоверных усилий протиснуться поближе к бильярду и коротко переговорить с королем. Современники по-разному описывают эту встречу.

Сам Ришелье утверждает, будто король первым начал разговор и был настроен дружелюбно. «Он (Людовик XIII. — *П. Ч.*) подозвал меня и сказал, что ему известно, что я не давал дурных советов маршалу д'Анкру, что я всегда любил его (короля. — *П. Ч.*) — он употребил именно эти слова — и всегда защищал его интересы и, принимая это во внимание, он намерен обойтись со мной по-доброму». Далее, если верить Ришелье, в разговор вмешался находившийся рядом де Люинь, подтвердивший, что государственный секретарь всегда подавал королеве-матери и Кончини только благоразумные советы и даже нередко ссорился с маршалом, отстаивая интересы Его Величества. Беседа, как утверждает Ришелье, закончилась тем, что ему предложили остаться на своем посту. Когда же он якобы попытался замолвить слово за Барбена и Манго, то его не стали слушать. «Я был

единственным, на кого обратил внимание де Люинь, так как он предложил мне остаться в Совете с сохранением жалованья», — завершает свой рассказ Ришелье.

Существуют и другие описания этой беседы в галерее Лувра. Некий де Бриенн утверждал, что «епископ Люсонский, по-видимому, получил приказ подать в отставку». Большинство биографов Ришелье разделяют данное мнение. Людовику XIII приписывают фразу, которую он якобы произнес, увидев рядом с собой епископа Люсонского: «Итак, Люсон. наконец-то я избавился от Вашей тирании». И в ответ на обращенные к нему сетования Ришелье, пытавшегося получить объяснение, король нетерпеливо и резко добавил: «Уходите! Уходите! Убирайтесь отсюда!»

Трудно сказать, как обстояло дело в действительности. Можно лишь предположить, что вряд ли набожный Людовик XIII, чтивший слуг Божьих, мог столь грубо обойтись с князем церкви. Так или иначе, но спустя несколько дней Ришелье вновь обратился к королю, на этот раз с письмом, в котором просил решить его участь. Вскоре он получил ответ, из которого следовало, что епископ Люсонский должен в самый короткий срок передать все дела своему преемнику Виллеруа.

Ришелье потрясен, власть ускользает из рук, но он все еще цепляется за нее. Даже осмеливается появиться на заседании нового Королевского совета. Увидев Ришелье в дверях зала заседаний, Виллеруа спрашивает его с сарказмом, в каком звании и в каком качестве он здесь намерен присутствовать. Откровенно враждебные взгляды устремляются на Ришелье. Не говоря ни слова, епископ Люсонский извлекает из сафьянового портфеля бумаги, молча передает их Виллеруа и неспешно удаляется из зала. Достоинство — это единственное, что ему теперь оставалось. В тот же день он узнал об аресте Манго и Барбена. У него были все основания опасаться разделить их участь.

А на следующий день он стал невольным свидетелем ужасного спектакля, разыгравшегося на улицах Парижа.

Подстрекаемая кем-то толпа ворвалась в церковь Сен-Жермен-л'Оксеруа, в склеп которой был помещен гроб с телом Кончини. Склеп разгромлен, тело извлечено, и вот его уже волокут на веревке по улицам Парижа к Пон-Нёф, где в свое время маршал д'Анкр приказал установить виселицу для публичных казней. Теперь на той самой виселице вздернут сам Кончини. Но толпе этого мало, и она буквально разрывает ненавистного временщика на части.

Ришелье, направлявшийся в своей карете к папскому нунцию, неожиданно оказался среди беснующейся толпы. «В то же

мгновение я осознал опасность, которой подвергся, — вспоминал впоследствии Ришелье, — поскольку кучера были людьми несдержанными, и если бы кто-либо крикнул, что я принадлежу к партии маршала д'Анкра, то ярость толпы обратилась бы против меня. Чтобы как-то выйти из положения, я… поспешил сказать: «Вот люди, которые умрут за короля! Кричите все: „Да здравствует король!“» И сам закричал первым. Таким образом, я сумел проехать, но поостерегся возвращаться той же дорогой.»

Пока толпа разделывалась с останками Кончини, при дворе шла оживленная возня вокруг должностей и новых привилегий. Главенствующее положение занял любимец молодого короля де Люинь, к которому перешла большая часть наследства маршала д'Анкра, в том числе и наместничество в Нормандии. Герой тех дней капитан мушкетеров де Витри получил маршальский жезл, баронство в Лезиньи и дом в Париже, принадлежавший Кончини. Были облагодетельствованы и родственники де Витри.

В течение нескольких дней после убийства маршала д'Анкра королева-мать не выходила со своей половины. Вскоре король уведомил ее, что намерен обходиться с ней, как подобает почтительному сыну, но управлять отныне желает по своему усмотрению. Заодно он распорядился заменить охрану у королевы-матери, поставив у ее дверей мушкетеров де Витри. Прошло десять дней, пока Людовик XIII нашел время лично встретиться с королевой-матерью.

Франция с облегчением встретила весть о гибели авантюриста Кончини. Даже вчерашние мятежники герцоги Неверский и Майенский сочли возможным вернуться ко двору. Герцог Буильонский, прикованный к постели, направил в Париж личных представителей с заверениями в верности Людовику XIII.

При дворе с удивлением наблюдали за тем, как Ришелье продолжал демонстрировать верность королеве-матери, в то время как многие из вчерашних приверженцев Марии Медичи теперь сторонились ее. Кое-кто посмеивался над недальновидностью честолюбивого епископа.

Дело в том, что позиция Ришелье в новых обстоятельствах была столь же добровольной, сколь и вынужденной. Он ясно видел, что фавориты, окружившие Людовика XIII, не намерены подпускать его к королю. И в то же время, в отличие от многих, не считал, что Мария Медичи окончательно и бесповоротно утратила влияние на сына. Ришелье продолжал надеяться, что с ее помощью сумеет взять реванш за поражение. В «Мемуарах» он пытается представить свой выбор с самой выгодной для себя стороны. «Я предпочту обещаниям фортуны, — пишет он, — честь следовать за королевой-матерью в ее печали».

Ришелье отдавал себе отчет в том, что ему повезло больше его недавних коллег, оказавшихся в тюрьме. Всех ставленников Кончини изгнали из Парижа. Вдову маршала арестовали и обвинили в колдовстве.

Король настаивал на отъезде королевы-матери из Парижа. Ему не терпелось поскорее взять в свои руки бразды правления. Мария Медичи уполномочила Ришелье оговорить условия ее фактической ссылки.

Переговоры были недолгими. Марии Медичи предстояло отбыть в принадлежащий ей замок Мулен. Пока же его будут приводить в порядок, она должна остановиться в Блуа. За королевой сохранялись все ее доходы и владения.

Отъезд был назначен на 3 мая 1617 г. Утром Людовик XIII нанес прощальный визит матери. Сын и мать почтительно-холодны. Под маской равнодушия королеве с трудом удается скрыть оскорбленное самолюбие. «Она вышла из Лувра, — вспоминал Ришелье, — просто одетой, в сопровождении всех своих слуг. Лицо ее печально. Не было никого, кто при виде этого почти похоронного зрелища не испытал бы сострадания». Рисуя в самых сочувственных выражениях отъезд королевы, Ришелье вместе с тем говорит и о враждебных настроениях. «Неприязнь к ее правлению была столь глубокой, — замечает он, — что народ не воздержался от отдельных непочтительных выкриков при ее появлении, и эти выкрики она восприняла столь болезненно, что черты ее лица заострились, а в сердце образовалась кровоточащая рана».

Длинная вереница карет уносила из Парижа тех, кто решил разделить судьбу бывшей регентши. Замыкала печальный кортеж простая, безо всяких украшений карета, в которой сидел в мрачной сосредоточенности епископ Люсонский. Он еще не знал, что его изгнание продлится долгих семь лет. Но не сомневался, что вернется к власти.

Ришелье понимал, что его будущее во многом зависит от того, удастся ли ему войти в доверие к новому фавориту Альберу де Люиню. Епископ был невысокого мнения о способностях любимца Людовика XIII. В его представлении он мало чем отличался от своего предшественника маршала д'Анкра: такая же посредственность, но посредственность, наделенная властью и пользующаяся огромным влиянием на слабовольного короля. Итак, терпение, лояльность и готовность в любой момент воспользоваться подходящим случаем. Эта своеобразная «триада» будет направлять поведение епископа Люсонского в предстоящие годы.

* * *

Отбывая в ссылку, Мария Медичи предложила Ришелье возглавить ее личный Совет. Бывшая регентша утешала себя иллюзиями власти и всячески пыталась сохранить ее внешние атрибуты. Ришелье проявил осмотрительность и заручился предварительным согласием короля, а точнее — Люиня. «Королева, — пишет он в „Мемуарах“, — предложила мне возглавить ее Совет, но я не хотел принимать эту должность, не уведомив о сделанном мне предложении короля и не получив его согласия…»

Возглавив Совет королевы-матери, Ришелье занял ведущее положение при ее маленьком дворе. Помимо епископа Люсонского в ближайшее окружение Марии Медичи входили первый шталмейстер де Брессьё, личный секретарь де Виллезавен, итальянец Бонзи — откровенный противник Ришелье, епископ де Безье, другие менее влиятельные особы. Претензии опальной королевы даже на символическую власть были восприняты с неудовольствием в Париже.

Людовик XIII не скрывал своего торжества. Он буквально упивался властью. Первое время король постоянно заявлял, что намерен править, опираясь на соратников своего отца — людей опытных и трезвых. Людовик XIII пытался входить в текущие дела, старательно изучал многочисленные бумаги, отдавал распоряжения… Однако утомительный повседневный труд оказался явно непосильным для слабой натуры юного короля, и скоро он вернулся к своим любимым занятиям — охоте и дрессировке птиц. Государственные дела король полностью передоверил Люиню, возглавившему Королевский совет.

Ришелье не ошибся в своих предсказаниях относительно Люиня. С первых дней пребывания в Блуа епископ пытался наладить переписку с ним, по существу предлагая свои услуги в качестве конфиденциального информатора при Марии Медичи. В письмах к Люиню Ришелье внушал ему мысль об отсутствии у королевы-матери политических амбиций; он явно вознамерился примирить мать и сына. В этом был несомненный политический расчет. Если Мария Медичи вернется в Париж, епископ Люсонский вернется вместе с ней, и не только вернется, но займет соответствующее положение при дворе. Уже на следующий день после отъезда из Парижа Ришелье в самом первом письме сообщает Люиню, что «воспоминания о прошлых делах уже не тревожат более душу королевы».

Новый временщик не пренебрег предложением вступить в эпистолярный диалог со ссыльным епископом, сочтя полезным

для себя получать регулярные сведения о настроениях в окружении Марии Медичи. Он даже переслал Ришелье свой личный шифр для переписки.

В Блуа Ришелье вновь, как и в Люсоне, превращается в усердного корреспондента. Каждые два дня он составляет для Люиня подробнейший отчет о здешних новостях. Пользуясь возможностью, епископ безудержно льстит своему адресату, отмечая его несравненные качества государственного деятеля, непрерывно благодаря за оказанное доверие. Он настойчиво внушает Люиню мысль о том, что рассматривает свою миссию при Марии Медичи исключительно как службу королю, что от него в немалой степени зависят благоразумие и лояльность королевы-матери.

И все же старания Ришелье не были оценены в Париже. Ришелье стало известно, что в окружении Люиня на него смотрят как на мелкого шпиона, недостойного даже простой благодарности. Более того, недруги бывшего государственного секретаря усиленно распространяли слухи о том, что он дурно влияет на королеву-мать, подговаривая ее к выступлению против короля. Утверждали, что он установил тайные связи с Мадридом в надежде получить оттуда помощь в борьбе с правительством. Ришелье тщетно пытался опровергнуть эти слухи, взывая к Люиню. Его заверения в верности оставались без ответа. Над его головой собирались грозовые тучи. 23 мая 1617 г. папский нунций сообщал в депеше в Рим об удалении епископа Люсонского из Блуа как о предрешенном деле. «Несчастный человек окончательно потерял свою репутацию и авторитет», — сочувственно писал монсеньор Бентивольо.

Нервы Ришелье напряжены до предела. Ежеминутно он ожидал удара грома. 6 июня пришло письмо от Люиня, в котором сквозила едва скрываемая угроза. «Я самый несчастный из всех оклеветанных людей», — в отчаянии писал Ришелье аббату Дежану. И все же, думается, в глубине души он не мог не сознавать собственной ответственности за происходившее. Оказалось, что играть на двух досках одновременно гораздо труднее, чем он предполагал. Будучи не в силах совладать с охватившей его растерянностью, епископ Люсонский предпринимает безрассудный шаг.

Утром 12 июня Мария Медичи узнала, что ее ближайший советник ночью тайно покинул Блуа. Потрясение королевы было столь велико, что пришлось срочно вызывать врача, который нашел у больной горячку и поспешил пустить ей кровь. Бегство Ришелье взбудоражило весь маленький двор в Блуа. Слуги епископа, пораженные не менее придворных, не могли сказать

ничего вразумительного.

А дело между тем обстояло следующим образом. 10 июня епископ получил письмо от своего брата маркиза де Ришелье с предупреждением о намерении короля выслать его в Люсонское епископство. Ришелье решил, что лучше уехать в Люсон самому, нежели быть туда препровожденным под конвоем. Таково объяснение самого Ришелье, данное в «Мемуарах».

Как оказалось, он перехитрил самого себя. Вскоре после его бегства в Блуа пришло второе письмо от маркиза де Ришелье, в котором он спешил обрадовать брата, что гроза миновала и необоснованные подозрения в отношении него рассеялись. Вернее, их удалось рассеять совместными усилиями друзей и сторонников бывшего государственного секретаря. Теперь же своим необъяснимым поступком Ришелье сам навлекал на себя подозрения в измене.

Мария Медичи не может успокоиться. Она рассылает во все концы своих людей в поисках Ришелье. Заподозрив, что к этому делу может быть причастен сын, королева пишет письмо Людовику XIII с требованием вернуть «ее» епископа.

К Людовику XIII обращается из своего убежища и сам беглец. Он заверяет короля в абсолютной преданности и просит определить ему такое место проживания, где он будет свободен от подозрений и клеветы. В письме к Люиню он умоляет спасти его «честное имя».

Тем временем враги Ришелье в Париже не преминули воспользоваться удобным случаем, предоставленным самим епископом, чтобы окончательно погубить его. Ришелье получил повеление Людовика XIII следовать в люсонскую епархию и не покидать ее без особого разрешения. Это была уже настоящая ссылка. Епископу не оставалось ничего другого, как исполнить приказ короля и уединиться в приятном его сердцу приорстве Куссей. Оттуда он направил послание Людовику XIII, в котором писал: «…Я могу лишь еще раз заверить Вас, что смиренно выполню Вашу волю, и это, как и все последующие поступки моей жизни, покажут всем, что я, Сир, являюсь самым верным и покорным слугой Вашего Величества».

Получив хороший урок, Ришелье становится предельно осторожным: уклоняется от всех казавшихся ему ненужными контактов и связей. В то же время в переписке с парижскими знакомыми и друзьями настойчиво говорит о своей невиновности. «Оставшееся полугодие, — пишет Ришелье, — я проведу в неустанной борьбе с клеветой и ложными предположениями, выдвинутыми против меня, что позволит мне сократить срок моего заточения».

В этот период жизни Ришелье как никогда пригодится выработанная с годами привычка к сосредоточенности. Он вновь погружается в книги, от которых его отрывают только церковные обязанности. Вместе с тем с тревогой ждет вестей из Парижа. Ему известно, что там готовится процесс над «ведьмой» — вдовой Кончини. Поговаривают, что епископ Люсонский должен будет участвовать в нем в качестве свидетеля. Недруги Ришелье пытаются отыскать доказательства «преступной» связи епископа с «колдуньей». Старания оказались тщетными: никаких порочащих Ришелье документов обнаружить не удалось. Однако и облегчения участи епископа Люсонского не предвидится. Ни король, ни Люинь не отвечают на письма Ришелье. В Лувре о нем будто забыли. «В этом году я совершенно несчастный человек», — сетовал Ришелье в письме к сестре.

Кто-то из его парижских корреспондентов сообщает о появлении при дворе отца-капуцина Жозефа, вернувшегося из длительной поездки в Италию, где он страстно пропагандировал идею нового крестового похода против турок. Ришелье знал о широких связях отца Жозефа и о том почтительном уважении, которое питает к нему набожный Людовик XIII. Поэтому немедленно отправил письмо своему давнему и, как он надеялся, верному другу с просьбой о поддержке. «Отец мой, — писал опальный епископ, — этим письмом я хочу засвидетельствовать Вам мое доверие, поскольку, хотя мы и не виделись уже более полутора лег, я пишу Вам с той же откровенностью, как будто Вы рядом со мной…» Затем Ришелье подробно изложил все события последних полутора лет и не забыл рассказать о своих заслугах на государственном поприще и нанесенных ему обидах. Ришелье нарочито подчеркивал свою покорность судьбе: «Я ищу лишь покоя и заверяю Вас перед Господом Богом в том, что у меня нет другой мысли». Единственное, о чем епископ хотел бы попросить старого друга, — это защитить его честное имя в глазах короля.

Капуцин прекрасно знает епископа Люсонского. Менее всего он склонен поверить в его покорность судьбе. Но он высоко ставит его способности и верит в его предназначение. Именно поэтому он станет одним из самых ревностных ходатаев Ришелье перед королем. Пока же отец Жозеф советует епископу запастись терпением. Чего-чего, а терпения Ришелье не занимать.

* * *

Из своего уединения епископ Люсонский внимательно следил за развитием событий в столице. Из писем друзей он смог

составить себе представление о расстановке сил в Королевском совете, где «барбоны», непрерывно ссорившиеся друг с другом, были оттеснены де Люинем и его ставленниками.

Ришелье не без удовлетворения узнал, что некоторые его внешнеполитические начинания были продолжены Прежде всего это касалось французского участия в мирном урегулировании проблем Северной Италии. Представители Франции вели переговоры об условиях двойного соглашения между Филиппом III и Карлом Эммануилом, с одной стороны, и Венецианской республикой и эрцгерцогством Штирии — с другой. Опытный дипломат Виллеруа сумел исправить ошибку своего предшественника Ришелье, допущенную в отношении Венеции. У Ришелье хватило здравого смысла, чтобы и в своем тогдашнем положении порадоваться успеху французской дипломатии, добившейся подписания в Париже мирного соглашения по проблемам Северной Италии. Хотя, конечно же, в глубине души он был уязвлен тем, что не ему довелось снять плоды с посаженного им дерева мира.

Достижение мирного соглашения в Италии стало последним делом ветерана французской дипломатии Виллеруа. 12 ноября 1617 г. он умер, после чего де Люинь поспешил прибрать к рукам не только внутреннюю, но и внешнюю политику.

Фаворит явно шел по стопам Кончини. Королевского совета и наместничества в Нормандии ему уже мало. Он требует себе титул герцога и пэра, губернаторство Иль-де-Франс, орден Св. Духа и множество других наград и привилегий. Вместе с двумя братьями де Люинь устроился в роскошных апартаментах Лувра. И вот он уже домогается руки принцессы крови мадемуазель де Вандом — внебрачной дочери Генриха IV и Габриэль д'Эстре, сводной сестры Людовика XIII. Намечавшийся брак расстроился, и 40-летний де Люинь в утешение получил мадемуазель де Монбазон — дочь герцога де Роана, богатейшую невесту Франции и к тому же поразительную красавицу. Людовик XIII лично от себя подарил молодоженам 500 тысяч ливров. Двор с интересом и завистью наблюдал за быстрым возвышением королевского сокольничего, у которого заслуг было ничуть не больше, чем у маршала д'Анкра.

Полностью подчинив своей воле слабохарактерного Людовика XIII, герцог де Люинь управлял государством по своему усмотрению. Он перестал считаться не только с министрами, но и с членами королевской семьи, что вызывало растущее раздражение принцев. Возможно, по совету своих наиболее дальновидных приближенных де Люинь принял решение созвать ассамблею нотаблей[11]. Правда, он добился того, чтобы

ассамблея была как можно менее представительной: 13 делегатов от духовенства, 16 — от дворянства и 25 — от третьего сословия. К тому же собралась она не в Париже, а в Руане, который Люинь пышно назвал по этому случаю «второй столицей» Франции. Дело в том, что Руан — административный центр Нормандии, губернатором которой являлся де Люинь.

Ассамблея работала три месяца, по истечении которых Людовику XIII были переданы ее наказы, предусматривавшие некоторые административно-финансовые реформы, в том числе реорганизацию Королевского совета, отмену злополучной полетты, сокращение числа и размеров пенсий. Король обещал внимательно изучить предложения делегатов-нотаблей и в скором времени дать «искренний и благосклонный ответ». Увы, как и в 1615 году, королевское обещание осталось невыполненным.

Осенью 1617 года Ришелье представился случай напомнить о себе. Еще в августе новый духовник короля иезуит Арну, сменивший на этом посту отца Коттона, на проповеди в Фонтенбло открыто обвинил протестантов в сознательном искажении текста Священного писания. Это обвинение, повторенное в последующих проповедях отца Арну, вызвало сильнейшее возмущение у духовных лидеров гугенотов. Четверо наиболее влиятельных протестантских пасторов составили послание королю, озаглавленное «Защита исповедания реформированных церквей Франции от обвинений сьера Арну, иезуита». Начавшийся после этого оживленный теологический спор привлек внимание докторов богословия Сорбонны, парижского парламента и даже двора. Вновь, как и полстолетия назад, был поднят вопрос о возможности сосуществования двух религий во Франции.

Волна разгоравшейся полемики докатилась и до тихого приорства Куссей. Наконец-то у епископа Люсонского появилась возможность отличиться. Благо, он чувствовал себя достаточно подготовленным для того, чтобы вступить в борьбу. Три месяца он провел за письменным столом, и в результате из-под его пера вышел солидный труд объемом 250 страниц, озаглавленный «Основы вероучения католической церкви, защищаемые от сочинения, адресованного королю четырьмя пасторами так называемой реформированной церкви». Аргументированная защита устоев католицизма сочеталась у епископа Люсонского с умело построенной критикой французского протестантизма. Особое беспокойство у автора вызывали антигосударственные действия лютеран и кальвинистов. Ришелье заявлял, что выступает против Реформации прежде всего по той причине, что

она «разрушила прекрасный идеал единства, сформулированный и осуществленный в средние века…» Полемизируя с высказыванием Лютера «Мы свободны от всяких законов», епископ подчеркивает, что эта мысль «открывает дорогу неповиновению, учит презрению к власти и церкви, к королям и судебным властям, попранию законов, внушая каждому, что нет таких законов, которые совесть обязывала бы выполнять». Вместе с тем в обращении к королю, умело вставленном в текст сочинения, Ришелье призывает к политической терпимости и благоразумию. «…Зачастую, — пишет он, — сильнодействующие лекарства способны ухудшить положение душевнобольных». Он советует «христианнейшему» государю утверждать «мир и покой в своем государстве». Автор «Основ вероучения…» показал себя не только незаурядным теологом, но и зрелым политиком.

По завершении трактата епископ Люсонский занялся хлопотами по его публикации. Первое издание вышло в Пуатье в самом конце 1617 года, а в 1618 году, получив соответствующее разрешение, Ришелье публикует сочинение в Париже.

Успех превзошел все ожидания. Коллеги-прелаты поздравляют счастливого автора. Однако очень скоро Ришелье убеждается, что такое признание далеко не всем пришлось по душе. «Чем больше славы принесет мне это сочинение, тем больше будет у меня врагов», — с грустью констатировал он. Действительно, шум, произведенный сочинением опального епископа, лишь усилил недоверие к нему со стороны де Люиня и его партии. Зачем епископ взялся за перо? Почему не сидит тихо, как ему было предписано? Какую пользу хочет извлечь? Эти и другие вопросы задавал себе правитель и находил лишь один ответ, недалекий от истины. Ришелье явно желал привлечь к себе внимание и постараться выбраться из провинциальной глуши. Люиню показалось подозрительным даже то, что епископ проживает не в Люсоне, а в Куссее, расположенном недалеко от Блуа — местонахождении королевы-матери.

Последовал категорический приказ: епископ должен немедленно вернуться в Люсон и приступить к своим непосредственным обязанностям. Всесильный фаворит заподозрил и родственников епископа. Маркиз Анри де Ришелье, старший брат, и шурин дю Пон Курле получили повеление покинуть двор и выехать из Парижа в свои фамильные владения.

В это время была раскрыта тайная переписка, впрочем, вполне безобидная, между королевой-матерью и несчастным Барбеном, ожидавшим в Бастилии судебного процесса. Хотя Ришелье не имел к ней никакого отношения, его тем не менее обвинили в подготовке заговора. Епископ едва успел перебраться

в Люсон, как 16 апреля 1618 г. его настиг новый удар: приказано отправиться в ссылку в Авиньон. Такие же приказы получили маркиз де Ришелье и дю Пон Курле. «Я не был удивлен, получив эту депешу, — вспоминал Ришелье, — так как низость правителей в любой момент могла преподнести мне любую несправедливость, варварство и неразумное отношение».

В тот же день Ришелье написал письмо Людовику XIII, в котором уведомлял его: «Сир, я уезжаю послезавтра в точном соответствии с приказанием, согласно которому Вашему Величеству угодно было отправить меня в Авиньон». Он пытается отвести возводимые на него обвинения, хотя и понимает тщетность усилий: те, кто устроил ему новую ссылку, менее всего будут склонны принимать любые его объяснения. Отъезд из Люсона был столь поспешным, что епископ не отслужил даже пасхальной мессы. Запоздалая весна растянула его путешествие на целых три недели.

* * *

К приезду епископа в Авиньон его секретарь Ле Масль снял для своего господина у каноника местного собора Сен-Пьер-д'Авиньон Жака де Бомона небольшой дом за 700 ливров. В этом доме, расположенном в тихом квартале папского города, и разместились довольно уютно епископ Люсонский, его секретарь, брат, шурин, а также несколько слуг. «Большим утешением было то, — вспоминал Ришелье. — что нас не разлучили, хотя наши враги не сделали этого лишь потому, что хотели наблюдать за нами одновременно».

В те годы Авиньон, расположенный на берегу Роны, все еще находился под папским управлением, под которое попал в начале XIV столетия. От имени папы городом управлял помощник легата. Здесь во всем преобладало итальянское влияние — в языке, архитектуре, торговле, хотя город был многонациональным.

Чуждая среда угнетала ссыльного епископа. Все чаще он впадал в меланхолию, стал мнительным. Одолеваемый мрачными мыслями, Ришелье отводил душу в написании нового сочинения, названного «Апология здравому смыслу». Оно больше напоминало защитительную речь обвиняемого, что вполне соответствовало тогдашним настроениям Ришелье. Каждый день он ожидал вызова на процесс Барбена. Ему было известно, что почти все его письма к Кончини найдены и находятся в распоряжении его врагов.

Недвусмысленно намекая в «Апологии…» на свое подчиненное Кончини положение, Ришелье задавал риторический вопрос: «Кто и когда сказал, что вежливость — это преступление? Если же это преступление, то кто же его не совершал? Какой дворянин, какой офицер и какой принц не совершал подобной ошибки?» Ришелье пытается оправдать и свою роль при королеве-регентше: «Я повиновался королеве, это правда… Все — частные лица или официальные — руководствовались лишь ее указаниями. Никто и никогда не подвергал сомнению то, что говорила наша государыня, и я клянусь перед Богом, что никогда не сказала она ни слова, которое могло бы вызвать неудовольствие короля». Далее Ришелье, к месту и не к месту, говорит о своей верности королю. Решительно отвергает возводимые на него обвинения в том, что на своем посту он служил интересам Мадрида. Его содействие франко-испанскому союзу было продиктовано исключительно заботой о «благе государства». Заканчивается сочинение клятвенным заверением автора в совершенной лояльности: «Сын своего отца, всегда служившего королю, я и сам, в меру своих возможностей, делал то же самое…»

Завершив очередной труд, Ришелье, по здравом размышлении, упрятал его в потайной шкаф и никогда никому не показывал. Наверное, он понял, что самовосхваление — не лучшее средство защиты от обвинений. Любые, даже самые убедительные ссылки на прежние заслуги — бессмысленны, лишь способны усилить раздражение сильных мира сего.

Чтобы занять свободное время, Ришелье вновь погрузился в теологию. Он редактирует и переписывает «Наставление христианина» — свою старую работу, написанную много лет назад в Люсоне. Кстати, он не теряет связи со своей епархией, ведя переписку с викарием Флавиньи. Постепенно, не сразу епископ налаживает отношения с авиньонским духовенством — в подавляющем большинстве итальянцами. Особо старательно обхаживает помощника папского легата, связывая с ним определенные надежды.

Надежды эти оказались ненапрасными. Папа Павел V, узнав, что епископа Люсонского отстранили от обязанностей и сослали в Авиньон без предварительной договоренности с Римом, выразил неудовольствие послу Людовика XIII де Маркемону. Объяснения, представленные Святому престолу преемником Ришелье на посту государственного секретаря, свидетельствовали о сохранявшемся недоверии к епископу. Его обвиняли в том, что он не только пренебрегал своими пастырскими обязанностями, но еще и «приносил вред на службе королю», чем способствовал

«общественным беспорядкам». Когда содержание ответа папе стало известно Ришелье, его душевное состояние еще более ухудшилось.

Вести из Парижа приходили одна другой мрачнее. В сентябре 1618 года умер один из покровителей Ришелье кардинал дю Перрон, на помощь которого опальный епископ возлагал большие надежды. В октябре того же года при родах умерла жена маркиза де Ришелье, разлученная с мужем. Маркиз обратился с просьбой разрешить ему наведаться домой, чтобы забрать новорожденного сына. Пока в Париже рассматривали просьбу, младенец умер, пережив свою мать лишь на месяц с небольшим.

Угнетенное состояние вызвало вспышку давних физических недугов. Страдания Ришелье стали невыносимыми. В начале 1619 года 34-летний епископ составляет завещание. Он просит похоронить его в кафедральном соборе Люсона и даже указывает точное место будущего захоронения. Ришелье завещает собору свое столовое серебро, церковное облачение, три фландрских настенных ковра и кое-что еще из личного имущества. Основанной им семинарии Ришелье завещает всю свою библиотеку и наличность в сумме 1000 ливров. Он даже извиняется, что не имеет возможности передать еще что-либо. Зная характер Ришелье, его тогдашнее состояние можно объяснить только одним — предчувствием смерти. Оно держало его в своей власти более трех месяцев, вплоть до того дня — 7 марта 1619 г., когда перед отчаявшимся Ришелье предстал покрытый снегом человек, в котором епископ с трудом узнал месье дю Трамбле, родного брата отца Жозефа. Преодолев 200 лье, этот посланец судьбы привез Ришелье повеление короля немедленно покинуть Авиньон и прибыть в Ангулем, где его ожидает королева-мать.

Удивительное дело, но уже через несколько дней этого высохшего, пожелтевшего, похожего на старика человека было не узнать. Он вновь полон сил и энергии. Лишь бледность выдавала перенесенные страдания. Самочувствие Ришелье всегда зависело от душевного состояния. Авиньон стал для него, пожалуй, самым серьезным испытанием.

* * *

Подарок судьбы, доставленный месье дю Трамбле, объяснялся просто. Довольно быстро все понял и тот, кому он предназначался.

После бегства Ришелье из Блуа Мария Медичи, которая не

могла обходиться без наставника, приблизила к себе некоего флорентийца Рюццелаи, давно подбиравшего ключи к королеве и умело воспользовавшегося отсутствием епископа Люсонского. Именно Рюццелаи внушил Марии Медичи мысль, что она должна возглавить оппозицию новому фавориту и, добившись его устранения, занять достойное ее место рядом с «горячо любимым сыном» Людовиком XIII.

Все более откровенный диктат выскочки де Люиня встречал сопротивление старой аристократии. Многие в знак протеста оставили двор и укрылись в своих владениях. Флорентиец задумал объединить всех недовольных под руководством королевы-матери. С этой целью он завязал тайные отношения с герцогами Буильонским и д'Эпернoном. Первый, сославшись на старость, отклонил сделанное ему предложение. Зато 65-летний д'Эпернон — генерал-полковник пехоты, губернатор Меца и наместник Анжу — проявил самый живой интерес к заговору, в который он вовлек и двух своих сыновей — маркиза де Ла Валетта и архиепископа Тулузского. Герцог, оскорбленный тем, что его фактически отстранили от дел, жаждал восстановить «справедливость», то есть вернуться к кормилу власти.

Рюццелаи договорился с д'Эпернoном. что Мария Медичи бежит из Блуа под защиту герцога, вместе с которым начнет собирать армию для военного выступления. Первая часть плана была осуществлена 22 февраля 1619 г., о чем сразу же стало известно двору. На чрезвычайном заседании Королевского совета встал вопрос о вооруженном выступлении против новоявленных мятежников, но старый Жаннен, поддержанный противниками де Люиня, сумел убедить короля не спешить с этим. Он сослался на возможность вмешательства Испании на стороне Марии Медичи в случае гражданской войны. К тому же, по его мнению, не исключено было и выступление гугенотов, которые не упустили бы удобного момента для укрепления своих позиций. Тем не менее вопрос о военных действиях против мятежников не был снят, его лишь отсрочили.

Именно в это время при дворе осознали ошибку, допущенную в отношении епископа Люсонского. Кто знает, возможно, мятеж не вспыхнул бы, если бы Ришелье по-прежнему находился при Марии Медичи. Мысль эта была умело подсказана отцом Жозефом и придворным каноником де Ла Кошером самому Людовику XIII, который и распорядился вернуть королеве-матери ее любимца. Ришелье с самого начала понял истинные мотивы снятия опалы и еще раз имел случай убедиться в великой силе терпения и выдержки. По выражению одного из биографов Ришелье, он «выиграл партию в тот самый момент, когда она

казалась ему безнадежной».

«Тотчас же по получении депеши от Его Величества, несмотря на плохую погоду — ужасный холод и глубокий снег, — вспоминал Ришелье, — я выехал из Авиньона, готовый повиноваться тому, что мне предписано».

В те времена редкое путешествие обходилось без приключений. Не избежал их и Ришелье. На него напали солдаты губернатора Лиона д'Аленкура. Лишь письмо, подписанное самим королем, спасло Ришелье от ареста по обвинению в государственной измене. Тем не менее епископа держали под стражей до тех пор, пока сам губернатор не опознал его. «Он принес мне глубокие извинения, — писал впоследствии Ришелье, — я их принял, и после совместного с ним обеда я продолжил свой путь».

Дороги Оверни, по которым следовала карета епископа Люсонского, были покрыты мокрым снегом, что крайне затрудняло продвижение. В пути Ришелье написал письмо Марии Медичи. Он сообщил о своем приезде, а также о своей миссии — примирении матери и сына ради «блага всех добрых французов». Он посоветовал королеве отказаться от сомнительных услуг «заинтересованных» в конфликте лиц и «спасти короля и родину от катастрофы». Любопытно, что Ришелье использовал слово «la patrie» («родина»), не употреблявшееся в тогдашнем политическом лексиконе. Он посылает письмо с верховым курьером, а сам неспешно продолжает свой путь.

* * *

27 марта 1619 г., год спустя после начала авиньонской ссылки, Ришелье прибыл в Ангулем. В тот день шло заседание Совета королевы-матери. Узнав о приезде Ришелье, она приказала немедленно пригласить епископа. Войдя в зал и встретившись глазами с Марией Медичи, Ришелье понял, что не забыт. Сказав несколько приветственных слов, епископ откланялся, сославшись на усталость и необходимость привести себя в порядок после длительного пути. Едва за ним закрылись двери, как среди членов Совета разгорелся спор, следует ли допускать епископа к работе Совета и можно ли ему после всего доверять. Мария Медичи поспешила прекратить дебаты, объявив заседание закрытым. В тот же день она беседовала с Ришелье наедине. Как вспоминает сам Ришелье, он заявил королеве, что «не имеет ни малейшего желания вмешиваться в текущие дела, ибо мне кажется разумным, чтобы их успешно завершили те, кто

начинал».

Таким образом, с самого начала Ришелье обеспечил себе свободу действий: не войдя в Совет, оставил за собой право критиковать его решения. Более того, действуя через королеву, он имел возможность влиять на решения Совета. И при этом никакой ответственности. Ближайшее окружение королевы недоумевало: епископ Люсонский присутствовал на заседаниях Совета, но брал слово в исключительных случаях, когда его настойчиво просили высказаться, причем делал это как бы нехотя, уступая обстоятельствам. «Я был намеренно немногословен», — признавался впоследствии Ришелье. Правда, ложная скромность была отброшена, когда поинтересовались его мнением о дальнейшей линии действий. Ришелье поспешил довольно твердо заявить, что поскольку сил у королевы-матери явно недостаточно, то самым лучшим решением было бы «заключить соглашение с двором, а не раздражать его». Мария Медичи поддержала епископа. Всем стало ясно, что партия Рюццелаи проиграна бесповоротно. Это понял и сам флорентиец, поспешивший под благовидным предлогом покинуть двор своей недавней благодетельницы.

Тем временем король намеревался двинуть на Ангулем армию во главе с Шомбергом, который был не только умелым дипломатом, но и способным военачальником. Сделав последний шаг к примирению, Людовик XIII направил к матери двух своих представителей — де Бетюна, брата Сюлли, и де Берюля. Чуть позже к ним присоединился кардинал де Ларошфуко.

Ришелье употребил все свое влияние на королеву-мать, чтобы склонить ее к окончательному примирению с сыном при условии предоставления соответствующих гарантий уважения ее королевского достоинства. В конце концов ему удалось убедить Марию Медичи. Оставалось решить ряд вопросов, в том числе и вопрос о возвращении королевы в Париж.

К 11 июня 1619 г. участники переговоров достигли соглашения. Мария Медичи получила в управление провинцию Анжу с замками по берегам Луары; герцог д'Эпернон, объявленный ранее изменником, был подтвержден во всех своих титулах и званиях. Не забыли и активного участника переговоров епископа Люсонского: он мог выбирать между главенством в Совете королевы-матери и возвращением в свою епархию. Брат епископа маркиз де Ришелье был назначен военным губернатором Анжера, где должен был временно разместиться двор королевы-матери.

Ришелье мог быть удовлетворен: о нем не только вспомнили, о нем вновь заговорили — он сумел отличиться на важных

переговорах. Иностранные послы поспешили сообщить в свои столицы о новом возвышении епископа Люсонского.

И вдруг неожиданный удар. 8 июля 1619 г. на дуэли с де Темином, капитаном гвардейцев королевы, убит маркиз де Ришелье. Он был сражен ударом шпаги в самое сердце, успев лишь воскликнуть: «Господи, прости меня!» Со смертью бездетного маркиза угасла и надежда на прямое продолжение рода.

Ришелье тяжело перенес утрату. «Никогда не испытывал я большей скорби, чем при известии о смерти моего любимого брата», — писал он в дневнике. В письме к отцу Коттону он доверительно сообщал: «Скорбь владеет мною до такой степени, что я не могу ни разговаривать, ни переписываться с моими друзьями».

Маркиз де Ришелье не оставил брату ничего, кроме долгов. На ставший вакантным пост военного губернатора Анжера Ришелье сумел провести другого своего родственника — дядюшку де Ла Порта, командора Мальтийского ордена. Епископу удалось назначить своих людей во все крепости и замки, отошедшие к Марии Медичи. Казалось бы, Ришелье мог быть доволен той ролью, которую сыграл в примирении королевы-матери и Людовика XIII. Он был отмечен всеобщим вниманием. Однако не сбылась самая заветная мечта, которую он давно лелеял, — кардинальство. На переговорах с сыном как одно из условий примирения Мария Медичи ставила вопрос о кардинальском сане для своего любимца. Представителям короля, действовавшим по строгим указаниям де Люиня, удалось отделаться уклончивыми обещаниями.

5 сентября 1619 г. в замке Кузьер, близ Тура, состоялась встреча Людовика XIII и Марии Медичи. Сын и мать обнимаются, королева вытирает скупые слезы. В тот же день они вместе едут в Тур. Обеды, пиры, охота — одни развлечения сменяют другие. Епископ Люсонский среди почетных гостей. Сам де Люинь выказывает ему расположение, истинную цену которого Ришелье прекрасно знает. «Свет не видал большего обманщика, чем месье де Люинь, — вспоминал Ришелье. — Он давал обещания, не только зная, что не будет их выполнять, но и заранее зная, чем это оправдает».

На следующий день после «исторической встречи» де Люинь публично объявил, что король намерен просить Святой престол о возведении в кардинальский сан архиепископа Тулузского, сына герцога д'Эпернона. Самолюбию Ришелье нанесен второй удар: именно ему поручили составить текст королевского обращения к папе римскому.

Вскоре Ришелье узнает еще одну озадачившую его новость: из Венсеннского замка освобожден принц Конде, посаженный туда не без участия епископа Люсонского. Ришелье приобретал нового опасного врага.

16 октября 1619 г. Мария Медичи в сопровождении 10-тысячного эскорта, руководимого де Ла Портом, торжественно въехала в Анжер. Ей был отведен один из самых красивых дворцов в городе. Ришелье на правах ее первого советника разместился в непосредственной близости от покоев королевы.

Между тем новости, поступавшие из Парижа, не радовали анжерский двор. Освобождение Конде, усиление позиций де Люиня, отклонение кандидатов королевы на награждение орденом Са Духа… Особое недовольство Марии Медичи вызвало известие о том. что к ее младшему сыну Гастону был приставлен новый воспитатель д'Орнано — человек де Люиня. С королевой не посчитали нужным даже посоветоваться. В окружении Марии Медичи начали поговаривать об обмане, а губернатор замка Шинон де Шантелуб едва не поднял мятеж. Ришелье приложил немало усилий, чтобы предотвратить новую вспышку. Поначалу епископ отстаивал линию на примирение. Но спустя некоторое время он уже выступал за конфронтацию с правительством де Люиня. Впоследствии в «Мемуарах» Ришелье попытается объяснить свою позицию как вынужденную и чуть ли не единственно возможную в сложившихся обстоятельствах. Однако есть все основания усомниться в предлагаемой им версии. «Причины, побудившие королеву взяться за оружие, были очевидны, и они были одобрены, — писал Ришелье. — Ее поддержали знать, надеявшаяся извлечь выгоду из политических раздоров, и мои враги, которые рассчитывали лишить меня доверия королевы. Таким образом, я был вынужден из осторожности встать на их позиции и, следуя мудрому совету, не противиться буре. Как часто мы… вынуждены присоединяться к мнениям, которых не разделяем».

В действительности можно предполагать, что Ришелье лично был заинтересован в новом обострении конфликта, чтобы вновь, но уже с большей пользой для себя выступить в роли миротворца-посредника. Не потому ли он старался держаться в тени, предоставив действовать откровенным сторонникам столкновения, втайне поощряя их? Пожалуй, это был единственный эпизод в жизни Ришелье, когда интересы карьеры разошлись с интересами государственными. Двусмысленность позиции Ришелье со всей очевидностью обнаружилась в момент, когда двор попытался уладить возникшие трения с Марией Медичи и пригласил ее в Париж. Епископ удержал королеву от

ответного шага, укрепив ее в недоверии к «коварному» Люиню. Люинь встревожен. Все более настойчиво он уговаривает королеву вернуться ко двору. Даже намекает епископу, что готов исхлопотать ему кардинальство, лишь бы Мария Медичи вернулась в Париж. Не получив ответа, Люинь перешел к угрозам.

Епископ тем временем укрепляет свои позиции при королеве и добивается удаления тех, кого подозревает в нелояльности по отношению к себе. На их место назначены его доверенные люди: аббат Бутилье де Ла Кошер, де Марильяк и др. Гораздо меньше расположения Ришелье выказал своему бывшему патрону и коллеге Барбену, которому с большим трудом удалось выбраться из Бастилии. Барбен, приговоренный к изгнанию за пределы Франции, попытался было найти пристанище в Анжере под защитой старого друга, который столь многим был ему обязан. Однако Ришелье редко испытывал чувство благодарности. На обращение Барбена он ответил отказом. Барбен шлет отчаянные письма епископу с мольбой о помощи. Ришелье высылает ему небольшую сумму и ясно дает понять, что их отношения отныне прерваны навсегда. Ни разу впоследствии Ришелье не вспомнит того, кого прежде считал другом и благодетелем. Мотивы его тогдашнего поведения ясны: он явно опасался соперничества Барбена, его возможного влияния на Марию Медичи, потому-то и постарался предотвратить его появление в Анжере.

* * *

Весной 1620 года Франция жила предчувствием новых столкновений. Принцы Лонгвиль, Суассон, д'Эпернон, Майенский в знак протеста против откровенного диктата Люиня в очередной раз демонстративно покинули двор. В окружении королевы-матери все чаще звучат призывы взяться за оружие. Ришелье определил свою позицию следующим образом: «Вооружить королеву и ее друзей, продемонстрировав тем самым их силу; поразить врагов страхом…» Это было рождение принципа «демонстрации силы» или политики «с позиции силы», которые впоследствии будут охотно использовать многие государства и правительства. Прежде считалось, что армия и флот приводятся в боевую готовность исключительно для ведения военных действий. Ришелье пришел к выводу, что в определенных ситуациях можно достичь желанной цели, не прибегая к оружию; достаточно показать возможному противнику свою мощь и решимость сражаться. «Продемонстрировать свою силу, чтобы не быть вынужденным прибегнуть к ней» — такова была идея, впервые

выдвинутая Ришелье.

Эта идея показалась настолько необычной, что даже Мария Медичи, привыкшая во всем полагаться на епископа, всерьез засомневалась. Совет королевы также не был готов воспринять смелое предложение Ришелье. В конечном счете, к явному неудовольствию епископа, было решено начать войну. Сработало привычное мышление: раз армия собрана — она должна воевать. Оставалось лишь разработать план предстоящей кампании, согласовав его с оппозиционно настроенными принцами.

Большинство высказывалось за то, чтобы оставить долину Луары и сосредоточить главные силы южнее, где можно было рассчитывать на поддержку гугенотов. Ришелье предлагал закрепиться в Анжу, превратив эту провинцию в главный очаг восстания, опереться на поддержку герцога де Лонгвиля — губернатора Руана, маркиза де Виллара — губернатора Гавра и герцога Вандомского — наместника Бретани. Таким образом, Ришелье делал ставку на север. Южному направлению он отводил вспомогательную роль, не отвергая возможности получения помощи от гугенотов, возглавляемых герцогами Буильонским, де Роаном и де Ледипойером. Не забыл он и о восточном направлении, где главная роль отводилась герцогам д'Эпернону и Немурскому. Они должны были набрать нужное количество фламандских и германских наемников.

В конечном счете был принят план Ришелье. Ему удалось настоять и на том, чтобы главнокомандующим армией королевы назначили близкого к нему в то время де Марильяка.

При всей кажущейся внушительности силы мятежников были не столь уж значительными. Самыми уязвимыми были разобщенность, отсутствие единого руководства и сильного, общепризнанного лидера. Королева-мать явно не подходила на эту роль. Что касается принцев, то свою независимость они ставили превыше общих интересов. Между ними возникали непрерывные конфликты и всевозможные недоразумения. Закулисному режиссеру мятежной партии, каковым стал Ришелье, приходилось нелегко, так как его влияние было явно недостаточным для того, чтобы навязывать свою волю аристократам.

Пестрой и разобщенной партии мятежников противостояла единая сила, предводительствуемая королем, получившим поддержку всех противников войны и раздоров. Большое значение имело выступление на стороне короля и закона принца Конде, питавшего глубокую ненависть к Марии Медичи. В отличие от Люиня, опасавшегося возобновления войны, Конде настаивал на ней, горя желанием устремиться в бой.

В первых числах июля 1620 года пришло известие о начавшихся волнениях в Нормандии. Собравшийся по этому поводу Королевский совет колебался в принятии решения, выступать или нет. Опасались, что мятежники захватят Париж, если король с армией отправится в Нормандию. Колеблется и Люинь. Заседание затянулось. И вдруг неожиданно для всех слово берет 19-летний Людовик XIII. Этот тихий, даже застенчивый юноша, обычно молчавший на подобных заседаниях, откровенно предпочитавший государственным делам соколиную охоту, вдруг заговорил тоном суверенного монарха. Твердым голосом он объявил, что не намерен пассивно дожидаться, пока все королевство будет охвачено мятежом. Интересы «моего государства» и «моих подданных», заявил король, требуют скорейшего вмешательства. Тоном, не терпящим возражений, Людовик XIII объявил, что лично возглавит подавление мятежа в Нормандии. Не часто в слабовольном Людовике XIII просыпался сын Генриха Великого. То был один из редких у него подъемов духа.

Сказано — сделано. Уже через три дня, на рассвете 7 июля 1620 г., король в сопровождении младшего брата Гастона и принца Конде покинул Париж. За каретой короля следовали 400 конных мушкетеров и 6-тысячный корпус, предводительствуемый сразу тремя маршалами: Шомбергом, Прасленом и Креки. 10 июля Людовик XIII торжественно въехал в столицу Нормандии Руан. Герцог де Лонгвиль накануне покинул город, даже не попытавшись организовать оборону. С ним бежали и все его сторонники. Так же легко, без единого выстрела, был очищен от мятежников и другой город Нормандии — Кан, вотчина герцога Вандомского.

Победный марш короля вызвал в Анжере, как свидетельствует Ришелье, настоящую панику. Принцы оспаривали друг у друга право на лидерство. «Они воспротивились прибытию герцога Майенского, авторитету которого были бы вынуждены подчиниться. Все требовали денег, претендуя на то, что сотворят чудеса; они умоляли одного, изменяли другому…» От д'Эпернона, Роана, Монморанси, укрепившегося в Лангедоке, известий не поступало. Они не спешили действовать, игнорируя призывы о помощи, обращенные к ним из Анжера. Вместо 30-тысячной армии, которую предполагалось собрать, Мария Медичи и главнокомандующий де Марильяк располагали лишь несколькими тысячами солдат. С такими силами нечего было и думать об успешном продолжении борьбы.

На заседании у королевы Ришелье призвал ее «отказаться от химер, которые Вам навязывают те, кто стремится к Вашему

падению». Ришелье заявил, что долг побуждает его сказать горькую правду: «Ни оружие, ни какая другая сила не способны одержать победу над королем, которого хранят Божьи ангелы». Он высказался за подлинное примирение с королем и «обоюдное согласие» матери и сына во имя блага государства.

К мирному урегулированию конфликта склонялся и Люинь, опасавшийся, что продолжение войны может возвысить Конде и ослабить его, Люиня, влияние на короля. Фаворит прибегнул к посредничеству папского нунция для установления контакта с Марией Медичи. Он хорошо знал, как чутка королева к советам из Рима. Одновременно де Люинь направил в Анжер своих эмиссаров — старика Жаннена, герцога де Бельгарда и архиепископа Санского — с предложением о мирных переговорах.

А Людовик XIII, окруженный военными, находил все больше удовольствия в походной жизни и войне. Успехи поддерживали воинственный пыл короля. По существу, это была не война, а настоящее триумфальное шествие: города и крепости без единого выстрела открывали перед Людовиком XIII ворота и встречали его как своего бесспорного господина — с подобающим смирением и почестями. Армия короля, увеличившаяся до 12 тысяч пехотинцев и 1200 кавалеристов, приближалась к Анжеру. Ришелье настоял на переговорах с эмиссарами де Люиня. По существу, главным, если не единственным, требованием королевы на этих переговорах была амнистия для всех ее сторонников. Правда, она отказывалась вести переговоры о капитуляции; она настаивала только на равноправном мирном соглашении. По-видимому, Ришелье почувствовал заинтересованность Люиня в прекращении конфликта и умело использовал это в интересах королевы. Между тем в стане мятежников усиливались раздоры. С Марильяком никто не желал считаться. Численность его армии не превышала б тысяч человек и сокращалась с каждым днем. Обещанных подкреплений не поступало.

6 июля 1620 г. 14 батальонов королевской армии переправились через Луару в окрестностях Пон-де-Се, к западу от Анжера. Защищавший переправу крупный отряд мятежников во главе с герцогом де Рецем отступил на противоположный берег и попытался остановить наступление, но к концу дня вынужден был сдать позиции, после чего мятежники в беспорядке разбежались. Потери королевской армии составили примерно 600 человек убитыми и ранеными. Пожалуй, это был первый бой, участником которою стал Людовик XIII. Весь день он провел в седле, выслушивая доклады командиров, и чувствовал себя на вершине славы- В распоряжении королевской армии было всего четыре пушки, но их выстрелы вызвали настоящую панику в Анжере,

усиленную бежавшими в город с поля боя солдатами де Реца. «Лучше б я погиб!» — воскликнул герцог Вандомский, слезая с коня и отряхивая дорожную пыль. Одна из дочерей королевы язвительно заметила ему, что для исполнения своего желания герцогу следовало бы оставаться на поле битвы.

Все потеряли голову, и лишь епископ Люсонский сохранял завидное спокойствие. Он считал, что катастрофы не произошло и что необходимо отступать на юг, в направлении Ангулема, где дислоцировалась армия д'Эпернона. Но его никто не слушал.

В этот критический момент в Анжер неожиданно прибыли Жаннен, Бельгард и архиепископ Санский, прервавшие переговоры несколько дней назад. У них новые мирные предложения. Король не жаждет крови и мщения. Он стремится к миру и согласию со своей матерью. В лагере Марии Медичи — нескрываемое облегчение. Епископ Люсонский немедленно возобновил переговоры о мире. На следующий день королева направляет Ришелье и кардинала де Сурди к Людовику XIII. Король довольно любезно принял их в присутствии Люиня и Конде. После аудиенции два прелата продолжили переговоры с представителями короля. Они продолжались два дня и завершились 10 июля 1620 г. подписанием договора о мире. Договор подтвердил все положения Ангулемского соглашения. Король объявил амнистию сторонникам Марии Медичи, возвратил им замки, крепости, чины и звания. Что касается самой королевы, то ей был возвращен город Пон-де-Се и выдано 300 тысяч ливров на покрытие «понесенных расходов». Людовик XIII подписал декларацию, полностью оправдывавшую его мать, которая, оказывается, «не имела другой цели, кроме как служить ему и благу государства». Взамен король потребовал от королевы-матери лишь одного — жить при дворе и ладить с де Люинем. Торжественная церемония примирения состоялась 13 июля 1620 г. в замке Бриссак.

Ришелье был доволен, тем более что Люинь самолично обещал ему содействие в получении кардинальского сана. Фаворит демонстрировал расположение к епископу. Он даже изъявил желание женить своего племянника де Комбале на одной из племянниц Ришелье — мадемуазель де Виньеро дю Ион Курле. По совету Марии Медичи Ришелье согласился на этот брак. Одним словом, судьба вновь поворачивала к нему свой благосклонный лик.

Его высокопреосвященство

В то время, пока Франция была поглощена внутренними раздорами, в Европе разгорался пожар первой континентальной войны, названной впоследствии Тридцатилетней. Гегемонистские претензии Габсбургов на управление всем христианским миром, а также попытки католицизма взять реванш за Реформацию натолкнулись на самое решительное сопротивление входивших в Священную Римскую империю протестантских германских княжеств и большинства европейских государств.

Первые искры будущего опустошительного пожара, охватившего весь Старый Свет, вспыхнули в самой габсбургской империи на рубеже 10-20-х годов XVII века. В мае 1608 года германские протестантские князья объединились в Евангелическую, или Протестантскую унию, с тем чтобы сообща противостоять попыткам католической реакции, возглавляемой императором Рудольфом II, ограничить их самостоятельность и лишить земель, завоеванных в ходе Реформации. В свою очередь, католические князья, среди которых руководящую роль играл Максимилиан Баварский, создали в 1609 году так называемую Католическую лигу- Уже в том же, 1609 году оба союза начали ожесточенную борьбу, в которой протестанты получили поддержку Генриха IV и отчасти Соединенных провинций, а католики — Испании и папского Рима- Генрих IV уже готов был непосредственно вмешаться в конфликт на стороне Протестантской унии, но кинжал Равальяка предотвратил, к нескрываемому облегчению Рудольфа II и вождей Католической лиги, это вмешательство. Затянувшееся противоборство двух коалиций явилось прелюдией к кровавой войне, вспыхнувшей в мае 1618 года в Чехии (Богемии).

Преемник Рудольфа II на императорском престоле в Вене Матиас лишил Чехию привилегий, которых ей удалось добиться ранее. Дело дошло до разрушения протестантских храмов. В Праге вспыхнуло восстание. Представители императора были буквально выброшены из окон своей резиденции. Набиравшее силу восстание завершилось освобождением не только Чехии, но также Моравии и Силезии.

В марте 1619 года умер император Матиас и встал вопрос о престолонаследии. На императорскую корону, а также на короны Чехии и Венгрии претендовал кузен покойного императора эрцгерцог Фердинанд Штирийский, ярый католик, безжалостно искоренявший в своем княжестве протестантскую ересь. В августе 1619 года избирательная коллегия Империи на своем сейме во

Франкфурте провозгласила Фердинанда императором и королем Чехии и Венгрии, однако чехи категорически отказались признать его своим королем. Они провозгласили королем 23-летнего Фридриха Пфальцского, зятя английского короля Якова I. Венгры также отказались признать Фердинанда II и призвали на трон непримиримого кальвиниста трансильванского князя Бечлена Габора. Потерпев поражение от войск Бетлена Габора под Пресбургом, Фердинанд вынужден был искать убежище у Максимилиана Баварского в Мюнхене. Чешская и венгерская армии угрожали Вене. Решалась судьба империи Габсбургов.

Лишившийся двух керон и едва удерживавший третью, император в отчаянии взывал к папе римскому, Филиппу III Испанскому и Людовику XIII Французскому. Из Рима выслали деньги на комплектование новой армии; Мадрид обещал военную помощь из испанских Нидерландов; Париж многозначительно молчал.

Императорский посол при французском дворе граф Фюрстенберг забрасывал государственною секретаря де Пюизье, а при случае и самого де Люиня вопросами, может ли Фердинанд II рассчитывать на помощь Франции. Фюрстенберг пускал в ход все аргументы, призывая в союзники папского нунция и испанского посла, А однажды вручил де Пюизье меморандум весьма любопытного содержания. Это был едва ли не первый в истории старой европейской дипломатии документ, в котором говорилось об угрозе монархическим устоям со стороны безбожных республик. Меморандум призывал к солидарности суверенных монархий перед республиканской опасностью. Борьба Габсбургов за целостность Империи преподносилась как борьба монархического начала с разрушительными силами демоса. «Под покровом религии, — говорилось в документе, — речь идет о чисто республиканском заговоре, у истоков которого стоит Венеция и очагом которого является Голландия. Цель заговора — низвержение тронов и корон… и превращение королевств и княжеств в государства, где абсолютная власть принадлежала бы тем, кто избирается народом».

Молчание французского двора, конечно же. не было случайным. Дело в том, что к королю Франции с призывом о помощи обратился не только Фердинанд II, но и молодой король Чехии Фридрих V, напомнивший Людовику XIII о союзе его отца Генриха IV с протестантскими князьями Германии против опасной гегемонии Австрийского дома. В пользу Фридриха V активно действовал его родственник герцог Буильонский.

Взоры Европы были прикованы к Парижу. На чью сторону встанет Франция в критический момент? От этого в немалой

степени зависели судьба империи Габсбургов, а также будущее Германии. Кто знает, быть может, вмешательство Франции в войну на стороне Протестантской унии тогда, в 1620 году, предотвратило бы последующее 28-летнее кровопролитие, опустошившее Германию и закрепившее ее политическую и экономическую разобщенность на двести лет вперед. Увы, история, как известно, не знает сослагательного наклонения. «Судьбе было угодно, — заметил в связи с этим Габриэль Аното, чтобы в этот решающий час Францией руководили невежественный юноша, мятущийся фаворит и нерешительные министры. Выбор, сделанный ими, спас Австрийский дом».

Несмотря на возвращение некоторых старых министров Генриха IV, влияние католической и испанской партий при дворе Людовика XIII оставалось преобладающим, хотя у самого де Люиня не было достаточно четкого представления о том, кого следует поддержать — императора или протестантских князей. В любом случае он считал преждевременным вмешательство Франции в германские дела, пока внутренняя обстановка в стране остается неустойчивой. Сторонники Габсбургов, возглавляемые бывшим послом при Святом престоле де Силлери, видя нерешительность правительства, усиливали давление. Духовник Людовика XIII иезуит Арну объявил в рождественской проповеди (1619 г.), что поддержка Империи — это долг совести «христианнейшего» короля. Отец-иезуит был, видимо, настолько красноречив и убедителен, что произвел впечатление на Людовика XIII, пребывавшего обычно в состоянии апатии и безразличия. Юный король, легко подпадавший под любое сколь-нибудь сильное влияние, вечером того же дня объявил графу Фюрстенбергу на данной ему аудиенции, что не позднее весны 1620 года соберет в Шампани армию и лично поведет ее на помощь императору Фердинанду II. Посол поспешил сообщить радостную весть своему суверену, той же ночью отправив в Мюнхен курьера. Австрийский дипломат явно переоценил бесхарактерного Людовика XIII. Сразу по окончании аудиенции Люинь сумел доказать королю преждевременность и даже опасность военного вмешательства Франции в германские дела.

Королевский совет поручил президенту парламента Жаннену обобщить существующие мнения по этому вопросу и составить доклад королю, на основе которого могла бы строиться французская политика в Германии. На подготовку доклада потребовалось около двух-трех месяцев, после чего он был принят Королевским советом.

В документе признавалось, что непомерное усиление Габсбургов представляет угрозу интересам других европейских

государств, в первую очередь Франции. И тут же делался неожиданный вывод: интересы католицизма и соображения внутренней безопасности требуют от Франции поддержать императора, так как победа германских протестантов могла бы поощрить французских гугенотов к мятежу. Как видим, религиозно-идеологическим соображениям был отдан приоритет перед внешнеполитическими интересами Франции, диктовавшими поддержку Протестантской унии.

В докладе Жаннена чувствовалось влияние как папско-габсбургской партии, так и де Люиня, пытавшегося воспрепятствовать любому военному вмешательству Франции, будь то на стороне императора или его протестантских противников. Решено было направить в Германию специальное посольство с целью добиться примирения противоборствующих сторон. В случае провала этой миссии Франция должна была прийти на помощь императору, причем на первом этапе оказать ему только финансовую поддержку и лишь в крайнем случае — военную. Можно было заранее усомниться в успехе предстоящего посольства, так как двусмысленная позиция Франции не могла удовлетворить ни императора, ни протестантских князей. Ни одна из сторон и не помышляла о переговорах, слишком высоки были ставки.

Тем не менее уже в конце мая 1620 года посольство во главе с принцем крови Шарлем де Валуа, графом Овернским, выехало из Парижа. В помощь графу Овернскому были назначены опытный дипломат граф де Бетюн и аббат де Прео, настоятель собора Шатонёф. Им предписывалось посетить максимальное число германских княжеств и городов, за исключением Чехии. Под давлением габсбургской партии при французском дворе Людовик XIII отказался признать права Фридриха V на чешскую корону.

6 июня 1620 г. в городе Ульм состоялась встреча французских послов с собравшимися здесь вождями Протестантской унии, обсуждавшими предложение Максимилиана Баварского ограничить военные действия пределами Чехии и не распространять их на территорию Германии. Взамен протестанты требовали, чтобы Максимилиан воспрепятствовал переброске испанских войск из нидерландских провинций в рейнское пфальцграфство. К моменту прибытия французского посольства переговоры в Ульме зашли в тупик и их участники готовились к отъезду. Граф Овернский сумел убедить протестантских князей пойти на компромисс с Максимилианом Баварским, в результате чего 3 июля 1620 г. был подписан так называемый Ульмский договор, в большей степени отвечавший интересам Католической лиги. Неожиданная уступчивость протестантских князей имела

свое объяснение: эмиссар Людовика XIII недвусмысленно дал понять вождям унии, что они не могут рассчитывать на поддержку Франции в случае продолжения конфликта. По условиям Ульмского договора Протестантская уния обязывалась воздерживаться от вмешательства в чешско-австрийский конфликт, а Максимилиан Баварский обещал содействовать тому, чтобы испанские войска не покидали пределов нидерландских провинций. Цену этим обещаниям узнали уже через год, когда испанцы оккупировали Пфальц.

Французские послы поспешили сообщить в Париж о восстановлении мира. Если Ульмский договор и был кому-то выгоден, то, несомненно, императору Фердинанду II. У протестантских князей руки оказались связанными, а их союзник и единоверец Фридрих V остался в одиночестве. Посредничество французской дипломатии оказалось поистине спасительным для императора.

Уже 5 июля 1620 г., то есть через два дня после подписания договора, Максимилиан Баварский двинул на помощь императору войска во главе с Тилли, которые вскоре соединились с императорской армией. В это время саксонский курфюрст воспользовался трудным положением Фридриха V и отхватил кусок чешской территории, на которую давно претендовал. Некоторое время спустя испанский генерал Спинола во главе 25-тысячной армии вышел из Брюсселя и устремился на Гейдельберг вопреки обещаниям, данным в Ульме Максимилианом Баварским.

Обеспокоенные французские послы отправились в Вену, где уже прочно обосновался император Фердинанд под защитой 50-тысячной армии. Их приняли учтиво, но с первых же дней держали в стороне. Попытки графа Овернского вновь предложить посреднические услуги были пресечены послом Испании, ближайшим советником императора.

Франция сыграла свою роль, и теперь в ней уже не нуждались, во всяком случае, в ее дипломатических услугах. Фердинанд II и его католические союзники готовились к военному разгрому Фридриха V с целью восстановления австрийского суверенитета над Чехией и Моравией.

9 ноября 1620 г. в сражении у Белой Горы императорские войска и армия Тилли разбили чешские полки, предводительствуемые графом Ангальтом, и католическая армия вошла в Прагу. Фридрих V вынужден был искать убежище — сначала в Бадене, затем в Брауншвейге. Чехия и Моравия были возвращены под власть императора и католицизма. Воспользовавшись успехом австрийцев и баварцев, испанский генерал Спинола оккупировал Пфальц. В результате в 1621 году

сложился устойчивый перевес сил габсбургско-католического блока. Вновь возникают химерические проекты всемирной католической монархии.

Французской дипломатии не оставалось ничего другого, как пожинать горькие плоды недальновидной политики тех, кто ее направлял из Лувра. В депешах королю граф Овернский впервые осмеливается усомниться в правильности этой политики. Даже утверждает, что единственно правильной линией была бы поддержка протестантских княжеств против Габсбургов.

Известие о разгроме Фридриха V у Белой Горы вызвало смятение в Париже. В Королевском совете идут жаркие споры. Ищут виноватых, перекладывая друг на друга ответственность за допущенный серьезный просчет.

Неблагоприятная для Франции обстановка складывалась и в Северной Италии, где французская дипломатия также оказалась не в состоянии противодействовать испанской экспансии. Давние союзники оставлены ради сомнительных сиюминутных выгод.

* * *

Епископ Люсонский тяжело переживал провалы французской дипломатии, так же как и собственную бездеятельность. Обещанное Люинем кардинальство по-прежнему оставалось не более чем мечтой. Ришелье знал о коварстве фаворита, но он и не подозревал, что Люинь лично просил папского нунция передать в Рим мнение короля о нежелательности возведения епископа Люсонского в сан кардинала. Вообще нунций оказался в весьма деликатном положении, поскольку Мария Медичи настойчиво добивалась кардинальской шляпы для своего любимца. Она забрасывала прошениями Людовика XIII, монсеньора Бентиволью и даже самого папу римского.

11 января 1621 г. из Рима пришло сообщение об очередном посвящении в кардиналы. Ришелье не обнаружил себя в списке. Зато там значился архиепископ Тулузский, сын д'Эпернона. Ришелье уязвлен до глубины души. «Во Франции, — философски замечает он, — самое лучшее лекарство — терпение». Он понимает, что пока Люинь у власти, там не будет места для него — человека, как он убежден, во всех отношениях куда более достойного. Вести же открытую борьбу с всесильным фаворитом епископу явно не под силу. Поэтому он так упорно держится за королеву-мать. Он знает о глубокой, непреодолимой ненависти, которую Мария Медичи питает к де Люиню. Но королева не умна и в поединке с изворотливым временщиком, несомненно,

проиграет, поэтому необходимо умело направлять ее борьбу, самому оставаясь в тени и демонстрируя лояльность по отношению к Люиню.

Королева все более настойчиво требует места в Королевском совете для себя и Ришелье: она вернется в Париж, только если выполнят это ее условие.

Тем временем в конце 1620 года вспыхнули волнения среди гугенотов. На своей нелегальной ассамблее в Ларошели они приняли решение самостоятельно чеканить монету, устанавливать налоги, комплектовать армию, возводить крепости и назначать командующих в пределах контролируемых ими провинций. Своим главнокомандующим они провозгласили герцога де Роана. Франция вновь сползала в пропасть гражданской войны.

А де Люинь продолжал прибирать к рукам бразды правления. Маршал Франции, который не провел ни одного крупного сражения, он под предлогом предстоящего похода против «гугенотской ереси» требовал для себя звания коннетабля.

Претензии фаворита смутили даже послушного его воле Людовика XIII. Повторялась история с Кончини. В обществе нарастал открытый протест против всевластия временщика. Появились многочисленные памфлеты и так называемые les libelles — ругательные письма в его адрес. Печатавшиеся на набережной Августинцев, эти своеобразные листовки-газеты продавались всем желающим на Пон-Нёф за умеренную плату. Они и раньше были орудием противоборствующих партий и личностей, особенно в годы религиозных войн. При Генрихе IV они постепенно исчезли, но возродились при Кончини и Люине.

Теперь доподлинно известно, что в составлении многих памфлетов и ругательных писем против де Люиня самое активное участие принимал и епископ Люсонский, тщательно скрывавший свое авторство. Наиболее известный памфлет Ришелье многозначительно назывался «Приветственная речь и впечатление об умирающей Франции. Заклинание, обращенное к королю, и призыв ко всем добрым французам». В иносказательной форме Ришелье призывал короля исправить трудное положение, в котором оказалась Франция. Он советовал предотвратить новую гражданскую войну, которая была бы убийственной для страны, упорядочить финансы, изгнать из Королевского совета приверженцев «иностранной партии», примириться с королевой-матерью. По существу, Ришелье подверг резкой критике всю внутреннюю, внешнюю и финансовую политику администрации де Люиня, покачав ее пагубные последствия для Франции. Любопытно, что он неоднократно вспоминает благословенные

времена «доброго короля Генриха». Более того, устами Генриха IV осуждает «дурных советников» короля и выражает удивление тем, что сын правит без материнской поддержки.

Весной 1621 года Королевский совет принял решение начать войну с протестантами. 29 апреля Людовик XIII вышел во главе армии из Фонтенбло в направлении Орлеана. Оттуда по течению Луары спустился к Туру, где встретился с королевой-матерью.

Протестантские города Турени сдаются королю без сопротивления. Капитулировала без единого выстрела и цитадель протестантизма в провинции Анжу — город Сомюр во главе с престарелым вождем гугенотов герцогом Дюплесси-Морнеем. Далее королевская армия поворачивает на юг и, пройдя через Пуату, осаждает Сен-Жан-д'Анжели — главную крепость провинции Сентонж. Осада длилась 22 дня, по истечении которых гарнизон крепости сдался на милость победителя.

Де Люинь, добившийся-таки желанного звания коннетабля, неотлучно находился при Людовике XIII. Он настороженно встретил появление Марии Медичи в походном лагере короля. Де Люинь не без оснований опасался «дурного» влияния королевы-матери на слабохарактерного сына. Коннетабль установил за Марией Медичи слежку, чем приводил ее в бессильную ярость. Время от времени королева навещала Ришелье, предусмотрительно укрывшегося в своем фамильном замке, расположенном неподалеку от района военных действий. Там она получала инструкции от своего советника. Составив себе представление со слов Марии Медичи о положении в лагере короля, Ришелье посоветовал королеве вернуться в Анжер. Ее дальнейшее пребывание в лагере бессмысленно, так как де Люинь ни на минуту не оставляет короля без присмотра, парализуя активность королевы-матери.

Первоначальные успехи королевской армии, вскружившие голову Людовику XIII и новоиспеченному коннетаблю, в конце лета сменились неудачами. Гугеноты оказывали все более упорное и организованное сопротивление. Кампания, рассчитанная на месяц-другой, затянулась, и не было никаких надежд на ее успешное завершение.

В разгар очередной осады небольшой гугенотской крепости Монёр заболевает коннетабль де Люинь. 14 декабря 1621 г. всесильный фаворит скоропостижно скончался. Современники сообщают, что за те два дня, что он проболел, никто даже не навестил умиравшего — настолько все ненавидели его. После похорон своего любимца Людовик XIII признался одному из приближенных, что смерть де Люиня сделала его свободным.

О коннетабле очень скоро забыли; забыла его и собственная

жена, которая уже через четыре месяца благополучно вышла замуж за герцога де Шеврёза.

* * *

Людовик XIII не привык даже короткое время обходиться без поводыря. Образовавшаяся после смерти де Люиня вакансия должна была быть кем-то занята. Первоначальная радость от обретенной свободы очень скоро сменилась растущим беспокойством. Король растерян и ищет совета у матери, обосновавшейся к тому времени в Париже. Он предлагает ей окончательное примирение. Никто и ничто теперь, как уверяет смиренный сын, не сможет омрачить их отношения. Ришелье советует королеве не терять драгоценного времени. Он понимает: пришел долгожданный час для них обоих — и просит немедленно направить в лагерь короля специального представителя, которому они оба безусловно доверяют, — де Марильяка.

Королева действует в точном соответствии с рекомендациями Ришелье. Марильяк отправляется в лагерь короля, откуда регулярно присылает подробные отчеты. Из его писем следует, что Людовик XIII пребывает в растерянности и беспокойстве, желает поскорее вернуться в Париж, что он совершенно одинок и не встречает понимания и сочувствия даже у своей молодой жены Анны Австрийской. Тогда Ришелье составляет для Марии Медичи письмо к королю, в котором королева-мать говорит о намерении отдать всю себя служению сыну и предостерегает его от дурных влияний.

Предостережение не было излишним, поскольку появился кандидат в преемники де Люиня. Им был не кто иной, как принц Конде. Заодно с ним действовали канцлер Силлери и государственный секретарь де Пюизье, всерьез опасавшиеся за свое будущее и стремившиеся предотвратить примирение Людовика XIII с матерью. По всей видимости, они догадывались и о честолюбивых замыслах епископа Люсонского. Когда король, оставив армию, отправился в Париж, с ним вместе отбыл и принц Конде. В Орлеане в качестве личного представителя Марии Медичи их встречал епископ Люсонский. Людовик XIII все так же холоден и безразличен к Ришелье. Зато Конде не скрывал давней неприязни. Дальнейший путь в Париж епископ проделал вместе с королем и его двором.

С возвращением короля в Париж Ришелье, к своему удовлетворению, отметил, что Людовик XIII совершенно переменился к матери. Он открыто искал сближения с ней. Встал

вопрос о введении королевы-матери и ее ближайших помощников в Королевский совет. Наиболее влиятельные члены Совета — Силлери, Жаннен, Пюизье, новый канцлер де Вик и кардинал де Рец пытались затянуть его решение. Ришелье в «Мемуарах» откровенно говорит о сильнейшем давлении, которое оказывалось на Людовика XIII: «Королю говорили, что его доверие к ней (королеве-матери. — *П. Ч.*) похвально и понятно. Но это не значит, что она должна вмешиваться в дела управления. В противном случае любовь, которую он питает к ней, неизбежно приведет к тому, что она разделит с ним власть».

Узнав о происках своих врагов, королева послала епископа Люсонского на одно из заседаний Королевского совета, чтобы он попытался склонить Совет в ее пользу. Ришелье вспоминал: «… Министры были непреклонны, ничто не могло тронуть их. В действительности они сопротивлялись не столько в силу отвращения, которое питали к ней, сколько из-за опасения, что, заняв место в Совете, она пожелает ввести туда и меня. Они знали, что я обладаю некоторой силой убеждения, подозревали, что я не глуп, и боялись, что как только король узнает меня получше, то сделает своим главным союзником…»

Предположение Ришелье было совершенно обоснованным. Министры достаточно правильно оценивали как качества королевы-матери, так и достоинства епископа Люсонского. По всей видимости, выступая в Совете, Ришелье еще больше укрепил министров в их опасениях поскольку его речь в защиту королевы была слишком эмоциональной. В ней откровенно звучали личная заинтересованность и нетерпение. Надо сказать, противники Марии Медичи и ее первого советника преуспели в своих стараниях. Стоило королю провести некоторое время в Париже, как он вновь проникся недоверием к матери, конечно, не без стараний Силлери и его партии. При дворе быстро отметили перемену в настроениях Людовика XIII. Так, новый папский нунций монсеньор Корсини сообщал в Рим: «Король полон подозрений в отношении королевы-матери… Когда видят при ней епископа Люсонского, то подозревают… что он способен тиранить и мать, и сына».

Со смертью де Люиня при дворе разгорелось ожесточенное соперничество за влияние на короля. Силлери и его группа враждовали с Конде, который лелеял тайные надежды на престол в случае устранения бездетного Людовика XIII и его младшего брата Гастона.

Пытаясь войти в Королевский совет с помощью королевы-матери, Ришелье одновременно надеялся решить и другую задачу — получить кардинальство. По существовавшему со времен

Франциска I порядку король Франции предлагал на утверждение Святого престола кандидатов на кардинальский сан. Предварительно кандидатуры рассматривались на заседаниях Королевского совета. Но нередко претендента на кардинальскую шляпу выдвигали и королевские фавориты Кончини или Люинь. В том и в другом случае в Рим посылалось официальное письмо за подписями короля и государственного секретаря.

Мария Медичи хлопочет за своего любимца. Она даже направляет государственному секретарю де Пюизье письмо с ультимативным требованием: или он официально выдвигает кандидатуру епископа Люсонского, или она прерывает «дружеские» отношения с государственным секретарем. Пюизье уверяет королеву, что ее желание исполнится скорее, если она направит Ришелье с какой-либо миссией в Рим — там он наверняка сумеет склонить папу на свою сторону. Замысел Пюизье прост: отдалить Ришелье от Марии Медичи, лишить ее опытного советника, без которого она была бы не так опасна, и одновременно убрать из Франции самого реального претендента на пост государственного секретаря.

Ришелье решает переиграть Пюизье и заявляет о своем согласии отправиться в Рим. Главное для него — официальная просьба короля папе римскому, а там видно будет. Во всяком случае, далекое и сомнительное путешествие в его планы не входило. Хитрость удалась, и уже в начале августа король направил просьбу Святому престолу. А вскоре королеву-мать официально ввели в Совет. По-видимому, Силлери и его группа всерьез поверили в предстоящий отъезд Ришелье. Они сочли, что обещание кардинальской шляпы способно отвлечь честолюбивого епископа от надежд на министерский пост. Они явно недооценили Ришелье, твердо вознамерившегося получить и кардинальство, и министерство.

Борьба различных партий при дворе происходила на фоне продолжавшейся в стране междоусобицы. Весной 1622 года с новой силой возобновилась война с гугенотами, в которой королевская армия одерживала лишь случайные победы. В течение шести недель 30-тысячная армия короля безуспешно осаждала Монпелье, защищаемый герцогом де Роаном, в распоряжении которого было не более 4 тысяч пехотинцев и 500 всадников. Все попытки взять город штурмом были отбиты. Король вынужден был пойти на переговоры с гугенотами, которые завершились подписанием 9 октября 1622 г. мирного соглашения, предоставлявшего им значительные политические права. Правда, гугенотам запрещалось созывать ассамблеи и укреплять крепости. Исключение делалось лишь для Ларошели и Монтобана. Мир был

заключен в значительной степени благодаря уступкам, сделанным лично вождям гугенотов: герцог де Роан получил в управление города Ним, Юзе и Кастр в Провансе и Лангедоке, а также 50 тысяч экю в подарок от короля; герцогу де Субизу была пожалована пенсия в 45 тысяч ливров. Вряд ли кто сомневался, что достигнутый компромисс носит временный характер.

В Париже неожиданно умер кардинал де Рец. Мария Медичи усилила нажим на государственного секретаря Пюизье. Ришелье, который вовсе не спешил покинуть Париж, сумел расположить к себе старика Жаннена. Наконец, в «дело Ришелье» вмешался сам Людовик XIII.

В результате этих совместных усилий 5 сентября 1622 г. 37-летний епископ Люсонский был возведен в кардинальский сан. Новоиспеченный кардинал де Ришелье принимал поздравления от друзей и врагов, от тех, кто помогал и кто препятствовал ему в достижении желанной цели. Сейчас все они — одни искренне, другие с фальшивой улыбкой, скрывавшей злобу и зависть, — спешили с визитом к тому, в ком уже смутно угадывали будущего правителя Франции. Пришло поздравление и от папы римского Григория XV. «Твои блестящие успехи настолько известны, — обращался Его Святейшество к кардиналу, — что вся Франция должна отметить твои добродетели священными знаками отличия, ибо они больше поражают воображение людей, чем неотмеченная добродетель. Продолжай возвышать престиж церкви в этом королевстве, искореняй ересь. Наступай на аспидов и василисков. Таковы большие и важные услуги, которых требует и ожидает от тебя римская церковь». Кардинал сдержанно, с достоинством принимал поздравления. Он сделал исключение лишь для короля, которому 23 сентября направил благодарственное письмо.

Все ожидали, что теперь-то уж Ришелье непременно отправится в Рим для того, чтобы быть рукоположенным папой. Но, ко всеобщему удивлению, он не обнаруживал желания посетить Вечный город даже по столь радостному поводу. Ходят слухи, что престарелый Григорий XV при смерти, и Ришелье использует это как удобный повод, чтобы не покидать Париж в тот момент, когда может выиграть и вторую партию — министерство. Он ощущает себя не столько кардиналом церкви, сколько кардиналом государства.

Ришелье не ошибся в своих расчетах. 22 декабря 1622 г. в кафедральном соборе лионского архиепископства Людовик XIII в присутствии королевы-матери, царствующей королевы, а также всего двора и князей галликанской церкви возлагает на Ришелье пурпурные шляпу и мантию, специально доставленные

представителем папы графом Джулио. Кардинал выступает с ритуальной речью, умело скрывая свое волнение. Мария Медичи взволнованна не меньше своего любимца. Ведь это и ее победа. Ришелье благодарит короля, затем обращается к Марии Медичи: «Мадам, эта мантия, которой я обязан благоволению Вашего Величества, всегда будет напоминать мне о торжественном обещании — жизни не щадить, служа Вам».

* * *

С этого дня положение Ришелье коренным образом меняется. Он уже не полуссыльный изгой. Теперь с ним вынуждены считаться даже члены Королевского совета.

В обществе возвышение Ришелье встретили скорее благожелательно. На фоне незначительных и даже мелких политиканов, окружавших в то время французский престол, кардинал Ришелье, несомненно, выглядел впечатляюще. Известный поэт Малерб писал одному из своих друзей: «Вы знаете, что я не льстец и не лжец, но клянусь Вам, что в этом кардинале есть нечто такое, что выходит за общепринятые рамки, и если наш корабль все же справится в бурей, то это произойдет лишь тогда, когда эта доблестная рука будет держать бразды правления».

Мало кто мог предположить, что 37-летний кардинал, оказавшийся в центре всеобщего внимания, переживал в те дни невыносимые физические страдания. Его слабое здоровье не выдержало нервного напряжения последних месяцев. Ришелье мучают сильнейшие приступы мигрени, доводящие его до изнеможения. «Я не написал ни строчки для королевы, умирая от головной боли», — жалуется он своему секретарю Шарпантье. Ришелье стоически выжидает, когда болезнь отступит сама. Он знает, что она уже никогда не отвяжется, но надеется хотя бы на временное облегчение.

И долгожданное облегчение наконец пришло, болезнь отступила. Ришелье возобновляет свою деятельность. Внимательно следит за Силлери и другими недругами, которые пытаются предотвратить его появление в Королевском совете. Кардинал сознательно вводит в заблуждение своих врагов: пускает слух, будто намерен отдалиться от дел и поискать удачи в Риме, где после смерти Григория XV предстояло выбирать нового папу и в связи с этим ожидались большие перемены. Вспоминая позже тот период жизни, Ришелье писал в «Мемуарах»: «В те мрачные времена меня, к несчастью, ненавидели сильные

люди государства, причем не за то, что я причинил им какое-то зло, а за достоинства, которые они во мне предполагали. Увы, не с сегодняшнего дня добродетель досаждает богатству, а таланты порождают преступления. Во все времена замечали, что при слабых министрах добрая репутация столь же опасна, сколь и дурная, и что выдающиеся люди оказывались в худшем положении, чем виновные. Не оставалось ничего другого, как положиться на течение времени и найти утешение в этом ожидании».

Заняв выжидательную позицию, Ришелье приводит в порядок материальные дела. Он отдает свое епископство аббату Эмерику де Брагелонгу в обмен на должность декана в Сен-Мартен-де-Тур и аббатство Нотр-Дам-де-Сен-Васт, что должно несколько увеличить его доходы. Новое положение требовало больших расходов. Корреспонденция Ришелье, относящаяся к 1622–1623 годам, практически вся посвящена урегулированию его финансовых пел.

А двор живет бесконечными интригами, большими и малыми скандалами, постоянными сплетнями и слухами. Король после двух военных походов вновь пристрастился в охоте, на которой пропадает целыми днями. Если он не на охоте, то забавляется стрельбой по птицам в аллеях Тюильри. Однажды умудрился угодить свинцом в пышную прическу Анны Австрийской, прогуливавшейся по парку. Опять ссора, опять неприятное объяснение.

При дворе уже давно поговаривали о неладах в королевском семействе. Вскоре после женитьбы король отдалился от молодой жены, которую первое время боготворил. Пищу новым сплетням дала и королева. Все заметили, с каким пренебрежением она стала относиться к мужу. Людовик XIII предпочитает общество лошадей, охотничьих собак и ловчих птиц. У Анны Австрийской — свое общество, свои забавы. После того как молодая королева родила подряд двух дочерей, при дворе стали уделять больше внимания дофину — принцу Гастону, видя в нем будущего короля.

Все более пристальный интерес у придворных с некоторых пор вызывал и маркиз де Ла Вьевиль. Бывший капитан королевских мушкетеров, а затем главный сокольничий королевства, Ла Вьевиль сумел войти в доверие к Людовику XIII. Почувствовав появление нового фаворита, Силлери и Пюизье поспешили закрепить свои отношения с Ла Вьевилем и предложили ему пост сюринтенданта финансов, который в то время занимал граф де Шомберг. Сделка состоялась, и завязалась интрига по устранению ставшего ненужным Шомберга.

Ришелье наблюдал за ее развитием, не имея возможности вмешаться. Кардинал все еще не пользовался расположением короля, но был намерен растопить лед. Венецианский посол докладывал своему правительству: «Господин кардинал де Ришелье единственный, кто здесь противодействует министрам. Он прилагает все усилия для того, чтобы возвысить себя в глазах короля… внушая ему идею величия и славы короны». Тактика Ришелье включала замаскированную дискредитацию правительственной политики как внутри страны, так и за ее пределами. Тот же венецианский посол сообщал, что кардинал Ришелье недвусмысленно осуждал политику уступок Мадриду, проводимую Пюизье в Северной Италии, показывая ее пагубность для интересов Франции. Судя по всему, Ришелье хорошо изучил характер Людовика XIII, сделав упор на его тщеславие, желание походить на своего знаменитого отца. При каждом удобном случае кардинал взывал к памяти Генриха Великого. Он упорно внедрял в сознание молодого короля такие понятия, как величие, слава, родина, не уставая говорить об историческом предназначении Людовика XIII. Раскрывая близорукость и беспомощность дипломатии Силлери — Пюизье, Ришелье сумел возбудить недовольство короля своими министрами. В этом кардиналу помог неожиданный союзник. Им оказался маркиз де Ла Вьевиль, которого Силлери ошибочно принимал за единомышленника. Сокольничего уже не устраивала должность сюринтенданта финансов. Он претендовал ни много ни мало на пост самого Силлери — первого министра. Встав во главе финансов, Ла Вьевиль очень скоро столкнулся с партией Силлери, когда задумал сократить число пенсий. К тому же он обнаружил, что значительные суммы, выделенные на оказание помощи союзникам Франции, задержались в руках Силлери и его сына Пюизье. Возник скандал, в результате которого Людовик XIII 1 января 1624 г. уволил в отставку и отца, и сына, доверив руководство Королевском советом маркизу де Ла Вьевилю.

* * *

Ришелье счел, что настал наконец и его час, но он ошибся. Достигнув вершин власти, Ла Вьевиль не спешил делиться ею с тем, кого в глубине души серьезно опасался. В представленном Ла Вьевилем королю списке нового Королевского совета имя кардинала Ришелье не значилось. Любопытно, что руководство внешней политикой Ла Вьевиль распределил между четырьмя (!) государственными секретарями. Мария Медичи, не обнаружив

Ришелье в составе нового Королевского совета, в знак протеста отказалась в него войти.

С самого начала положение Ла Вьевиля оказалось весьма шатким, так как он восстановил против себя все партии. К тому же первый министр проявил себя столь же слабым администратором и посредственным политиком, как и его предшественники. Неуверенность и растерянность Ла Вьевиля росли с каждым днем. Он пасовал перед все более решительными нападками на него королевы-матери. В конце концов Ла Вьевиль сам приглашает Ришелье в Королевский совет, но на второстепенную, если не третьестепенную, роль государственного секретаря по дипломатической переписке. Этот пост не открывал Ришелье прямого выхода на короля, и он отклонил предложение, сославшись на слабое здоровье. Тогда озадаченный Ла Вьевиль предложил кардиналу на выбор мадридское или римское посольство. На этот раз возмутилась Мария Медичи, не желавшая отпускать от себя верного советника. Она настаивала на том, чтобы кардиналу Ришелье предоставили место, соответствующее его высокому сану. Однажды, прогуливаясь с Ла Вьевилем в Компьенском лесу, Мария Медичи вновь завела разговор на эту тему. «Мадам! — пророчески воскликнул первый министр. — Вы требуете от меня такого, что неминуемо приведет меня к краху, и я не уверен, что однажды Ваше Величество не раскается в том, что так опрометчиво выдвинули человека, которого сами недостаточно хорошо знали».

Не в силах сопротивляться оказываемому на него давлению Ла Вьевиль соглашается ввести Ришелье в Совет, но пытается смягчить неминуемый удар: кардиналу предоставляется совещательный голос.

Ришелье и на этот раз проявляет характер. Он излагает в письме к королю мотивы своего вынужденного отказа. Главный довод — двусмысленное положение, в которое его хотят поставить и которое помешало бы ему отдать все силы служению королю и его интересам. Логика Ришелье производит должное впечатление на Людовика XIII, который лично просит кардинала войти в Совет, обещая свою поддержку. Он предоставляет Ришелье решающий голос при обсуждении всех вопросов.

24 апреля 1624 г. кардинал Ришелье вошел в зал заседаний Королевского совета. Уже по первым его движениям, по тому, как он взглянул на присутствующих, включая Ла Вьевиля, все поняли, кто здесь отныне хозяин. С момента появления Ришелье в Совете несчастного Ла Вьевиля обуял страх, парализовавший энергию и волю. Он буквально цепенел под леденящим взглядом кардинала. Самое поразительное, что у Ришелье не было четко обозначенных

функций в Совете. Но именно это неопределенное положение внушало Ла Вьевилю наибольшие опасения. «Его ум, — вспоминал Ришелье о Ла Вьевиле, — был занят лишь тем, как удержаться. Бедняга во всем видел намерения погубить его; он боялся собственной тени, и весь двор ненавидел его». Положение самого Ла Вьевиля от заседания к заседанию становилось все более двусмысленным. Власть ускользала из рук, но он был бессилен что-либо изменить. В довершение всего кто-то распространил памфлеты и ругательные письма, обличавшие бездарность первого министра. Теперь доподлинно известно, что закулисным режиссером этой кампании был кардинал Ришелье, а непосредственным ее организатором — один из его помощников Фанкан.

Конечно, многое из обвинений можно было бы отнести не столько к Ла Вьевилю, сколько к его предшественникам. Но, как известно, мертвые сраму не имут, а за последствия их деяний часто отвечают преемники. Действительно, внутренняя обстановка во Франции была крайне неблагополучной; повсюду тлели очаги недовольства, грозившие в любой момент перерасти в пожар междоусобной войны. Серьезно был подорван и международный престиж Франции, отказавшейся от союза с германскими протестантскими княжествами из религиозно-идеологической солидарности с Габсбургами. Престиж Франции настолько упал, что французское посольство, отправленное Ла Вьевилем в германские княжества, не везде даже было принято. В беседе с послом де Мареско курфюрст Саксонии Иоганн Георг язвительно поинтересовался, правит ли еще во Франции король. А услышав утвердительно-удивленный ответ посла, добавил с откровенной иронией: «Странно… вот уже целых четыре года мы ничего о нем не слышим». Он явно намекал на то, что как внутренней, так и внешней политикой Франции на протяжении последних лет занимался кто угодно, только не король. Посол герцога Савойского в Париже признался как-то Ришелье: «Самая большая задача, которую мог бы решить Королевский совет, — это восстановить веру и твердость в выполнении обещаний, утраченные при Пюизье и Ла Вьевиле».

Провал посольства в Германии нанес последний удар престижу Ла Вьевиля. Первый министр, судя по воспоминаниям Ришелье, окончательно потерялся. Отчаявшийся Ла Вьевиль пытался найти поддержку у Ришелье, испрашивая его советов буквально во всем. В намерения кардинала менее всего входило спасение первого министра. Снизойдя на словах к его мольбам о помощи, Ришелье в действительности методично и целенаправленно рыл ему яму. Одновременно в сознание короля

столь же методично внедрялась мысль, что только кардинал Ришелье способен спасти пошатнувшийся престиж французской короны, только он в состоянии поправить расстроившиеся государственные дела. Этим занимались сам Ришелье, его покровительница Мария Медичи, его верный соратник отец Жозеф и другие менее известные лица, сочувствовавшие кардиналу и видевшие в нем спасителя Франции.

Все чаще прибегал к советам Ришелье и Людовик XIII. С некоторых пор он стал приглашать его в свой кабинет, где они подолгу о чем-то беседовали. Не влиянием ли Ришелье объяснялся неожиданный отзыв из Рима Силлери, назначенного туда недавно послом? Король заменил его архиепископом Лионским де Маркемоном, о котором было известно, что он близок к Ришелье. Не успел новый посол прибыть на место, как получил королевскую инструкцию, явно составленную кардиналом Ришелье: «Смена министров мало что даст, если я не наведу такого порядка в моих делах, который послужит восстановлению былого блеска и мощи моего королевства… *Я* намерен взять под защиту старых союзников короны и объединиться с ними во благо христианства».

В специально подготовленной для короля записке Ришелье обосновал необходимость радикального изменения французской политики в Северной Италии, в частности в так называемом «деле Вальтелины».

Еще в июле 1620 года в Вальтелине — области Северной Ломбардии, расположенной между рекой Адда и озером Комо, — вспыхнула религиозная вражда между католиками и протестантами, в которую поспешили вмешаться австрийцы и испанцы. Географическое положение Вальтелины — на стыке Италии и габсбургской империи — предопределило ее участь: она была втянута в Тридцатилетнюю войну. Французская дипломатия при Пюизье и Ла Вьевиле полностью устранилась от участия в урегулировании конфликта в Вальтелине, отдав всю инициативу в руки Габсбургов. И без того прохладные отношения Франции с Венецией обострились. Ришелье считал необходимым положить конец непомерным претензиям Мадрида в этом районе. «Нельзя сомневаться в том, — писал он в записке королю, — что испанцы стремятся к мировому господству и что до настоящего времени они встретили только два препятствия: разобщенность их владений и нехватку людских ресурсов. Однако, предпринимая походы через Альпы, они преодолеют и то, и другое». Франция, полагал Ришелье, не должна допустить соединения испанских владений в Северной Италии с имперскими, а такая возможность существовала в случае захвата испанцами альпийских горных

перевалов. Как видим, контуры будущей антигабсбургской политики Ришелье уже намечены.

Людовик XIII окончательно — конечно же, не без помощи Ришелье и его друзей — убедился в несостоятельности своего первого министра. Одновременно у короля появилась возможность оценить качества другого человека, которого, как ему внушали, посылала сама судьба. С августа 1624 года вызовы Ришелье к королю становятся ежедневными, в то время как Ла Вьевиль никак не может получить аудиенцию. Однажды после очередной беседы Людовик XIII неожиданно предлагает кардиналу возглавить его Совет и самому определить его состав. Ришелье сохраняет хладнокровие, ничем не обнаруживая охвативших его чувств. Он намеренно колеблется, побуждая короля проявить настойчивость. Ришелье просит несколько дней на размышление, по истечении которых дает согласие и представляет королю список кандидатов в члены Королевского совета. В этом списке — Шомберг, Марильяк, Шампиньи, Моле и другие, как заверяет кардинал, честные, уважаемые и энергичные люди. Король тут же утверждает его, не внеся ни единой поправки. Казалось бы, Ришелье должен быть полностью удовлетворен. Но нет, он просит у короля дать его министерству долгосрочный мандат, учитывая тот огромный объем работы, который предстоит проделать. Беда всех предшествующих министров, по мнению Ришелье, состояла в том, что они еще не успевали изучить проблемы, как их меняли. «После того как я представил Его Величеству самый подробный перечень всех беспорядков, которые имеют место в управлении государством, — вспоминал Ришелье, — я сказал ему, что если в будущем… он совершит подобную ошибку (частую смену министров. — *П. Ч.*), исправить ее будет уже невозможно. Просто разрушать, но нелегко созидать…» Король принял и это условие.

Каким-то образом Л а Вьевиль узнал о необъявленном еще решении короля. Он добился аудиенции у Людовика XIII и, словно снимая с себя непосильную ношу, заявил: «Мне известно, Сир, что Ваше Величество более не нуждается в моих услугах». Король не удостоил своего недавнего любимца ответом. Его безразличный, ледяной взгляд был красноречивее любых слов.

На следующий день капитан королевских мушкетеров де Трем арестовал первого министра, которого еще не отрешили официально от должности, и препроводил в тюрьму Амбуаз, где Ла Вьевилю предстояло просидеть 13 месяцев, пока шло следствие по обвинению его во взяточничестве.

Король тем временем вызвал к себе всех членов нового Совета и сообщил им свою волю. Ришелье выступил с речью, в

которой охарактеризовал внутреннее и внешнее положение Франции. Он умело создает впечатление, что отныне всеми делами будет управлять только король. Ришелье умоляет его «не слушать никаких жалоб на того или иного министра в частном порядке, но самому встать во главе Совета». Идея Ришелье проста: отныне все решения Совета должны быть освящены лично королем, поэтому обвинить тех или иных министров, и прежде всего самого Ришелье, за допущенные промахи будет просто невозможно. Кардинал прекрасно знал, что Людовик XIII не способен к самостоятельным поступкам и тем более к изнурительному ежедневному труду, которого требовали государственные дела. Истинным творцом и проводником политической линии будет он — кардинал Ришелье. Поэтому он мог смело провозгласить: «Сир, Вам следует править таким образом, чтобы все признали, что Ваше Величество сам заботится о своих делах…» Ришелье умело взял бразды правления в свои руки, оставив королю иллюзию, что все теперь зависит исключительно от его монаршей воли.

В своем выступлении Людовик XIII одобрил все советы, содержавшиеся в речи Ришелье, не преминув недобрым словом помянуть предыдущих министров. А в конце своей речи король выразил уверенность, что «отныне будет доволен своими делами, ибо они теперь будут в полном порядке под управлением господина кардинала де Ришелье».

Итак, 13 августа 1624 г. Ришелье становится первым министром Людовика XIII. На этом посту он бессменно пробудет восемнадцать лет, три месяца и двадцать дней — вплоть до самой своей смерти. Позади — годы трудного восхождения к вершинам власти, взлеты и падения, успехи и поражения, мгновения славы и долгое забвение. Позади — унизительные заискивания перед ничтожествами, фальшивая дружба с врагами и сознательные измены друзьям, наконец, безденежье. Все, на что потрачено столько сил, на что ушли лучшие годы, оставалось позади. Начиналась новая, куда более короткая, но и куда более важная полоса жизни.

Власть

В составленном на исходе жизни «Политическом завещании», адресованном Людовику XIII, Ришелье следующим образом характеризовал доставшееся ему в 1624 году наследство: «Когда Ваше Величество соблаговолили призвать меня в свой Совет для участия в управлении своими делами, могу удостоверить, что гугеноты разделяли с Вами власть в государстве, вельможи вели себя так, словно не были Вашими подданными, а самые сильные губернаторы чувствовали себя чуть ли не самостоятельными властителями… Еще могу сказать, что союзы с иностранными государствами были в запущенном состоянии, а собственная корысть предпочтена общей пользе. Одним словом, достоинство Королевского Величества было недопустимо унижено».

Действительно, безрадостная картина: внутренняя разобщенность страны, слабость королевской власти при наличии мощной оппозиции, истощенная казна, непоследовательная, пагубная для интересов Франции внешняя политика.

Как исправить положение к лучшему? На этот счет у нового главы Королевского совета совершенно определенные намерения. В «Политическом завещании» Ришелье писал: «Я Вам обещал употребить все мои способности и всю власть, которую Вы мне изволили дать, чтобы ликвидировать гугенотскую партию, уменьшить притязания знати, привести в послушание всех Ваших подданных и возвысить имя Ваше в глазах чужих народов на такую ступень, на какой ему надлежит быть».

Такова программа действий, предложенная Ришелье королю в 1624 году. Он будет последовательно придерживаться ее на протяжении 18 лет своего пребывания у власти.

Как и всякий государственный деятель, имеющий четкую программу, Ришелье стремился к ее реализации в соответствии с намеченными им приоритетами. Однако жизнь постоянно вносила неожиданные коррективы в самые продуманные схемы, а то и вовсе перечеркивала их. Ришелье хотел начать свою деятельность с внутренней консолидации государства, а ему пришлось первые полтора-два года заниматься делами международными и лишь затем вернуться к тому, что он считал основой всего, — созданию сильного централизованного государства.

К моменту прихода Ришелье к власти самой неотложной, по всеобщему убеждению, была проблема Вальтелины, где с новой силой вспыхнуло давнее соперничество габсбургской империи и Граубюндена[12] — протестантского кантона, расположенного на

юго-востоке Швейцарии. Со времен Франциска I и Генриха IV Франция традиционно поддерживала Граубюнден, который предоставлял французской армии свободу прохода через Альпы. Однако начиная с регентства Марии Медичи и вплоть до падения Ла Вьевиля Франция, по существу, бросила Граубюнден, как, впрочем, и других своих союзников в Северной Италии, на произвол судьбы, оставив их без поддержки перед мощными противниками — испанскими и австрийскими Габсбургами. В 1622 году Граубюндену удалось несколько потеснить Испанию из Бальтелины. Франции представилась возможность прийти на помощь Граубюндену и вновь стать хозяйкой стратегически важных горных перевалов.

Ришелье принял решение действовать без промедления. Он направил в Швейцарию Аннибала д'Эстре, маркиза де Кёвра, с миссией возобновить традиционный союз Франции с Граубюнденом.

У маркиза де Кёвра было и другое, секретное указание — набрать в Швейцарии 4 тысячи наемников и попытаться поднять антшабсбургское восстание в Вальтелине. «Народное восстание», как считал Ришелье, облегчило бы Франции возможность прямого военного вмешательства в этом районе «по просьбе» местного населения. В ожидании восстания Ришелье приказал сосредоточить на юго-восточной границе Франции небольшую армию.

Миссия де Кевра увенчалась успехом. 25 ноября 1624 г. маркиз подписал договор с Граубюнденом, а уже на следующий день гризоны атаковали позиции императорских и папских войск в Вальтслине. Дипломат де Кёвр неожиданно преобразился в генерала и во главе 4-тысячного корпуса наемников развернул наступление, взаимодействуя с отрядами повстанцев. К концу февраля 1625 года французско-швейцарские войска очистили от неприятеля Вальтелину и остановились на ее южных рубежах, за которыми начиналось Миланское губернаторство испанской короны.

Действия Франции в Вальтелине вызвали решительный протест папского престола. Однако кардинал Ришелье оставался глух ко всем призывам нунция и прибывшего в Париж из Рима чрезвычайного посла. Ришелье настаивал на исторических правах Граубюндена на Вальтелину. Что касается прав и интересов 30-тысячного католического населения Вальтелины, то Франция, как заверял посланцев папы Ришелье, обещала гарантировать уважение к ним со стороны протестантского Граубюндена.

Используя благоприятное развитие событий в Вальтелине, Ришелье восстанавливает союз с Венецианской республикой и

побуждает герцога Савойского Карла Эммануила предпринять осаду Генуи в обмен на французские субсидии. Цель данной операции состояла в том, чтобы, перерезав морские коммуникации, связывающие Геную и Милан, воспрепятствовать переброске испанских войск в Вальтелину, а также в Германию и Нидерланды. На помощь Карлу Эммануилу был направлен корпус Ледипойера, коннетабля Франции, губернатора пограничной с Савойей французской провинции Дофине. Тем не менее захватить Геную не удалось как по причине недостатка сил у осаждавших, так и из-за пассивности Венеции, которая считала, что Франция должна вступить в открытую войну с Испанией. Продолжая линию на восстановление традиционных союзов, Ришелье добился нормализации отношений с Соединенными провинциями на основе антииспанской солидарности. Нидерланды получили ранее обещанную субсидию в размере 1,2 миллиона ливров и обещали не заключать мирный договор с Испанией без предварительного согласия короля Франции.

С первых же дней пребывания у власти Ришелье считал важным укрепить отношения с Англией. Его тревожила обозначившаяся в начале 20-х годов перспектива англоиспанского сближения. Было известно, что Лондон и Мадрид вели переговоры о династическом союзе. Ришелье подал кабинету Якова I новую идею — брак наследника английского престола принца Уэльского с дочерью Генриха IV Генриеттой Французской. По мнению кардинала, реализация этой идеи принесет Франции двойную пользу: отведет угрозу англо-испанского союза, а также затруднит оказание помощи французским протестантам со стороны Англии. Последнее обстоятельство особенно заботило Ришелье, ломавшего голову над тем, как положить конец сепаратизму гугенотов. В «Мемуарах» он откровенно признается в своих тогдашних надеждах на то, что «эта католическая принцесса (Генриетта. — *П. Ч.*) сможет воспрепятствовать получению французскими гугенотами какой-либо помощи от Англии».

Начав военные действия в Вальтелине, Ришелье вызвал кризис в отношениях не только с Веной и Мадридом, но и с Римом. Однако он не намеревался доводить дело до открытого военного конфликта с Габсбургами, что, кстати говоря, осложняло отношения Франции с Венецией, настаивавшей на войне. В «деле Вальтелины» он хотел ограничиться устранением Испании из этого района и возвратить его под контроль союзника Франции Граубюндена. Ришелье проявляет осмотрительность и в отношениях с папским престолом, настойчиво пытаясь объяснить Риму смысл своей политики. В переписке с папской канцелярией

кардинал выступает против смешения собственно религиозных и государственных интересов. Он направляет в Вечный город своего верного помощника отца Жозефа, который дважды в неделю на протяжении четырех месяцев встречается с папой и обсуждает с ним широкий круг вопросов, в том числе и проблему Вальтелины. Капуцин вернулся в Париж, обласканный папой, который уполномочил его возглавить миссионерскую деятельность на территориях, охваченных ересью. Отец Жозеф сумел склонить папу к поддержке Ришелье на начавшихся мирных переговорах с Испанией. Французская дипломатия демонстрировала готовность отказаться от завоеванных позиций в Вальтелине, выдвинув идею освобождения этого района от иностранного (т. е. французского и испанского) «присутствия». По существу же, речь шла о передаче Вальтелины под формальный суверенитет Граубюндена. Правовое оформление этого суверенитета оставляло за Францией свободу прохода ее армий через альпийские перевалы согласно союзническим соглашениям с Граубюнденом.

Испанская дипломатия полностью отдавала себе отчет в отношении намерений Франции, но губернатор Милана не располагал достаточными силами для продолжения войны. Оставалось одно — принять французские предложения, несмотря на всю их очевидную невыгодность для Испании.

5 марта 1626 г. в Монсоне (Испания) посол Франции дю Фаржи и герцог Оливарес подписали договор, определивший статус Вальтелины. Испания обязалась впредь не направлять в Вальтелину свои войска. Со своей стороны, Франция обещала, что католицизм, под предлогом защиты которого Испания неоднократно вторгалась в Вальтелину, будет провозглашен здесь единственной религией. Граубюнден признавался сюзереном Вальтелины, население которой должно было выплачивать ему ежегодную дань в размере 25 тысяч экю.

Следует подчеркнуть, что Монсонский договор был заключен без участия и даже без предварительного уведомления союзников Франции — Венеции и Савойи — и по этой причине с полным основанием может считаться сепаратным. Недовольство им выразила и Голландия, находившаяся в это время в состоянии войны с Испанией.

В литературе существуют различные оценки Монсонского договора. Одни авторы считают его неудачным для Франции, другие склонны говорить о нем как о несомненной победе Ришелье. Если иметь в виду последующее развитие событий в самой Франции, то более верной представляется точка зрения тех, кто считает Монсонский договор успехом дипломатии Ришелье. «Какой бы ценой ни был достигнут этот успех — а он

бесспорен, — Ришелье имел основания быть удовлетворенным результатом своих усилий… Поэтому в целом Монсонский договор был для Франции полезен и выгоден», — отмечает советский исследователь политики Ришелье А. Д. Люблинская. «Достигнут очень важный результат, — полагает современный французский историк Мишель Кармона. — Австрийский дом не был откровенно унижен исходом этого дела, но престиж Франции значительно возрос. Во внутреннем плане счастливый исход вальтелинского кризиса способствовал укреплению королевской власти».

* * *

Одновременно с решением проблемы Вальтелины Ришелье приходилось заниматься другим важным делом — устройством «английского брака», на который он возлагал большие надежды. Вообще-то Генриетта с малых лет предназначалась в жены своему кузену Суассону, но неожиданно возникшие государственные соображения изменили первоначальные планы. По целому ряду причин «испанский вариант» брака принца Уэльского расстроился, и вскоре после прихода Ришелье к власти в Париже начались переговоры о женитьбе наследника английского престола на Генриетте Французской. От имени Якова I их вел лорд Холланд, от имени Людовика XIII — герцог де Шеврёз. Осенью 1624 года переговоры были завершены, все статьи брачного договора согласованы. В это время умирает Яков I и принц Уэльский наследует корону под именем Карла I. В соответствии с существовавшими правилами он не может отныне покидать территорию своего королевства и поручает представлять его на церемонии бракосочетания герцогу де Шеврёзу. 11 мая 1625 г. в Нотр-Дам де Пари Генриетта Французская была заочно обвенчана с Карлом I Английским.

Спустя две недели в Париж прибыл специальный представитель английского короля герцог Бекингем; его уполномочили сопровождать юную королеву Англии на ее новую родину. Одновременно он должен был провести переговоры с кардиналом Ришелье относительно возможности заключения англо-французского военного союза против Испании. Эмиссар Карла I настроен весьма решительно, чего нельзя сказать о Ришелье. Он не готов к полному разрыву с Мадридом. Бекингем разочарован сдержанностью и осторожностью кардинала. Переговоры зашли в тупик.

Зато фаворит Карла I в полном восторге от 24-летней Анны

Австрийской. Он шокирует французский двор откровенными и настойчивыми ухаживаниями за королевой, считавшейся самой красивой женщиной Европы. В своих дерзких действиях Бекингем встретил неожиданную и, как оказалось, незаменимую поддержку ближайшей компаньонки Анны Австрийской герцогини де Шеврёз.

Это была та самая вдова де Люиня, которую Людовик XIII приказал выслать из Парижа в марте 1622 года. Молодая женщина пробыла в ссылке всего три месяца и сумела вернуться в Париж благодаря замужеству с герцогом де Шеврёзом. Одержимая жаждой мести за пережитое унижение, герцогиня умело содействовала сближению распутного герцога и воспитанной в строгом кастильском духе Анны Австрийской. Впрочем, эта история достаточно широко известна в описании Дюма-отца. Менее известна другая, связанная с пресловутой Миледи из «Трех мушкетеров». Ее прообразом послужила графиня Карлейль — оставленная любовница Бекингема, которая все из той же женской мстительности согласилась стать тайным осведомителем Ришелье при английском дворе. Именно от нее кардинал получал наиболее важные сведения о намерениях британского кабинета.

Очень скоро Ришелье вынужден был с сожалением констатировать, что английский брак не оправдал возлагавшихся на него надежд. Желанного сближения с Англией не только не произошло, но, напротив, отношения между двумя странами еще более ухудшились. Как серьезный, трезвомыслящий политик, Ришелье не мог не понимать, что ответственность за ухудшение отношений несет скорее он, нежели Бекингем, глава кабинета Карла I. Причина крылась в нежелании Франции в тот момент открыто выступить против Испании. Двойственность во внешней политике Франции с приходом Ришелье не была преодолена окончательно: здесь сказывались и сохраняющееся влияние испанской партии при французском дворе, и неготовность Франции к большой войне. Так или иначе, но франко-английские отношения характеризовались постоянными недоразумениями и даже враждебностью. Несчастную Генриетту открыто называли в Англии «паписткой»; она была крайне непопулярна, хотя и не оказывала никакого влияния на политический курс британского кабинета. Но что более всего тревожило Ришелье, так это возобновившиеся активные контакты Лондона с гугенотами Ларошели.

Постепенно Ришелье полностью подчиняет короля своей воле. Неограниченная власть всемогущего кардинала встречает растущее недовольство знати, не без оснований опасавшейся за

свое влияние на государственные дела. В 1626 году была предпринята первая из многочисленных попыток устранения кардинала его политическими противниками. Заговор против Ришелье был важнейшей частью более широкого замысла по низложению Людовика XIII и возведению на трон его младшего брата Гастона, герцога Анжуйского.

* * *

Элегантный, с изысканными манерами, веселый и непосредственный герцог Анжуйский разительно отличался от своего старшего брата и был любимцем двора с детских лет. Мария Медичи также выделяла Гастона.

В 1626 году Гастону исполнилось 18 лет, и он официально был объявлен дофином. У Людовика XIII все еще нет наследника, и Гастон будет считаться им до тех пор, пока в королевской семье не родится мальчик. До предела обострившиеся отношения между Людовиком XIII и Анной Австрийской, особенно после истории с Бекингемом, когда королеве пришлось давать объяснения своего поведения, делали такую перспективу в глазах общества маловероятной. Гастон же все более определенно представал как наиболее вероятный преемник Людовика XIII. А раз так, то почему бы и не ускорить его восшествие на престол, тем более что нынешний король мало соответствует своему высокому предназначению. Кто-то усиленно распускал слухи о психической неполноценности короля, подверженного частой ипохондрии; он явно не в состоянии управляться с делами государства.

Активную роль в заговоре играли герцогиня де Шеврёз и воспитатель Гастона маршал д'Орнано. Среди участников заговора — сам Гастон, сводные братья короля Вандомы, его кузены Конде и Суассон, а также Анна Австрийская. Некоторые заговорщики (герцогиня де Шеврёз и д'Орнано) считали необходимым после устранения Людовика XIII устроить брак Гастона и Анны Австрийской, другие (Конде) сами претендовали на престол.

Заговорщики установили тайные связи за границей, в частности с герцогом Савойским и Венецией, а также с Англией и Голландией, проявлявшими недовольство внешней политикой Людовика XIII и его первого министра.

Ришелье очень скоро заподозрил неладное и через своих агентов выяснил, что на герцога Анжуйского дурное влияние оказывает его воспитатель. Кардинал приказал немедленно

арестовать маршала и начать следствие по его делу.

Заговорщики всполошились и решили поспешить с убийством Ришелье. Нужен был только исполнитель. Его нашла все та же герцогиня де Шеврёз из числа своих многочисленных поклонников. Им оказался 27-летний Анри де Талейран-Перигор, маркиз де Шале, человек из окружения Гастона. Заговорщики составили план, в соответствии с которым маркиз де Шале убьет кардинала в его летней резиденции Флери, около Фонтенбло, во время визита Гастона к Ришелье. В случае успеха маркизу обещаны карьера и благосклонность герцогини де Шеврёз.

Все дело погубил сам Шале, отличавшийся излишней болтливостью. Он неосмотрительно посвятил в заговор своего дядю командора де Балансе, который поспешил сообщить обо всем Ришелье.

Акцию назначили на 11 мая 1626 г. Накануне маркиз Де Шале в сопровождении группы единомышленников прибыл во Флери, чтобы уведомить кардинала о скором приезде Гастона, а заодно изучить обстановку, в которой ему предстояло действовать. Шале и его единомышленники были озадачены, когда Ришелье принял их в окружении сильной охраны. Усиленные посты расставлены по всему дому. Заговорщиков это тем более удивило, что до сих пор у кардинала не было телохранителей. Обескураженный Шале и его люди покидают Флери.

Не медля ни минуты, Ришелье в сопровождении охраны отправляется в Фонтенбло с визитом к Гастону, которого застает в постели. Ришелье сразу же дает ему понять, что заговор раскрыт. Затем кардинал изрекает сентенцию о необходимости укрепления единства в Королевском доме и об опасностях, которые подстерегают государство в случае раздоров среди членов королевской семьи. Он призывает Гастона образумиться и назвать имена заговорщиков. Перепуганный насмерть Гастон выдает всех участников заговора, а спустя несколько дней безропотно подписывает составленный Ришелье документ, обязывающий всех членов королевской семьи безусловно повиноваться королю.

Получив подробные сведения о заговоре, Ришелье сообщил о нем Людовику XIII и одновременно подал королю прошение об отставке, сославшись на слабое здоровье. Кардинал сознательно пошел на обострение ситуации, понимая, что в столь критический момент Людовик XIII как никогда нуждается в нем. Ришелье нужен был новый мандат с более широкими полномочиями. И он получил его.

9 июня 1626 г. королевский курьер вручает кардиналу

письмо, в котором, среди прочего, говорится: «Я знаю все причины, по которым вы хотите уйти на покой. Я желаю Вам быть здоровым даже больше, чем Вы сами этого хотите… Благодаря Господу все идет хорошо с тех пор, как Вы здесь; я питаю к Вам полное доверие, и у меня никогда не было никого, кто служил бы мне на благо так, как это делаете Вы. Это побуждает меня просить Вас не уходить в отставку, ибо в этом случае дела мои пошли бы плохо… Не обращайте никакого внимания на то, что о Вас говорят. Я разоблачу любую клевету на Вас и заставлю любого из тех, кто желает быть членом моего Совета, считаться с Вами. Будьте уверены, я не изменю своего мнения. Кто бы ни выступил против Вас, Вы можете рассчитывать на меня». Король обещал Ришелье полное содействие и со стороны королевы-матери.

Любопытно, что Людовик XIII написал это письмо собственноручно, что свидетельствовало о его искреннем и полном доверии к Ришелье. Это важно отметить в связи с тем, что в литературе бытует мнение, будто кардинал постоянно тиранил слабовольного короля, в глубине души ненавидевшего своего притеснителя. Вся последующая история взаимоотношений Людовика XIII и Ришелье свидетельствует о том, что они действовали преимущественно в полном согласии, как единомышленники.

Пока Ришелье некоторое время был не у дел, Людовик XIII по собственной инициативе осуществил реорганизацию Совета, постаравшись устранить из него всех явных противников кардинала. Марильяк стал хранителем печати, маркиз д'Эффиа — сюринтендантом финансов, Шомберг и Клод Бутилье — государственными секретарями. 11 июня 1626 г. по королевскому указу были арестованы братья Вандомы.

Спустя два дня Людовик XIII вызвал Ришелье в Блуа, откуда двор отправился в Нант, где в это время начинали работу провинциальные штаты. Король представил депутатам нового губернатора провинции маршала де Темина, назначенного по рекомендации Ришелье.

Тем временем большинство заговорщиков пока что на свободе. Ришелье позволил себе поиграть с ними в кошки-мышки, установив за каждым постоянное наблюдение. Возможно, кардинал хотел выявить тех участников заговора, которые ему не были известны. Убедившись, что их просто нет, Ришелье 8 июля 1626 г. приказал арестовать Шале. Что касается герцогини де Шеврёз, то ей было предписано отправиться в ссылку в провинцию Пуату, неблагоприятный климат которой хорошо был известен кардиналу по личным ощущениям.

5 августа 1626 г. вопреки желанию Гастона его обвенчали с

мадемуазель де Монпансье. Церковную службу в кафедральном соборе Нанта вел сам кардинал Ришелье. Этим браком король и его первый министр надеялись умерить непомерные претензии герцога Анжуйского. В ознаменование этого события король объявил о передаче Гастону герцогства Орлеанского. Отныне Гастон становится герцогом Орлеанским. В разгар торжеств, связанных с женитьбой, казнен маркиз де Шале. «Заговор Шале, — отмечала А. Д. Люблинская, — представлял собой попытку придворной знати, окончательно оттесненной кардиналом от всякого участия в государственных делах, расправиться не только с виновником своего „бесправного положения“ (как заявляли вельможи), но и с поддерживавшим Ришелье королем, заменив его более приемлемой для них фигурой молодого безвольного и легкомысленного Гастона».

По возвращении двора в Париж 17 сентября 1626 г. на заседании Совета в узком составе Анна Австрийская должна была дать показания о своей роли в «деле Шале». В этот день она пережила самые унизительные минуты в своей жизни. Отдалившись от жены, Людовик XIII вновь сблизился с матерью, влияние которой на дела государства продолжало оставаться значительным. Укрепились и позиции Ришелье, заручившегося абсолютным доверием короля. Людовик XIII разрешил кардиналу иметь собственную охрану, состоявшую из 50 мушкетеров (впоследствии их число было увеличено до 150). В отличие от королевских мушкетеров, одетых в голубые плащи с серебряными крестами, украшенными лилиями серебряного и красного цветов, мушкетеры кардинала носили красные плащи (под цвет кардинальской мантии) с серебряными крестами без королевских лилий. Охрана, находившаяся при кардинале круглые сутки, отдавала ему поистине королевские почести.

В знак особого благоволения король учредил для Ришелье должность «Начальника и генерального сюринтенданта навигации и торговли», а также пожаловал не менее прибыльной должностью губернатора Гавра.

Отныне делами государства вершил триумвират — Людовик XIII, Мария Медичи и Ришелье при направляющей роли последнего.

Покончив с «делом Шале», в ходе которого кардинал ощущал поддержку всех сословий Франции, недовольных эгоистическими притязаниями знати, Ришелье смог наконец приступить к осуществлению задуманных реформ.

* * *

Масштаб намеченных преобразований диктовал необходимость консультации со всеми тремя сословиями французского общества. Идею созыва Генеральных штатов Ришелье отверг, он опасался сильной оппозиции. Выбор был сделан в пользу ассамблеи нотаблей — узкого круга наиболее видных представителей духовенства (клира), дворянства, чиновничества, а также делегатов от нескольких крупных городов. Людовик XIII по совету Ришелье сам выбрал 50 нотаблей от трех сословий: 12 — от клира, 10 — от дворянства и 28 — от третьего сословия, определив, что каждое сословие независимо от числа делегатов будет иметь только один голос.

Ассамблея открылась в Париже в декабре 1626 года и работала до конца февраля 1627 года. Во вступительной речи Ришелье отметил важность решений ассамблеи для будущего Франции, подчеркнув, что она «должна быть кратковременной по срокам, но долгосрочной по результатам». Затем предоставил слово канцлеру де Марильяку, обрисовавшему положение дел в государстве. Марильяк обратил внимание нотаблей на вопиющее несоответствие государственных расходов (36–40 миллионов ливров в год) и доходов (16 миллионов ливров), состоявших главным образом из налоговых поступлений. Основная причина возросших расходов — затянувшаяся гражданская война с ее неоправданными выплатами вождям мятежников, содержанием многочисленных гарнизонов для поддержания порядка и т. д. Марильяк поставил вопрос о строгой экономии, прежде всего за счет ликвидации лишних и обременительных для государства должностей. Так, например, упразднение должности коннетабля после смерти Ледигюйера в сентябре 1626 года принесло казне ежегодную экономию в размере 400 тысяч ливров. Сокращение расходов на содержание двора должно принести государству еще 3 миллиона ливров. Необходимо сократить военные расходы. Выступивший вслед за канцлером государственный секретарь по военным делам маршал де Шомберг высказался о целесообразности и возможности сокращения численности армии до 30 тысяч человек при одновременном повышении ее боеспособности и дисциплины. Важную роль в обеспечении внешней безопасности королевства Шомберг отводил укреплению пограничных крепостей.

Все выступавшие были согласны с тем, что реальной возможности дальнейшего повышения налогов не существует и по этой причине речь может идти только о совершенствовании системы налогообложения и других мерах финансово-экономического порядка: поощрении внешней и внутренней торговли, сокращении импорта и расширении экспорта, создании

торговых компаний, увеличении чеканки золотой монеты и т. д

11 января 1627 г. на заседании ассамблеи выступил Ришелье, резюмировавший в тринадцати пунктах предложения правительства. Центральное место в его программе занимала финансовая проблема, решить которую кардинал предполагал во многом за счет выкупа в течение шести лет королевского домена (наследственных земельных владений короля). Эта мера, по убеждению Ришелье, должна сбалансировать бюджетный дефицит. Однако идея не была поддержана нотаблями, и в конечном счете Ришелье пришлось прибегнуть к испытанному средству — займам у финансистов. В 1627–1629 годах они давали казне примерно 18 миллионов ливров ежегодно (т. е. около 40 процентов всех доходов). Почти все эти средства пошли на содержание армии.

Большое значение Ришелье придавал превращению Франции в морскую державу, обладавшую военным и торговым флотом, способным соперничать с английским и испанским, а также располагающую хорошо оборудованными портами и базами. «Нет, — говорил он, — другого королевства, которое было бы расположено столь удачно, как Франция, и столь богато необходимыми средствами для того, чтобы стать хозяином на море». До конца своих дней Ришелье держал в поле зрения вопросы морского строительства. Еще в 1626 году, в преддверии решающей схватки с гугенотами Ларошели, он создал и лично возглавил Морской совет, который занимался всеми этими вопросами. По указанию Ришелье была проведена модернизация морских портов — Тулона, Гавра, Бреста. Кардинал полностью отдавал себе отчет в том, что исход борьбы против гегемонии Габсбургского дома решается не только на континенте, но и на морях, так как мощь Испании не в последнюю очередь основывалась на богатствах ее обширной колониальной империи. Именно поэтому Ришелье первым во Франции обратил внимание на создание морского флота. В 1625 году Франция не имела ни одного военного корабля в Атлантике и в районе Ла-Манша; в Средиземном море она располагала лишь 10 галерами. В результате усилий, предпринятых Ришелье в основном в 1626–1630 годах, королевский военно-морской флот к 1635 году был представлен тремя эскадрами, базировавшимися вдоль северо-западного побережья Франции, а также одной эскадрой и 20 галерами на средиземноморских рубежах. В «Политическом завещании» он рекомендует Людовику XIII построить 40 боевых кораблей в Атлантике и 30 — в Средиземном море.

Из программы Ришелье непосредственно вытекала и необходимость активной колониальной экспансии,

провозглашенной государственной политикой еще Франциском I, любившим повторять; «Солнце светит для меня, как и для других; я хотел бы видеть статью завещания Адама, которая исключает меня из раздела мира». Ришелье считал совершенно необходимым более активное «освоение» колоний, для чего и способствовал в качестве «Начальника и генерального сюринтенданта навигации и торговли» созданию французских заморских торговых компаний, которым предоставил самые широкие привилегии в колониях. Начиная с 1625 года одна за другой возникают торговые компании, развернувшие большую активность в Северной и Южной Америке, в Сенегале и Гамбии, на Мадагаскаре и островах Зеленого Мыса.

В своей речи перед нотаблями Ришелье высказался за реорганизацию системы образования. Его взгляды в этой области, получившие развитие впоследствии в «Политическом завещании», весьма любопытны и оригинальны. Кардинал, с одной стороны, убежден, что «образованность — лучшее украшение любого государства»; с другой — считает, что «не всякого следует обучать». «Точно так же, как безобразным стало бы человеческое тело, снабженное глазами на всех его частях, так и государство обезобразилось бы, если б все жители стали образованны, ибо вместо послушания они преисполнились бы гордостью и тщеславием. Увлечение науками, — продолжает свою мысль Ришелье, — пошло бы во вред торговле, обогащающей государство, погубило бы земледелие, кормящее народ, в короткий срок опустошило бы армию, которой благотворно скорее суровое невежество, нежели мягкость книжного чтения; наконец, Франция заполнилась бы возмутителями народного спокойствия. Всеобщее образование привело бы к тому, что число сеющих сомнения намного превысило бы число способных их развеять…»

Кардинал считал совершенно естественным, чтобы светское образование находилось под строгим контролем церкви. Этот контроль он отдал на откуп иезуитам, хотя лично и не благоволил к ним.

Ришелье выступал решительным сторонником того, что в наши дни называется профессионально-техническим образованием. Он отдавал явное предпочтение «полезным» знаниям перед «бесполезными» гуманитарными, считая, что слишком много молодых людей ориентируются на занятия правом, философией и литературой и слишком мало — на торговлю. «В хорошо устроенном государстве, — писал Ришелье в „Политическом завещании“, — наставники технических дисциплин должны преобладать над учителями свободных

профессий». В соответствии со своими воззрениями Ришелье высказался за создание четырех-пяти профессиональных училищ в Париже и по два в каждом крупном провинциальном городе. Разумеется, в них должны были обучаться дети из обеспеченных семей. О просвещении простого люда кардинал и не помышлял.

Составной частью программы, направленной на укрепление королевской власти, Ришелье считал запрещение поединков между дворянами. Жизнь дворянина принадлежит Франции и ее королю и может быть принесена в жертву лишь государственным интересам. В «Политическом завещании» кардинал признается, что всю свою жизнь «старался найти средство, способное искоренить это опасное зло (дуэли. — *П. Ч.*)». Он не видит иного средства покончить с «варварским обычаем», кроме безжалостного наказания виновных и их сообщников (секундантов). Бесполезно, считает Ришелье, издавать новые эдикты против дуэлей, нужно заставить дворянство уважать уже принятые. «Лучшие законы бесполезны, если они нарушаются…» — констатирует Ришелье.

Еще в начале 1626 года кардинал четко дал понять, что намерен решительно покончить с этим злом. Вскоре ему представилась возможность доказать, что он не склонен бросать слова на ветер. 22 июня 1627 г. на Гревской площади в Париже были обезглавлены заядлый дуэлянт граф де Монморанси-Бутевиль (на его счету было более 20 дуэлей) и его секундант граф де Шапель. Ни просьбы влиятельных особ (принцессы Конде, герцогинь де Монморанси и д'Ангулем и др.), ни мольба беременной жены Бутевиля, ни откровенная враждебность столичного дворянства не поколебали решимости кардинала, он был непреклонен. Надо сказать, что казни Шале, Бутевиля и Шапеля не способствовали росту популярности Ришелье в среде дворянства. Он должен был всерьез считаться с потенциальной угрозой для своей жизни. Но «гвардейцы кардинала», как их называет А. Дюма, а также разветвленная агентура отца Жозефа несли свою службу исправно.

Программа, предложенная Ришелье на ассамблее нотаблей, была одобрена лишь частично: нотабли согласились с планами морского строительства и создания торговых компаний, с необходимостью реорганизации армии, благожелательно отнеслись и к идеям Ришелье в сфере образования, но категорически отказались поддержать его финансовый проект. Каждое сословие на ассамблее ревностно отстаивало свои права и привилегии, не желая ни в чем поступаться ими. Работа ассамблеи осложнялась острыми межсословными противоречиями, за которыми терялись общегосударственные

интересы, выдвигаемые Ришелье. Более всего кардинала разочаровала позиция представителей парламентов и городов, на чью поддержку он рассчитывал. Из недавних союзников набиравшей силу абсолютной монархии они постепенно становились ее противниками. А. Д. Люблинская полагает, что ассамблея нотаблей 1626–1627 годов стала «поворотным пунктом в переходе парламентов от поддержки абсолютизма к оппозиции по отношению к нему». «Путь к усилению абсолютизма и к его освобождению от контроля парламентов, — справедливо отмечает А. Д. Люблинская, — оказался расчищенным не столько благодаря усилиям Ришелье именно в этом направлении, сколько благодаря неудаче его попытки получить помощь от нотаблей и опереться на них в проведении реформы. Попытка провалилась, и тем самым Ришелье вынужден был поставить крест на помощи этих сословий вообще и парламентов в особенности». Укрепление абсолютизма внушало самые серьезные опасения парламентам, мечтавшим о возвращении к временам сословной монархии.

Одним словом, ассамблея нотаблей сама постаралась доказать свою ненужность правительству, которое не будет ее больше созывать вплоть до 1788 года — кануна революции.

Не получив ожидаемой поддержки в проведении реформ, Ришелье вовсе не собирался отказываться от своих намерений. Но для успеха дела ему необходимы были внутренний мир и внешняя безопасность. На повестку дня неотвратимо вставал вопрос о ликвидации «государства в государстве», каковым с давних пор являлась гугенотская Ларошель.

Ларошель

Незадолго до похода на Ларошель в беседе с папским нунцием кардиналом Спада Ришелье как-то шутливо заметил: «В Риме на меня смотрят как на еретика. Очень скоро меня там канонизируют как святого». Ришелье действительно обвиняли в безразличии к делу католицизма, награждая прозвищами «кардинал гугенотов», «кардинал от государства». Наверное, в чем-то они были правы, хотя Ришелье всегда был истым католиком, но в еще большей степени — политиком, государственным деятелем, озабоченным проблемой внутреннего единства своей страны.

Терпимый в вопросах вероисповедания, Ришелье не шел ни на какие компромиссы, когда дело касалось монополии на власть в государстве. Всю свою жизнь он самым решительным образом боролся с оппозицией, тем более организованной. В записке, поданной Людовику XIII 6 мая 1625 г., Ришелье подчеркивал: «До тех пор, пока гугеноты разделяют власть во Франции, король никогда не будет хозяином в своей стране и не сможет предпринять какие-либо успешные действия за ее пределами».

Уступки, сделанные вождям гугенотов в договоре Монпелье 1622 года, не положили конца антиправительственным выступлениям на территориях, контролируемых протестантами. Во многом способствовала этому деятельность герцога де Роана, признанного лидера гугенотской оппозиции.

Пэр и герцог Анри де Роан, принц де Леон, выдвинулся на первый план в гугенотской партии после 1621 года, став преемником Сюлли (он был к тому же его зятем). Маленького роста, некрасивый герцог был наделен природным умом и обладал несомненными талантами полководца и организатора, мужеством и блестящими ораторскими способностями. Свое политическое кредо он подробно изложил в воспоминаниях, посвященных событиям конца XVI — первой трети XVII века. Роан поставил целью не только возродить былую мощь гугенотской партии, но и создать в западной части Франции автономную «республику» гугенотов при поддержке Англии и Испании. Он откровенно претендовал на роль главы будущей «республики». Его ближайшими соратниками были герцоги де Субиз (его родной брат) и де Рони (свояк, сын Сюлли) — люди весьма посредственные и к тому же вздорные. Герцог и его единомышленники располагали реальной военной силой, включая небольшой флот, сосредоточенный в бухте Ларошели. Численность гугенотов во Франции составляла примерно

миллион человек. Все это и позволяло оценивать гугенотскую партию как «государство в государстве».

Разумеется, сосуществование двух властей на территории одного королевства не могло продолжаться бесконечно. Набиравший силу абсолютизм не мог долго мириться с гугенотской оппозицией. Неизбежность решающей схватки с королевской властью сознавали и вожди гугенотов. Надеясь на поддержку Англии и Испании, не заинтересованных во внутренней консолидации Франции, они пытались даже ускорить развязку.

В самом начале 1625 года герцог де Роан направил Людовику XIII жалобу в связи с имеющим якобы место нарушением правительством некоторых статей договора Монпелье. Он откровенно намекал на давление, которому подвержен король, со стороны антигугенотской партии при дворе. Людовик XIII отклонил все претензии Роана как несостоятельные и даже оскорбительные для королевского достоинства. Одновременно король приказал маршалу Туара, коменданту форта Людовика, контролирующего Ларошель с моря, подготовить гарнизон к возможным боевым действиям против гугенотов.

В конце января 1626 года Субиз захватил острова Ре и Олерон, расположенные перед входом в бухту Ларошели. Начались военные действия.

Успех как на суше, так и на море поначалу сопутствует гугенотам. Однако вскоре ситуация меняется. Адмирал Франции герцог де Монморанси разбил в морском сражении у Ларошели эскадру гугенотов под командованием Гитона, а прибывшая по просьбе Ришелье на помощь королевской армии голландская эскадра во главе с адмиралом Ол геном нанесла поражение Субизу, вынужденному бежать в Англию. Острова Ре и Олерон были возвращены под власть короля.

Активно действует и Ришелье. Он сумел убедить Англию и Испанию воздержаться от вмешательства во внутренний конфликт. Таким образом, успехи военные были закреплены успехами дипломатическими. Оставшиеся без обещанной поддержки гугеноты вынуждены были признать свое поражение и сложить оружие. На заседании Королевского совета, созванном в связи с предстоящим заключением мира с гугенотами, Ришелье напомнил королю о необходимости проявлять твердость по отношению к мятежным подданным. Без этой твердости, заявил кардинал, «король не будет располагать абсолютной властью в своем королевстве; он не сможет установить в нем порядок, которого требуют его совесть и его народ; не сможет также смирить гордыню грандов, которыми будет трудно управлять до

тех пор, пока они будут оглядываться на Ларошель как на цитадель, под сенью которой можно безнаказанно выражать свое недовольство».

5 февраля 1626 г. при посредничестве короля Англии был заключен очередной мир с гугенотами. Людовик XIII не уступил в главном требовании мятежников — передать им форт Людовика. Более того, по условиям договора на островах Ре и (Элерон должны были разместиться усиленные гарнизоны королевских войск, а Ларошель обязана была принять постоянного королевского комиссара. Мирный договор предписывал ларошельцам согласиться на свободное исповедание католицизма в цитадели французского протестантизма. Кроме того, подлежал разрушению форт Тадон, оборонявший Ларошель с суши. На этом особенно настаивал Ришелье.

Оценивая значение одержанной победы, Ришелье впоследствии отмечал в «Мемуарах»: «Был наконец открыт путь к искоренению гугенотской партии, в течение ста лет разделявшей государство». Кардинал не случайно писал лишь о начале пути. Борьба далеко еще не завершена. Вожди гугенотов потерпели поражение, но не смирились с ним. Роан собирал силы в Лангедоке, а Субиз, находившийся в Англии, настойчиво склонял Карла I и Бекингема к войне против Франции, обещая организовать новое восстание.

Намерения Роана и Субиза хорошо известны Ришелье, и тем не менее он вынужден отложить окончательное решение наболевшей гугенотской проблемы до лучших времен. Кардинала отвлекают срочные заботы, связанные с «заговором Шале», после ликвидации которого Ришелье, как мы уже знаем, предпринимает попытку провести первые неотложные преобразования в стране. Одновременно он пытается урегулировать взаимоотношения с Испанией, обострившиеся в связи с «делом Вальтелины». В марте 1626 года заключен договор с Испанией. Ришелье все предусмотрел. Возникни новый конфликт в Ларошели или война с Англией — у Мадрида руки уже будут связаны.

Тем временем сведения, приходившие из Лондона, вызывали у Ришелье серьезное беспокойство. Бекингем настаивал на войне с Францией. Он считал жизненно необходимым для Англии сорвать выполнение программы Ришелье в области морского строительства. Достаточно того, что Англия разделяет монополию на морскую торговлю с Испанией и Нидерландами.

Ришелье попытался нормализовать отношения с Лондоном, направив через Ла-Манш осенью 1626 года дипломатическую миссию во главе с маршалом Бассомпьером. Карл I на первой же аудиенции, данной маршалу-дипломату, ошеломил его вопросом:

уж не войну ли его стране прибыл объявлять чрезвычайный посол Его Величества Людовика XIII? Миссия Бассомпьера не ликвидировала возраставшего напряжения во франко-английских отношениях. Ришелье пришел к убеждению, что войны с Англией не избежать. Наиболее вероятным театром военных действий, по его мнению, станет Ларошель. Он распорядился принять меры по усилению охраны Атлантического побережья Франции. В дипломатическом плане Ришелье старался укрепить отношения с Соединенными провинциями, а также предотвратить заключение англо-испанского союза. Мадрид в течение января — марта 1627 года стал центром активного противоборства французской и английской дипломатий, добивавшихся благосклонности Филиппа IV и фактического правителя Испании герцога Оливареса. В конце концов верх одержала дипломатия Ришелье, пустившая в ход аргумент религиозной солидарности двух опор католицизма — Франции и Испании — в борьбе с протестантской «ересью». 20 апреля 1627 г. в Мадриде был заключен новый франко-испанский союз, предполагавший взаимное оказание помощи в случае войны с третьей державой. Хотя эта держава прямо не называлась, всем было ясно, что речь шла об Англии.

Ришелье смотрел на вещи трезво и не ждал многого от Мадридского договора. Он прекрасно понимал, что в глубине души правительство Филиппа IV желало бы поражения Франции в возможной войне с Англией. И все же какие-то гарантии от совместного выступления двух держав против Франции Ришелье получил.

Гугеноты оценили Мадридский договор как прелюдию к новым гонениям против них со стороны правительства. Самое серьезное беспокойство в цитадели французского протестантизма вызывали намерения Ришелье установить правительственный контроль над морской торговлей Ларошели, приносившей городу — но не государству — большие доходы. Эти опасения не были лишены оснований, особенно после того, как Ришелье сосредоточил в своих руках управление делами флота и торговли и выдвинул на ассамблее нотаблей программу колониальной экспансии.

* * *

Предположения Ришелье относительно намерений Англии оправдались. 27 июня 1627 г. из Портсмута вышел английский флот в составе 90 кораблей под вымпелом «великого адмирала» герцога Бекингема. На кораблях — экспедиционный корпус

численностью до 10 тысяч человек. Цель столь внушительной экспедиции официально не объявлена. Не было сделано и соответствующего заявления ни послу Людовика XIII в Лондоне, ни французскому государственному секретарю в Париже. Тем не менее у Бекингема совершенно определенные инструкции Карла I: захватить острова у входа в бухту Ларошели и вызвать новый мятеж гугенотов. В более широком плане экспедиция Бекингема была ответом Англии на намерения короля Франции «распространить свое господство на Океан (Атлантику. — *П. Ч.*) и вытеснить Англию из этих морей, которыми королевство Великобритания обладает с незапамятных времен».

По получении сведений о выходе английского флота из Портсмута Ришелье приказал сосредоточить небольшую армию в провинции Пуату, нацелив ее на Ларошель.

25 июля 1627 г. английские корабли появились у берегов острова Ре, 3-тысячный гарнизон которого под командованием маршала де Туара был рассредоточен по двум фортам — Сен-Мартен и Ла-Пре. На следующий день Бекингем высадил на остров 10-тысячный десант и развернул наступление. Войска Туара безуспешно пытались сдержать натиск противника. Все силы губернатор острова вынужден был сосредоточить в форте Сен-Мартен, зажатом англичанами в кольцо. Началась длительная осада форта.

Бекингем учитывал, что находится вдали от Англии: на подкрепление рассчитывать не приходилось. Каждый солдат и матрос для него на вес золота, поэтому он избегает штурма. Его цель — заставить Туара сдать форт без боя.

Начав военные действия на острове Ре, Бекингем, безусловно, ожидал поддержки из Ларошели, куда направил герцога Субиза. Однако муниципалитет Ларошели под давлением верхушки городской буржуазии и не без влияния агентов Ришелье отказался принять Субиза. Сторонникам мятежа удалось собрать в помощь Бекингему лишь отряд из 800 добровольцев.

Когда в Париже стало известно о высадке англичан, Людовик XIII сразу же отбыл в Пуату, чтобы лично возглавить армию и двинуть ее к Ларошели. Однако в пути он неожиданно заболел.

Начавшаяся военная кампания грозила неминуемым поражением Франции, тем более что в тот момент казна в очередной раз оказалась пустой. Ришелье быстрее многих понял всю глубину критической ситуации. Он выделяет из собственных средств 1,5 миллиона ливров на нужды армии и получает от кредиторов 4 миллиона ливров. Кардинал на деле доказывает, что интересы государства ставит превыше интересов личных; пожалуй, правильнее было бы сказать, что он не разделял для

себя те и другие. Ришелье понимал: в создавшейся ситуации самое главное — спасти Туара и не допустить установления английского контроля над островом Ре. Он приказывает временно реквизировать все торговые суда, оказавшиеся на Атлантическом побережье Франции, вооружить их и отправить в район военных действий. Кардинал обещает премию в сумме 30 тысяч ливров тому смельчаку капитану, который сумеет доставить осажденному гарнизону Сен-Мартена необходимое продовольствие. Одновременно Ришелье развертывает 10-тысячную армию, готовя ее к переброске на остров.

Сосредоточение армии вблизи Ларошели должно было, помимо прочего, оказать психологическое воздействие на колеблющихся ларошельцев, среди которых шли ожесточенные споры о том, сохранять нейтралитет или поддержать Бекингема.

В течение августа представители Ришелье вели интенсивные переговоры с муниципалитетом Ларошели, который, воспользовавшись трудным положением правительства, выдвинул целый ряд непомерных требований, в частности о передаче городу стратегически важного форта Людовика. Ришелье отверг требования ларошельцев, он делал ставку на силу. 10 сентября 1627 г. гугеноты Ларошели начали боевые действия против королевской армии.

11 сентября в армию прибыл Людовик XIII, оправившийся от болезни. Расположив свой лагерь в Айтре, король приступил к осаде Ларошели, затянувшейся на два с лишним года.

Важнейшее условие успеха кампании — изгнание англичан с острова Ре. В сентябре 1627 года отважным морякам наконец удается прорваться через заслон многочисленных английских судов и доставить гарнизону Туара продовольствие. Маршал передал королю, что без надлежащей военной поддержки не сможет продержаться далее 8 октября.

К октябрю численность королевской армии, сосредоточенной вокруг Ларошели, увеличилась до 20 тысяч человек. Ришелье надеется собрать здесь еще более крупные силы, но в это время герцог де Роан поднимает мятеж в Лангедоке. Приходится сформировать еще одну армию и направить ее на юг. Командовать ею назначен принц Конде, которого кардинал в своих «Мемуарах» называет «заклятым врагом гугенотов».

Успешная осада Ларошели осложнялась и острыми разногласиями между герцогом Ангулемским, Бассомпьером и Гастоном Орлеанским, что затрудняло разработку и осуществление стратегического плана, над которым работали Людовик XIII и его первый министр, украсивший свое кардинальское одеяние военными доспехами.

Ближайшим помощником Ришелье под Ларошелью был все тот же отец Жозеф, мобилизовавший свою многочисленную капуцинскую братию на обеспечение победы. Монахов-капуцинов можно было встретить во всех отрядах королевской армии: они проповедовали, наставляли, укрепляли боевой дух солдат, ухаживали за ранеными, провожали в последний путь умерших. Агенты отца Жозефа активно действовали и в осажденной Ларошели, собирая там нужные сведения, сея всевозможные слухи среди защитников города, подрывая их решимость к сопротивлению.

Невероятным напряжением сил маршал Туара продолжал держаться и после 8 октября. Вовремя подоспевшая помощь продовольствием, несомненно, сыграла свою роль. Отчаявшиеся было защитники форта поняли: о них не забыли, готовится прорыв блокады.

Зато в армии Бекингема моральный дух падал буквально с каждым днем. Не хватало продовольствия, расшатывалась дисциплина, росло число больных. Не на шутку встревоженный Бекингем попытался встряхнуть свою армию, бросив ее 20 октября на штурм форта Сен-Мартен, но потерпел неудачу, понеся значительные потери.

Ришелье спешит воспользоваться моментом и высаживает на остров десант численностью 1200 человек под предводительством маршала Шомберга. Французам удалось прорваться в осажденный форт и доставить туда боеприпасы и дополнительное продовольствие.

В ночь с 5 на 6 ноября 1627 г. Бекингем предпринимает еще одну отчаянную попытку захватить Сен-Мартен, но его опять постигает неудача. Потери англичан во время этого последнего штурма составили 600 человек убитыми. На следующий день Бекингем поспешно эвакуирует свои потрепанные и ослабевшие войска с острова на корабли. В ожесточенных арьергардных боях он теряет еще от 1,5 до 2 тысяч человек. Это уже не неудача, а крупное поражение. Большая часть снаряжения английского экспедиционного корпуса, лошади и 4 пушки достались французам, так же как и 44 брошенных англичанами при отступлении знамени, которые были отправлены Людовиком XIII в Париж и выставлены в качества трофеев в соборе Нотр-Дам.

Бекингем ушел со своим флотом в море, заверив ларошельцев, что вернется с новой, более многочисленной армией.

* * *

Освобождение острова Ре, форты которого отныне нацелены были на Ларошель, создало заметное преимущество для осаждающих и ухудшило положение защитников города. Тем не менее, уповая на скорую помощь Англии и прочность городских укреплений, гугеноты были полны решимости продолжать борьбу. Укрепления Ларошели включали 12 больших бастионов, облицованных тесаным камнем, на которых было расположено 150 крепостных орудий; перед мощными крепостными стенами были вырыты двойные рвы. Население города к началу осады составляло примерно 28 тысяч человек, из которых в активной обороне могло участвовать от 6 до 8 тысяч. Ларошели не в первый раз приходилось выдерживать осаду. Все попытки взять город штурмом, предпринимавшиеся в прошлом, терпели неудачу, что вселяло в осажденных надежду на спасение.

Учитывая это, Ришелье пришел к выводу, что осада может быть успешной только при условии полной блокады города как с суши, так и с моря. Здесь кардиналу как нельзя кстати пригодились знания, полученные в далекие детские годы в Наваррском коллеже, где он с увлечением изучал античных авторов. Ришелье вспомнил осаду Тира Александром Македонским в описании римского историка Квинта Курция, сообщавшего, что город был взят благодаря плотине, преградившей выход в море.

В дополнение к укреплениям на суше Ришелье распорядился начать строить плотину в бухте Ларошели. Цель — перекрыть фарватер, ведущий в порт. Плотину надо было построить так, чтобы она была недосягаемой для артиллерии ларошельцев, то есть на достаточном удалении от берега. Среди множества технических проблем одна из главных заключалась в том, чтобы возводимая плотина не была размыта морскими приливами. Ришелье объявил конкурс на лучший проект и, рассмотрев поданные предложения, остановил свой выбор на проекте Клемана Метезо, королевского инженера и архитектора. Исполнение проекта поручили главному строителю королевства Жану Тирио.

Строительство плотины началось 30 ноября 1627 г. Осуществлялось оно силами солдат, каждому из которых выплачивали дополнительно к жалованью 20 су ежедневно. Внешняя сторона плотины состояла из затопленных кораблей, внутренняя представляла собой стену из наваленных один на другой камней, причем в этой стене оставлялись проемы для свободной циркуляции воды во время приливов и отливов. Работы, за которыми наблюдали лично Людовик XIII и Ришелье, продвигались медленно. Неспокойный океан неоднократно

разрушал уже готовые части плотины, и приходилось все начинать заново. В середине января 1628 года строительство посетил испанский генерал Спинола, направлявшийся из Фландрии в Испанию. Он был поражен размахом инженерных работ и серьезной постановкой дела с осадой Ларошели и не удержался от комплиментов в адрес короля Франции и его первого министра.

В конечном счете настойчивость строителей победила морскую стихию. В марте 1628 года работы были завершены, к полному удовлетворению Ришелье, опасавшегося преждевременного появления английского флота. Плотина высотой до 20 метров протянулась примерно на полтора километра, надежно перекрыв доступ в порт. Опасность для плотины исходила от самого моря, неспокойные волны которого подтачивали ее; приходилось постоянно вести восстановительные работы. К слову сказать, уже после падения Ларошели плотина была разрушена волнами во время одного из штормов.

Таким образом, к началу апреля 1628 года Ларошель оказалась в плотном кольце блокады. Со стороны суши на город были нацелены орудия 11 фортов и 18 редутов. Ришелье приказал выгравировать на орудиях многозначительный, ставший знаменитым девиз «Ultima ratio regis»[13].

С возведением плотины стало ясно: Ларошель обречена, если ей не будет оказана помощь извне, ее падение — лишь дело времени. Но затягивание осады влекло за собой огромные расходы. Размышляя об источниках финансирования дорогостоящей военной кампании, Ришелье решил прибегнуть к помощи духовенства. В конце концов, речь идет о войне с еретиками, и церковь обязана внести свою лепту. Людовик XIII поддержал эту мысль и созвал 6 февраля 1628 г. в Пуатье сословную ассамблею духовенства. Выступая 10 февраля на ассамблее с призывом оказать финансовую поддержку государству, Ришелье говорил: «От взятия Ларошели зависят спасение государства, спокойствие Франции, благополучие и авторитет короля на будущие времена».

Церковь не проявила энтузиазма в желании прийти на помощь правительству. Работа ассамблеи затянулась до 24 июня 1628 г., превысив по продолжительности срок возведения осадной плотины под Ларошелью. И все же под сильнейшим давлением Ришелье князья галликанской церкви проголосовали за выделение государству чрезвычайной субсидии в размере 3 миллионов ливров. Весьма скромная сумма, если учесть, что церкви принадлежало в то время более четверти всего недвижимого имущества в стране. Но большего не смог добиться

даже кардинал Ришелье.

У кардинала были и другие претензии к церкви, которая, по его убеждению, должна внести также и моральный вклад в победу над Ларошелью. Пока одни капуцины поддерживали в королевской армии необходимую нравственную атмосферу.

Длительное бездействие всегда пагубно сказывается на моральном состоянии любой армии, расшатывая в ней дисциплину и порядок. Королевская армия под Ларошелью не была исключением, несмотря на все старания отцов-капуцинов. Ришелье принимал самые крутые меры по наведению порядка. Прежде всего приказал убрать из расположения армии многочисленных проституток, обиравших солдат и вызывавших между ними постоянные ссоры. По указанию кардинала во всех подразделениях проводились обязательные церковные службы, выступали проповедники. Наконец, Ришелье проводил регулярные учения, а также устраивал всевозможные праздники для армии. Эти праздники на виду у осажденной Ларошели имели и другую цель помимо развлечения собственных солдат — подрыв морального духа защитников города.

С середины февраля 1628 года, после того как заскучавший в бездействии король под предлогом ухудшения здоровья вернулся в Париж, Ришелье берет на себя командование армией, к нескрываемой досаде Гастона Орлеанского и других принцев крови, чье самолюбие было задето подобной «несправедливостью».

Ришелье отнесся к отъезду короля с двойственным чувством: с одной стороны, он обретал полную свободу в принятии решений, с другой — его беспокоила возможность постороннего влияния на короля в Париже. Кардинал хорошо знал, какие настроения царят при дворе: многие настаивали на прекращении безнадежной войны. Лондонская агентура сообщала о подготовке новой экспедиции Бекингема.

* * *

Поражение Бекингема под Ларошелью глубоко уязвило самолюбие Карла I. Он собирал силы для реванша. Подготовка к новой экспедиции шла полным ходом, несмотря на серьезные финансовые затруднения. Моряки в Портсмуте уже более десяти месяцев не получали жалованья, что грозило бунтом. Король и Бекингем лихорадочно изыскивали финансовые средства.

Обеспокоенный приготовлениями англичан, Ришелье решил предпринять штурм Ларошели. Агенты отца Жозефа сумели

отыскать слабое место в обороне гугенотов. Наступление началось в ночь с 12 на 13 марта. Однако плохая координация действий штурмовых групп не позволила развить наметившийся первоначально успех, и операция потерпела неудачу.

Ришелье каждый день с тревогой ожидал появления у берегов Франции английского флота. В то же время он распорядился мобилизовать все сколько-нибудь пригодные для военных целей торговые суда и ускорить строительство боевых кораблей на французских верфях. Кроме того, агенты Ришелье вели интенсивные переговоры о закупке кораблей в Голландии. Эти переговоры будут успешно завершены, и несколько наспех оснащенных кораблей вскоре прибудут в район Ларошели. Кроме того, около 30 торговых судов было переоборудовано под военные корабли.

8 мая 1628 г. в разгар этих приготовлений из бухты Портсмута вышел английский флот в составе 53 кораблей, среди которых 20 были вспомогательными. На этот раз флот шел под вымпелом лорда Денбига. Адмиралу поставлена задача — прорваться к Ларошели и доставить осажденным продовольствие. Другая цель экспедиции Денбига — побудить Людовика XIII снять осаду Ларошели и заключить мир с гугенотами.

Погода благоприятствовала англичанам, и уже через неделю флот Денбига показался вблизи берегов Ларошели. Здесь адмирала ждал неприятный сюрприз. В Лондоне он, разумеется, слышал о какой-то плотине, возведенной по приказанию Ришелье, но не предполагал, что это так серьезно. Бессмысленно пытаться пройти сквозь нее, и Денбиг принимает решение разрушить плотину огнем корабельной артиллерии. Обстрел плотины не принес ожидаемого результата, зато французские батареи серьезно беспокоили англичан. У одной из пушек как простой канонир стоит сам Людовик XIII, вернувшийся в середине апреля в армию.

16 мая Денбиг пытается поджечь и подорвать плотину, направив к ней брандер и специальную команду на шлюпке. Однако и эта попытка была сорвана французской артиллерией. Спустя два дня английский флот, к полному изумлению французов и к отчаянию защитников Ларошели, вышел в открытое море и взял курс к берегам Англии. Непонятное и поразившее современников решение Денбига породило множество предположений и домыслов. Сам лорд Денбиг объяснял это досадным недоразумением: неверно истолковав приказ адмирала, несколько судов его флота на всех парусах стали уходить в открытое море, и он, опасаясь, что французы могут воспользоваться замешательством, вывел оставшиеся

корабли из прибрежных вод. Надо сказать, подобное объяснение никого не удовлетворило в Англии. Вольтер впоследствии утверждал, что ответственность за инцидент несет Бекингем, который якобы и отдал соответствующий приказ Денбигу по просьбе Анны Австрийской, действовавшей по прямому указанию короля и стоявшего за его спиной Ришелье. Скорее всего, эта детективно-романтическая версия несостоятельна. Более серьезного внимания заслуживает предположение, выдвинутое тогда же голландскими дипломатами, что Денбиг и его офицеры были подкуплены агентами Ришелье. Так или иначе, но до сих пор мотивы действий Денбига остаются загадкой для историков.

Самолюбивый Карл I не успокаивается и немедленно приступает к снаряжению третьей по счету экспедиции, командовать которой вновь назначает лорда Бекингема. Однако намерения короля встретили в обществе самое решительное сопротивление. Бекингема, этого «злого гения» короля, как его называли, обвиняли в том, что он втягивает Карла I в рискованную и дорогостоящую авантюру. Начался откровенный саботаж готовящейся экспедиции. Свою лепту в организацию этого саботажа вносили и французские агенты.

Тем не менее в конце июля 1628 года Бекингем прибывает в Портсмут для того, чтобы лично возглавить подготовительные работы. С его приездом дело стало продвигаться успешнее. Он даже думал, что в конце августа — начале сентября сможет выйти в море, но…

23 августа Бекингем встает из-за обеденного стола, и в этот момент человек из его свиты, приблизившись к герцогу, наносит ему два удара кинжалом. Бекингем выхватывает шпагу и пытается защищаться, но падает, захлебываясь кровью, хлынувшей из горла. Его последними словами были: «Ах, собака, ты убил меня!» Потрясенные приближенные набрасываются на убийцу. Они кричат: «Это француз, это француз!» Кто-то вспоминает, что завтра день Св. Варфоломея, памятный кровавый день. Убийца и не думает сопротивляться, хладнокровно отдает себя в руки подоспевшей охраны. К тому же это вовсе не француз и даже не католик, а истый пуританин — лейтенант Фелтон. Он говорит, что совершил акт возмездия против погрязшего во взяточничестве и распутстве герцога. У убийцы есть и личные мотивы: он участвовал в экспедиции на остров Ре, отличился там и надеялся получить очередной чин, но Бекингем дважды отказывал ему, причем в оскорбительной для чести офицера форме.

В «Мемуарах» Ришелье довольно подробно описывает убийство Бекишема, о котором узнал из донесений своих агентов в Англии. Он не скрывает, что испытал облегчение, получив это

известие. «Этот достойный слез инцидент со всей очевидностью показывает всю суетность величия», — резонно замечает кардинал.

Смерть Бекингема не повлияла на планы британского кабинета, тем более что все приготовления к экспедиции были завершены.

17 сентября 1628 г. внушительный флот под командованием лорда Линдсея покинул берега Англии, а 28 сентября англичане были уже у берегов Ларошели.

Нетрудно представить то ликование, которое охватило защитников Ларошели, лихорадочно пересчитывавших английские корабли. Город огласился радостным колокольным звоном, изможденные люди поздравляли друг друга с предстоящим освобождением, ведь положение Ларошели становилось все более отчаянным. Запасы продовольствия были на исходе, очень скоро горожане начнут охоту на собак, кошек и мышей, а герцогине де Роан — жене вождя гугенотов, по-прежнему находившегося в Лангедоке, — будут подавать на столовом серебре вареную конскую кожу с гарниром из чертополоха. Провалившаяся экспедиция Денбига вызвала смятение в стане гугенотов. Подняли голову сторонники примирения с королем. Однако избранный 30 апреля 1628 г. новым мэром Ларошели Жан Гитон — опытный мореплаватель, человек железной воли — быстро навел в городе порядок, выставив за крепостные стены тех, кто призывал к капитуляции. На заседаниях городского совета Гитон всякий раз выкладывал на стол перед собой кинжал, которым грозил убить всякого, кто осмелится завести речь о переговорах с королем. По приказу Гитона на площадях публично вешали дезертиров и паникеров. Агенты отца Жозефа пытались организовать несколько покушений на непреклонного мэра, но он их благополучно избежал. Под руководством Гитона оборона города стала более организованной и эффективной.

Как и оба его предшественника, лорд Линдсей очень скоро убедился в прочности укреплений, возведенных французами. К тому же в его распоряжении всего 6 тысяч пехотинцев, в то время как королевская армия насчитывает 20 тысяч человек. В течение нескольких дней Линдсей бездействует, изучая обстановку, затем предпринимает две попытки втянуть слабый французский флот в сражение, но французы уклоняются от боя. В конечном счете Линдсею не остается ничего другого, как последовать примеру Денбига: 3 октября он начал обстрел плотины, пытаясь пробить в ней брешь, через которую его корабли могли бы прорваться в гавань Ларошели. В ответ французская береговая артиллерия и

орудия фортов острова Ре начали обстрел английских кораблей. Людовик XIII вновь превратился в старательного канонира. Только за один день артиллеристы с обеих сторон выпустили в общей сложности 5 тысяч ядер. 4 октября стрельба продолжалась с той же интенсивностью, причем преимущество французов было очевидным: они наносили англичанам заметный урон, в то время как те расходовали ядра для разрушения плотины, так и не преуспев в этом. Неудачей закончилась и попытка разрушить плотину с помощью брандеров.

Линдсей понимает: у него нет никаких шансов выполнить поставленную перед ним задачу. Сделав все от него зависящее, Линдсей направляет к Ришелье парламентера с просьбой к Людовику XIII от имени Карла I проявить снисхождение к его мятежным подданным — защитникам Ларошели. При содействии Ришелье Линдсей через своего представителя передает ларошельцам совет вступить в мирные переговоры с их законным сувереном. Исполнив свой последний долг, лорд Линдсей приказал поднять паруса и взять курс к берегам Англии.

* * *

У защитников Ларошели отнята последняя надежда. Счет пошел на дни. Даже непреклонный Гитон вынужден признать, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Обстановка в городе накалилась до предела. На улицах и в домах лежали неубранными сотни трупов, дело доходило до каннибальства: очевидцы рассказывали, что мать съела свою дочь, отец поил собственной кровью любимого сына в надежде спасти его. И это далеко не единичные случаи.

27 октября 1628 г. делегаты от муниципалитета Ларошели обратились к Ришелье с просьбой об аудиенции. Кардинал выслушал их, но категорически отказался обсуждать какие-либо условия сдачи города — только полная и безоговорочная капитуляция. Впоследствии, вспоминая об этой встрече, он писал, что «посмеялся над их наглостью и сказал им, что они не могут ожидать ничего другого, кроме прощения, которого пока не заслужили». В то же время Ришелье признает, что был заинтересован в максимально быстрой капитуляции и потому дал делегатам надежду на возможность прощения со стороны короля, если муниципалитет Ларошели не будет затягивать с этим.

Делегация вернулась в город, а на следующий день акт о капитуляции был подписан. Ришелье немедленно отослал документ Людовику XIII. В тот же день, 28 октября 1628 г., король

утвердил его, милостиво даровав Ларошели прощение и свободу исповедания протестантизма. Данная милость была оказана по совету его первого министра.

29 октября Ришелье верхом, в сутане и доспехах торжественно въехал в город в авангарде королевской армии. Из 28-тысячного населения до капитуляции дожило немногим более 5 тысяч человек. К полному изумлению победителей, оказалось, что городские стены защищало всего полторы тысячи человек — все, кто был способен держать оружие в руках. Открывшаяся взору картина произвела на Ришелье глубокое впечатление, о чем он рассказывает в «Мемуарах»: «Город заполнен трупами — они лежат на площадях, на улицах, в общественных местах и в домах. Оставшиеся в живых до такой степени слабы, что не в состоянии хоронить умерших… Покойники настолько иссушены голодом, что их трупы даже не разлагались, а ссыхались, и только по этой причине в городе не вспыхнула эпидемия».

Кардинал распорядился к приезду короля очистить город от трупов и завалов, образовавшихся в результате многомесячных обстрелов. 1 ноября 1628 г. Людовик XIII прибывает в поверженную Ларошель. В тот же день кардинал Ришелье служит благодарственную мессу в протестантском соборе Св. Маргариты, наскоро переоборудованном под католический.

Сдача Ларошели не сопровождалась ни грабежами, ни насилием. Это в значительной степени было результатом усилий Ришелье и святой братии отца Жозефа, неустанно призывавших к прощению раскаявшихся в своем неповиновении грешников. Впрочем, ужасающая картина поверженной Ларошели сама по себе способна была остановить мародеров. Король во всеуслышание подтвердил, что протестанты Ларошели могут свободно исповедовать свою религию, и объявил о прощении всех заблудших и презревших долг свой. По совету Ришелье Людовик XIII приказал доставить хлеб для населения города. Милосердие, по убеждению кардинала, — не менее действенный инструмент власти, чем устрашение.

Никто из защитников города не был предан суду или наказан. Только Жана Гитона и пятерых наиболее непримиримых членов муниципалитета выслали за пределы города. Перед отъездом Гитона принял кардинал, который поинтересовался у вождя мятежников, что он теперь думает о короле Франции и короле Англии. «Я думаю, — с достоинством ответил ярый гугенот, — лучше иметь господином короля, который сумел взять Ларошель, чем короля, не сумевшего ее защитить». Но даже в отношении Гитона, сосланного в Тонне-Бутон, Людовик XIII и Ришелье проявили снисхождение: ему было разрешено изредка

приезжать в свой родной город. В 1636 году Гитон станет офицером королевского флота и примет активное участие в войне с Испанией. В 1638 году отличится в морском сражении у берегов Басконии и мирно завершит свои дни в Ларошели в возрасте 69 лет, пережив Ришелье и Людовика XIII на 12 лет.

В Ларошели был восстановлен католический культ, запрещенный гугенотами. Людовик XIII предложил отцу Жозефу занять там епископскую кафедру в благодарность за выдающиеся заслуги в достижении победы, однако капуцин вежливо отказался от оказанной ему высокой чести. Епископской митре он предпочитает грубую рясу «серого кардинала» при Ришелье — своем господине и соратнике.

Король ликвидировал прежние органы городского самоуправления, подчинив Ларошель принятому во всем королевстве административному управлению. Все городские укрепления со стороны суши — башни и стены — были разрушены, оставлены лишь те, которые защищали город с моря. По указанию Ришелье началась реконструкция порта Ларошели. Все замки и укрепления в окрестностях Ларошели Ришелье приказал срыть, чтобы их уже никогда не использовали в качестве опорных пунктов для нового мятежа. Здесь, как, может быть, нигде в другом месте, Ришелье особенно старался вырвать корни политической оппозиции, искоренить самый дух ее.

Победа над Ларошелью потребовала от правительства огромного напряжения сил и немалых средств. По данным современного французского историка Виктора Тапье, общая сумма расходов, связанных с осадой Ларошели, составила примерно 40 миллионов ливров, что в два с половиной раза превышало ежегодный доход королевства. Успех;, в немалой степени способствовала разобщенность в действиях ларошельцев и их единоверцев на юге, что позволило Ришелье поочередно разбить сначала одних, а затем и других.

* * *

Ларошель пала, но оставался еще Лангедок, где армия Конде вела изнурительную и, главное, безуспешную кампанию. Конде с самого начала допустил стратегический просчет: рассредоточил свои незначительные силы по всей провинции, одновременно осадив несколько гугенотских крепостей. Его армия утратила подвижность, в то время как летучие отряды Роана громили тылы Конде, нанося ощутимый ущерб. Кампания в Лангедоке приняла затяжной характер.

Роан с успехом использовал то обстоятельство, что правительство было целиком поглощено заботами, связанными с Ларошелью, и потому не могло оказать никакой поддержки Конде. Не появилось такой возможности и после взятия Ларошели, так как Франция сразу же оказалась вовлеченной в конфликт в Северной Италии. Этим обстоятельством и поспешил воспользоваться Роан для укрепления своих позиций. 3 мая 1629 г. ему удалось заключить договор с Испанией, обещавшей мятежникам военную помощь. Фактический отказ Мадрида от подписанного в 1627 году договора с Францией объяснялся крайним раздражением в связи с французской политикой в Северной Италии. Роан надеялся заручиться поддержкой и Англии. С этого момента мятеж в Лангедоке уже выходил за рамки «внутреннего» конфликта, и с ним надо было кончать в максимально короткие сроки. Решено было воспользоваться временным затишьем на театре военных действий в Северной Италии. Здесь с частью французских войск остался Ришелье, а Людовик XIII с основными силами совершил молниеносный бросок на юг Франции. Кампания заняла всего шесть недель — с середины мая до конца июня 1629 года. Королевской армии сопутствовал успех. 28 мая она захватила гугенотскую крепость Прива в провинции Виваре, а две недели спустя перед ней капитулировала крепость Але, которую мятежники считали неприступной. В отличие от Ларошели, на юге король предоставил армии полную свободу действий в отношении имущества мятежников, которое в короткий срок было разграблено.

После падения двух лучших своих крепостей Роан, как ни был он упрям, понял, что борьба проиграна, и обратился с просьбой о перемирии. Для ведения переговоров из Италии в Але срочно прибыл Ришелье. Переговоры были недолгими — всего несколько дней — и завершились подписанием 28 июня 1629 г. «мира милости», или «эдикта Але». Времена изменились, теперь король уже не идет ни на какие политические уступки мятежникам. «Прежде с гугенотами заключали договор, теперь король дарует свою милость», — заявил Ришелье после подписания королем «эдикта Але».

20 августа 1629 г., захватив последние гугенотские крепости, Ришелье торжественно въехал в Монтобан — последнюю цитадель протестантизма. Его встречают возгласами: «Да здравствует король! Да здравствует великий кардинал!» С этого памятного дня эпитет «великий» навсегда останется за кардиналом.

Длительная и кровопролитная история религиозных войн во

Франции завершилась. Был сделан исторически важный шаг к достижению национального единства. В победной реляции, отправленной королю после взятия Монтобана, Ришелье подчеркивал: «Теперь с полным убеждением можно сказать, что источники ереси и бунта иссякли… Все склоняются перед Вашим именем». Кардинал проявил политическое благоразумие, широту мышления и терпимость, убедив Людовика XIII отказаться от намерения подвергнуть гугенотов дальнейшим преследованиям. Ришелье лучше многих понимал, что унижение и гонения способны лишь посеять семена будущих мятежей. Смотря далеко вперед, он решительно отказался от заманчивой идеи создания во Франции религиозно однородного общества, считая ее совершенно утопичной. Соглашения, подписанные в Але, оставили гугенотам право на свободу вероисповедания, но лишили их возможности оказывать политическое и военное сопротивление центральной власти. Всем офицерам-гугенотам, пожелавшим перейти на королевскую службу, такая возможность была предоставлена, при этом их не побуждали насильно менять веру. Практически все они так и поступили. Их примеру вскоре последовал и сам Роан. Он станет одним из лучших генералов французской армии и одержит ряд блестящих побед на полях сражений Тридцатилетней войны.

«С тех пор, — говорил Ришелье после победы над гугенотами, — религиозные различия никогда не мешали мне оказывать всевозможные добрые услуги гугенотам, я различал французов только по степени их верности». Справедливость этих слов доказана всей последующей деятельностью кардинала на государственном поприще.

Отклонив идею религиозной однородности Франции, Ришелье вместе с тем настойчиво и последовательно направлял страну на путь национально-политического единства, достижение которого стало важнейшим элементом его «великого замысла».

Веротерпимость Ришелье, объясняемая исключительно соображениями государственной целесообразности, была превратно истолкована не только в религиозных кругах, но и при дворе, где папско-испанская партия по-прежнему была сильна. «Святоши», о которых еще будет сказано впереди, принялись, хотя и не впрямую, обвинять министра-кардинала в небрежении к делу римско-католической церкви и в недопустимом попустительстве «лютеранской ереси» во Франции. Мало кто понимал тогда весь глубокий смысл позиции Ришелье в отношении французских протестантов. К чести Людовика XIII, необходимо отметить, что король был в числе тех немногих, кто разделял эту позицию.

«Мантуанское дело»

Находясь в течение 13 месяцев у стен Ларошели, Ришелье внимательно следил и за развитием событий в Европе, где после короткого затишья 1623–1624 годов вновь разгорелось пламя войны. Франция продолжала оставаться в стороне от европейского конфликта, но по-прежнему поддерживала протестантскую коалицию, к которой в 1625 году присоединилась и Дания. Французская дипломатия прилагала настойчивые усилия по вовлечению в войну короля Швеции Густава II Адольфа, с тем чтобы осложнить положение габсбургского блока войной на два фронта против Дании на северо-западе и Швеции на северо-востоке.

В свою очередь, Испания спешила воспользоваться междоусобицей во Франции и вытеснить ее с завоеванных позиций в Северной Италии. С конца 1627 года франко-испанские противоречия обострились, что привело к новому конфликту в Северной Италии.

На этот раз речь шла о наследовании Мантуанского герцогства, которым еще в 1613 году при активном содействии Франции овладел кардинал Фердинанд Гонзаг. Процарствовав под именем Винсента II почти 15 лет, бездетный Гонзаг умер в декабре 1627 года, завещав престол мужу своей племянницы герцогу Карлу де Неверу, члену французской королевской семьи. Невер поспешил в январе 1628 года занять вакантный трон, для чего и прибыл в Мантую, но его права были оспорены недавним союзником Франции Карлом Эммануилом Савойским, заручившимся поддержкой Испании. Герцог Савойский договорился с Мадридом о разделе мантуанского наследства: все левобережье реки По он оставлял за собой, а территорию на правом берегу с крепостью Казале, которая контролировала пути, связывающие испанские владения в Италии с Австрией, Германией и Нидерландами, готов был уступить Филиппу IV.

Поскольку Манту я формально находилась в вассальной зависимости от Империи, герцог Невер обратился к Фердинанду II Габсбургу с просьбой поддержать его права, но ему категорически отказали. Более того, император потребовал от Невера неукоснительного подчинения всем распоряжениям испанского губернатора Милана. Воспользовавшись благоприятным моментом, герцог Савойский захватил Монферрат, входивший в состав Мантуанского герцогства. Невер, оказавшийся в сложном положении, взывал к папе, Венеции и, разумеется, к Людовику XIII. На помощь короля Франции он

особенно рассчитывал.

Стоявший во главе Королевски о совета Ришелье не спешил помогать соотечественнику: во-первых, все силы королевской армии были сосредоточены у стен Ларошели; во-вторых, при дворе не забыли о той роли, которую Невер играл во «фронде принцев» в 1616–1617 годах; в-третьих, против помощи Неверу решительно высказалась Мария Медичи, которая питала глубокую антипатию к герцогу, в свое время настраивавшему против нее Людовика XIII. В результате Совет занял выжидательную позицию. Правда, король соизволил разрешить дворянам-волонтерам в частном порядке отправиться на помощь Неверу, но желающих нашлось немного.

Тем временем Карл Эммануил при содействии губернатора Милана захватил почти всю территорию Монферрата. Держалась только крепость Казале, за стенами которой укрылись сторонники герцога Невера. Французское правительство оказалось перед необходимостью определить свою позицию в «мантуанском деле». Ларошель к тому времени капитулировала, и, казалось бы. руки у короля были развязаны. Но Ришелье опасается открытой войны с Испанией, которую страна, не оправившаяся от последних военных тягот, по его убеждению, вести не в состоянии. В то же время, если Монферрат перейдет под контроль Испании, международные последствия для Франции могут быть самые непредсказуемые. Взвесив все «за» и «против», Ришелье советует королю поддержать герцога Мантуанского Карла де Невера.

10 декабря 1628 г. он передает Людовику XIII памятную записку: «Я не пророк, но считаю, что Ваше Величество должны осуществить это намерение (оказать помощь Неверу. — *П. Ч.*), снять осаду Казале и принести мир Италии…» Положение осложнялось тем, что на лето 1628 года Ришелье планировал военную операцию в Лангедоке, однако он считал возможным совместить обе военные акции. В это время кардинал впервые всерьез сталкивается со своей давнишней благодетельницей Марией Медичи и стоявшей за ее спиной папско-испанской партией, решительно возражавшей против французского вмешательства в «мантуанское дело». Давление этой партии было столь сильным, что король решил попытаться мирно договориться с Мадридом, куда со специальной миссией был отправлен один из ближайших помощников Ришелье граф де Ботрю.

Французского дипломата приняли при дворе Филиппа IV более чем прохладно. Его переговоры с герцогом Оливаресом о статусе Монферрата зашли в тупик. Глава испанского кабинета раздраженно высказал все претензии, которые у него накопились

к французской политике. Особое недовольство в Мадриде вызывала откровенная поддержка Францией Соединенных провинций, находившихся с 1621 года в состоянии войны с Испанией. Если Людовик XIII прекратит помощь Голландии, Филипп IV готов будет вернуться к обсуждению статуса Монферрата, но до тех пор… Именно так поставил вопрос Оливарес перед французским послом. Граф де Ботрю парировал: «В таком случае верните нам Неаполь, Милан, Наварру и Артуа…» После подобного обмена любезностями переговоры утратили всякий смысл, о чем Ботрю и сообщил Ришелье.

В начале января 1629 года кардиналу удалось окончательно убедить Людовика XIII в необходимости военного выступления против герцога Савойского и поддерживавшего его губернатора Милана. В Монферрате, как до этого в Вальтелине, затронута честь Франции и ее короля — «защитника права и справедливости». Людовик XIII принял решение лично возглавить армию. Выступление он назначил на 15 января 1629 г.

За два дня до намеченного похода у короля состоялось совещание, на котором Ришелье изложил свои соображения в отношении внутренней и внешней политики Франции. По существу, это была развернутая программа действий на обозримое будущее.

Во внутриполитическом плане упор был сделан на укрепление единства и сплоченности государства. Король должен самым решительным образом подавлять все проявления непокорности со стороны своих подданных, его абсолютная власть должна распространяться на все, даже самые удаленные уголки государства. Во Франции не может быть никакой другой власти, кроме власти короля, осуществляемой через его представителей на местах. Пора положить конец практике купли-продажи и наследования должностей; все должности даруются королем и им же отнимаются. Срочные меры требуется осуществить по реорганизации финансового управления королевским доменом, что развяжет правительству руки в проведении последовательной экономической политики. Наконец, необходимо укрепить морально-нравственные устои общества, чему может способствовать назначение во главе епархий способных, энергичных людей.

Что касается внешней политики, то здесь Ришелье преследовал конкретную цель — «остановить возвышение Испании». Конфликт с Испанией, по глубокому убеждению кардинала, предопределен непомерными амбициями Мадрида на мировое господство. Франция не может допустить утверждения габсбургской гегемонии в Европе, задевающей ее жизненные

интересы. Ради своего будущего Франция обязана противодействовать осуществлению испано-австрийских планов. Залогом успешного решения этой задачи, как считает Ришелье, служат внутреннее единство, экономическая и военная мощь Франции. Другое важное условие — укрепление традиционных антигабсбургских союзов. Франция должна строго выполнять свои обязательства по отношению к союзникам, если хочет, чтобы и ей оказали поддержку в трудный час. Ришелье ставит вопрос о развитии путей сообщения с ближайшими соседями Франции и сравнивает эти пути с «открытыми дверями, позволяющими в случае необходимости войти во все соседние государства и предоставить им гарантии от испанского гнета». Он говорит о «жизненной необходимости» расширения восточных границ Франции до Страсбурга, необходимости из тех же соображений безопасности добиться установления французского суверенитета над Женевой и Нёвшателем. Делом чести короля Франции остается возвращение под свою власть Наварры и Франш-Конте, отторгнутых у нее Испанией.

Будущее Франции в немалой степени зависит от ее морской мощи, от развития ее военного и торгового флота. Следует уделять более пристальное внимание реконструкции старых и строительству новых морских портов, облегчающих общение со Старым и Новым Светом. Таковы были основные положения, высказанные Ришелье в отношении внутренней и внешней политики Франции. Но он не ограничился этим, а позволил себе затронуть весьма щекотливую тему об обязанностях короля и членов его семьи, на которых лежит груз исторической ответственности за судьбу страны.

Воздав должное высоким качествам Людовика XIII, Ришелье высказал и свои пожелания в адрес короля — быть более постоянным и последовательным в осуществлении задуманного, поменьше подозрительности и мнительности, побольше расположения и доверия к тем, кто ему верно служит. Словно предчувствуя дальнейшее поведение Гастона Орлеанского, кардинал советует королю быть внимательнее к единственному брату, подверженному дурному влиянию и по этой причине вовлекаемому в различные небезопасные для государства авантюры. То же самое можно сказать и об отношении Людовика XIII к многим знатным особам при дворе — он откровенно третирует их, часто незаслуженно. Король обязан быть выше обычных человеческих слабостей; такие чувства, как ненависть, зависть, жестокость, не должны находить место в душе помазанника Божьего. Все его действия, поступки и принимаемые решения должны диктоваться исключительно интересами

государственной целесообразности и пользы, но не личными симпатиями и антипатиями, как бы ни были они сильны.

Непостоянство Людовика XIII, по-видимому, внушало Ришелье наиболее серьезные опасения. Поэтому он вновь обращает внимание короля на этот его недостаток. «Многие не без оснований думают, — заявил Ришелье, — что Его Величество по природе своей неохотно занимается делами и с легким сердцем отказывается от дел, требующих больших усилий, даже в том случае, если они обещают принести богатые плоды».

Ришелье высказал свое мнение и о королеве-матери, отметив наряду с ее «общеизвестными» достоинствами главный, на его взгляд, недостаток — чрезмерное доверие к сплетням и слухам, склонность искать происки там, где их нет. Такие оценки мог себе позволить только человек, глубоко убежденный в прочности своего положения. Чтобы еще раз убедиться, что это именно так, Ришелье в завершение своего выступления заявил о готовности немедленно подать в отставку, если высказанные им соображения и критические замечания вызвали несогласие и тем более недовольство Людовика XIII и Марии Медичи. Король и королева-мать в один голос заверили Ришелье в своем абсолютном доверии.

Поблагодарив за оказанное высокое доверие, Ришелье посоветовал Людовику XIII на время его отсутствия в связи с начинающимся походом поручить регентство королеве-матери. Это был его подарок патронессе за оказанную ему поддержку. Король согласился с Ришелье, в очередной раз уязвив самолюбие Анны Австрийской и Гастона Орлеанского.

С тех пор как кардинал взял в свои руки бразды правления, отношения с Марией Медичи стали постепенно портиться, особенно по мере того, как политика Ришелье приобретала все более откровенную антигабсбургскую направленность. К тому же Ришелье все меньше считался с мнением своей недавней покровительницы. Он практически перестал бывать у нее, ссылаясь то на крайнюю загруженность, то на нездоровье. Трудно сказать, почему Мария Медичи изменила отношение к своему любимцу. Политические ли соображения сыграли роль или уязвленное женское самолюбие? Наверное, и то и другое сплелось в запутанный клубок, который не смогла бы распутать и сама королева-мать.

15 января 1629 г., как и было намечено, Людовик XIII и Ришелье во главе армии выступили из Парижа. Король счастлив — он откровенно предпочитает военное дело утомительному сидению над государственными бумагами и не менее утомительным официальным церемониям. Военные походы, охота

да еще музицирование, к которому он пристрастился, — пожалуй, это все, что способно было доставить удовольствие Людовику Справедливому, как нарекли его придворные угодники «именем народа». 14 февраля армия вступила в Гренобль, где остановилась для короткой передышки. В Вене были убеждены, что в условиях суровой зимы французы не решатся перейти через Альпы. Они явно недооценили Ришелье, равно как и не учли того факта, что присутствие короля значительно повысило боевой и моральный дух армии. 1 марта королевская армия, успешно преодолев горные перевалы, перешла границу и вторглась в Пьемонт в районе горы Женевр. 6 марта французы захватили город Сузу. Удар был настолько неожиданным, что Карл Эммануил и его старший сын принц Пьемонтский поспешили запросить перемирия. 11 марта принц Пьемонтский лично прибыл в Сузу, где расположил свой лагерь Людовик XIII. Он передал обещание Карла Эммануила вывести савойские войска из Монферрата и заявил об отказе от всяких претензий на него в будущем. Герцог Савойский и принц Пьемонтский даже согласились передать Людовику XIII цитадель Сузы, а также взять на себя снабжение французской армии в Пьемонте. Находясь в Сузе почти до конца апреля 1629 года, Людовик XIII и Ришелье принимали послов из Рима, Венеции и других итальянских государств.

Март — апрель 1629 года были отмечены небывалой дипломатической активностью: заключены два договора, закрепившие успехи французского оружия под Ларошелью и в Северной Италии, 19 апреля в Сузе подписан договор между Францией, Савойей и Венецией, подтверждавший права герцога де Невера на Мантую, включая Монферрат. Одновременно три договаривающиеся стороны обязывались вступить в оборонительный союз против Испании. Таким образом, цели, поставленные Ришелье в Северной Италии, казалось, были достигнуты: Франция вновь приобщалась к активному участию в итальянских делах.

Пять дней спустя, 24 апреля, в Париже был подписан договор с Англией о возобновлении союза, который опять-таки был направлен против Испании. Карл I дал к тому же формальное обязательство не вмешиваться впредь во внутренние дела короля Франции. Еще один бесспорный успех дипломатии Ришелье. Результат — в течение лета 1629 года погашен последний очаг гугенотской смуты в Лангедоке.

Испания и Империя, в свою очередь, попытались воспользоваться тем обстоятельством, что значительные силы королевской армии с мая 1629 года были отвлечены в Лангедоке. Фердинанд II направил войска в Ломбардию, потребовав от

французов очистить «имперские владения в Италии». В начале июня генерал Колальто вторгся в Мантую, а генерал Спинола напал на Монферрат. Создалась реальная угроза утраты всех преимуществ, которые были получены Францией в Северной Италии.

Противодействовать Австрии и Испании французская сторона смогла лишь после завершения экспедиции в Лангедок. Осенью 1629 года была сформирована новая 15-тысячная армия, командовать которой назначили маршала де Лафорса. Общее руководство итальянским походом взял на себя кардинал Ришелье.

* * *

29 декабря 1629 г. он покидает Париж верхом, в боевых доспехах под сутаной, в шляпе с перьями, со шпагой на боку и пистолетами на седельной луке. Парижане, как и многие другие французы, которым доводилось видеть кардинала, уже привыкли к столь необычному для его сана одеянию. 18 января 1630 г. Ришелье в Лионе. Завершаются последние приготовления перед тем, как армия двинется по направлению к Альпам. В соответствии с Сузским договором герцог Савойский обязан обеспечить свободное прохождение французской армии в Северную Италию и снабжать ее продовольствием и фуражом вплоть до завершения кампании. Ришелье из Лиона уведомил герцога о предстоящем выступлении армии де Лафорса, но так и не получил вразумительного ответа. Зато кардиналу стало известно о секретных переговорах герцога Савойского с генералом Спинолой. Это означало, что французские войска, действующие в районе Казале, могут подвергнуться нападению с тыла. Ришелье сообщает полученные сведения в Париж. Он просит согласия Людовика XIII на вторжение в Савойю. Если король желает добиться успеха в Италии, пишет Ришелье, то «необходимо как можно быстрее атаковать Савойю». Заодно кардинал рекомендует Людовику XIII присоединиться к армии. Вряд ли последняя рекомендация была продиктована соображениями только военного характера, просто Ришелье чувствовал себя спокойнее, когда был рядом с Людовиком XIII и мог контролировать и направлять его действия. Невзирая на недомогание, король покинул Париж и со всем двором выехал в Лион.

Тем временем армия де Лафорса перешла через Альпы и вторглась в Пьемонт. Официального объявления войны сделано

не было. Направление главного удара — Турин, у стен которого сосредоточены главные силы герцога Савойского. В короткий срок де Лафорс захватывает город Риволи, в 20 лье от Турина. Герцог Савойский спешно перегруппировывает свои войска по окрестным крепостям. 29 марта 1630 г., неожиданно повернув от Турина на юг, французская армия овладевает крепостью Пиньероль, имеющей важное стратегическое значение: оттуда открывались пути на Милан, Геную и в Швейцарию.

Утрата Пиньероля вызвала серьезное беспокойство в Милане, Мадриде и Вене. Город должен быть возвращен любой ценой — военными или дипломатическими средствами. Начинаются закулисные переговоры между воюющими сторонами. Посредничает в них папский легат Антония Барберини, племянник папы. Ему помогает молодой аббат Джулио Мазарини. Усилия Барберини и Мазарини сосредоточены на том, чтобы обеспечить свободу альпийских проходов как для французов, так и для австрийцев. По мнению Ришелье, такая перспектива не сулила Франции никаких преимуществ, в то время как, обладая Сузой и Пиньеролем, она, по существу, контролировала и весь Пьемонт. Казалось бы, после одержанной победы Франция может диктовать свои условия, но Ришелье лучше многих понимал, что Франция не сможет поддерживать свое военное «присутствие» в Северной Италии. Финансы страны после трех последовавших одна за другой военных экспедиций были в критическом состоянии. К тому же вновь откладывались внутренние преобразования, задуманные Ришелье. Кардинала раздирали противоречивые чувства, которые он выразил в памятной записке, поданной королю 13 апреля 1630 г. Сохраняя за собой Пиньероль и Сузу, писал Ришелье, король Франции становится арбитром в итальянских делах, но это, по существу, означает продолжение войны. «Если король решится на войну, — писал Ришелье, — то придется оставить всякую мысль об отдыхе, экономии и урегулировании дел внутри королевства». Заключив же мир, король должен будет «навсегда оставить мысль об Италии», Мантуя целиком и полностью перейдет под контроль Испании.

10 мая 1630 г. в Гренобле состоялось совещание с участием Людовика XIII и Ришелье, на котором решался вопрос о дальнейших действиях. Сюда же прибыли посол герцога Савойского и Мазарини, получивший к тому времени ранг папского легата. Их предложения сводились к тому, чтобы побудить Францию отказаться от поддержки прав герцога де Невера на Мантую и вывести войска из Сузы, Пиньероля и Казале (там размещался французский гарнизон под командованием маршала де Туара). В обмен Испания и Империя брали на себя

обязательство вывести свои войска из района военных действий. Данное предложение ни в коей мере не могло устроить французскую сторону, так как под прикрытием нейтрализации Мантуйей, по существу, навязывали статус-кво. Мазарини отправился в Вену, увозя с собой отказ Франции.

12 мая на военном совете в Гренобле было принято решение начать наступление на Савойю и захватить ее главные стратегические пункты Шамбери, Монмельян и форт Шарбоньер. Уже на следующий день 15-тысячная королевская армия вторгается на территорию Савойи с юга. 14 мая капитулирует Шамбери, а к концу месяца французы очищают от савойцев альпийские предгорья. Им не удается взять лишь Монмельян. В начале июня лагерь Людовика XIII и Ришелье перемещается из Гренобля в самое сердце Савойи — в Сен-Жан-де-Морьен. Сокрушительное поражение явилось тяжким ударом для герцога Савойского. 26 июля Карл Эммануил умирает, и престол занимает его сын Виктор Амадей I.

Пока Людовик XIII одерживал победы в Савойе, резко изменилась ситуация в Пьемонте и Мантуе. 30 мая испанский генерал Спинола замкнул кольцо окружения вокруг Казале. Город, по существу, был захвачен испанцами, французский гарнизон удерживал лишь мощную цитадель Казале. В середине лета австрийский генерал Колальто захватил Мантую, изгнав оттуда герцога де Невера. Положение осложнялось тем, что во французской армии вспыхнули одновременно две эпидемии — чумы и дизентерии. Началось массовое дезертирство. К июлю 1630 года от 15-тысячной армии осталось менее 9 тысяч человек. Все это, а также обострившиеся противоречия при дворе, где активизировались противники Ришелье, выступавшие против продолжения войны, побуждало Людовика XIII и его первого министра вернуться к идее мирного урегулирования конфликта. В лагерь короля был приглашен Мазарини, которому было заявлено, что у Людовика XIII нет в Северной Италии иных целей, кроме как обеспечить права герцога Мантуанского. Если Вена и Мадрид согласятся уважать эти права, то король Франции выведет свои войска из этого района. «Если Мазарини вернется с приемлемыми условиями, — писал Ришелье в конце июля 1630 года Марильяку, — то будет нетрудно заключить хороший мирный договор…»

А пока надо было спасать Туара, окруженного в Казале. На помощь ему двинулся экспедиционный корпус во главе с герцогом де Монморанси и маркизом д'Эффиа. Военные действия затянулись до октября 1630 года. 23 сентября неожиданно умер генерал Спинола. Его преемник дон Гонсальво де Корду далеко

уступал Спиноле по части военных талантов. Тем временем энергичные санитарные и организационные меры позволили укротить волну эпидемии и дезертирств во французской армии, ее боеспособность постепенно восстанавливалась, что позволило Ришелье начать из Савойи наступление на Пьемонт.

А в германском городе Регенсбурге (Ратисбонне) в это время шли напряженные переговоры о заключении мира. От имени Франции их вели отец Жозеф и Брюлар де Леон. Посредничал на переговорах все тот же Мазарини, курсировавший между Регенсбургом, Веной и Лионом, где находился Людовик XIII и куда часто наезжал из действующей армии кардинал Ришелье. 8 сентября участникам переговоров удалось достигнуть согласия на перемирие до 15 октября. Это позволило гарнизону Туара в Казале отдохнуть от едва ли не ежедневных атак испанцев. За два дня до истечения срока перемирия французские представители в Регенсбурге поставили свои подписи под текстом предварительного мирного договора, регулировавшего проблемы Северной Италии. По условиям договора Франция должна вывести свои войска со всех захваченных ею территорий, за исключением Сузы и Пиньероля. Герцога Савойского восстанавливают в правах, а кандидатура герцога Мантуанского должна получить в двухмесячный срок одобрение императора Фердинанда II.

Когда Ришелье ознакомился с текстом договора, доставленного курьером, он рекомендовал Людовику XIII дезавуировать отца Жозефа и Брюлара де Леона. По его мнению, парафированный ими договор не давал Франции достаточных гарантий в Северной Италии, оставляя Империи возможность не признавать права герцога де Невера на Мантую. Король поддержал своего министра, и в Регенсбург направили новые, более жесткие инструкции.

Тем временем срок перемирия истек, и Ришелье отдал войскам приказ возобновить военные действия. Французское наступление в Пьемонте развернулось с новой силой. К 26 октября войска маршала де Лафорса достигли Казале, их отделяло от стен цитадели, где мужественно держался гарнизон Туара, не более лье. Предстояло совершить последний бросок на испанские позиции. Уже вспыхнула перестрелка, как неожиданно появился всадник, размахивающий свитком. Он кричал: «Мир! Мир! Прекратите!» Это был Мазарини, доставивший маршалу де Лафорсу согласие генерала де Корду снять осаду цитадели и вывести войска из города без всяких условий. Легат сообщил и о подписании мирного договора в Регенсбурге. Маршал на свой страх и риск согласился принять предложение испанского

генерала, отдав приказ прекратить огонь. Уведомленный о принятом решении Ришелье одобрил его. Война завершилась, и вновь за дело взялись, дипломаты. В результате вслед за уточненным Регенсбургским договором были подписаны «соглашение Шераско» (б апреля 1631 г.) и секретные Туринские соглашения (июль 1632 г.), которые принесли Франции очевидный внешнеполитический успех: за герцогом де Невером признавались права на Мантую и Монферрат, а Франция оставляла за собой Пиньероль и долину Перузы. Таким образом, задачи, поставленные Ришелье в Северной Италии, были решены. Франция восстановила и даже закрепила свое политическое, а отчасти и военное «присутствие» в этом районе.

Важную роль в мирном исходе конфликта в Северной Италии сыграл Джулио Мазарини. С этого времени Ришелье пристально наблюдает за честолюбивым итальянцем, проникаясь к нему все большей симпатией. Одним из первых внимание Ришелье на Мазарини обратил французский дипломат Сервьен, который писал кардиналу, что «этот сьер Мазарини — самый достойный и самый умелый министр из всех, когда-либо служивших у Его Святейшества». В недалеком будущем кардинал пригласит Мазарини на французскую службу. Но никому тогда и в голову не могло прийти, что в один прекрасный день Мазарини станет преемником и продолжателем дела «великого Ришелье».

…Кампания закончена, мир установлен, и Ришелье после длительного отсутствия возвращается в Париж, где ему предстоит выдержать решающую схватку за сохранение влияния на государственные дела. Его ожидало самое серьезное испытание из всех, какие выпадали ему за весь период пребывания у власти.

«День одураченных»

К тому времени, когда кардинал Ришелье возглавил Королевский совет, он уже свободно разбирался в тех многочисленных кланах и группировках, которые существовали при дворе Людовика XIII. С точки зрения политической направленности все эти соперничающие и даже враждующие друг с другом кланы объединялись в два блока или, условно говоря, в две партии — «святош» (les devots) и «добрых французов» (les bons francais). Партия «святош» — а в нее входили Мария Медичи, кардинал Берюль, братья Марильяки и некоторые другие влиятельные особы — выступала за то, чтобы политика Франции, как внутренняя, так и внешняя, руководствовалась исключительно интересами католицизма. «Добрые французы», представленные главным образом служилым дворянством (после гибели Генриха IV и отстранения от дел Сюлли у них долгое время не было общепризнанного вождя), одинаково отвергали и гугенотский сепаратизм, и папский универсализм, настаивая на защите исключительно национально-государственных интересов. Приверженцы этой партии, как отмечал французский исследователь Виктор Тапье. «желали, чтобы политика короля была прежде всего французской, независимой и диктовалась только интересами королевства».

Возвышение Ришелье «святоши» искренне считали своей крупной победой. Разве может не быть своим князь церкви, ближайший советник Марии Медичи, друг кардинала Берюля и отца Жозефа?.. Знали бы они, как жестоко обманулись в своей уверенности. Ошибались, впрочем, и «добрые французы», принявшие поначалу кардинала за своего противника. Ришелье никогда не был ультрамонтаном[14], уже в Люсоне политик победил в нем иерарха. Франциск I и Генрих IV всегда были для Ришелье высокими, увы, редкими образцами великих королей Франции, ему импонировала их национальная политика, способность отстаивать интересы Франции перед самыми мощными и влиятельными соседями — Мадридом, Веной или Римом. Находясь длительное время среди «святош» и считаясь одним из них, кардинал Ришелье нелегко и не сразу решился круто изменить курс государственного корабля, давно — еще с 1610 года — потерявшего нужное направление и беспомощно дрейфовавшего в океане истории. Министра-кардинала терзали сомнения, он опасался открытого конфликта с Марией Медичи и ее влиятельным кланом. Первые три-четыре года своего правления Ришелье, как мог, пытался сохранить лояльные

отношения со «святошами», хотя его политика входила во все большее противоречие с интересами Марии Медичи и ее окружения. Все это время Ришелье настойчиво старался упрочить свое положение при короле, обезопасить себя от неизбежных, как он считал, в недалеком будущем нападок на него. Надо сказать, действовал кардинал весьма умело, и Людовик XIII проникался все большим уважением и даже восхищением к своему первому министру.

Разрыв с Марией Медичи и «святошами» наметился после взятия Ларошели, когда влияние и авторитет Ришелье значительно возросли. Все обратили внимание на то, что Людовик XIII в обращении к народу по случаю взятия гугенотской цитадели отметил выдающиеся заслуги «очень дорогого и горячо любимого кардинала де Ришелье».

Острые разногласия возникли как раз по вопросу о дальнейшей политике в отношении французских протестантов. Мария Медичи, кардинал Берюль, канцлер Мишель Марильяк и глава военного ведомства Луи Марильяк настаивали на полном искоренении «ереси», на лишении гугенотов всех гражданских и политических прав. Кроме того, католическая партия требовала сближения с Испанией и Империей в условиях происходившей в Европе континентальной войны.

Несмотря на личное поздравление папы римского по случаю взятия Ларошели, кардинал Ришелье не обнаруживал желания изгонять «ересь» за пределы государства, а также подвергать политическим гонениям поверженных гугенотов. Гораздо более важным ему представлялось сделать из протестантов «настоящих французов», столь же ревностных подданных, как и католики. Ришелье воспротивился и сближению с Мадридом и Веной, предпочтя сохранить союз с протестантскими государствами, но не вмешиваясь пока непосредственно в европейский конфликт. Как во внутренней, так и во внешней политике Ришелье всегда руководствовался исключительно национально-государственными интересами, а не религиозно-идеологическими соображениями.

По мере того как позиции Ришелье становились все более прочными, число его врагов не уменьшалось, как можно было бы ожидать, а возрастало. Этому, впрочем, способствовал и сам кардинал, энергично и решительно отбиравший у аристократии ее древние привилегии. «Совершают грубую ошибку те, кто принимает борьбу Ришелье с грандами за его враждебность по отношению к дворянству в целом, — отмечает современный французский историк Виктор Тапье, — он никогда не забывал, что оно (дворянство. — *П. Ч.*) было нервом государства… Напротив, он считал дворянство необходимой пружиной

общества. Но нужно, чтобы оно перестало быть недисциплинированным и праздным». Именно по этой причине Ришелье отдавал явное предпочтение служилому дворянству перед кучкой аристократов, совершенно бесполезных и даже обременительных для государства. В «Политическом завещании» Ришелье советовал королю «по достоинству оценивать услуги дворян, не забывая и о строгости, когда они пренебрегают своим долгом», а тех, кто не желает служить короне, лишать всех привилегий и принуждать нести часть бремени простого народа.

Аристократы, со своей стороны, откровенно ненавидели кардинала за попрание их «исконных» прав. Гранды с трудом, но мирились с притеснениями короля: в конце концов, король — первый дворянин, и его «исторические права» стали чем-то привычным. Другое дело — власть выскочки и олицетворяемой им бюрократии: она в глазах знати не имела никакого морального основания. Насаждаемая с помощью невесть откуда взявшихся таких же выскочек из провинциальных дворян-чиновников централизация и единая администрация с их посягательствами на древние вольности, на суверенитет и права провинций, где гранды испокон веку чувствовали себя бесконтрольными владетельными князьями, вызывала самое решительное сопротивление аристократии. Их первым предупреждением стал «заговор Шале».

Настойчивые усилия Ришелье в направлении централизации, посягательство на извечные традиции, насаждение единого порядка вещей вызвали глубокие сдвиги в общественном сознании, каких еще не знала Франция. Вместо привычных понятий, таких как «католик» или «гугенот», Ришелье насаждал неизвестное ранее или, уж во всяком случае, лишенное подлинного смысла понятие «француз». Слово «родина» (la patrie) уже получило право на жизнь, но понятие «патриотизм» едва ли было знакомо современникам кардинала-реформатора. Именно Ришелье преподаст своей стране первые уроки патриотизма, причем самыми нерадивыми учениками покажут себя аристократы, погрязшие в кастовом эгоизме.

Совершенно закономерным явилось то, что личные недруги Ришелье объединились с противниками его преобразований. «Святоши» должны были сомкнуться с оппозиционной аристократией, и они нашли друг друга, соединив усилия в борьбе против Ришелье.

* * *

Кардинал знал: пользуясь его частыми отъездами из Парижа в действующую армию, «доброжелатели» настраивают короля против него. Каждый раз Ришелье возвращался в столицу с тревожным чувством. Так было и после успешного завершения кампании в Лангедоке.

14 сентября 1629 г. Ришелье прибыл в Париж и сразу же почувствовал резкое изменение отношения к себе Марии Медичи, которая до того хотя бы внешне демонстрировала расположение к нему. Впервые противники кардинала выступили единым фронтом и в их числе Гастон Орлеанский. Королева-мать неожиданно воспылала неприязнью и к племяннице Ришелье мадам де Комбале (будущей герцогине д'Эгийон), своей фрейлине. Она открыто обвинила ее в шпионаже в пользу кардинала, что, возможно, и не было лишено оснований.

Ришелье избрал неожиданную для своих противников тактику. Он не стал защищаться или искать прямой поддержки у короля, а написал письмо Марии Медичи с извещением о своем решении уйти в отставку и покинуть Париж вместе с мадам Комбале: и он сам, и его племянница не желают терпеть возводимых на них незаслуженных обвинений. Разумеется, Ришелье постарался, чтобы содержание его письма к королеве-матери стало известно прежде всего Людовику XIII.

Неожиданный ход кардинала спутал карты его противников. Все они мечтали об удалении Ришелье, но решение должен принять король. А как он поведет себя в этом случае?

Реакция Людовика XIII была совершенно неожиданной даже для его матери. Он впал в такую ипохондрию, сопровождавшуюся приступами продолжительных и безутешных рыданий, что насмерть перепугал своих близких, докторов и духовника. Все ждали, чем это кончится, строя самые различные предположения.

Наплакавшись вволю и восстановив душевное равновесие, Людовик Справедливый в один прекрасный день пригласил к себе королеву-мать, Гастона Орлеанского и Ришелье и потребовал их немедленного примирения. Мария Медичи и Гастон лучше многих знали, что слабохарактерный король может быть невероятно упрямым и непреклонным, и им ничего другого не оставалось, как заверить кардинала в своих лучших чувствах, объяснив происшедшее нелепым недоразумением. Ришелье, со своей стороны, заявил о своей полной лояльности по отношению ко всем членам королевской семьи, и в первую очередь к королеве-матери, его давней благодетельнице. Кардинал все рассчитал точно. Все трое заверили друг друга во взаимном расположении, обязавшись совместно действовать на благо Франции и ее короля. Это произошло 21 ноября 1629 г. В тот же

день Людовик XIII подписал эдикт о возведении кардинала Ришелье в ранг главного государственного министра. Эдикт узаконил те функции главы Королевского совета, которые Ришелье уже выполнял в течение пяти с лишним лет.

Старания кардинала на протяжении этих пяти лет принесли долгожданные плоды. Он не только сумел внушить королю абсолютное к себе доверие, но стал как бы частью самого Людовика XIII. С некоторых пор их мысли шли в одном направлении. Идеи единства, достоинства и величия Франции, внушаемые Ришелье, глубоко запали в сознание и душу впечатлительного короля.

* * *

Очередная схватка Ришелье со своими противниками произошла во время итальянской кампании 1630 года, когда Мария Медичи и ее ближайший советник Мишель де Марильяк, занявший это место после смерти в октябре 1629 года кардинала Берюля, настойчиво требовали заключения мира с Испанией и Империей на любых условиях. Они протестовали и против плана завоевания Савойи, предложенного кардиналом. Тогда Людовик XIII отклонил возражения Марии Медичи и канцлера Марильяка и принял решение лично возглавить армию, направляемую в Савойю.

Операция в Савойе была успешной, но по ее окончании король неожиданно заболел и вынужден был вернуться в Лион, где в это время находился двор. Ришелье изредка навещал его, с тревогой наблюдая неутомимую деятельность своих недругов. В дополнение ко всему в первых числах сентября у Людовика XIII началась еще и дизентерия, протекавшая в крайне тяжелой форме. Организм короля был истощен до предела, и доктора уже не оставляли никаких надежд на благополучный исход. Людовик XIII исповедался, принял причастие и приготовился к смерти. Все ждали неминуемой развязки. Придворные спешили опередить друг друга в изъявлении чувств Гастону Орлеанскому. Анна Австрийская дала знать Гастону, что готова стать его женой и тем самым узаконить его права на престол.

Вместе с Марией Медичи Анна Австрийская пытается получить от умирающего короля согласие на отставку Ришелье, находившегося в это время в действующей армии в Пьемонте. Им важно устранить кардинала еще при жизни Людовика XIII. Но слабеющий король отказывает им в этом. Собрав последние силы, он призывает к себе герцога де Монморанси и диктует ему свою

последнюю волю: Гастон должен сохранить кардинала Ришелье во главе Королевского совета, этого требуют интересы Франции.

29 сентября наступил кризис, король почти не приходит в сознание. Ришелье пока ничего не знает о том, какая опасность нависла над его головой. Мария Медичи распорядилась не сообщать кардиналу о состоянии здоровья короля. Она поручила также капитану королевских мушкетеров де Гревилю сразу же после смерти короля арестовать Ришелье или собственноручно застрелить в случае, если он окажет сопротивление. Правда, Монморанси послал кардиналу письмо, в котором обрисовал обстановку в Лионе и посоветовал куда-нибудь скрыться; он не верил, что Гастон выполнит завещание своего брата относительно Ришелье. Монморанси предлагает Ришелье временное убежище в одном из своих владений в Лангедоке. Пока его письмо дойдет до адресата, события в Лионе получат совершенно неожиданное развитие.

30 сентября во второй половине дня самочувствие короля внезапно улучшилось, температура спала. Произошло одно из редких в этой жизни чудес: обреченный больной возрождался к жизни.

Спасен был и кардинал Ришелье, узнавший наконец, что и его жизнь висела на волоске в эти последние сентябрьские дни 1630 года. Он немедленно поспешил в Лион и застал короля еще в постели. «Не знаю, жив я или мертв, настолько сам не свой после того, как видел сегодня утром нашего великого и праведного короля… — писал Ришелье графу де Шомбергу. — Признаюсь Вам, некоторые заявления докторов внушили мне столь невыносимый страх, что все еще не могу от него избавиться». Людовик XIII был еще очень слаб, но все поняли, что он выжил, а значит, выжил и Ришелье.

Внешне отношения кардинала с Марией Медичи как будто не изменились, разве что их реже видели вместе. Но это была лишь видимость, скрывавшая напряженную, ни на один момент не прекращавшуюся борьбу. Ришелье теперь все неохотнее расставался с королем, хотя даже в самый критический момент Людовик XIII доказал безусловную верность союзу с кардиналом и полную поддержку его политики.

* * *

Осенью 1630 года после успешного окончания итальянского похода Ришелье вернулся в Париж и понял, что ему предстоит новая схватка с Марией Медичи. Вот что он писал о тогдашних

отношениях с королевой-матерью: «Я — ее ставленник. Это она возвысила меня, открыла путь к власти, даровала мне аббатства и бенефиции, благодаря которым из бедности я шагнул в богатство. Она убеждена, что всем я обязан ей, что она вправе требовать от меня абсолютного повиновения и что у меня не может быть иной воли, кроме ее собственной- Она не в состоянии понять, что с того самого дня, когда она поставила меня у штурвала корабля, я стал ответствен только перед Господом Богом и королем— Душой и умом она тяготеет исключительно к католической политике. Для нее безразлично, что Франция была бы унижена. Она не может примириться с тем, что, сражаясь с протестантизмом внутри страны, я в то же время поддерживаю союз с ним за ее пределами… У нее претензии женщины и матери: я помешал ей передать Монсеньеру (Гастону Орлеанскому. — *П. Ч.*), который, увы, возможно, унаследует трон, право на управление Бургундией и Шампанью. Я не могу допустить, чтобы охрана наших границ попала в столь слабые руки. Она считает меня врагом ее дочерей на том основании, что одну из них я выдал замуж за протестантского государя (Карла I Английского), а с мужьями двух других — королем Испании и герцогом Савойским — нахожусь в состоянии войны. Все разделяет нас, и это навсегда. Будущее зависит только от воли короля», — завершал свою исповедь Ришелье.

Он узнает, что в Военном совете против него интригуют маршалы Луи де Марильяк (брат канцлера), Бассомпьер и герцог Гиз, пытающиеся исподволь склонить короля к необходимости отставки кардинала. Трудно сказать, на что они рассчитывали после побед, одержанных. Ришелье над Ларошелью, в Лангедоке и Северной Италии, после драматических событий сентября 1630 года, из которых он вышел победителем. Тем не менее они строили всевозможные планы устранения Ришелье. Разногласия между ними возникли только относительно дальнейшей судьбы кардинала. Марильяк настаивал на убийстве, изъявив готовность лично прикончить Ришелье; Бассомпьер (высказался за пожизненное заключение в Бастилии или в Венсеннском замке; герцог Гиз предлагал отправить кардинала в ссылку. Ненависть к Ришелье объединила и не любивших друг друга королев — Марию Медичи и Анну Австрийскую. Все они дружно внушали Людовику XIII, что и он, и Франция прекрасно обойдутся без услуг кардинала, вознамерившегося погубить королевскую семью и католическое дело.

Ришелье должен был сохранять постоянную бдительность, проявляя максимум осторожности. Он избрал единственно правильную, как показали последующие события, линию

поведения. В то время как его противники раздражали короля непрерывными, подчас совершенно нелепыми нападками на первого министра, он и в общении с ними, и в разговорах с Людовиком XIII демонстрировал полную лояльность, всем своим видом показывая, что держит слово, данное 21 ноября 1629 г. Пусть король сам решит, кто возмутитель спокойствия и интриган. В то же время Ришелье не мог не думать о путях возможного отступления в случае своего поражения. Перед ним было две возможности: бежать в Авиньон под защиту папы или принять приглашение герцога де Монморанси и укрыться до лучших времен в Лангедоке.

В последних числах октября 1630 года во время одной из бесед король, как вспоминает Ришелье, неожиданно признался ему, что королева-мать при всякой встрече порочит кардинала и он не знает, что с этим поделать. Ришелье поблагодарил короля за доверие и постарался успокоить, опять-таки воздержавшись от какого-либо осуждения Марии Медичи. С одной стороны, он мог быть удовлетворен тем, что пользуется неизменной поддержкой Людовика XIII, с другой же — понял, что необходимо положить конец непрекращающимся нападкам на него, но сделать это надо так, чтобы навсегда отбить у своих противников охоту интриговать против него. Вновь — уже в который раз — Ришелье ставил на карту не только свою карьеру, но и жизнь.

Ему известно: в определенные дни Людовик XIII регулярно посещает Марию Медичи в принадлежащем ей Люксембургском дворце. Несмотря на все, что произошло между ними за последние 16 лет, с тех пор как Людовик стал править самостоятельно, сыновние чувства не угасли в нем окончательно. В этом видел Ришелье угрозу своему благополучию.

10 ноября 1630 г. король, как обычно, отправился к матери, и Ришелье решил действовать. Он знает: Мария Медичи приказывает слугам не принимать кардинала, когда у нее Людовик XIII. Вот и на этот раз двери ее дома закрыты. Но Ришелье хорошо знает все ходы и выходы Люксембургского дворца и проникает в дом известным ему потайным ходом через часовню.

Когда он без стука появился в кабинете королевы-матери, разговор между Марией Медичи и Людовиком XIII. по всей видимости, достиг наивысшего накала. Король сидел в кресле совершенно подавленный, а королева, раскрасневшаяся от возбуждения, стояла перед ним и что-то горячо доказывала, энергично жестикулируя, как это умеют делать только итальянцы. Сам Ришелье довольно скупо описал то, что произошло в кабинете, ограничившись замечанием, что он «позволил себе

прийти оправдаться». Поэтому воспользуемся описанием отцаиезуита А. Гриффе в его книге «История правления Людовика XIII, короля Франции и Наварры», опубликованной в 1768 году.

Войдя в кабинет королевы-матери. Ришелье сразу же заявил: «Я знаю, Вы говорили обо мне. Не так ли, мадам?» Королева была настолько потрясена неожиданным появлением кардинала, что в первое мгновение лишилась дара речи, затем коротко бросила: «Вовсе нет». Однако нахлынувшие чувства настолько овладели ею, что она была уже не в состоянии справиться с собой: «Ну да, мы говорили о Вас как о самом неблагодарном и дурном человеке». Словно обрадовавшись выпавшей ей возможности, Мария Медичи спешила высказать все, что накопилось на душе против Ришелье. Ее речь становилась все более бессвязной. Она уже не считалась с присутствием короля, который смотрел на свою мать со смешанным чувством изумления и страха. А королева продолжала бросать в лицо Ришелье все новые и новые обвинения, одно другого нелепее. Он, дескать, вознамерился устранить короля и посадить на трон Гастона Орлеанского, насильно женив его на своей племяннице. Он же распространяет слухи, будто Людовик XIII — незаконный сын Генриха IV и потому занимает престол не по праву, ну и в том же духе… Обвинениям, казалось, не будет конца. Наконец Мария Медичи в изнеможении упала в кресло. Переведя дух, уже тихим и оттого еще более угрожающим тоном она категорично заявила, что король должен сделать выбор между своей матерью, только и помышляющей о благе старшего сына и доверенного ему государства, и кардиналом Ришелье, этой ядовитой змеей, который воспользовался ее и сына доверчивостью. Она не переступит порога зала заседаний Королевского совета, пока там будет Ришелье.

Король с изумлением наблюдал за своей матерью и пытался успокоить ее, но это ему не удалось. Людовик XIII все больше раздражался. Он сидел, стиснув зубы, бледный как полотно.

Что касается виновника инцидента, то и его нервы были на пределе. Он понимал: в эти минуты решается его участь не только как политика, но и как человека. Трудно сказать, что руководило им в тот момент — страх или расчет, но столь же неожиданно, как и появился в кабинете королевы-матери. Ришелье упал на колени перед ней, заклиная не верить злым наветам, возводимым на него их общими врагами. Мария Медичи совершенно утратила душевное равновесие и была уже не в состоянии ни говорить, ни слушать.

Ситуация принимала трагикомический оборот, по крайней мере два персонажа в этой импровизированной мизансцене —

Людовик XIII и Ришелье — чувствовали себя неловко. Выход был найден королем: он приказал Ришелье подняться и покинуть кабинет. После ухода кардинала Людовик объявил матери, что уезжает в Версаль, и также покинул Люксембургский дворец.

* * *

Оправившись от пережитого потрясения, Мария Медичи пришла к заключению, что Ришелье сам помог ускорить свое падение. Она была убеждена, что теперь его отставка предрешена. В тот же день, 10 ноября 1630 г., в отсутствие короля Мария Медичи объявила о передаче руководства делами Королевского совета канцлеру Мишелю де Марильяку. Одновременно она заявила, что все родственники, друзья и помощники Ришелье подлежат немедленной высылке из столицы, а дальнейшую судьбу самого кардинала решит король. Теперь все пойдет по-другому. Сообщение об отстранении первого министра произвело сенсацию при дворе. Противники Ришелье, все, кто считал себя обиженным им, спешили показаться королеве-матери, рассчитывая на назначения, пенсии и бенефиции. Заговорили об изменениях в составе Королевского совета.

А Ришелье в это время спешно собирался в Гавр, откуда надеялся выехать из Франции. Как и Мария Медичи, он считал, что своим появлением в Люксембургском дворце сам погубил себя. Каждую минуту можно было ожидать ареста, и потому следовало торопиться. Кое-кто из немногих друзей, не оставивших Ришелье в трудную минуту, советовал ему не спешить с отъездом, попытаться взять реванш. В разгар этих споров в Малый Люксембургский дворец, где в то время была резиденция Ришелье, прибыл королевский курьер с повелением кардиналу от Людовика XIII немедленно явиться в Версаль. Это конец, решил Ришелье и, оставив сборы, отправился в загородную резиденцию короля. Уже в пути он сообразил, что едет в сопровождении собственного, а не присланного королем конвоя. Это открытие поразило его. Кардинал высунул голову из окна кареты и поспешил еще раз убедиться в том, что цвет плащей у сопровождавших его мушкетеров красный, а не голубой. К радости своей, он стал узнавать знакомые лица. Страх понемногу исчез, появилась надежда.

Едва переступив порог королевского кабинета, Ришелье оказался в объятиях Людовика XIII. «В Вашем лице я имею самого верного и самого любящего слугу, которого когда-либо знал мир, — заявил король кардиналу, окончательно осознавшему, что

он спасен. — Я был свидетелем того уважения и той признательности, которые Вы всегда испытывали к королеве-матери, — продолжал Людовик XIII. — Если бы Вы пренебрегли своим долгом по отношению к ней, я оставил бы Вас. Но я знаю, что у нее нет оснований жаловаться на Вас, она оказалась во власти интриганов, но я сумею положить этому конец».

Да, Ришелье был спасен, он получил еще одно, пожалуй, самое веское доказательство нерасторжимой связи короля с ним и его политикой. Мария Медичи и ее клан проиграли в этой решающей схватке. С легкой руки соратника Ришелье графа де Ботрю — одного из первых членов созданной кардиналом Французской академии — 10 ноября 1630 г. войдет в историю Франции как «день одураченных».

* * *

Людовик XIII немедленно созвал Королевский совет, на котором объявил об отстранении канцлера Мишеля де Марильяка от должности. Хранитель печати был взят под стражу и выслан из Парижа, два года спустя он умрет в заточении. Его родного брата маршала Луи де Марильяка, возглавлявшего в тот момент армию в Северной Италии, объявили изменником. Арестовать его приказано было маршалу Шомбергу.

Аресты ближайших помощников буквально раздавили Марию Медичи. Она переживала глубокое душевное потрясение. Между тем двор ее опустел. Все, кто еще вчера искал ее расположения, заискивал перед ней, клялся в верности, куда-то исчезли… Королева осталась одна.

Однако Мария Медичи еще на что-то надеется, еще пытается вернуть себе прежнее влияние. Она преследует короля, используя каждый удобный случай, чтобы очернить «злодея»-кардинала. В ход идут слезы, улыбка, ласка, угрозы. В своей одержимости королева отвергла последнюю возможность, предоставленную ей Людовиком XIII, помириться с Ришелье. Что касается кардинала, то он был верен своей давно избранной тактике и демонстрировал почтительное отношение к королеве-матери, готовность служить ей, как и прежде. Увы, старания короля оказались тщетными. Мария Медичи в своей ненависти сама лишила себя последнего остававшегося ей шанса. Поведение королевы-матери стало настолько скандальным, что Людовик XIII повелел ей удалиться из Парижа в Компьен. Но и там, в нескольких лье от столицы, она не прекращала своих нападок на Ришелье. Тогда король предписал ей отправиться в ссылку,

предоставив самой сделать выбор между Анжером и Невером. Тем временем из Парижа в конце января 1631 года незаметно исчез Гастон Орлеанский. Этот трусливый лицемер первым поспешил поздравить Ришелье с победой, одержанной над его родной матерью, а потом, воспользовавшись сумятицей, тайно уехал в Орлеан, откуда через несколько месяцев перебрался в Безансон, находившийся тогда под управлением Испании. Заручившись обещанием помощи от Мадрида, Гастон начал формировать армию для похода на Париж. В это же время Мария Медичи развернула против Ришелье активную кампанию ругательных писем, в составлении которых принимал участие опытный памфлетист Матье де Морг, некогда служивший у Ришелье, а затем переметнувшийся к его врагам. В короткие сроки Париж наводнили враждебные Ришелье памфлеты. Вот один из такого рода анонимных памфлетов:

Он желчи едкие потоки
Разбавит сладостью медовой,
И так его коварно слово.
Как и дела его жестоки.
Он лаской своего добьется.
На ровном месте не споткнется,
Зарежет, источая лесть,
И не узнать, каков он есть.[15]

Кардинал ответил тем, что в том же 1631 году основал «Gazette» — правительственную газету, в которой давал отпор нападкам и разъяснял смысл своей внутренней и внешней политики. Поскольку кампания не прекращалась, Людовик XIII сделал Марии Медичи очередное внушение и поторопил с отъездом.

Королева принимает решение бежать из страны. 20 июля 1631 г., заручившись содействием своего духовника и одного из офицеров охраны, она осуществляет это намерение. В скором времени она объявится в нидерландских провинциях Испании, откуда впоследствии переберется в Кёльн. «Покидая королевство, она уходила также и из истории», — образно заметил один из французских авторов.

Когда в Париже стало известно о бегстве королевы-матери, Людовик XIII распространил декларацию, осудившую антигосударственные действия Марии Медичи, на все ее имущество во Франции был наложен секвестр. Всех, кто так или иначе способствовал побегу, объявили государственными преступниками. Вплоть до своей смерти в добровольном

кёльнском изгнании в 1642 году Мария Медичи не получит прощения от оскорбленного сына. Она умрет в бедности, забытая всеми.

«Отъезд королевы-матери и Монсеньора (Гастона Орлеанского. — *П. Ч.),* — вспоминал впоследствии Ришелье, — избавил королевство от грозивших ему несчастий. Те, кто мог бы причинить много зла, лишились возможности сделать это».

* * *

Поражение «одураченных» значительно укрепило позиции Ришелье. Свидетельством этого было, в частности, решение короля, принятое в сентябре 1631 года, о возведении фамильного удела Ришелье в герцогство и пэрство. Отныне кардинал и главный государственный министр становился герцогом и пэром Франции. Так завершилось для него это опасное испытание. Отныне он — подлинный правитель Франции на все оставшиеся ему 11 лет жизни.

…Когда придет время умирать, Ришелье ответит на обращение причащавшего его священника простить врагам своим, что у него не было личных врагов, а были только враги государства, которых он никогда не прощал… Не отделяя свои интересы от интересов государства, он и врагов своих совершенно искренне причислял не к личным противникам, а к государственным изменникам, которые должны нести наказание независимо от занимаемого ими в обществе положения.

И тогда, и позднее многие возлагали на совесть Ришелье казнь маршала де Марильяка, не замешанного непосредственно в антиправительственном заговоре, объясняя это исключительно жестокостью кардинала. Сам маршал лучше других понимал причину своего ареста. «Мой браг, хранитель печати, и я. мы всегда были верными слугами королевы-матери», — заявил он прибывшему арестовать его Шомбергу. Из Фоглиццо, близ Турина. Марильяк был доставлен в Верден, где был заточен в крепость, а затем переправлен в Париж. Процесс над ним продолжался 18 месяцев, и, по всеобщему признанию, большинство выдвинутых против маршала обвинений были неубедительными. Кроме того, были нарушены процессуальные нормы. Тем не менее обвиняемому был вынесен приговор, и 10 мая 1632 г. при большом стечении народа он был обезглавлен.

В чем же заключался смысл казни человека, чья вина не была убедительно доказана?

Вряд ли можно все списать на мстительный характер

Ришелье. Во-первых, по природе своей он не был жесток, хотя и не забывал нанесенных обид; во-вторых, гораздо больше шансов быть казненным имел не Луи, а Мишель де Марильяк — хранитель печати и первый советник Марии Медичи, тем не менее ему позволили умереть в тюрьме, а не на плахе. Здесь, по всей видимости, необходимо учитывать тот факт, что Ришелье больше всего опасался вооруженной оппозиции, а маршал де Марильяк пользовался влиянием в армии. Предав его казни, Ришелье надеялся морально сломить тех, кто еще не отказался от сопротивления центральной власти, кто не расстался с мыслью о мятеже.

У кардинала были все основания испытывать опасения за прочность положения своего правительства, так как в это самое время Гастон Орлеанский пытался разжечь пламя нового мятежа. Ришелье располагал сведениями о вовлечении в этот заговор губернатора Кале, о попытках Гастона вызвать недовольство гугенотов поверженной Ларошели. Но более всего кардинала беспокоили действия губернатора Лангедока Анри де Монморанси — того самого, кто еще совсем недавно предлагал ему убежище в одном из своих владений.

Это был один из самых родовитых и знатных дворян Франции. Он не принадлежал к противникам Ришелье, скорее всего, даже относился к нему дружелюбно и уважительно. Но, на свою беду, он находился под сильным влиянием жены, ярой сторонницы Марии Медичи и Гастона Орлеанского. Герцогиня де Монморанси числила себя среди самых непримиримых противников кардинала, именно она толкнула мужа на путь государственной измены.

Весной 1632 года Монморанси открыто перешел на сторону Гастона, возглавив мятежную армию. Казнь Марильяка была запоздалым предупреждением Монморанси.

1 сентября 1632 г. в сражении при Кастельнодари королевская армия наголову разбила мятежников, а их предводитель Анри де Монморанси, получивший 10 серьезных ранений, был взят в плен. В обществе надеялись, что, учитывая высокое происхождение герцога, он будет прощен. Пошли многочисленные ходатайства к Людовику XIII и к Ришелье. «Нынешнее положение дел таково, что диктует потребность в большом уроке», — отвечал кардинал.

30 октября 1632 г. герцог де Монморанси, едва оправившийся от ран, был публично казнен. Эта казнь вызвала глубокое потрясение в обществе. Ведь речь шла о человеке, чья родословная насчитывала более 700 лет, о первом дворянине королевства, следующем после принцев крови, он был молод,

знатен, популярен и даже любим, это был сам символ древнего французского дворянства. Но король и здесь проявил полную солидарность со своим министром. Светским ходатаям за жизнь Монморанси Людовик XIII ответил, как и подобало примерному ученику кардинала Ришелье: «Я не был бы королем, если бы позволил себе иметь личные чувства».

Казнь Монморанси знаменовала триумф абсолютизма над сепаратизмом аристократии, чье сопротивление было сломлено стараниями Ришелье. Это событие подвело символическую черту, обозначившую завершение первого важного периода в правлении Ришелье. Каковы были его результаты? Они очевидны.

Прежде всего, ликвидировано «государство в государстве» — гугенотская республика, отведена реальная угроза территориальной целостности Франции со стороны Англии и Испании, нанесено первое поражение дому Габсбургов в Северной Италии, наконец, королевская власть утвердила себя перед аристократической оппозицией. Все это были бесспорные успехи, достигнутые благодаря неутомимой и целенаправленной деятельности кардинала Ришелье. Вместе с тем это было лишь начало. «…Реальные возможности, которыми располагал в ту пору французский абсолютизм, — отмечала А. Д. Люблинская. — были еще ограничены. Во всех областях внешней и внутренней политики центральную власть лимитировали многочисленные вредные старые и вновь возникшие привилегии различных сословий господствующего класса, безденежье, сепаратизм знати и юго-западных провинций, слабость на международной арене и многое другое. События 1625–1629 годов представляют собой любопытную во всех отношениях картину поисков кардиналом Ришелье средств и способов преодоления препятствий, стоявших на пути экономического и политического укрепления Франции, поисков, не всегда увенчивавшихся в те годы успехом».

Нельзя сказать, что Ришелье всё и всегда было ясно наперед. Разумеется, он имел перед собой общие ориентиры и даже более или менее конкретные цели, но реальная жизнь с ее неожиданностями и замысловатыми поворотами постоянно вносила свои поправки в планы и практическую деятельность министра-кардинала, иной раз, к глубокому огорчению Ришелье, она и вовсе перечеркивала некоторые из этих планов. Но он никогда не пасовал перед трудностями и мужественно продолжал осуществлять свой «великий замысел» — сделать Францию внутренне единой и сильной, процветающей и, наконец, уважаемой в Европе.

Господин главный государственный министр

Важнейшее место в деятельности министра-кардинала занимали вопросы гражданской администрации. Считая себя продолжателем дела Генриха IV, Ришелье насаждал централизацию, энергично борясь с сословным и провинциальным партикуляризмом. Он мечтал дать стране единые законы и единую, строго организованную администрацию. Под его непосредственным руководством и при самом активном участии сразу же после закрытия ассамблеи нотаблей началась работа по систематизации законодательных актов, продолжавшаяся до конца 1628 года.

В январе 1629 года Людовик XIII подписал ордонанс, получивший название «кодекса Мишо» (по имени хранителя печати Мишеля де Марильяка, считавшегося составителем этого документа). Действительным же его вдохновителем и редактором был кардинал Ришелье. Основные идеи «кодекса Мишо» можно найти во многих памятных записках, подававшихся кардиналом Людовику XIII, а также в его «Политическом завещании». По мнению Габриэля Аното, «кодекс Мишо» — «это первый опыт кодификации законов» во Франции- Он представлял собой систематизированное собрание правил и установлений, принятых в разное время Генеральными штатами и ассамблеями нотаблей, включая последнюю ассамблею 1626–1627 годов.

Красной нитью через «кодекс Мишо» проходит идея о королевской власти как о единственной, бесспорной власти во Франции. В нем подтверждались суверенные права государства в области финансов, во внутренней и внешней политике. Кодекс запрещал губернаторам, грандам и провинциальным чиновникам по собственной инициативе повышать налоги или вводить дополнительные обложения, осуществлять набор солдат, накапливать оружие и порох, укреплять крепости и замки, созывать открытые и тем более тайные ассамблеи — одним словом, делать все. что могло бы представлять угрозу для внутреннего мира и безопасности страны.

Как опытный политик Ришелье понимал: любое законодательство только тогда будет действовать, когда его будут проводить в жизнь заинтересованные люди. «Кодекс Мишо» с самого начала натолкнулся на глухое сопротивление парижского и провинциальных парламентов, губернаторов и аристократии, привыкших чувствовать себя в своих вотчинах бесконтрольными

удельными князьями. С большим трудом, прибегнув к прямому нажиму со стороны самого Людовика XIII, Ришелье удалось заставить парижский парламент зарегистрировать «кодекс Мишо».

Любопытно, что, когда хранитель печати Марильяк был казнен, парижский парламент воспользовался этим для того, чтобы фактически перестать руководствоваться кодексом в своей деятельности.

Перед мощной оппозицией «кодексу Мишо» Ришелье не оставалось ничего другого, как уповать на энергию его доверенных лиц в центральной и провинциальной администрации. Процесс формирования разветвленной бюрократической структуры был еще в начальной стадии, и Ришелье мог опираться не столько на аппарат, сколько на преданных ему людей. «В конце концов необходимо признать, — отмечает современный французский историк Виктор Тапье, — что он (Ришелье. — *П. Ч.*) управлял главным образом при помощи людей, а не через посредство институтов».

Клиентельная система при Ришелье переживала пору расцвета. В обстановке всеобщего недоброжелательства к себе, порождавшего частые заговоры, Ришелье вынужден был прибегать к помощи многочисленных родственников и проверенных помощников, предоставляя им важные посты в центральной и провинциальной администрации. Именно они — эти доверенные люди — претворяли в жизнь политику главного государственного министра. Разумеется, число их было ограниченно, а отсюда и недостаточная эффективность административно-реформаторской деятельности Ришелье.

Одним из наиболее серьезных противников министра-кардинала помимо столичной аристократии были парламенты, откровенно претендовавшие на то, чтобы разделять власть с королем. В эпоху Людовика XIII наряду с парижским парламенты существовали еще в восьми городах Франции: Тулузе, Гренобле, Бордо, Дижоне, Руане, Ренне, По и Эксе. В 1633 году по инициативе Ришелье был создан парламент в Меце. Эта мера была продиктована стремлением прочнее привязать Лотарингию к Франции, оторвав ее от Империи.

Самое серьезное сопротивление усилению абсолютизма оказывал парижский парламент, взявший себе за правило всячески затягивать регистрацию королевских эдиктов. Особое упорство парламенты проявляли в отношении тех эдиктов, которые касались финансово-налоговых вопросов. Абсолютизм в лице Людовика XIII и его первого министра не мог долго мириться с посягательствами на свою власть.

В 1641 году королевская декларация официально запретила парламентам всякое вмешательство в дела государственной администрации. Преамбула этой декларации выразила всю суть внутренней политики Ришелье, направленной на укрепление абсолютизма. «Установление монархий, основанных на единоличной власти, — говорилось в документе, — является залогом существующего в них порядка, который сообщает им столько же силы и могущества, сколько и совершенства. Но, так же как эта абсолютная власть возносит государства на высшую ступень славы, эта слава развеивается, как только власть слабеет. Для подтверждения данной истины достаточно примера Франции… прискорбные беспорядки и расколы Лиги, которые должны быть преданы вечному забвению, берут свое начало и усиливаются из-за пренебрежительного отношения к королевской власти… Генрих Великий, в котором по милости Божьей соединились самые высшие добродетели великого государя, унаследовав корону от Генриха III, своими достоинствами возвысил королевскую власть, которая была весьма принижена и повержена. Франция вновь обрела свою изначальную силу и показала всей Европе, что держава, воплощенная в личности сюзерена, является источником славы и величия монархий, а также фундаментом, на котором они держатся. Мы посчитали необходимым упорядочить систему правосудия и показать нашим парламентам, как законно пользоваться властью, которой их наделили предшествующие нам короли, и мы озабочены тем, чтобы задуманное на благо народа не привело к противоположным результатам, как может случиться, если чиновники, вместо того чтобы удовольствоваться властью, позволяющей им держать в своих руках жизнь людей и имущество наших подданных, захотят заняться управлением государством, что составляет исключительную компетенцию государя».

На протяжении всех 18 лет своего правления кардинал Ришелье последовательно и целеустремленно вел наступление на права парламентов и провинций, лишая их политических полномочий и региональных свобод. Там, где оказывалось открытое неповиновение, Ришелье прибегал к принуждению. Провинциальные парламенты вынуждены были склонить голову перед натиском первого министра, и лишь парижский парламент мог изредка позволить себе неповиновение.

Сопротивление усилению королевской власти пытались оказывать и провинциальные сословные ассамблеи (штаты провинций), созывавшиеся для обсуждения региональных проблем. Наибольшую активность в этом отношении проявляли штаты Лангедока, Бретани. Бургундии, Дофине, Прованса и

графства По — провинций, издавна обладавших широкой свободой самоуправления. Правда, все эти ассамблеи созывались, как правило, по распоряжению короля, который определял сроки и продолжительность их работы.

Позиция провинциальных штатов в отношении правительства в определенной степени зависела от их состава. В штатах Бретани, например, имели право заседать все дворяне провинции, в то время как число представителей от третьего сословия ограничивалось лишь 40 депутатами. В Лангедоке, напротив, дворянство располагало 23 депутатскими местами, а третье сословие — 68. Поддержка мятежа Монморанси в Лангедоке и Дофине стоила этим провинциям утраты большей части их прежних свобод. Еще в 1628 году Ришелье добился окончательного роспуска без права нового созыва штатов Дофине, воспротивившихся его налоговой политике. С огромным трудом удалось сохранить остатки внутренней автономии штатам Бургундии и Прованса, где сильны были позиции крупных земельных собственников. Зато в Бретани тон задавали мелкопоместные дворяне, поддержавшие Ришелье в борьбе с губернатором провинции герцогом Вандомом, замешанным в «заговоре Шале». Уже в 1626 году органы самоуправления Бретани изъявили готовность подчиниться воле первого министра.

Политика Ришелье в отношении провинций была направлена на ослабление влияния своевольной аристократии, рассматривавшей провинции как свои неотчуждаемые владения. Ришелье понимал, что именно там, в провинциях, скрыты корни влияния аристократии. Только обрубив эти корни, он мог надеяться окончательно подчинить грандов государственной власти. Положение осложнялось тем, что все эти Вандомы, Гизы, Монморанси, Бельгарды, Суассоны и Роаны стояли во главе крупных губернаторств и наместничеств, активно препятствуя новой административной политике министра-кардинала. Ришелье с искренней горечью писал в «Политическом завещании»: «Губернаторства во Франции почти все так мало полезны…»

Всемерно ослабляя старые структуры власти, Ришелье последовательно насаждал новые. По его убеждению, провинциальная администрация должна была стать в полном смысле правительственной. Представитель центральной администрации должен сосредоточить в своих руках всю полноту власти, к тому же отчитываться только перед правительством.

В 1637 году министр-кардинал унифицировал провинциальную администрацию, создав для каждой провинции

должности интендантов юстиции, полиции и финансов, которые стали реальным противовесом отмиравшей власти губернаторов. Нередко на должности интендантов назначались выходцы из буржуазных слоев, доказавшие безусловную верность лично Ришелье и проводимой им политике. Интенданты сосредоточили в своих руках практически всю административную власть, оказав правительству действенную поддержу в преодолении местничества и сепаратизма губернаторов, провинциальных штатов и парламентов. Институт интендантов несомненно сыграл важнейшую роль в утверждении абсолютной монархии, которой, в отличие от сословной, нужны были не союзники, а только подданные.

Навязчивое стремление к унификации и централизации, при всем их исторически прогрессивном значении, несло в себе и очевидные издержки. Подавление легальной оппозиции, ликвидация сословных и провинциальных свобод затрудняли, хотя и не могли остановить развитие гражданского общества во Франции. Ришелье создавал централизованное, бюрократизированное государство, полностью игнорируя интересы гражданского общества, постоянно попирая их. что и определило непрочность его творения. Внешне внушительное здание французской абсолютной монархии, создававшееся стараниями Ришелье, довольно быстро обветшало и пришло в негодность, лишенное поддержки общества.

* * *

«Великолепный министр иностранных дел. умелый военный министр и никудышный министр финансов» — так оценивал способности Ришелье в области финансово-экономической политики французский историк XIX века виконт д'Авенель. Данная точка зрения, казалось, подтверждается и самим кардиналом, который в одном из писем к сюринтенданту финансов Бюльону писал: «Я настолько признаю свое невежество в финансовых делах, а Вас считаю в них столь сведущим, что единственное мое пожелание Вам состоит в том, чтобы Вы подбирали себе людей, наиболее подходящих для королевской службы».

Тем не менее многие историки, специально изучавшие этот вопрос, пришли к выводу, что в области финансовой политики Ришелье проявил столь же незаурядные способности, как и в других областях.

Надо признать, что в сфере финансов Ришелье досталось

тяжелое наследство. «Наихудшим злом для французской экономики в эти годы был царивший в ней беспорядок», — подчеркивает Тапье. Общая дезорганизация, непомерное возрастание налогов, денежный голод, иностранная конкуренция и растущая дороговизна жизни — таков порочный круг, который должен был разорвать Ришелье. Положение осложнялось тем, что успешно лечить финансово-экономические недуги можно было только в условиях длительного мира, а именно такой возможности министр-кардинал и не получил. Едва покончив с внутренними волнениями, он втянул страну в изнурительную европейскую войну, поставив под сомнение выполнение своих финансово-экономических проектов.

В «Политическом завещании» Ришелье разработал конкретные планы финансовой политики «для мирного времени», но не успел их осуществить, так как за 18 лет его правления лишь четыре года (1630–1634 гг.) пришлись на относительно мирный период. Идеи и соображения в области управления финансами Ришелье черпал из современной литературы, из докладных записок, составлявшихся по его поручению, из частных бесед со знающими людьми. Его взгляды здесь вполне соответствовали духу эпохи, тому, что мы называем меркантилизмом. Как и большинство его современников, Ришелье считал первейшим условием процветания государства изобилие в нем звонкой монеты. В отличие от Испании, получавшей золото из своих заморских владений, Франция могла надеяться привлечь к себе золото и серебро главным образом путем развития экспорта при минимальном импорте. Но здесь все упиралось в крайне ограниченные производственные возможности аграрной страны с ее закрытой экономикой. Крестьянство, составлявшее основную массу населения Франции, жило в условиях натурального хозяйства, едва сводя концы с концами. С землей была связана большая часть дворянства и даже городской буржуазии. Ограниченность потребностей у подавляющей массы французов накладывала отпечаток на всю экономику страны, пребывавшую в застойном состоянии. Ришелье не мог не понимать, что наращивание производства товаров невозможно в условиях постоянного усиления налогового бремени. Непоследовательность его финансово-налоговой политики заключалась в том, что, будучи противником дальнейшего повышения налогов, он тем не менее вынужден был постоянно прибегать к этой испытанной мере выкачивания средств, необходимых для ведения войны.

Большие надежды Ришелье возлагал на развитие внешнеэкономических связей, чему активно пытался

содействовать. «Трудно поверить… — заметил французский исследователь экономической политики Ришелье Анри Озе, — что этот кардинал от государства находил время интересоваться сукнами, полотнами, шелками, пряностями, маслами и красителями, солью, квасцами, шафраном, ковким и хрупким железом».

Взгляды Ришелье на финансы и экономику Франции впервые подробно были изложены им на ассамблее нотаблей в 1626 году. Впоследствии он развил и уточнил их в «Политическом завещании».

«Давно уже считается, — писал Ришелье, — что финансы — это нервы государства, и действительно они составляют ту точку опоры, которая, согласно Архимеду, позволяет перевернуть весь мир. Нуждающийся государь не может предпринимать никакие славные деяния, ибо нужда порождает презрение к нему и государство оказывается под угрозой нападения со стороны его врагов и завистников.

…Нужно, чтобы деньги, получаемые государем от своих подданных, не превышали их возможностей и не только не разоряли, но и не наносили имуществу значительного ущерба… Беря от своих подданных больше, чем положено, государь истощает их любовь и верность, гораздо более необходимые для существования государства и сохранения его особы, чем золото и серебро, которые он может поместить в свою казну… Однако не следует требовать и меньше, чем это необходимо для государства. …Чтобы избежать необходимости собирать большие налоги, нужно как можно меньше расходовать, а в этом смысле нет лучшего средства, чем устранение всякого расточительства и осуждение всего, что ему способствует.

Франция была бы очень богата и народ очень многочислен, если бы не растрата общественных денег, которые в других государствах расходуются с толком. На мой взгляд, она теряет больше денег, чем другие королевства, претендующие на определенное равенство с ней».

Ришелье высказывался против обременительных займов и повышения налогов, неизбежно приводящих к дороговизне, упадку внутренней торговли, сокращению экспорта и земельной ренты, в результате же — к опасному росту недовольства. Однако из этого вовсе не следует, что кардинал отличался состраданием к народу, к его бедственному положению. Свое отношение к народу он четко определил все в том же «Политическом завещании». «Все политики согласны в том, — писал Ришелье, — что ежели народ будет пребывать в чрезмерном достатке, то станет невозможно держать его в правилах его обязанностей…

Его можно сравнить с мулом, привычным к поклаже. От продолжительного отдыха он портится больше, чем от работы. Но работа эта должна быть соразмерна силе этого животного. Так же следует поступать и с народом…»

Ришелье убежден, что размер налога не может определяться одной лишь волей государя. «Это должен делать разум, и если государь переступает границы, отбирая от подданных больше, чем нужно, то, хотя они и обязаны повиноваться ему в этом, он будет отвечать за все перед Богом, который потребует от него строгого отчета». По мнению Ришелье, нет никаких политических соображений в пользу неоправданного повышения налогов.

«Я знаю. — продолжает Ришелье, — что в крупном государстве всегда необходимо иметь запас денег на непредвиденные расходы, но такие накопления должны быть пропорциональны богатству государства и количеству обращающихся в нем золотых и серебряных монет. В противном случае богатство государя обернется бедностью, поскольку подданные не будут иметь денег как для торговли, так и для уплаты налогов, пополняющих казну суверена.

Подобно тому как необходимо заботиться о накоплении денег для удовлетворения государственных нужд и добросовестно их сократить при отсутствии причин для их расходования, не менее необходимо свободно их тратить, если того требует общественное благо, и делать это к месту и вовремя: зачастую урезывание в таких случаях дорого обходится государству и заставляет терять невозвратное время.

Нередко случалось, что ради сохранения своих денег государи теряли вместе и деньги, и государство. Известно также, что тот, кто тратит неохотно, расходует порой больше других, так как делает это слишком поздно. Требуется немало рассудительности, чтобы предугадать наиболее важный час и момент, и тот, кто способен накоплять, может из-за неумения расходовать вызвать несказанные бедствия».

Как ни был настроен Ришелье против чрезмерных налогов и займов у финансистов, в практической политике он постоянно вынужден был прибегать и к тому и к другому, особенно начиная с 1635 года, когда Франция вступила в Тридцатилетнюю войну. Налоги и займы давали правительству крупные суммы, необходимые для содержания многочисленной, в подавляющей массе наемной армии. «Невозможно держать гарнизоны, если не оплачивать их наличными, — с горечью писал Ришелье сюринтенданту финансов Бюльону 18 ноября 1638 г. — Я прекрасно знаю, что господа советники заявят, что они составили на это смету, но такие заявления лишены всякого смысла, если

деньги не припасены заранее. Вот теперь мне стало известно, что одна из крепостей королевства, расположенная неподалеку от противника, находится в очень плохом состоянии, так как гарнизон разбежался из-за того, что солдатам не выплачивали жалованья. Господам финансовым советникам гораздо легче собрать деньги, чем нам набрать солдат. Собранные деньги уже не исчезнут, а набранные солдаты сразу же разбегаются».

В целом финансово-экономические проекты Ришелье вполне могли быть реализованы, если бы не война. Кардинал надеялся на скорое окончание военных действий и думал сам претворить в жизнь свои проекты, но этому не суждено было сбыться. Задуманные им реформы были осуществлены лишь спустя два десятилетия после его смерти. В принципе Ришелье не изобрел ничего нового, он лишь продолжал линию Генриха IV и Сюлли.

* * *

Исторический портрет Ришелье был бы неполным без хотя бы краткой характеристики активной деятельности кардинала на ниве культуры и просвещения.

Как известно, ни один режим и ни одно правительство в истории не основывали свою власть исключительно на силе принуждения. Они всегда нуждались в идеологическом обосновании власти и стремились обеспечить себе идейную поддержку в обществе хотя бы по основополагающим вопросам. Необходимости создания такого рода консенсуса не избежал и главный государственный министр Франции — кардинал Ришелье. В своей энергичной борьбе за национальное единство страны он широко использовал не только административные меры и силу оружия, но и не менее эффективные средства культурно-идеологического воздействия. «Ришелье взялся за эту задачу, используя на благо короля… науку, литературу и искусства, с настойчивостью и прозорливостью заботясь о необходимых преобразованиях, которые, как представляется, превратили его в одного из виднейших поборников единства нации…» — подчеркивал член Института Франции Ролан Мунье на открытии международного научного коллоквиума «Ришелье и культура», состоявшегося в Париже в ноябре 1985 года.

В сфере культуры Ришелье осуществлял монопольное руководство, поскольку Людовик XIII был совершенно безразличен к ней, целиком и полностью полагаясь здесь на своего министра. Одним из первых, если не самым первым в Европе, Ришелье пытался осуществлять государственное

руководство культурой, направляя ее развитие в нужном правительству русле. Это можно проследить буквально во всем: в печати, сфере образования, науке, литературе и театре, живописи и архитектуре.

Первостепенное значение Ришелье придавал пропаганде правительственной политики. Он первым понял необходимость идеологического воздействия на широкое общественное мнение. Не довольствуясь малотиражным официальным изданием «Меркюр франсе», выходившим всего раз в год, Ришелье поручил Теофрасту Ренодо, своему доверенному человеку, врачу по специальности, наладить регулярный выпуск официозной «Газет», первый номер которой вышел 30 мая 1631 г.

Издавая и широко распространяя как внутри страны, так и за ее пределами «Газет», Ришелье постарался установить государственную монополию на информацию. Он был убежден, что стране нужна только та информация и только в том освещении, которые выгодны правительству, отвечают интересам его политики. Как внутренняя хроника, так и сообщения из других стран подвергались самой тщательной обработке. Создать благожелательное правительству общественное мнение — такова была задача, поставленная Ришелье перед редактором «Газет». Кардинал не только сам постоянно писал в «Газет» (разумеется, анонимно), но и приобщил к «журналистике» самого Людовика XIII.

«Газет» сыграла важную роль в подготовке общественного мнения накануне вступления Франции в Тридцатилетнюю войну в 1635 году. На ее страницах регулярно помещались статьи, обличающие захватнические, гегемонистские притязания Испании и Империи. Читателю настойчиво внушалась мысль о том, что война против Габсбургов не противоречит интересам католической религии, отнюдь не идентичным интересам короля Испании и императора, такая война имеет сугубо оборонительный, «справедливый» характер, так как на карту поставлена сама судьба Франции. Редактор «Газет» не жалел черной краски в изображении «несправедливостей», чинимых испанцами и имперцами в многострадальной Германии.

Воспользовавшись затишьем, наступившим в стране после 1629 года, Ришелье решил заняться реконструкцией Парижа, начав с альма-матер — Сорбонны. Он задумал не только архитектурную реконструкцию старейшего университета, но и его внутреннюю реорганизацию, открыв там ряд новых кафедр и основав коллеж, которому дал свое имя.

Реконструкция Сорбонны, которую Ришелье доверил своему личному архитектору Жаку Лемерсье, началась в 1635 году. 15

мая 1635 г. кардинал заложил первый камень в строительство церкви Сорбонны, где впоследствии завещает похоронить себя. Еще в 1630 году он выделил на нужды строительства 52 тысячи ливров из личных средств. Тогда же передал университету часть своей библиотеки; после смерти Ришелье, согласно его завещанию, Сорбонна унаследует все богатейшее собрание книг кардинала.

При Ришелье средневековый Париж превращается в город нового времени. Сносятся ветхие дома и целые кварталы, на их месте появляются новые здания и площади. Ришелье приобрел старый квартал по соседству с Лувром, где Жак Лемерсье построил для него великолепную резиденцию — Пале-Кардиналь. Впоследствии кардинал подарит дворец Людовику XIII, и он станет называться Пале-Рояль.

Министр-кардинал приказывает проводить ежеутреннюю очистку мостовых и отдает распоряжение создать сеть канализации и водоснабжения.

Всю жизнь Ришелье питал особую слабость к литературе и языку, считая себя знатоком в этой области. Он и сам, грешным делом, был не чужд ремеслу писателя, вернее — драматурга. Ему принадлежало несколько пьес, которые ставились в театре и даже имели успех: «Большая пастораль», «Смирнский слепой», «Мирам», «Европа»… Аплодисменты доставляли ему истинное наслаждение. Однажды, работая со своим литературным помощником Демаре, Ришелье неожиданно спросил:

— Как вы думаете, месье, что доставляет мне наибольшее удовольствие?

— По всей видимости, монсеньор, трудиться на благо Франции, — учтиво ответил литератор.

— Вовсе нет, — возразил кардинал. — Писать стихи.

Несомненно, у него был тонкий литературный вкус, который, правда, несколько портили сильные политические пристрастия. В своих собственных сочинениях Ришелье стремился не столько к изысканности стиля, сколько к ясности мысли и простоте формы.

Он покровительствовал кружку литераторов, регулярно собиравшихся в доме маркизы де Рамбуйе на улице СенТома-дю-Лувр. В числе постоянных посетителей салона мадам Рамбуйе были Малерб, Бенсерад, Вуатюр, Жан Луи Бальзак, Ракан, Конрар, Вожела, Шаплен — цвет тогдашней литературной Франции. Ришелье получал сведения об этих «конференциях» от аббата де Буаробера, одного из своих секретарей, также завсегдатая салона.

Регулярные встречи литераторов натолкнули Ришелье на неожиданную мысль, очень скоро овладевшую им безраздельно, — создать своего рода академию, миссия которой

состояла бы в том, чтобы совершенствовать французский язык и способствовать «правильному» развитию французской литературы. Настойчивое стремление Ришелье к упорядочению государственной и политической жизни было распространено им и на культуру, где он попытался дисциплинировать не только язык, но и мысль. И здесь он выступал прежде всего и главным образом как политик, убежденный, что единое государство немыслимо без единого языка, без единой культуры. Его мысли шли еще дальше: он вознамерился превратить французский язык во всемирный, в средство международного общения. Когда-то таким языком был древнегреческий, уступивший затем место латыни. Теперь настал черед французского языка — так считал министр-кардинал, имевший привычку проводить свои идеи в жизнь.

В марте 1634 года был составлен проект одного из самых оригинальных институтов, когда-либо существовавших во Франции, — Французской академии. После соответствующей доработки проект был утвержден Людовиком XIII. 10 февраля 1635 г. стало днем рождения Французской академии, существующей уже более 350 лет. Кардинал Ришелье был назначен ее первым главой и покровителем.

Формально функции академии ограничивались совершенствованием французского языка, в действительности же с самого начала она стала общекультурным центром. Разрабатывая статут академии, Ришелье отказался от узкопрофессиональной ее ориентации в пользу общекультурной и даже политической. Он мыслил Французскую академию как своего рода интеллектуальный Олимп. Именно поэтому в числе «сорока бессмертных» наряду с литераторами Шапленом и Конраром оказались канцлер Сегье, дипломаты Ботрю и Сервьен. математик Баше и врач Лашамбр… При Людовике XIV во Французской академии получили представительство военачальники и деятели церкви. До сего дня детище Ришелье принимает в свой состав помимо наиболее крупных писателей также политических и военных деятелей, ученых… На исходе XX столетия Французская академия по-прежнему представляет собой своеобразное собрание нотаблей.

Способствуя выращиванию интеллектуальной элиты, Ришелье вместе с тем был далек от того, чтобы поощрять свободу мысли, устранить государство от контроля за духовным развитием общества. На всем протяжении своей политической деятельности он пытался направлять этот процесс в интересах абсолютистского государства. Он ввел за правило, что литературные произведения, вызывавшие сомнения по части политической благонадежности,

направлялись на заключение во Французскую академию. В случае возникновения конфликтов окончательное решение о судьбе произведения выносил сам кардинал Ришелье.

Так было и с трагедией «Сид», принадлежащей создателю французского национального классицистического театра Пьеру Корнелю. Ришелье поначалу усмотрел в «Сиде» завуалированную попытку защитить идеалы и обычаи феодальной эпохи, когда гранды осмеливались противостоять королевской власти, к тому же пьеса была на испанский сюжет, а Франция в это время (конец 1636 — начало 1637 г.) уже находилась в состоянии войны с Испанией. Кардинал направил пьесу на отзыв во Французскую академию, которая высказала негативное отношение.

И все же Ришелье сумел подняться выше узкополитических соображений, оценив талант драматурга. Он дал разрешение на постановку пьесы, имевшей шумный успех. С этого времени Ришелье взял Корнеля под свое покровительство, определив ему солидную пенсию. В то же время контролировал творчество выдающегося драматурга, а порой и вмешивался в творческий процесс. Корнель в полной мере познал «и барский гнев, и барскую любовь». Свое отношение к Ришелье он выразил в следующих строках, написанных на смерть кардинала:

> Пусть всяко говорят о кардинале легендарном.
> И проза, и стихи мои хранят о нем молчанье,
> Он слишком добрым был ко мне — как быть неблагодарным? —
> Но столь жесток, что не найти и слова в оправданье.[16]

С Корнелем связан триумф классицизма в драматургии и литературе, воспевавшего пафос гражданских и государственных идей, оптимизм, героику, высокое нравственное начало. Надо сказать, Корнель понимал значение политических усилий Ришелье, высоко ценил его, несмотря на все давление, которому подвергался со стороны кардинала. Он видел всю разницу между великим реформатором и его посредственным преемником кардиналом Мазарини и в пьесе «Никомед» (1651 г.) выразил свое отношение к ним обоим.

Ришелье был убежден, что государственная власть если и не может создавать таланты (в конце концов, это промысел Божий), то просто обязана обеспечивать благоприятные условия писателям, художникам и ученым. Ришелье первым начал осуществлять государственные дотации театру. Традиция эта привилась и жива до сих пор, причем не в одной только Франции. Отдельные театральные труппы при нем получали от 6 до 12

тысяч ливров ежегодных субсидий. Он же стал выплачивать пенсии литераторам, соответственно требуя от них служения не одной только музе, но и государству. К слову сказать, сразу же после смерти Ришелье Людовик XIII отменил выплату пенсий литераторам, сказав при этом: «Нас это больше не касается». Литературный мир Франции в полной мере мог оценить значение Ришелье лишь после его смерти, как это сделал поэт Исаак де Бенсерад в шутливой «Эпитафии кардиналу Ришелье»:

> Тут спит великий кардинал.
> Как много мир наш потерял!
> Но громче всех рыдаю я:
> Лежит с ним пенсия моя.[17]

Торжество классицизма в литературе и искусстве в «эпоху Ришелье» сочеталось с утверждением рационализма в философии, окончательно порвавшей со средневековой схоластикой. «Cogito, ergo sum!»[18] — воскликнул современник Ришелье Рене Декарт. Его знаменитый трактат «Рассуждения о методе» появился в один год с «Сидом» Корнеля. Будущее сблизит имена Ришелье, Корнеля и Декарта: каждый из них по-своему и все вместе выражали политические и философские идеи, художественно-эстетические принципы нового времени.

При всей неоднозначности и противоречивости общий итог деятельности Ришелье на ниве культуры все же может быть оценен положительно, поскольку она, эта деятельность, безусловно способствовала прогрессу просвещения и росту талантов, подготавливая наступление «золотого века».

В этом смысле и сам Ришелье являл собой колоритную личность, наделенную многими талантами помимо его известных качеств государственного деятеля. Он был не только драматургом и писателем, но также художником в музыкантом, знатоком античности и Возрождения, меценатом и коллекционером. У него была одна из самых богатых библиотек, его коллекция из 250 картин только в Пале-Кардиналь была представлена полотнами Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Караваджо, Пуссена, Рубенса, Бассано, Клода Лоррена и многих других выдающихся художников. Облик самого Ришелье дошел до нас в основном благодаря картинам Филиппа де Шампеня и гравюрам Жака Калло, на которых Ришелье как бы олицетворял идею торжествующей абсолютной монархии, Ришелье, поглощенный внутренними делами, с растущей тревогой наблюдал за развитием европейского конфликта: маятник войны явно качнулся в сторону Габсбургов, угрожая интересам не только

германских протестантских княжеств, но и других государств Европы, прежде всего Франции.

После побед, одержанных Габсбургами в Чехии и Пфальце, Фридрих V, пфальцграф и король чешский, лишился обеих корон. Их поделили между собой император Фердинанд II и курфюрст Максимилиан Баварский. Отныне в избирательной коллегии Империи насчитывалось пять католиков и лишь два протестанта (курфюрсты Саксонский и Бранденбургский). Протестантские князья в Германии могли рассчитывать только на помощь извне. Попытка Англии перебросить войска на континент окончилась неудачей, после чего все надежды германских протестантов устремились к датскому королю Христиану IV. В свою очередь, Христиан IV обратился за финансовой помощью к Англии, Соединенным провинциям и Франции, заключившим между собой союз в 1624 году.

Как трезвомыслящий политик, Ришелье не мог допустить закрепления успехов Фердинанда II и Филиппа IV Испанского. Это означало бы утверждение габсбургской гегемонии на континенте. В то же время Франция по целому ряду причин не была готова непосредственно включиться в войну. Оставалось действовать за кулисами, оказывая противникам Габсбургов дипломатическую и, что не менее важно, финансовую поддержку. С самого начала Ришелье взял на себя роль закулисного режиссера и кредитора всех антигабсбургских коалиций. «Его мысль, — отмечал профессор Б. Ф. Поршнев, один из лучших знатоков истории Тридцатилетней войны, — была направлена на поиски союзников, руками которых Франция могла бы воевать и против этого противника (Габсбургов. — *П. Ч.*), не ввязываясь по возможности сама в военные действия, а опираясь преимущественно на свои финансовые ресурсы. Он искал союзников в любой части Европы. Это характерная черта Ришелье как дипломата. Если в политических планах Габсбургов Европа всегда являлась чем-то единым, ибо они предвосхищали в ней свое будущее безраздельное владение, то и Ришелье, естественно, противопоставил им дипломатию, исходившую из идеи Европы как целого. Его замыслы и комбинации всегда являлись всеевропейскими, и в этом их сила. Уже в самом начале своего правления Ришелье высказал гениальную мысль, к которой вполне присоединилось затем и правительство Голландской республики: гибельной для Империи война явится только в том случае, если это будет война на два фронта… Кто должен открыть два фронта в Германии? По замыслу Ришелье, это должны быть датчане на западе и шведы на востоке». С этой целью Ришелье отправляет два специальных посольства: Деэ де Курменена в

Данию и барона де Шарнасе в Швецию.

Дания оказалась в большей степени готовой вступить в войну на стороне протестантской коалиции: во-первых, она сознавала угрозу со стороны католической реакции в Германии, а во-вторых, рассчитывала на территориальные приобретения на южном побережье Балтийского моря. Что касается Швеции, то она в это время была занята войной с союзником Габсбургов Польско-Литовским королевством (Речью Посполитой) и по этой причине не имела ни желания, ни возможности воевать еще и с самим Фердинандом II.

Германским протестантским князьям и их закулисному покровителю кардиналу Ришелье оставалось рассчитывать только на Христиана IV Датского.

В 1625 году Христиан IV при содействии князей Нижней Саксонии вторгся с 60-тысячной армией во владения Фердинанда II, захватив Везерское епископство. Король Дании объявил о намерении восстановить в Пфальце власть Фридриха V, отобрав пфальцграфство у Максимилиана Баварского. Возобновившаяся война с самого начала была неудачной для Христиана IV; его армии пришлось вступить в борьбу с двумя талантливыми полководцами Империи — графом Иоганном Тилли и Альбрехтом Валленштейном.

Тилли происходил из знатного люттихского рода, он отличился в войнах в Нидерландах и Венгрии. Перейдя на службу к Максимилиану Баварскому, Тилли создал ему первоклассную армию. Несомненные военные дарования сочетались у Тилли со слепым религиозным фанатизмом, крайней нетерпимостью и жестокостью. «Его духовному складу соответствовала причудливая и ужасающая наружность, — отмечал Фридрих Шиллер в своей „Тридцатилетней войне“. — Маленький, тощий, со впалыми щеками, длинным носом, широким морщинистым лбом, торчащими усами и заостренным подбородком, он ходил обыкновенно в испанском камзоле из светло-зеленого атласа с разрезными рукавами, в маленькой шляпе с огромным красным страусовым пером, ниспадавшим на спину. Всем своим обликом Тилли напоминал усмирителя Фландрии герцога Альбу, и это впечатление еще усиливалось его действиями».

Валленштейн родился в семье чешского дворянина-протестанта. Рано осиротев, воспитывался одним из своих дядьев-католиков, который и обратил его в католицизм. Удачная женитьба принесла Валленштейну помимо богатого приданого расположение эрцгерцога Фердинанда Штирийского (будущего императора Фердинанда II). Валленштейн участвовал в многочисленных походах против турок, венецианцев, чехов,

венгров и трансильванцев. Он был с Фердинандом II в самые тяжелые для императора дни и стал для него едва ли не ближайшим помощником и советником. Второй, еще более удачный брак принес Валленштейну новые земельные владения. Император осыпал своего любимца знаками внимания и бесконечными подарками. В 1624 году он пожаловал ему титул герцога Фридландского. Растущее влияние Валленштейна, не привыкшего считаться с кем бы то ни было, неизбежно порождало завистников и врагов, первым из которых был Максимилиан Баварский.

Когда Христиан IV начал войну с Фердинандом II, Валленштейн на собственные средства взялся набрать 30-тысячную армию, не обременяя императора огромными расходами. «Не было человека, который не издевался бы над этим предложением как над химерическим созданием увлекающегося ума, но попытка оправдала бы себя даже в том случае, если бы он выполнил лишь часть своего обещания, — писал Шиллер в „Тридцатилетней войне“. — Через несколько месяцев под его знаменами стояли 20 тысяч человек, которых он повел за пределы Австрии. Вскоре он появился на границе Нижней Саксонии уже с 30 тысячами. Для всего этого начинания, — подчеркивал Шиллер, — император не дал ничего, кроме своего имени. Слава полководца, виды на блестящее повышение и надежда на добычу привлекали удальцов со всех концов Германии под его знамена, и даже влиятельные князья под влиянием корыстолюбия или из жажды славы вызывались теперь поставлять войска для Австрии». В 1626 году, перед решающими сражениями, у Валленштейна уже была превосходно оснащенная 50-тысячная армия. К слову сказать, понесенные расходы Валленштейн впоследствии с лихвой возместил. Шиллер указывает, что за свое семилетнее командование имперской армией Валленштейн постоянными вымогательствами, поборами и прямым грабежом собрал в Германии 60 миллиардов талеров. «Чем чудовищнее были вымогательства, тем обширнее становились его военные запасы, тем охотнее, стало быть, стекались под его знамена: весь мир гонится за счастьем. Его армия все увеличивалась, а земли, по которым она проходила, быстро хирели. Но какое ему было дело до проклятий, несшихся из областей, до воплей государей? — с горьким сарказмом замечал Шиллер. — Войско Валленштейна боготворило его, а само преступление давало ему возможность смеяться над всеми его последствиями».

Первое решающее сражение этого периода войны произошло 25 апреля 1626 г. при Дессау на Эльбе, где встретились армия Валленштейна и войска германских протестантов, возглавляемые

Мансфельдом. Ловким маневром Валленштейну удалось отвлечь внимание Мансфельда и неожиданно ударить с тыла, вынудив его поспешно покинуть занятые позиции, оставив там 3 тысячи убитых. Мансфельд отступил в Бранденбург, где попытался пополнить армию.

Второе сражение, определившее судьбу всей кампании, произошло 27 августа 1626 г. у деревни Луттер в Брауншвейге. На этот раз войска Тилли наголову разгромили армию Христиана IV, потерявшую на поле боя более 4 тысяч убитыми, 60 знамен и всю артиллерию. В результате Тилли овладел Везером и очистил от датчан всю территорию Брауншвейга. В последующих менее крупных сражениях в Силезии и Мекленбурге войска Валленштейна и Тилли закрепили эти две решающие победы. Валленштейн выходит к Балтийскому морю и по приказу императора начинает спешно строить флот и береговые укрепления. В 1628 году он предпринимает попытку овладеть морской крепостью Штральзунд, находящейся под защитой шведского гарнизона, но терпит неудачу. Тем не менее Фердинанд II жалует своему любимцу громкое звание «Генерала Балтийского и Океанического морей», а сам Валленштейн начинает именовать себя не иначе как «генералиссимус императора на море и на суше». Военные приготовления Валленштейна, недвусмысленно указывавшие на подготовку вторжения в Данию со стороны моря, побудили Христиана IV пойти на мирные переговоры с Фердинандом II. 7 июня 1629 г. эти переговоры завершились подписанием Любекского мирного договора, провозгласившего возвращение к довоенному status quo. Дания признала свое поражение и отказывалась от каких-либо территориальных притязаний в Германии. Совершенно очевидно, что Любекский мир означал новый триумф католического дела и лично Фердинанда II.

Император спешит закрепить свой успех, подписав в том же, 1629 году так называемый Реституционный эдикт, согласно которому католическим князьям Германии должны быть возвращены все секуляризованные после 1552 года церковные земли, отошедшие к протестантам. Попытка росчерком пера ликвидировать одно из важнейших завоеваний Реформации, конечно же, была обречена на неудачу. Более того, именно Реституционный эдикт, предполагавший перекраивание политической карты Германии в пользу императора, герцога Баварского и других католических князей, вызовет всеобщее недовольство германских протестантов, что приведет к новому обострению внутригерманского конфликта.

Тем не менее так называемый датский период

Тридцатилетней войны завершился победой Габсбургов.

* * *

Упоенный победой, Фердинанд II в 1630 году созвал в Регенсбурге общегерманский сейм с целью, как было официально объявлено, поиска путей полного умиротворения Германии. Уже на этом сейме император впервые столкнулся с решительным сопротивлением протестантских князей Реституционному эдикту. Защитники протестантского дела в Германии нашли энергичную поддержку со стороны французской дипломатии: в Регенсбург прибыл эмиссар Ришелье — вездесущий отец Жозеф. Он довольно быстро разобрался в ситуации, сумев использовать в интересах Франции не только давних союзников-протестантов, но даже самого вождя Католической лиги Максимилиана Баварского. Проницательный капуцин сразу же уловил то скрытое недоброжелательство, которое герцог Баварский испытывал к герою завершившейся кампании Валленштейну. Не вступая в прямой сговор с Максимилианом, отец Жозеф умело действовал заодно с ним. Разница была лишь в том, что Максимилиан настойчиво добивался лишь отставки ставшего слишком популярным Валленштейна (благо война окончена), а отец Жозеф преследовал более далекие цели — ослабление военной мощи габсбургской империи.

Одержанные победы настолько вскружили голову Валленштейну, что его поведение стало совершенно невыносимым. Особое возмущение вызывали бесчинства возглавляемой Валленштейном армии. Курфюрст Бранденбургский оценивал убытки своего княжества в 20 миллионов талеров, курфюрст Померании называл цифру 10 миллионов, а курфюрст Гессена — 7, примерно в такие же суммы оценивали ущерб и другие княжества, которым «посчастливилось» принимать на своих территориях армию Валленштейна. Императора буквально засыпали жалобами на его фаворита.

Со своей стороны, отец Жозеф, которого часто можно было видеть в обществе Фердинанда II, умело внушал императору, что теперь, после столь впечатляющей победы истинной веры над протестантской «ересью», нет никакой необходимости держать армию, численность которой далеко превосходит разумные пределы. К тому же — и это особенно подчеркивал капуцин — чрезмерная воинственность, если не сказать — агрессивность, ее главнокомандующего внушает беспокойство «друзьям» Империи.

В обмен на сокращение численности имперской армии эмиссар Ришелье обещал соблюдать нейтралитет, то есть не поддерживать врагов Империи. Вообще отец Жозеф, крайне сдержанный по натуре, был щедр на обещания и посулы.

Хитроумный капуцин буквально околдовал императора, который чуть ли не ежедневно приглашал его к себе по самым различным поводам. Фердинанд II, видимо, искренне полагал, что отец Жозеф принадлежит к окружению Марии Медичи — своей верной союзницы. Трудно сказать, что больше повлияло на императора — чары капуцина или давление Максимилиана Баварского, поддержанного большинством германских князей, но так или иначе Фердинанд II принял решение сократить свою армию и уволить в отставку Валленштейна. Не исключено, что невероятная популярность генералиссимуса в армии с некоторых пор внушала опасения и самому Фердинанду II. Впрочем, история знает множество примеров, когда овеянные славой побед генералы оказывались не у дел только потому, что становились опасными в глазах правителей.

Так или иначе, но Фердинанд II позволил обезоружить себя накануне предстоявшей ему новой схватки, чем с успехом воспользовалась французская дипломатия, создав очередную антигабсбургскую коалицию. Сам Фердинанд И задним числом всю ответственность за допущенную им грубейшую ошибку возлагал именно на отца Жозефа. «Этот нищий капуцин обезоружил меня своими четками и положил в свой капюшон шесть курфюршестских корон»[19]. Не лишним будет напомнить, что в Регенсбурге отцу Жозефу, помимо прочего, удалось добиться от Фердинанда II признания за Карлом де Невером прав на Мантуанское герцогство.

* * *

В то время как отец Жозеф публично уверял императора в лучших намерениях короля Франции, Ришелье втайне готовился нанести удар по Империи… руками шведского короля Густава II Адольфа, за которым наблюдал с возраставшим интересом. По выражению крупного французского историка XIX века Франсуа Гизо, «Густав Адольф был выбран Провидением в качестве орудия для завершения дела Генриха IV и Ришелье». Напомним еще раз, что речь идет о сокрушении мощи Габсбургского дома.

В дипломатической корреспонденции Ришелье можно найти неоднократные указания кардинала французскому послу в Германии барону Эркюлю де Шарнасе сообщать ему все сведения

о молодом короле Швеции, которого он называл «новым восходящим солнцем». Вот что пишет Ришелье о Густаве Адольфе в своих «Мемуарах»: «Король Швеции… находясь в войне во всеми своими соседями, отнял у них многие провинции; он был молод, но уже пользовался высокой репутацией, имел врагами московитов, поляков и датчан, одержав над ними крупные победы..; он уже был настроен против императора, причем не столько из-за каких-то оскорблений, полученных от него, сколько просто потому, что был его соседом. Его Величество (Людовик XIII. — *П. Ч.*) обратил свой взор на этого юного государя, дабы попытаться использовать его со временем для отвлечения большей части сил императора и тем самым помешать императору вести несправедливую войну в Италии и Франции… Многие князья Империи, несправедливо лишенные своих владений оружием императора, смотрели на шведского короля, как моряки смотрят на север. Однако он был занят войной с Польшей. И хотя король имел достаточно смелости и честолюбия, он должен был быть избавлен от этого врага, прежде чем приобрести другого, да еще такого, как Австрийский дом».

К тому времени, о котором идет речь, Густав Адольф уже завоевал европейскую известность. Заняв трон 17 лет от роду, он приложил немало сил для того, чтобы возвысить Швецию. Густав Адольф получил отличное образование, знал иностранные языки — латинский, немецкий, голландский, французский, итальянский и древнегреческий, с ранних лет принимал активное участие в государственных делах, обнаружив особенное пристрастие к военному делу. Взойдя на престол, шведский король сумел обуздать дворянскую вольницу, одновременно обеспечив дворянству соответствующие права, улучшил внутреннюю администрацию и судопроизводство, принял меры по оживлению торговли и городского строительства. Предметом особых забот короля была армия, реорганизованная им в соответствии с новейшими требованиями. Важную роль в том, что мы назвали бы сейчас идеологической сплоченностью, играл в армии кальвинизм. Король подавал пример личной храбрости и стойкости в военных походах. Он спал на земле, как простой солдат, ел из общего котла, нередко маршировал в первой шеренге своей пехоты.

Шведская армия была единственной в ту пору национальной армией, сформированной на основе своего рода обязательной воинской повинности. Ядро этой армии составляли свободные шведские крестьяне, обязанные с 18 лет проходить трехлетнюю службу во имя веры и короля. Густав Адольф ввел новшества в области тактики боя. Так, в частности, он отказался от

общепринятого использования кавалерии для лобовых атак, поставив перед ней задачу — обход флангов и окружение противника.

Высокое качество шведской металлургии позволило оснастить армию первоклассной артиллерией. Густав Адольф отдал предпочтение легкой полевой артиллерии — подвижным пушкам с ядрами весом до 2 килограммов. Такие пушки весили менее 100 килограммов, их можно было легко транспортировать, а их прислуга состояла всего из двух человек. Это позволило Густаву Адольфу постоянно иметь в действующей армии более 100 орудий, в то время как у Валленштейна никогда не было более 80, а у Тилли — 30. Каждый пехотный полк, состоящий из восьми рот (140 человек в каждой), как минимум располагал 6–8 орудиями.

Король лично наблюдал за интендантской службой, придавая ее работе исключительно важное значение. Снабжение шведской армии и выплата жалованья солдатам и офицерам осуществлялись с редкой по тем временам аккуратностью, что было широко известно и служило дополнительным притягательным стимулом для волонтеров. На высоте была и санитарная служба: на каждый пехотный или кавалерийский полк полагалось пять лекарей. Моральная обстановка в армии характеризовалась пуританской строгостью, за которой следил с помощью военных капелланов сам король. В армии не было ни женщин, ни прислуги для офицеров.

Четкая организация в сочетании с бесспорными полководческими талантами самого Густава Адольфа обеспечила его армии очевидное превосходство над всеми противниками, с которыми ей пришлось скрещивать оружие. Вначале он очистил от датчан Южную Швецию. Затем добился успеха в войне с Московским государством, получив по Столбовскому миру 1617 года Карелию, а также Копорье, Орешек, Ям, Ивангород. Россия обязалась выплатить Швеции 20 тысяч рублей серебром. Правда, Швеции пришлось вернуть России Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладогу, Гдов и Сумерскую волость, захваченные ею в ходе войны. В 1621 году Густав Адольф начал войну с польским королем Сигизмундом III, не признававшим его права на шведский престол. В ходе этой затянувшейся войны шведам удалось захватить обширные территории в Прибалтике — Лифляндию, Курляндию и Эстляндию, а также ряд восточно-прусских городов — Мемель, Пиллау, Браунсберг и Эльбинг, в результате чего Швеция заметно приблизилась к желанной цели — господству на Балтийском море. Приблизилась, но не достигла ее, так как война с Речью Посполитой все еще не была завершена.

А взор Густава Адольфа уже обратился в сторону Германии, обманчиво казавшейся шведскому королю легкой добычей. Все более настойчиво шведский завоеватель искал пути примирения с королем Сигизмундом. В этих своих поисках он неожиданно встретил предложение посреднических услуг со стороны первого министра Франции кардинала Ришелье.

Ришелье преследовал конкретную цель: развязав Густаву Адольфу руки в Польше, одновременно столкнуть в новой войне двух «извечных врагов» — Сигизмунда III и русского царя Михаила Федоровича, с тем чтобы обеспечить королю Швеции прочный тыл на востоке, пока она будет вести военные действия в Германии. Летом 1629 года Ришелье снарядил два посольства: одно во главе с бароном де Шарнасе в Польшу, другое, замаскированное под торговую миссию, — в Россию, которое возглавил барон Деэ де Курменен.

* * *

Поначалу Сигизмунд III весьма прохладно принял посла Людовика XIII и не обнаруживал особого желания принять французское посредничество. Он был намерен продолжать войну, рассчитывая на помощь Фердинанда II. Однако его первоначальная уверенность сменилась нескрываемым беспокойством после того, как Шарнасе доверительно сообщил, что Людовику XIII доподлинно известно, будто «московиты решили этой зимой нарушить перемирие с Польшей (Деулинское перемирие 1618 г. — *П. Ч.*) и вторгнуться в ее пределы с огромной армией», в результате чего у Речи Посполитой «окажутся на руках одновременно два столь сильных врага». Сведения, сообщенные Шарнасе, показались Сигизмунду заслуживающими самого пристального внимания. Отношения между Польшей и Россией после заключения Деулинского перемирия были крайне натянутыми. Сын Сигизмунда Владислав открыто претендовал на русский престол, к тому же Польша удерживала захваченные в последней войне Смоленск, Дорогобуж, Новгород-Северский, Чернигов и ряд других русских городов.

Возобновление польско-русской войны не входило в планы Сигизмунда III, и он принял решение пойти на перемирие с Густавом Адольфом. Посреднические услуги Франции были приняты, и Шарнасе немедленно приступил к выполнению своих обязанностей, курсируя между Варшавой и Стокгольмом. Мирные переговоры, начатые в Альтмарке (Бранденбург), осложнялись

неоднократным вмешательством Фердинанда II, пытавшегося не допустить примирения Польши и Швеции. Тем не менее в сентябре 1629 года обе стороны заключили перемирие сроком на шесть лет. По условиям Альтмаркского перемирия Швеция сохранила за собой все последние завоевания на побережье Балтийского моря. Теперь Густав Адольф получил возможность обратить свое оружие против императора. Правда, он нуждался в прочном тыле. А его могла обеспечить только Россия в случае, если она возобновит войну с Польшей. Шарнасе сообщил Густаву Адольфу об истинной цели миссии Деэ де Курменена в Москве, состоявшей в том, чтобы, как признавался сам Ришелье, «подтолкнуть московитов к возобновлению войны». Тот же Шарнасе на переговорах с Сигизмундом III решительно отвергал обвинения польского короля в том, что Людовик XIII сознательно поощряет воинственные настроения Михаила Федоровича. Французский дипломат настойчиво внушал Сигизмунду III, что Деэ де Курменен отправился в Россию исключительно по торговым делам. «Для дипломатической школы Ришелье, — отмечал в связи с этим Б. Ф. Поршнев, впервые глубоко разобравшийся на основании материалов Посольского приказа в подлинном характере миссии Деэ де Курменена, — чрезвычайно характерно, что в то самое время, когда Шарнасе должен был отрекаться от Деэ, изображая его чуть ли не простым торговым агентом, Деэ должен был в Москве отрекаться от Шарнасе и его миссии в Польше. Поскольку прекращение польско-шведской войны, по мнению Ришелье, не отвечало интересам московской политики, Деэ уверял бояр, что французская дипломатия не причастна ни к каким попыткам примирения, исходящим-де от английского посла в Польше Томаса Ро и голландцев; Франция же, напротив, помогает в войне шведам».

Ришелье давно уже подумывал о том, чтобы привлечь в той или иной форме Россию к войне против Габсбургов или против их верной союзницы Речи Посполитой. К политическим интересам примешивались и торгово-экономические: Ришелье хотел наладить торговлю из Персии через Россию (по Волге и Москве-реке), затем по Балтике во Францию. По имеющимся сведениям, он намеревался отправить посольство в Москву еще в 1625 году. В то время идея Ришелье не была осуществлена, более неотложные дела отвлекали внимание первого министра.

В 1628 году французские купцы вновь напомнили Ришелье о России. Они подали кардиналу пространную записку, в которой предлагали основать компанию для торговли с Московией. Купцы считали, что помимо тех выгод, которые Франция может извлечь из торговых сношений с Московией, Его Величество Людовик XIII

приобретет еще большее влияние «среди государей Севера и особенно на короля польского, который, не имея врага более могущественного, чем московиты, воздержится впредь способствовать интересам Австрийского дома, ибо Его Величество (король Франции. — *П. Ч.*) сможет и повредить ему, и оказать услуги Великому князю Московскому».

Ришелье поддержал идеи, высказанные в записке, и распорядился о снаряжении уже упоминавшегося посольства во главе с Деэ де Курмененом в Москву.

Главной темой состоявшихся в Москве переговоров[20] был вопрос о присоединении России к антигабсбургской коалиции. Характерно, что тема войны России с Польшей не была зафиксирована в официальных документах, тем не менее все содержание переговоров свидетельствует о том, что это был центральный вопрос. Деэ, как свидетельствует русская запись переговоров, делал упор на близость интересов Франции и России: «Недружба у их короля Людовика с цесарем (императором. — *П. Ч.*) да с испанским королем… а с королем польским у их короля Людовика недружба, потому что польский король помогает цесарю, а у их короля Людовика с цесарем римским недружба». Далее Деэ заявил боярам, что Людовик XIII и его первый министр «ведают подлинно, что цесарь римский с польским королем заодно, меж себя они свои… и друг другу помогают. А Царскому Величеству с государем его Людовиком королем потому же быть в дружбе и в любви и на недругов стоять заодно». По сути дела, говоря современным языком, французский дипломат предложил нечто вроде военно-политического союза Франции и России. Он утвердительно ответил на вопрос бояр о возможности оказания помощи «ратными людьми» против Польши, оговорившись, правда, что Франция уже противодействует всеми средствами Империи. В конце концов эмиссар Ришелье получил от Боярской думы обещание возобновить войну с Польшей. Здесь следует подчеркнуть, что Россия ни в коем случае не становилась игрушкой в руках хитроумного Ришелье. У нее были собственные давние счеты с Речью Посполитой, захватившей значительные русские территории и откровенно посягавшей на русскую государственность. Война с Польшей в любом случае была неизбежна, речь шла лишь о сроках. Боярская дума тем охотнее согласилась возобновить войну, что помощь России обещала не только Франция, но и Швеция.

Одновременно с политическими обсуждались и торговые дела. Здесь Боярская дума проявила неуступчивость, отказавшись предоставить французским купцам свободный транзит по русской

территории. Решительное возражение с ее стороны вызвало требование Деэ де Курменена разрешить католическое богослужение для французских торговцев в России. Тем не менее, несмотря на возникшие разногласия, в ноябре 1629 года в Москве был подписан «Договор о союзе и торговле между Людовиком XIII, королем Франции, и Михаилом Федоровичем, царем Московии». По этому договору французы получили право на хороших условиях торговать в трех русских городах: Москве, Архангельске и Новгороде. Но самое главное — Деэ де Курменен привез Ришелье твердое обещание России пойти войной на Речь Посполитую. Эта война, получившая название Смоленской, началась в 1632 году и продолжалась два года.

Наряду со Швецией и Россией Ришелье пытался вовлечь в антигабсбургскую коалицию Турцию и Трансильванию. У кардинала был «грандиозный замысел, — пишет Б. Ф. Поршнев, — охватить Империю с севера, востока и юга сплоченным полукольцом своих союзников: Англии, Голландии, Дании, Швеции, Московии, Турции, Трансильвании — все они были, кстати, враждебны католицизму, хотя и по-разному. Важной частью этого полукольца на Востоке должна была бы явиться военная коалиция Швеции, Московии, Турции и Трансильвании».

Решающую роль в этой коалиции Ришелье, безусловно, отводил Густаву Адольфу. Вскоре после подписания Альтмаркского перемирия, развязавшего руки королю Швеции, Ришелье начал переговоры с Густавом Адольфом о заключении франко-шведского союза. Однако переговоры растянулись на целый год. Слишком огромную сумму запросил Густав Адольф за участие в войне против императора. Со своей стороны, французская дипломатия настаивала на уважении королем Швеции прав и интересов католических князей Германии, с которыми он, судя по его неоднократным высказываниям, не намеревался считаться. Наконец разногласия удалось урегулировать, и 23 января 1631 г. в Бервальде (Неймарке) был подписан франко-шведский союзный договор, по которому Франция обязывалась ежегодно выплачивать Швеции в течение пяти лет миллион ливров в обмен на постоянное пребывание в Германии в течение этого срока 30-тысячной шведской армии и уважение католического вероисповедания во всех районах дислокации шведов. Обе стороны обязывались воздерживаться от заключения сепаратных соглашений с Империей и способствовать нейтралитету Баварии и других рейнских католических княжеств в предстоящей войне Швеции с Империей. Бервальдский договор со Швецией был очередной победой «дипломатии пистолей»,

практиковавшейся Ришелье в 1624–1635 годах, то есть со времени его прихода к власти до вступления Франции в войну против Габсбургов. В течение 10 с лишним лет Ришелье активно противодействовал настойчивым попыткам Австрийского дома укрепить свои позиции в Европе. Не имея до поры возможности бросить открытый вызов Мадриду и Вене, Ришелье охотно финансировал любого, кто готов был сражаться против Габсбургов.

Любопытна оценка Бервальдского договора, данная Фридрихом Шиллером: «Решение принимать от Франции субсидию и отказаться от полной свободы в ведении войны стоило королю Шведскому тяжкой внутренней борьбы. Но этот союз с французами был решающим для его положения в Германии. Лишь теперь, когда он опирался на самую значительную державу Европы, у имперских чинов Германии появилось доверие к его замыслу, за успех которого они до сих пор — и не без основания — трепетали. Лишь теперь становился он страшным для императора. Даже католические государи, желавшие унижения Австрии, смотрели теперь с меньшей тревогой на его успехи в Германии, потому что союз с католической державой обязывал его выказывать терпимость к их религии. Как появление Густава Адольфа означало защиту евангелической религии и германской свободы от непомерного могущества императора Фердинанда, так теперь вмешательство Франции означало охрану католической религии и свободы Германии от того же Густава Адольфа, если бы упоение удачей увлекло его за пределы умеренности».

* * *

Экспансия Швеции в Германии началась еще до заключения союза с Францией, но была ограничена узкой кромкой побережья Балтийского моря. 20 мая 1630 г. Густав Адольф явился в сейм, держа на руках четырехлетнюю дочь Христину, еще в колыбели объявленную наследницей. Он известил сейм, что отправляется в поход в Германию, и сообщил свое решение доверить регентство на время своего отсутствия Государственному совету. Он заставил депутатов сейма принести присягу верности их будущей королеве. Спустя несколько дней Густав Адольф во главе армии покинул пределы Швеции, а уже в первых числах июня высадился на острове Рюген, расположенном у берегов Померании. В июле 1630 года шведский король захватил город Штеттин, после чего начал переговоры с курфюрстами Бранденбурга и Саксонии о

союзе против императора. Протестантские князья, однако, не жаждали ввязываться в новую разорительную войну. За спиной Густава Адольфа они пытались договориться с императором, требуя в обмен на союз против шведского короля отмены Реституционного эдикта.

Пока император тянул с ответом, Густав Адольф, укрепивший свое положение союзом с Францией, перешел в наступление, захватив в апреле 1631 года Франкфурт-на-Одере. Навстречу ему устремилась имперская армия Тилли, оказавшего неожиданную «услугу» королю Швеции.

Тилли осадил и в конечном счете захватил богатый город Магдебург, которым издавна правили протестантские князья из Бранденбургского дома. Всего за несколько дней город был разгромлен. От ужасающего зрелища содрогнулась видавшая виды многострадальная Германия. Жертвами распоясавшейся солдатни пали около 30 тысяч жителей Магдебурга. «Ничего подобного не видели со времени взятия Трои и Иерусалима», — злорадно утверждал сам Тилли.

Резня, устроенная солдатами Тилли в Магдебурге, вызвала бурю возмущения протестантов Германии. Курфюрст Бранденбурга поспешил заключить союз с Густавом Адольфом, предоставив в его распоряжение свои самые мощные крепости Шпандау и Кюстрин. Его примеру последовал курфюрст Саксонский, чьи владения пострадали от нашествия армии Тилли. Под знамена Густава Адольфа стекалось все большее число германских протестантов.

17 сентября 1631 г. Густав Адольф наголову разбил под Лейпцигом армию Тилли. На поле боя осталось более 5 тысяч имперских солдат, в плену оказались 7 тысяч человек. Сам Тилли с трудом спасся, получив три тяжелых ранения.

В результате одного только этого сражения чаша весов резко качнулась в сторону протестантской коалиции. В окружении императора началась паника, выяснилось, что нет сил для защиты Вены. После сражения под Лейпцигом Густав Адольф мог свободно идти на столицу габсбургской империи, что ему настоятельно советовал канцлер Оксенштерна, ближайший советник и друг короля. Такого же мнения придерживался и Ришелье. Однако шведский король решил иначе: он намерен стать властителем Германии.

Шведские войска захватывают Тюрингию и Франконию, города Эрфурт, Вюрцбург и Франкфурт-на-Майне. Германские союзники Густава Адольфа очищают от испанцев Майнцское архиепископство, а курфюрст Саксонский, не встречая сколь-нибудь серьезного сопротивления, вторгается в Чехию. В

считанные месяцы Густав Адольф устанавливает контроль над большей частью германских земель, к неописуемому ужасу рейнских католических князей, обратившихся в поисках спасения к Франции. Наибольшую предусмотрительность проявил Максимилиан Баварский, поспешивший еще в мае 1631 года подписать договор с Францией.

Неожиданное возвышение Швеции явилось неприятным сюрпризом для Ришелье. Не поспешил ли он с заключением Бервальдского договора? Отец Жозеф недаром предостерегал его от слишком тесного союза с Густавом Адольфом. Политическое чутье подсказывало кардиналу, что дальнейшие успехи шведского короля, у которого военные победы явно вызывали головокружение, чреваты самыми серьезными последствиями для французских интересов в Германии и в Европе в целом. Пассивность Франции могла быть неверно истолкована как германскими союзниками, так и самим Густавом Адольфом.

Лотарингия

В это время (осень 1631 г.) Ришелье стало известно, что герцог Буильонский, всегда в трудные моменты находивший убежище в принадлежащем ему Седане, расположенном за пределами владений короля Франции, вступил в тайный сговор с бежавшими из страны Марией Медичи и Гастоном Орлеанским. Поразмыслив, Ришелье пришел к выводу, что военная операция против Седана могла бы быть распространена на всю территорию Лотарингии, находившейся на стыке Франции и Германии. Установление контроля над Лотарингией помимо укрепления безопасности Франции на ее восточных границах послужило бы и недвусмысленным предупреждением для короля Швеции. Идея кардинала была одобрена Людовиком XIII.

17 ноября 1631 г. войска маршала де Лафорса совершили неожиданный бросок и оказались у крепостных стен Седана. Операция была хорошо продумана и проведена в тот самый момент, когда герцог Буильонский находился в отъезде. Его мать престарелая герцогиня Буильонская не решилась оказать сопротивление королевской армии и приказала открыть крепостные ворота.

Лафорс во главе армии вошел в город и побудил седанский гарнизон присягнуть на верность Людовику XIII. Немедленно были предприняты поиски сторонников Гастона и королевы-матери; они были выданы городскими властями и посажены в крепость. Оставив Седан под надежной защитой, маршал Лафорс с основными силами двинулся к Вердену на соединение с другой армией, которой командовал сам Людовик XIII. Вскоре обе армии сосредоточились у германских границ.

Ришелье полагал, что уже сам факт их расположения в непосредственной близости от Рейнской области должен послужить предупреждением Густаву Адольфу и удержать его от необдуманных действий в отношении западногерманских княжеств. Король Франции также намерен сделать строгое внушение герцогу Лотарингскому Карлу IV, предоставившему убежище сбежавшему Гастону.

Вступление французских войск в Лотарингию осенью 1631 года положило начало присоединению к Франции этого полунезависимого герцогства. В течение многих лет процветавшая прежде земля будет охвачена безжалостным пламенем войны.

Тридцатилетняя война усугубила и без того сложное политическое положение Лотарингии, географически

разделяющей Францию и Германию. Подавляющая часть ее территории находилась под формальной опекой Империи, хотя в правовом отношении Лотарингия была более независимой по сравнению с другими германскими княжествами. Другая, меньшая часть территории Лотарингии формально была подчинена королю Франции. В языковом отношении население Лотарингии также делилось на германоязычное и франкоязычное. К герцогству тесно примыкали владения французской короны: на юго-западе — Шампань, на севере — три епископства — Мецское, Тульское и Верденское.

В исторически сложившихся неблагоприятных для Лотарингии политических условиях единственными средствами ее выживания как самостоятельного государственного образования были строгий и последовательный нейтралитет, умелое балансирование между Империей и Францией. В свое время Генрих IV хотел закрепить узы, связывающие Лотарингию и Францию, женитьбой дофина (будущего Людовика XIII) на единственной дочери Генриха II Лотарингского Николь, но Мария Медичи после убийства короля предпочла для своего сына испанский брак. Лотарингский же престол в конечном счете достался племяннику умершего Генриха II Карлу IV.

Новый герцог не последовал благому примеру своих предшественников, и очень скоро между Лотарингией и Францией стали возникать недоразумения. После казни Шале в 1626 году герцог зачем-то предоставил убежище злейшему врагу Людовика XIII и кардинала Ришелье герцогине де Шеврёз, превратившей столицу его герцогства Нанси в центр антифранцузских заговоров и интриг с участием эмиссаров из Испании, Империи и Англии. Кардинал не без оснований подозревал герцога Лотарингского в содействии экспедиции Бекингема на помощь восставшей Ларошели. Очень скоро агенты отца Жозефа предоставили кардиналу бесспорные доказательства участия герцога в антифранцузской игре. Французская секретная служба сумела выследить некоего англичанина Монтегю, выполнявшего роль связного между Бекингемом и герцогиней де Шеврёз. Однажды группа французских агентов в составе 10–12 человек, тайно проникнув на территорию Лотарингии, захватила Монтегю и со всеми оказавшимися при нем бумагами доставила в Париж.

Карл IV попытался было выразить протест Ришелье против бесцеремонного нарушения своих суверенных прав, однако после того, как ему предъявили документальные доказательства его причастности к заговору герцогини де Шеврёз, возмущение герцога сменилось весьма неуклюжими оправданиями.

Внутренние дела на время отвлекли внимание Ришелье от Лотарингии, чем поспешил воспользоваться Карл IV. Он все более определенно ориентировал свою внешнюю политику на Империю: без боя отдал имперским войскам два города, входивших в Мецское епископство, — Вик и Мойенвик, хотя по соглашению с Францией обязан был обеспечить их безопасность. Герцог совершал одну ошибку за другой. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Людовика XIII и Ришелье, было предоставление Карлом IV политического убежища Гастону Орлеанскому. В Париже это восприняли как антифранцузскую демонстрацию, на которую надлежало дать немедленный ответ.

* * *

Шел 1631 год. Ришелье считал, что настало время покончить с пассивностью Франции на ее восточных границах. И герцог Лотарингский, и западногерманские князья, и, что не менее важно, король шведский должны воочию убедиться в решимости Франции отстаивать свои интересы в Германии. Кто знает, может быть, именно тогда, осенью 1631 года, Ришелье принял решение о присоединении к Франции Лотарингии, а затем и Эльзаса. В его бумагах нет прямых указаний на этот счет, но все последующие действия французской дипломатии, а затем и военные усилия Франции будут направлены на расширение своих восточных границ.

Успехи Густава Адольфа в Германии, как уже говорилось, не на шутку встревожили католических князей, обратившихся в поисках защиты от «северного Атиллы» к «христианнейшему» королю Людовику XIII. Новая ситуация, сложившаяся в Германии в результате вмешательства Швеции в войну, побудила искать сближения с Францией и герцога Лотарингского, у которого были все основания больше других опасаться за свой трон, тем более что в районе Вердена сосредоточилась армия Людовика XIII.

Карл IV поспешил на поклон к королю Франции. Их встреча состоялась 23 октября 1631 г. Людовик XIII принял герцога весьма прохладно, всем своим видом показывая, что не верит ни единому его слову. Сконфуженный лотарингец ни с чем возвращается в Нанси, а Людовик XIII тем временем освобождает захваченные имперцами города Вик и Мойенвик. Оттуда до столицы Лотарингии — всего один день марша… Карл IV вновь появился в Вердене с… рождественскими поздравлениями Его Величеству Людовику XIII. На этот раз герцог безоговорочно принял все требования короля и 6 января 1632 г. подписал с

Людовиком XIII договор, по которому обязался поддерживать с Францией дружественные отношения. Карл IV обещал Людовику XIII в самые короткие сроки выслать из Лотарингии всех враждебно настроенных к королю Франции и его первому министру. Совершенно очевидно, что речь идет прежде всего о герцоге Орлеанском, прочно обосновавшемся в Нанси, а также о его окружении. В доказательство своей полной лояльности Карл IV согласился передать Людовику XIII на три года крепость Марсаль. Правда, и в этот раз герцог остался верен себе: за три дня до подписания договора с Людовиком XIII устроил тайное бракосочетание овдовевшего к тому времени Гастона Орлеанского со своей родственницей Маргаритой де Водемон. Разумеется, Карлу IV прекрасно было известно, что ни один член королевской семьи, и уж тем более дофин, не мог вступить в брак без согласия короля. На что рассчитывал двуличный герцог? Скорее всего, на то, что однажды Гастон станет королем Франции со всеми вытекающими для него, Карла, и его герцогства последствиями… Знал бы герцог, чем обернутся для него в самом недалеком будущем его коварные расчеты, — возможно, не спешил бы вступать в тайное родство с королем Франции. Безусловно, этот по меньшей мере легкомысленный поступок Карла IV ускорил аннексию Лотарингии Францией.

Поведение Карла IV в значительной степени объяснялось тем обстоятельством, что в конце 1631 года в Мадриде созрел очередной антифранцузский план, предполагавший испанское вторжение во Францию, согласованное по времени с мятежом, который должен был поднять губернатор Лангедока герцог де Монморанси. В то время как Испания готовила вторжение в Шампань и Бургундию, герцог Лотарингский на деньги, полученные из Мадрида, в срочном порядке набирал дополнительную армию, которая должна была поддержать действия дона Гонсальво де Корду из захваченного испанцами Пфальца. Что касается Гастона, то он намеревался выступить совместно с Карлом IV во главе собственной армии, на комплектование которой Филипп IV выделил 100 тысяч экю. Покинув Нанси, Гастон обосновался в Лонгви — в непосредственной близости от границы с испанскими Нидерландами и Люксембургом. Там он и приступил к формированию армии, отдавая, правда, предпочтение шумным кутежам, на которые уходила немалая толика испанского золота.

О мадридском плане стало известно Ришелье, который решил принять срочные предупредительные меры. Прежде всего нужно было не допустить согласованных действий испанцев и внутренней оппозиции. Ришелье удалось договориться с принцем

Оранским, который в начале июня 1632 года вторгся в испанские Нидерланды, после чего Мадриду было уже не до экспедиции в Шампань и Бургундию. Связав руки Испании, Ришелье бросил мощную армию против герцога Лотарингского, который, оказавшись один на один с превосходящим его противником, уже в конце июня вынужден был капитулировать. По условиям мирного договора, подписанного 26 июня 1632 г. в Ливердене. Карл IV уступил Людовику XIII графство Клермон-ан-Аргон и две крепости — Стене и Жамец.

Третий удар Ришелье нанес герцогу де Монморанси, поднявшему мятеж в Лангедоке. Как уже говорилось, в сентябре 1632 года армия Монморанси была разбита войсками маршала де Шомберга, а сам герцог взят в плен и вскоре казнен. Оказавшись без всякой поддержки, Гастон поспешил перебраться из Лонгви в Брюссель — подальше от длинных рук ненавистного кардинала.

Укрепив позиции Франции в Лотарингии, Ришелье начал подумывать о походе в Эльзас, но здесь он не встретил понимания со стороны своего первого и ближайшего помощника — отца Жозефа. Капуцин считал, что в первую очередь необходимо помешать захватническим планам Густава Адольфа в западной части Германии. Если Густаву Адольфу удастся закрепиться в этом районе, полагал отец Жозеф, то Франция неизбежно приобретет в его лице куда более опасного соседа, чем все западногерманские княжества вместе взятые. К тому же «христианнейший» король обязан выполнить свое обещание, данное католическим князьям Германии, — защищать их от шведского завоевателя.

В конечном счете Ришелье счел доводы своего помощника убедительными и отказался от похода в Эльзас, полагая, что время для этого еще не настало.

В Майнц, где расположил свой лагерь Густав Адольф, было направлено специальное посольство во главе с Шарнасе — одним из лучших дипломатов школы Ришелье. Его помощником был назначен маркиз де Брезе, шурин кардинала. У послов четкие инструкции: всеми средствами склонить короля Швеции повернуть оружие против Фердинанда II в его наследственных землях, то есть в Австрии и Чехии. Кроме того, необходимо получить от Густава Адольфа обещание не покушаться на территории католических княжеств Германии, находящихся под покровительством Людовика XIII.

Надо сказать, Ришелье доверил Шарнасе и Брезе трудную миссию. Густав Адольф, которому военные успехи совершенно вскружили голову, решил, что более не нуждается в советах короля Франции. Он недвусмысленно дал понять французским

дипломатам, что не намерен идти на какие-либо уступки в Германии. Особенное недовольство вызвал у него договор, подписанный Людовиком XIII с Максимилианом Баварским — злейшим врагом протестантского дела. Шарнасе и Брезе трудно было объяснить шведскому королю истинные мотивы, по которым Франция пошла на заключение этого договора. Их миссия явно зашла в тупик. Они покидали Майнц с убеждением, что Густав Адольф твердо решил захватить значительную часть Рейнской области и обосноваться там на неопределенное время.

* * *

Однако планы Густава Адольфа изменились. Фердинанд II, успешно использовав предоставленную ему шведским королем передышку, перегруппировал свои силы, и в феврале 1632 г. оправившийся от ран Тилли начал наступление на позиции, занимаемые шведами. 28 февраля он вторгся в Бамбергокое епископство (на севере Баварии), изгнав оттуда шведский гарнизон. Густав Адольф вынужден был срочно покинуть Майнц, оставив там с частью войск молодого, подававшего большие надежды герцога Бернгарда Саксен-Веймарского. С основными силами король Швеции устремился на юг Германии — в Баварию. Воспользовавшись уходом Густава Адольфа, рейнские князья спешили закрепить отношения с Францией, а архиепископ Трирский по собственной инициативе отдал все свои владения под власть Людовика XIII, направившего в Трир армию маршала д'Эффиа.

Ценой больших уступок и обещанием новых владений в Чехии и Германии Фердинанду II удалось вернуть на свою службу Валленштейна, тщетно пытавшегося одно время предложить свои услуги Густаву Адольфу. Валленштейн согласился возглавить армию Фердинанда II при условии предоставления ему самой широкой свободы действий. «Итак, — писал Фридрих Шиллер в „Тридцатилетней войне“, — наконец во главе императорской армии встал полководец, заслуживающий этого имени. Всякая другая власть в войсках, не исключая власти самого императора, теряла значение в тот самый момент, как Валленштейну был вручен жезл главнокомандующего, и все исходившее не от его особы было недействительно. От берегов Дуная до Везера и Одера все почувствовали животворное появление нового светила. Новый дух вселяется в солдат императора; начинается новая эпоха войны, новые надежды придают папистам бодрости, и протестантский мир с тревогой наблюдает перемену ситуации».

Весной 1632 года Валленштейн начал энергичное наступление на Чехию, которую захватил за полгода до этого курфюрст Саксонский Иоганн Георг. Страна была освобождена от саксонцев в считанные дни.

Тем временем Густав Адольф, идя навстречу Валленштейну, проник в граничащую с Чехией Баварию и подверг ее жестокому разграблению. За то время, что шведская армия находилась в Германии, в нее вступило немало местных наемников, не отличавшихся особой дисциплиной. Протестантские солдаты грабили мирное население ничуть не меньше, чем мародеры Тилли. Тем не менее боевой дух шведской армии был еще достаточно высоким. Густав Адольф без труда овладел Нюрнбергом, а затем взял крепость Донауверт на Дунае.

Армия Тилли — а при ней находился и Максимилиан Баварский — заняла позиции вблизи небольшого городка Райн. От шведских войск ее отделяла мелководная, но с очень быстрым течением река Лех, все мосты через которую были предусмотрительно разрушены по приказу Тилли. Вдоль берега Тилли расставил артиллерийские орудия в расчете не дать возможности протестантам форсировать реку. И все же Густаву Адольфу удалось подавить артиллерию Тилли, используя то преимущество, что занимаемый шведами противоположный берег реки был намного выше. В ожесточенной артиллерийской дуэли прямым попаданием снаряда был смертельно ранен Тилли, а заменивший его Максимилиан Баварский обнаружил полную неспособность управлять боем. Под прикрытием дымовой завесы от зажженной сырой соломы шведы успешно форсировали Лех. Каково же было удивление Густава Адольфа, когда он, ворвавшись в расположение противника, никого там не обнаружил. Максимилиан отдал малодушный приказ оставить укрепленные позиции и отвел армию в район Ингольштадта. Поспешное бегство герцога Баварского поразило Густава Адольфа еще больше, когда он убедился в прочности второй линии обороны, построенной Тилли. «Будь я герцогом Баварским, — воскликнул он в изумлении, — никогда, хоть бы мне бомбой оторвало бороду и подбородок, никогда я не покинул бы такой позиции, как эта, и не впустил бы неприятеля в свои земли!»

Позорное бегство Максимилиана позволило Густаву Адольфу легко овладеть Аугсбургом, а затем и столицей Баварии Мюнхеном, после чего шведская армия повернула на север — в направлении Франконии. Густав Адольф попытался воспрепятствовать соединению баварской армии Максимилиана с армией Валленштейна, но опоздал, в результате чего в районе Нюрнберга его встретило более чем 60-тысячное войско под

командованием герцога Фридландского. Силы Густава Адольфа намного уступали имперско-баварской армии, и его попытки опрокинуть оборону Валленшейна успеха не имели. В сражении у Нюрнберга, происшедшем 8 сентября 1632 г., победителей не оказалось. Военные действия приняли пассивно-позиционный характер и затянулись до глубокой осени.

16 ноября 1632 г., воспользовавшись тем, что Валленштейн значительную часть армии перебросил в район Бамберга, Густав Адольф дал решающий бой в районе небольшого городка Люцен. В кровопролитном сражении удача попеременно сопутствовала то одной, то другой стороне. И все-таки победа досталась шведам, войска Валленштейна обратились в беспорядочное бегство. Но и шведская армия понесла тяжелые потери. А самое главное — в этом сражении был убит король Швеции Густав Адольф, который один стоил целой армии. «Как дорого досталось эта победа и как скорбно торжество! — воскликнул по этому поводу Фридрих Шиллер. — Лишь теперь, когда остыла ярость сражения, стала очевидной вся огромность потери, и ликующие клики победителей умолкли, сменясь тоскливым, мрачным отчаянием. Он, кто вел их к победам, не вернулся вместе с ними. Там, на поле сражения, завершившегося победой, лежит он в груде мертвецов, ничем не прославившихся. После долгих напрасных поисков находят наконец прах короля возле большого камня… известного уже сотни лет, но после достопамятного несчастья этого дня получившего название Шведского камня. Изувеченный ранами и залитый кровью до неузнаваемости, истоптанный лошадьми и ограбленный мародерами, которые сняли с него драгоценности и одежду, лежит он под кучей трупов…»

Получив известие о гибели Густава Адольфа, Ришелье немедленно сообщил об этом Людовику XIII. «Если бы шведский король догадался умереть хотя бы на полгода позднее, — поделился кардинал своими соображениями с Людовиком XIII, — то дела Вашего Величества, совершенно очевидно, находились бы куда в лучшем состоянии». При всех неудобствах, которые создавал для Франции король Швеции, его гибель, несомненно, была тяжелым ударом для политики Ришелье, лишившим французскую дипломатию пусть и плохо управляемого, но все же реального и мощного союзника. Франция опять рисковала остаться один на один с габсбургской империей. Англия постепенно утрачивала активность в европейской политике, погружаясь во внутренние распри между парламентом и королем. Голландия, при всем значении ее союза с Францией, никак не могла компенсировать возможный выход Швеции из игры, чего так опасался Ришелье после гибели Густава Адольфа.

Было и еще одно обстоятельство, ввергшее первого министра в дурное расположение духа в те пасмурные ноябрьские дни 1632 года. Перед казнью герцог де Монморанси, желая облегчить душу, сообщил кардиналу о тайном браке Гастона Орлеанского и Маргариты де Водемон, заключенном стараниями Карла IV. Необходимо любой ценой добиться возвращения наследника французского престола на родину, с тем чтобы он вновь не стал игрушкой в руках Мадрида и Вены.

У Ришелье были все основания для подобных опасений. Едва Гастон объявился в Брюсселе, как вокруг него завязался новый клубок интриг. Предпринимались попытки втянуть в новый заговор принца Конде, герцогов Гиза и д'Эпернона, а также маршала Туара, коменданта крепости Казале, в Северной Италии. Но агенты секретной службы отца Жозефа не сидели сложа руки. Им удалось перехватить на территории испанских Нидерландов курьера с бумагами, следовавшего из Мадрида в Брюссель. Ришелье стало известно о ведущихся тайных переговорах Гастона с испанским правительством об условиях оказания ему военной и финансовой помощи. Из бумаг же кардинал узнал о попытках вовлечь в заговор маршала Туара. В отношении маршала Ришелье поступил более чем оригинально, посоветовав королю срочно произвести заслуженного вояку в кавалеры ордена Св. Духа. Новоиспеченный кавалер вынужден был оставить возглавляемые им войска в Северной Италии, где становился потенциально опасным для собственного же правительства, и отбыть ко двору под бдительный присмотр господина кардинала.

Ловкими маневрами Ришелье сумел расстроить планы Гастона. Весь 1633 год был заполнен запутанными интригами, политический смысл которых иной раз труднообъясним. Гастон, очень быстро уставший от тяжелой материнской опеки, втайне от Марии Медичи пытается вступить в переговоры с Ришелье. Даже Валленштейн дает знать кардиналу, что на определенных условиях готов предать императора.

После неудачи под Люценом, которую многие трактовали как успех Валленштейна, генералиссимус вернулся в Чехию и приступил к формированию новой армии. Император торопил ею, требуя как можно быстрее выступить в Рейнскую область, занятую в значительной части шведскими гарнизонами. В скором времени Валленштейн выйдет из Чехии с хорошо оснащенной 40-тысячной армией.

* * *

Гибель Густава Адольфа имела серьезные последствия для протестантской коалиции, многие участники которой начали подумывать о сепаратном мире с императором. В коалиции наметился раскол между противниками и сторонниками продолжения войны.

Серьезные внутренние проблемы возникли и в самой Швеции, где наследнице престола едва исполнилось шесть лет- Интерес к шведской короне неожиданно обнаружил сын польского короля Владислав, давно и тщетно домогавшийся московского престола. Он начал открыто вербовать себе сторонников в Швеции. Упавшая с головы Густава Адольфа корона манила и Христиана IV, вознамерившегося женить на юной принцессе своего сына Ульриха.

В возникших внутренних неурядицах решающее слово сказал канцлер Оксенштерна, добившийся от регентского совета официального провозглашения несовершеннолетней Христины королевой Швеции при живой матери, которая, по всеобщему убеждению, не была способна управлять страной. На деле все руководство шведской политикой, а также действиями армии в Германии сосредоточилось в руках графа Оксенштерны, трезвого и умного государственного деятеля. Польша не имела возможности подкрепить силой оружия притязания Владислава, поскольку вела войну с Россией, и вынуждена была примириться с очевидным.

Оксенштерна корректирует внешнеполитический курс Швеции, последовательно исправляя ошибки, допущенные Густавом Адольфом. Франция вновь становится привилегированным партнером Швеции, Ришелье продолжал финансирование шведских военных операций в Германии. Оксенштерна постарался рассеять опасения рейнских князей, обещая невмешательство при условии соблюдения ими нейтралитета в войне.

Канцлер лично отправляется в Германию и предпринимает настойчивые усилия по восстановлению Евангелической унии. В Эрфурте он собрал представителей 12 протестантских городов Империи и заручился их поддержкой. Затем прибыл в Хейльбронн на общегерманский съезд протестантских князей, куда были приглашены представители Франции, Англии и Голландии. Французские интересы представлял маркиз де Фекьер, кузен отца Жозефа. Он сыграл важную роль в заключении в феврале 1633 года союзного договора между Швецией и крупнейшими протестантскими княжествами. Он же помог Оксенштерне стать фактическим и формальным главой общегерманской протестантской партии в противовес кандидатуре Иоганна

Георга, курфюрста Саксонского, не без оснований подозреваемого Ришелье в тайных намерениях пойти на сепаратную сделку с Фердинандом II.

В Хейльбронне Фекьер неоднократно встречался с временным главнокомандующим шведскими войсками в Германии Бернгардом Саксен-Веймарским, сетовавшим на недостаточность французской финансовой помощи- Французский дипломат понял его по-своему, написав Ришелье: «Я думаю, что необходимо увеличить размер пенсии (получаемой Бернгардом от Франции. — *П. Ч.*) до 10 тысяч экю. Это самый верный и надежный союзник Франции». Фекьер от имени Людовика XIII поставил свою подпись под Хейльброннским пактом и отправился с официальной миссией сначала в Берлин — столицу Бранденбурга, а затем в Дрезден — столицу Саксонии.

В Дрездене к Фекьеру на прием явился чешский дворянин граф Кински, доверенный человек Валленштейна, и сообщил об искреннем желании своего господина добиться политического умиротворения в Германии даже против воли императора Фердинанда. Эмиссар Валленштейна осторожно зондировал возможность политической поддержки со стороны Франции притязаний герцога Фридландского на чешскую корону. Более откровенен он был в выяснении возможности перемещения шведов из Баварии в Померанию, на Балтийское побережье.

Французский дипломат проявил понятную осторожность, заверив, однако, неожиданного визитера, что немедленно доведет полученные сведения до господина кардинала. Он еще не знал, что аналогичный зондаж Валленштейн предпринял и в отношении Оксенштерны. Обида, причиненная полководцу неблагодарным императором, оставила в его душе незаживающую рану. К тому же никто не мог поручиться, что подобная история не повторится, если Валленштейну удастся изгнать шведов из Германии. Герцог Фридландский, желая подстраховаться, намеревался поставить на две карты, явно недооценив всей сложности и опасности двойной игры.

Инициатива Валленштейна показалась Ришелье настолько важной, что 16 июля 1633 г. в загородной королевской резиденции Сен-Жермен-ан-Лай было созвано внеочередное заседание Совета. Кардинал высказался за продолжение контактов с эмиссаром Валленштейна. По его мнению, в случае их успешного развития можно было бы пойти даже на заключение союзного договора с герцогом Фридландским. Большинство членов Совета поддержали Ришелье.

Фекьер получил новые инструкции с широкими полномочиями: если Валленштейн сумеет повернуть против

императора армию хотя бы в 30–40 тысяч человек, Франция немедленно предоставит ему субсидию в размере миллиона ливров; она обязуется также добиться для Валленштейна финансовой поддержки со стороны других участников антигабсбургской коалиции.

Каково же было изумление Ришелье, когда ему стало известно, что Валленштейн раскрыл содержание своих тайных переговоров с Францией не только шведам, но и саксонцам, давно уже поглядывавшим в сторону императора. Еще более странным выглядело неожиданное возобновление Валленштейном военных действий против шведов и их саксонских союзников. Столь же странно повел себя Валленштейн и в переговорах с представителем Франции: граф Кински всячески уклонялся от ответа на французские предложения, переданные Фекьером, а вместо этого говорил о заветном желании Валленштейна устранить из Германии всех иностранцев — шведов, испанцев… У Фекьера были все основания полагать, что в число этих «врагов Германии» Валленштейн включает и Францию.

В конце августа 1633 года Фекьер докладывает Ришелье, что его переговоры с эмиссаром Валленштейна зашли в тупик и их продолжение бессмысленно. Тем временем Валленштейн разделил свои силы: один корпус отправил через Саксонию в Померанию, а сам во главе основных сил двинулся в Верхний Пфальц с целью разбить Бернгарда Саксен-Веймарского. Вместе с тем он упорно не желал слышать настойчивые призывы императора и герцога Максимилиана о спасении Баварии. Когда же не выполнять приказы императора стало уже просто невозможно, Валленштейн с крайней неохотой двинулся как можно медленнее к баварской границе и окружил взятый шведами город Хам. Осада, однако, была непродолжительной. Воспользовавшись слухами о готовящемся якобы новом саксонском вторжении в Чехию, Валленштейн вернулся в чешские земли еще до наступления зимы.

Поведение Валленштейна все более тревожило Фердинанда II. Император не без оснований заподозрил его в измене. А вскоре и сам Валленштейн предоставил Фердинанду II доказательства своей измены. Из ближайшего окружения Валленштейна распространялись слухи о странном поведении главнокомандующего, о его увлечении черной магией и колдовством, все чаще его видели в обществе невесть откуда взявшихся магов и прорицателей.

* * *

Ришелье, неисправимый прагматик, чье политическое воображение никогда не покидало реальной почвы, в это время тщательно готовился к решающему броску на Лотарингию, обладание которой становилось для Франции делом первоочередной важности. Как полагал первый министр Людовика XIII, герцог Лотарингский сам предоставил удобный предлог для действий короля Франции. Устройство противозаконного брака Гастона Орлеанского при французском дворе расценили как грубое вмешательство во внутренние дела Франции и королевского семейства. Ришелье приложил немалые усилия, но в конечном счете добился признания от брата герцога кардинала Никола Франсуа Лотарингского, венчавшего Гастона и Маргариту. Правда, кардинал Лотарингский заявил, что венчал молодых без ведома Карла IV, но это звучало неубедительно, поскольку 15-летняя принцесса Маргарита не имела права идти под венец без согласия главы Лотарингского дома, то есть Карла IV. В любом случае брак, по мнению французской стороны, был противозаконен.

Ришелье постарался до предела раздуть это дело. По его настоянию парижский парламент объявил брак недействительным и одновременно осудил Карла IV за вероломство. Королевский совет принял решение в качестве первой ответной акции захватить область Барруа на западе Лотарингии. Но это было лишь начало хорошо продуманной операции по захвату всей Лотарингии. В «Мемуарах» Ришелье уподоблял Карла IV «колючке на ступне» короля Франции, от которой он должен был избавиться как можно быстрее.

31 августа 1633 г. Людовик XIII во главе армии появился под стенами Нанси. Но он отказался от штурма столицы Лотарингии, начав переговоры с Карлом IV. От имени короля Франции переговоры вел кардинал Ришелье. Герцог понимал всю ответственность создавшегося положения и проявлял несвойственную ему твердость. В одном из писем королю, обосновавшемуся на это время в Люневилле, в нескольких километрах юго-западнее Нанси, Ришелье следующим образом описывал поведение Карла IV: «Месье Лотарингский то находится в веселом расположении духа, то впадает в противоположное состояние. На исходе непрерывного шестичасового заседания он уже был готов согласиться на все, но вдруг неожиданно выставляет условие, которое перечеркивает все усилия».

Утром 20 сентября 1633 г. Ришелье, исчерпавший все свое немалое терпение, уже намеревался прервать переговоры, когда Карл IV, понявший, видимо, что дело плохо, неожиданно и без всяких условий подписал составленный кардиналом текст

договора, обязывавшего его сохранять полную лояльность к королю Франции и воздерживаться от всякого вмешательства в войну в Германии без предварительного согласия Людовика XIII. Одно из условий договора было особенно унизительным для герцога Лотарингского: он должен передать королю Франции часть города Нанси, где впредь будет размещаться французский гарнизон. 25 сентября французские войска вступили в столицу Лотарингии.

Тяжелое положение, в котором оказался Карл IV, заставило Гастона задуматься о собственной судьбе. Жизнь на широкую ногу в Брюсселе долго продолжаться не может — он и так должен 400 тысяч ливров. Его отношения с матерью портились день ото дня, а шансов на то, чтобы въехать во Францию победителем, после провала испанского вторжения и мятежа Монморанси не было никаких. Невольно приходила мысль о возвращении с повинной, но он еще пытался гнать ее от себя. Правда, Пюилорен — верный соратник и друг — с некоторых пор стал настойчиво советовать ему примириться со старшим братом и вернуться на родину. Гастон не знал, что Ришелье удалось уже подкупить Пюилорена обещанием всевозможных благ в случае, если герцог Орлеанский вернется во Францию.

Любопытно, что на этот раз Людовик XIII, обычно снисходительный ко всем «шалостям» младшего брата, был настроен куда более решительно, чем кардинал, всегда презиравший Гастона. Но Ришелье, в отличие от короля, руководствовался прежде всего государственными соображениями, а они настоятельно требовали скорейшего возвращения наследника престола, пребывание которого за границей в любой момент могло быть использовано врагами Франции. Поэтому Ришелье энергично отстаивает версию о насильственной женитьбе Гастона коварным герцогом Лотарингским. Под давлением Ришелье Людовик XIII 18 января 1634 г. заявил в парижском парламенте, что готов простить дофина при условии, что тот вернется во Францию в течение трех месяцев. Ришелье через специальных посредников немедленно вступил в переговоры с Пюилореном. К началу марта 1634 года они практически обо всем договорились: Гастону возвращались все его владения и дополнительно предоставлялось губернаторство в Оверни; долги его погашались за счет казны, а по прибытии в Овернь он должен был получить 300 тысяч ливров на устройство дворца. Не остался забытым и Пюилорен, получивший вознаграждение в размере 100 тысяч ливров и несколько прибыльных должностей.

Единственное условие, предъявленное Гастону, заключалось

в том, что специально назначенная королем комиссия должна была определить законность его брака с Маргаритой де Водемон. На период работы комиссии жена дофина должна была проживать в Блуа в охраняемой резиденции. В последний момент Гастон отказался принять это требование, сочтя его оскорбительным для своего и жены достоинства. В результате переговоры были сорваны.

* * *

1634 год принес Ришелье новые заботы и тревоги. Валленштейн, отступивший в Чехию, в январе возобновил через того же графа Кински секретные переговоры с представителем Ришелье маркизом де Фекьером. Кински сообщил, что Валленштейн готов принять прошлогодние французские предложения и перейти на службу к королю Франции. Но время было упущено. Над головой Валленштейна нависла смертельная угроза.

Максимилиану Баварскому и послу Филиппа IV в Вене удалось убедить Фердинанда II, что Валленштейн может изменить в любой момент, а посему его необходимо не только отстранить от командования, но и приговорить к смерти.

Развязку ускорил сам Валленштейн. Он сообщил о своем намерении перейти на сторону противников императора генералу Пикколомини, своему заместителю. Фанатично преданный католическому делу, Пикколомини одобрил намерение Валленштейна, а сам, заручившись поддержкой генерала Галласа, столь же непримиримого врага протестантов, как и он сам, уведомил обо всем венский двор.

24 января 1634 г. Галлас, назначенный Фердинандом II временно исполнять обязанности нового главнокомандующего, получил приказ арестовать Валленштейна и доставить в Вену, а в том случае, если он окажет сопротивление, казнить на месте без суда и следствия. Непосредственное исполнение воли императора поручили трем офицерам: ирландцу Лесли, шотландцу Гордону и австрийцу Бутлеру, — которые пользовались полным доверием ничего не подозревавшего Валленштейна, предававшегося в Эгерском замке гаданию по звездам вместе со своим астрологом Сенио.

Вначале заговорщики убивают трех наиболее верных Валленштейну полковников: Кински, Терцки и Неймана. Затем, проникнув в спальню Валленштейна, набрасываются на главнокомандующего и убивают его. Произошло это в ночь на 25

февраля 1634 г. «Так окончил Валленштейн, пятидесяти лет от роду, свою полную славы, необыкновенную жизнь, — писал Фридрих Шиллер в „Тридцатилетней войне“. — Вознесенный честолюбием и честолюбием же повергнутый в прах, при всех своих недостатках изумительный, достойный восхищения человек, он был бы недосягаемо велик, если бы соблюдал меру. Добродетели властелина и героя, ум, справедливость, твердость и мужество с исполинской силой выражены в его натуре; но он был лишен простых человеческих добродетелей, украшающих героя и привлекающих к повелителю сердца».

Получив известие об убийстве Валленштейна, Людовик XIII заявил: «Я надеюсь, что такая же участь ожидает всех, кто предаст своего суверена». Он видел в прославленном полководце лишь презренного изменника.

У Ришелье другая точка зрения, продиктованная не личными, а государственными соображениями. Из «Мемуаров» кардинала видно, что он явно сожалел о смерти Валленштейна, воздавая должное военным заслугам этого «здравомыслящего человека», не оцененного по достоинству «неблагодарным» императором. Ришелье считал, что со смертью Валленштейна Франция упустила дополнительные возможности в закулисной борьбе против Габсбургов. Ведь пока находятся желающие воевать на французские деньги, возможности «дипломатии пистолей» не исчерпаны. Однако они не безграничны. Наступит день, когда шведы уйдут из Германии, как и датчане. Опытный политик, Ришелье не мог не сознавать, что приближается день, когда Франции все же придется непосредственно вмешаться в европейскую войну. Но он желал отсрочить неизбежное вмешательство. Должна же когда-нибудь эта кровопролитная и дорогостоящая война истощить Габсбургов. Тогда-то и придет черед Франции.

Как ни странно на первый взгляд, но устранение Валленштейна во многом способствовало укреплению мощи имперской армии, верховное командование которой Фердинанд II доверил своему сыну и наследнику королю Венгрии (будущему Фердинанду III). Галлас стал его заместителем.

С окончанием зимы имперская армия перешла в наступление. В Рейнской области Бернгард Саксен-Веймарский вынужден был сдать Регенсбург. Попытка Бернгарда провести отвлекающую операцию в Баварии успеха не имела. Вслед за Регенсбургом армия Галласа, фактического главнокомандующего имперскими войсками (по причине частого отсутствия короля Венгрии), захватила город Донауверт, вынудив Бернгарда отступить в Швабию, к Нердлингену, который также был осажден. Из

Северной Италии на помощь Фердинанду двигалась испанская армия во главе с младшим братом Филиппа IV доном Хуаном Австрийским, кардиналом-инфантом, как его часто называли.

Война в Германии принимает все более ожесточенный характер. В драматической поэме «Валленштейн» Шиллер рисует мрачную картину Германии 1634 года:

Война в разгаре — к самой середине
Поэт подводит нас. Шестнадцать лет
Невзгод, разбоев и опустошений,
Но все еще кругом бурлящий хаос.
Нище надежды не забрезжит луч.
Оружия не умолкает звон,
Добыча алчных полчищ города
И Магдебург цветущий — груда пепла.
Ремесла и торговля в запустенье.
Над бюргером глумится солдатня,
И дикие, разнузданные орды
Бесчинствуют в стране опустошенной…[21]

* * *

События 1634 года вызвали самые серьезные опасения у Ришелье. Вдобавок кардиналу стало известно, что 12 мая в Брюсселе Гастон Орлеанский подписал договор с Испанией. Гастон обещал Филиппу IV не вступать ни в какие соглашения с Людовиком XIII по крайней мере в течение двух с половиной лет. Со своей стороны, король Испании обязался оказать Гастону финансовую поддержку в размере около 150 тысяч ливров для формирования на территории испанских Нидерландов армии, с которой он должен был вторгнуться в северо-восточные провинции Франции. Предполагалось, что одновременно начнется испанское вторжение с юга. Действия Гастона из испанских Нидерландов должны быть поддержаны выделенными в его распоряжение и под его командование 12 тысячами испанских пехотинцев и 3 тысячами кавалеристов. Кроме того, договор предусматривал выплату из испанской казны лично Гастону ежемесячной пенсии в размере 45 тысяч ливров на обеспечение достойной наследника французского престола жизни в Брюсселе.

«…Ратифицированный Испанией договор, — писал в „Мемуарах“ Ришелье, — чудом попал в руки Его Величества». В

Париже о нем узнали совершенно случайно. Текст отправили в Мадрид на ратификацию Филиппу IV. На обратном пути из Сан-Себастьяна испанский корабль был перехвачен французами у берегов Дюнкерка, принадлежавшего тогда Испании. Так Ришелье и узнал об очередной измене Гастона Орлеанского.

Положение Франции серьезно осложнилось после того, как в августе 1634 года армия кардинала-инфанта, двигавшаяся из Северной Италии, соединилась в районе Нердлингена с войсками генерала Галласа. Объединенными усилиями они нанесли сокрушительное поражение герцогу Бернгарду Саксен-Веймарскому в сражении 5–6 сентября 1634 г. Он потерял убитыми 12 тысяч, а также 80 орудий, 4 тысячи повозок, 300 знамен и штандартов. В плен был взят шведский генерал Густав Горн, заместитель командующего шведско-германскими протестантскими войсками. Прав был Ришелье в своих постоянных заботах о том, чтобы держать под французским контролем альпийские горные проходы (Вальтелину). Стоило хотя бы на время утратить или ослабить этот контроль, как Испания немедленно объединяла свои усилия с Империей.

Поражение при Нердлингене многие в то время сравнивали с разгромом протестантов у Белой Горы в 1620 году, предсказывая скорое окончание войны в пользу габсбургско-католического блока. Однако эти прогнозы не оправдались. Война продолжалась еще без малого полтора десятка лет.

Катастрофическим последствием поражения при Нердлингене явился и фактический распад Хейльброннского союза, созданного стараниями Ришелье и канцлера Оксенштерны. 24 ноября 1634 г. Саксония и Бранденбург — самые влиятельные германские участники союза — подписали в Пирне прелиминарные мирные соглашения с Империей о прекращении войны. 30 мая 1635 г. эти соглашения будут закреплены в Пражском мирном договоре, подтвердившем союз Саксонии и Бранденбурга с императором при условии признания с его стороны законности существования протестантизма в Германии. Примеру Саксонии и Бранденбурга последовали и другие — Мекленбург, вольные имперские города Эрфурт, Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне, Страсбург… Вновь появлялась надежда на скорое окончание изнурительной войны, и вновь, как не раз уже было, эта надежда исчезла, словно мираж.

Еще одно неприятное известие Ришелье получил из Восточной Европы. Россия, обманутая союзниками — Швецией и Францией, обещавшими и не предоставившими ей военную и иную помощь, вынуждена была прекратить войну с Речью Посполитой. В июне 1634 года она заключила с Польшей договор

(Поляновский мирный договор), согласно которому польский король Владислав IV официально отказывался от притязаний на московский престол.

В результате прекращения Смоленской войны Швеция в срочном порядке вынуждена была перебросить часть своих сил из Германии на границу с Польшей, поскольку распространились слухи о намерении Владислава IV самостоятельно или в союзе с Данией напасть на Швецию. Одна из главных причин поражения шведов, начиная с Нердлингена, как считал Б. Ф. Поршнев, заключалась в этом вынужденном разделении их сил.

Внимательное изучение европейской ситуации на исходе 1634 года убедило Ришелье в том, что вмешательство Франции в войну — дело нескольких месяцев. Но прежде необходимо решить две первоочередные задачи: окончательно подчинить Лотарингию и добиться возвращения Гастона.

Противники Франции в Вене и Мадриде попытались воспрепятствовать французским планам в отношении Лотарингии, которые уже ни у кого не вызывали сомнений. В последних числах ноября 1634 года в Париже появился чрезвычайный нунций папы Урбана VIII 33-летний Джулио Мазарини. Официально Мазарини был уполномочен содействовать урегулированию недоразумений, постоянно возникавших между королем Франции и герцогом Лотарингским. Речь шла о том, чтобы помешать Франции окончательно проглотить Лотарингию. Неофициально на Мазарини была возложена куда более сложная задача — воспрепятствовать вступлению Франции в европейскую войну на стороне «еретиков». Реальная опасность французского вмешательства осознавалась как в Вене и Мадриде, так и в папском Риме.

Мазарини пробудет в Париже до мая 1636 года, однако не выполнит ни одну из возложенных на него задач. Да это вряд ли было возможно даже для такого ловкого дипломата, каким был любимец Урбана VIII. Зато Мазарини успешно использовал проведенное при французском дворе время для установления личных связей с наиболее влиятельными особами, и в первую очередь с Ришелье. Кардинал оценит таланты внука сицилийского рыбака, сделавшего головокружительную карьеру исключительно благодаря собственным достоинствам и ловкости.

Судьба Лотарингии решилась быстро и легко. Армия под командованием Людовика XIII развернула наступление вдоль реки Мозель. Другая армия во главе с маршалом де Лафорсом с ходу овладела Эпиналем, на юге Лотарингии. Нанси контролировался французами.

Карл IV в отчаянии. Он отрекается от престола в пользу

младшего брата — кардинала Никола Франсуа — и бежит в Германию, где поступает на имперскую службу. Новоиспеченный герцог отказывается от духовного сана и женится на принцессе Клод Лотарингской, своей кузине. Затем, поняв, что французы не намерены с ним считаться всерьез, бежит вместе с молодой женой в Италию к своей тетке великой герцогине Кристине Тосканской. Парижский парламент регистрирует королевский эдикт об аннексии Лотарингии.

Теперь взор Ришелье устремляется на Эльзас, многие города которого добровольно спешат перейти под опеку короля Франции. Так поступили Монбельяр, Буксвиллер, Энгвиллер, Саверна, Хагенау и Кольмар. С давних пор Франция, по существу, управляла Мецским, Тульским и Верденским епископствами, а с недавних пор и Трирской областью. Оксенштерна, как никогда нуждавшийся во французской финансовой помощи, уступил Франции имперскую крепость Филиппсбург и несколько других укрепленных городов, захваченных шведской армией. Все это позволило отодвинуть границы Франции далеко на восток от Шампани. Стала обретать реальные очертания давняя мечта Ришелье о «естественной» границе на востоке по Рейну. На территории Франции оставался лишь один анклав — испанский Франш-Конте.

* * *

Настало время вплотную заняться судьбой Гастона Орлеанского, который, как писал Ришелье в своих «Мемуарах», «не видел со стороны Испании никакой готовности (на деле помочь ему. — *П. Ч.)* и, более того, опасался за свою жизнь…» В Брюсселе неизвестный пытался проникнуть в дом Гастона и убить его. Нельзя исключить, что это был агент отца Жозефа, хотя, разумеется, в воспоминаниях и бумагах Ришелье не содержится никаких указаний на этот счет. Можно предположить, что кто-то просто хотел свести с ним счеты: Гастон вел в Брюсселе более чем раскованную жизнь, сопровождавшуюся попойками и бесконечными потасовками. А денег, получаемых от Филиппа IV, явно не хватало. Долги Гастона росли как снежный ком. Видимо, этим да еще настойчивой работой, проводимой Пюилореном по наущению Ришелье, и можно было объяснить неожиданные приступы ностальгии, которым Гастон стал подвержен с конца лета 1634 года.

В сентябре того же года возобновились конфиденциальные переговоры между Пюилореном, действовавшим с ведома

Гастона, и эмиссарами Ришелье относительно возвращения дофина во Францию.

1 октября 1634 г. Людовик XIII сообщил о готовности примириться с братом на прежних условиях с той лишь разницей, что на этот раз Гастону отводилось на размышление не три месяца, а всего две недели. Гастон сообщил в Париж о своем согласии принять условия короля и стал собираться в дорогу.

Сборы по понятным причинам были тайными, так как испанские власти могли воспрепятствовать отъезду Гастона. Организацией побега занимался Пюилорен, решивший осуществить его под видом выезда на охоту.

На рассвете 8 октября Гастон в сопровождении 30 верных ему дворян, из которых лишь четверо знали об истинной цели «охоты», выехал из Брюсселя и вечером того же дня пересек границу Франции. На следующий день в районе Суассона его встретил сам сюринтендант финансов Бутилье, имевший при себе 135 тысяч ливров для погашения срочных долгов дофина. Первое, что услышал Бутилье, была просьба Гастона: «Побыстрее накормите нас, а то мы не ели и не пили целых восемнадцать часов».

21 октября Гастон и Людовик XIII встретились в СенЖермене. Приблизившись к королю, Гастон заявил, явно волнуясь: «Не знаю, страх или радость мешают мне говорить, но мне ничего не остается, как просить Вас простить меня за все, что было». Король обнимает брата, затем — Пюилорена.

В это время появляется Ришелье. Гастон идет ему навстречу и заключает в объятия. Людовик XIII назидательно говорит: «Брат мой, я прошу Вас любить господина кардинала».

«Я буду любить его как самого себя, и я решил во всем следовать его советам», — отвечает Гастон.

Разумеется, мало кто из участников и свидетелей этого спектакля верил в искренность главных действующих лиц. Ришелье меньше, чем кто-либо другой, верит словам Гастона, равно как и его подписи под примирительным актом. Но главная цель достигнута — наследник престола выведен из-под влияния врагов Франции и возвращен на родину. Демонстрируя примирение, Ришелье решил укрепить союз с необходимым ему Пюилореном, имевшим на Гастона очень большое влияние. 28 ноября того же, 1634 года он отдает ему руку своей кузины мадемуазель де Поншато. Молодожены получают в подарок от короля титулы герцога и герцогини д'Эгийон. Трудно сказать, был ли брак с двоюродной сестрой кардинала счастливым для Пюилорена, но он оказался недолгим. Всего лишь через год семейной жизни бедняга Пюилорен неожиданно для всех отошел

в мир иной. Впрочем, вскоре за ним последовала и его супруга.

Как и было предусмотрено, Гастон с женой обосновались в Блуа в ожидании решения комиссии, созданной по распоряжению Людовика XIII для проверки законности их брака. В августе 1635 года ассамблея высшего духовенства галликанской церкви, не без влияния кардинала Ришелье, утвердит решение комиссии о признании этого брака недействительным. Гастон вынужден был подчиниться, но одновременно направил папе римскому тайное послание с просьбой признать брак с Маргаритой де Водемон законным. Узнав о двойной игре Гастона, Ришелье поспешил направить в Рим вслед за письмом дофина специального представителя — епископа Монпелье с миссией добиться утверждения решения, принятого королем Франции и галликанской церковью.

В целом же Ришелье мог быть доволен результатами своей деятельности в истекшем году: Лотарингский дом, столетиями досаждавший Франции, фактически перестал существовать, Лотарингия превращена во французский аванпост на германских границах, наследник престола вырван из-под влияния врагов Франции и возвращен на родину.

Между миром и войной

Реальная угроза выхода Швеции из войны после поражения при Нердлингене побудила Ришелье вплотную заняться военными приготовлениями. Расстановка сил в Европе и все более настойчивые требования последних союзников в Германии, а также Швеции и Соединенных провинций прямого вмешательства Франции в войну не оставляли кардиналу иного выхода. Возможности успешно проводимой в течение полутора десятилетий «дипломатии пистолей» к концу 1634 года были практически исчерпаны. Наряду с военными приготовлениями Ришелье с головой окунулся в напряженную работу по дипломатической подготовке вступления Франции в войну. Первоочередная забота — укрепление старых и заключение новых союзов. В этом плане усилия дипломатии Ришелье сосредоточились на четырех основных направлениях.

8 февраля 1635 г. был подписан договор об оборонительном и наступательном союзе с Соединенными провинциями. Обе стороны обязались выставить по 25 тысяч пехотинцев и 5 тысяч кавалеристов для участия в предстоящих боевых действиях в испанских Нидерландах, где они должны были поддержать освободительное восстание, подготовку которого брала на себя Голландия. В будущем предполагался раздел испанских Нидерландов между Францией и Соединенными провинциями. Кроме того, стороны договорились «направить в море по 15 кораблей с целью очистить Океаническое море (прибрежную Атлантику и Северное море. — *П. Ч.*) и канал (Ла-Манш. — *П. Ч.*), а также держать берега свободными» от вражеских войск. Ришелье считал союз с Голландией — непримиримым врагом Испании — самым надежным для Франции.

Второе направление дипломатических усилий Ришелье — укрепление отношений со Швецией. Цель — не допустить ее выхода из войны. Здесь французской дипломатии пришлось проявить немалую изворотливость, постаравшись обеспечить Швеции прочный тыл на востоке, за который канцлер Оксенштерна всерьез опасался. Дело в том, что в сентябре 1635 года истекал срок шведско-польского перемирия, заключенного стараниями барона Шарнасе в 1629 году, и никто не мог поручиться, что Владислав IV, примирившийся с царем Михаилом Федоровичем, не попытается отобрать шведскую корону у малолетней Христины. Французский посланник при польском дворе граф д'Аво приложил поистине героические усилия для того, чтобы склонить Владислава IV продлить перемирие со

Швецией. Оксенштерна, заинтересованный в мире с Польшей, вынужден был пойти на значительные территориальные уступки Речи Посполитой, отказавшись от завоеваний Густава Адольфа в Польской Пруссии. В результате переговоров в Штумедорфе (Пруссия) между Швецией и Польшей при посредничестве Франции было заключено новое перемирие сроком на 26 лет.

Теперь Ришелье приступил к переговорам с канцлером Оксенштерной относительно возобновления Бервальдского договора 1631 года. Ему хотелось поощрить шведов к наступлению на Австрию. Несмотря на поражение под Нердлингеном, канцлер не отказался от намерений удержаться в Германии, где была дислоцирована шведская армия под командованием генерала Баннера. Он готов продолжить борьбу, но настоятельно требует, чтобы в нее включилась и Франция. Завершающая стадия франко-шведских переговоров проходила в Париже, куда с огромной свитой, достойной суверенного монарха, прибыл канцлер Оксенштерна. Канцлер и кардинал ведут наедине многочасовые переговоры, обходясь даже без переводчика. Оба государственных деятеля свободно говорят на латыни — общепринятом в тогдашнем цивилизованном мире «международном» языке.

28 апреля 1635 г. в Компьене был подписан договор о союзе между Францией и Швецией. По условиям договора Франция обязывалась разорвать все отношения с Габсбургами и начать военные действия на стороне протестантской коалиции, признавала также законным захват Швецией Майнцского и Вормсского архиепископств. Со своей стороны, Швеция обещала восстановить католический культ в захваченных протестантами землях, заручившись аналогичным обещанием Франции содействовать уважению протестантского вероисповедания на территориях, которые могут быть захвачены ею. Обе стороны взяли на себя обязательство не заключать сепаратного мира с Габсбургами.

В преддверии войны Ришелье предпринял энергичные усилия для создания антииспанского блока в Северной Италии, куда попытался вовлечь все мелкие государства этого стратегически важного района. Задача состояла в том, чтобы не допустить объединения военных усилий Испании и Империи. С целью оказания давления на итальянские княжества и принципаты, а также для обеспечения контроля за альпийскими горными перевалами в апреле 1635 года в Вальтелину была введена армия во главе с герцогом де Роаном. Одновременно Ришелье предложил Савойе и Парме начать переговоры о заключении союза с Францией. Переговоры, навязанные Ришелье силой

оружия, завершились подписанием 11 июля 1635 г. так называемого трехстороннего «договора Риволи», по которому Савойя и Парма обязались выставить против Испании 30-тысячную армию. Настойчивые попытки Ришелье привлечь к участию в антииспанском «договоре Риволи» Венецию, Модену и Мантую успеха не имели. Неудачей завершились и старания французской дипломатии заручиться поддержкой швейцарских кантонов в обмен на обещание финансовой помощи со стороны Франции. Католические кантоны не только отвергли союз с Францией, но открыто поддержали Испанию, чем вызвали в свой адрес неприкрытые угрозы со стороны Ришелье. В «Мемуарах» он раздраженно признавался, что довел до сведения швейцарских католических кантонов, что «если они останутся в рамках их нового союза (с Испанией. — *П. Ч.*)», то не смогут больше «рассчитывать на благодеяния короля» Франции. Угрозы эти, надо сказать, не сразу, но все же возымели действие на швейцарцев, особенно после того, как произошел явный перелом в войне в пользу коалиции, возглавляемой Францией.

Прежде чем вступить в войну, Ришелье необходимо было выяснить и намерения Англии. Кардинал направляет туда специальное посольство. Руководитель французской дипломатии знает о сложной обстановке в стране и не требует от Карла I «ни людей, ни денег», только соблюдения нейтралитета.

Дипломатическую почву вступления Франции в войну Ришелье подготовил. И не было, пожалуй, в тогдашней Европе государства, позицию которого не учел бы министр-кардинал.

Теперь Ришелье выжидал удобного момента для открытия военных действий. Эта непонятная для прагматичного и даже циничного государственного деятеля щепетильность по отношению к формальной стороне давно решенного вопроса обернется для Франции безвозвратной потерей драгоценного времени, чем не преминут воспользоваться Габсбурги.

Ришелье явно не хотел, чтобы Франция выглядела нападающей стороной. Он выжидает случая, когда в посягательстве на интересы Его Величества Людовика XIII можно будет обвинить либо Фердинанда II, либо Филиппа IV.

* * *

Столь же удобный, сколь и долгожданный casus belli[22] представился 26 марта 1635 г. В этот день войска дона Хуана Австрийского вторглись в Трирскую область, находившуюся под покровительством короля Франции, и жестоко расправились с

французским гарнизоном, размещенным в Трире. Правитель области архиепископ Трирский был захвачен испанцами и посажен под арест по приказу кардинала-инфанта, назначенного Филиппом IV наместником в испанских Нидерландах.

Дерзкий вызов Испании не мог остаться без ответа. 1 апреля 1635 г., как только в Париже стало известно о захвате Трира, срочно был созван Королевский совет, на котором Ришелье предложил немедленно объявить войну Испании. Заранее заготовленная декларация об объявлении войны была принята единогласно. Члены Совета, включая самого Ришелье, и не предполагали, что втягивают Францию в долгую, изнурительную войну, которая продлится 24 года. В 1642 году уйдет из жизни кардинал Ришелье, а вслед за ним и Людовик XIII. Будет подписан Вестфальский мирный договор, долгожданный мир воцарится на многострадальной земле Германии, а Франция все еще будет воевать с Испанией вплоть до 1659 года, когда преемник Ришелье и продолжатель его политики кардинал Джулио Мазарини заключит Пиренейский мирный договор.

Исторический спор империи Габсбургов и Французского королевства, определивший дальнейшую судьбу Европы, вступал в свою решающую стадию. Идее всемирной монархии Габсбургов с претензиями на безраздельное господство папского универсализма противостояли идеи национального суверенитета и европейского равновесия.

Одним из первых в Европе Ришелье осознал настоятельную необходимость изменения закосневшего со времен средневековья территориально-политического status quo, характеризовавшегося господством на континенте двух габсбургских держав. Политика Ришелье, который считал своей целью возвышение Франции, объективно была направлена на установление равновесия в Европе и в первую очередь на ликвидацию гегемонии Габсбургов. Решение этой задачи было тесно связано с утверждением светского характера межгосударственных отношений, отделением их от идеологического влияния теократии, то есть римскокатолической церкви в лице папского Рима. Вслед за Генрихом IV кардинал Ришелье последовательно проводил курс на сотрудничество со всеми противниками католического универсализма, будь то германские лютеранские княжества, протестантские Соединенные провинции, Дания, Швеция, православная Русь или даже Османская империя — злейший враг христианства.

Ришелье выступает неутомимым проводником новой идеи «государственного интереса», отвергающей прежние религиозно-идеологические императивы. Эту новую идею министр-кардинал

настойчиво проводит и во внутренней политике.

Наряду с общими причинами, приведшими к прямому столкновению Франции с Испанией и Империей, существовали, разумеется, причины и более конкретные, в частности территориальные. Франция давно хотела отодвинуть свои восточные границы к Рейну, что встречало активное противодействие со стороны Империи. Претендовала она также на Наварру, Франш-Конте, Артуа и Фландрию, находившиеся некогда под властью французской короны. Еще в 1629 году в записке Людовику XIII Ришелье прямо ставил вопрос о возвращении этих провинций. Испания же с давних пор претендовала на Бургундию и Шампань.

И все же вступление в войну с могущественным Австрийским домом, находившимся под особым покровительством папского престола, было нелегким делом для католической Франции. Очень многие во Франции, включая ближайшего соратника первого министра — отца Жозефа, не понимали и не одобряли войну с единоверцами. Одно дело — отстаивать французские интересы дипломатическими средствами, действуя за кулисами, и совсем другое — повести за собой «еретиков» всей Европы против защитников святой римско-католической церкви — короля Испании и императора Священной Римской империи. На это трудно было решиться кардиналу Ришелье, но гораздо труднее — «христианнейшему» королю Людовику XIII, хотя оба они, пусть и в разной степени, сознавали необходимость и неизбежность такого решения. Как Ришелье, так и Людовик XIII отвергали перспективу победы Габсбургов в войне в Германии, считая возможным, хотя и нежелательным, военное вмешательство Франции в эту войну. После поражения Швеции под Нердлингеном такое вмешательство стало настоятельной необходимостью.

Известие о разгроме шведов Ришелье получил в шесть часов утра 11 сентября 1634 г. Кардинал немедленно сел за составление записки королю, в которой подробно и предельно четко обосновал необходимость вступления в войну. Каждый абзац он начинает со слов «очевидно, что…».

«Очевидно, что если (протестантская. — *П. Ч.*) партия будет сокрушена, то вся мощь Австрийского дома обрушится на Францию.

Очевидно, что после недавнего поражения эта партия перестанет существовать, если в нее не вдохнут надежду и если ей не будет оказана солидная поддержка…

Очевидно, что самое худшее, что можно посоветовать Франции, это вести себя таким образом, будто она способна в

одиночку выдержать натиск со стороны императора и Испании».

Правда, Ришелье считал, что в тот момент Франция еще не была готова к войне и ей необходимо было выиграть время, морально поддержать своих союзников, побудить их продолжать борьбу и тут же подготавливать собственное выступление. Он признавал, что война потребует от страны огромного напряжения сил, но был убежден, что политическая цена победы намного превысит все понесенные материальные издержки.

Приготовления Франции не остались не замеченными австрийской и испанской агентурой в Париже. Каноник из Оломоуца Себастьян Люстри, официальный представитель Фердинанда II при французском дворе, уже 28 января 1635 г. сообщил в Вену, что, по его мнению, Франция в скором времени объявит войну Империи. Он уведомил также свое правительство, что французской секретной службе удалось раскрыть шифр его дипломатической переписки и теперь следует соблюдать особую осторожность.

Готовясь скрестить оружие со своим шурином Филиппом IV Испанским, Людовик XIII задумал одновременно решить и свои семейные проблемы — развестись с Анной Австрийской, о чем он постоянно думал все последние годы. Формальный предлог для развода — за двадцать лет супружеской жизни королева так и не подарила Франции наследника. Требовалось только согласие папы римского. Людовик XIII распорядился о снаряжении специального посольства в Рим. Однако приготовления пришлось отложить…

* * *

1 апреля 1635 г. было принято принципиальное решение о начале войны. Правда, конкретная дата не называлась, так как Ришелье хотел дождаться результатов переговоров со Швецией. Пока же кардинал старательно соблюдал все необходимые формальности: 21 апреля он направил испанской стороне официальный протест в связи с захватом Трира, потребовав от дона Хуана Австрийского немедленного вывода его войск и освобождения архиепископа Трирского. Ришелье был убежден, что Испания отклонит протест Франции. Именно на это он и рассчитывал.

Подписание Компьенского договора со Швецией 28 апреля 1635 г. устранило последние препятствия на пути развязывания войны. Королевский совет определил и дату — 19 мая 1635 г. Долгие восемь месяцев выжидал Ришелье после поражения

Швеции при Нердлингене. Конечно, это время было использовано кардиналом для более тщательной подготовки к военным действиям. Но и противник не терял времени даром. Как показал первый период войны с участием Франции, подготовился он намного лучше, чем это сделал Ришелье, увлеченный главным образом дипломатической стороной дела. А австрийцы и испанцы тем временем вынудили Бернгарда Саксен-Веймарского отступить на левый берег Рейна и создали тем самым условия для быстрого и безболезненного овладения Эльзасом и долинами, прилегающими к реке Мозель. Чрезмерная осторожность Ришелье дорого обошлась Франции в первые три года военных действий.

Объявление войны затягивалось, по-видимому, еще и потому, что Ришелье смущала неподготовленность французской армии к большой, затяжной войне. В то время французская армия как по численности, так и по оснащению намного уступала испанской, чья прославленная пехота долгое время не знала поражений. Испанская армия славилась железной дисциплиной. Главным же недостатком французской армии была ее недисциплинированность. Офицеры покидали свои подразделения, когда им заблагорассудится, даже не спрашивая разрешения старшего командира.

Самые серьезные опасения вызывал у Ришелье уровень высшего командования, а также возраст некоторых маршалов (например, Лафорсу было далеко за 70). Как это неоднократно бывало в истории, старые, в прошлом заслуженные военачальники оказывались не подготовленными к новым методам ведения войны, но упорно цеплялись за свои посты. Маршалов много, а доверить командование некому. В 1635 году, в разгар военных приготовлений, Ришелье поделился своими сомнениями в письме к сюринтенданту финансов Бутилье. «Мне внушает серьезную тревогу возраст месье де Лафорса, но что здесь можно поделать, — писал он. — Король лучше всех знает военные кадры. Даже если он объедет все свое королевство, то, с моей точки зрения, все равно не найдет таких военных, каких желательно было бы иметь». В ходе войны безусловно появятся молодые талантливые военачальники, а до той поры Ришелье вынужден доверять старым маршалам, о которых он, за малым исключением, был весьма невысокого мнения.

Министр принимает единственно, на его взгляд, верное решение: доверяет командование отдельными корпусами и армиями одновременно двум-трем маршалам и генералам. Уже первые сражения показали, как он ошибся. Безответственность «сокомандующих», занимавшихся бесконечными интригами и доносами друг на друга, в конечном счете самым пагубным

образом отразилась на боеспособности войск. В ходе войны Ришелье вынужден будет исправить собственную ошибку.

При всех очевидных недостатках военного характера у Франции было одно несомненное преимущество — ее выгодное геостратегическое положение. Компактность территории Франции создавала возможности для быстрой переброски войск с одного направления на другое, в то время как силы ее противников были разобщены (испанские Нидерланды, Германия, Северная Италия, Пиренеи) и практически не имели возможности объединиться. К тому же габсбургская империя вынуждена была одновременно вести борьбу на собственной территории со шведами и германскими протестантами, а Испания — с Голландией.

Было у Франции и еще одно преимущество, на которое первым обратил внимание английский политический деятель и историк первой половины XVIII века лорд Болингброк, высоко оценивший расчетливость Ришелье, выбравшего удобное для Франции время вступления в войну. «Он имел двойное преимущество, вступив в войну на столь позднем этапе, — подчеркивал Болингброк в „Письмах об изучении и пользе истории“, — ввод свежих войск против утомленного и почти выдохшегося противника и преимущество, вытекавшее из того, что, уступив нетерпению друзей, нуждавшихся в помощи Франции, этот государственный деятель получил возможность выставить те требования и заявить те претензии — во всех договорах с Голландией, Швецией, с князьями и государствами Империи, — на которых он основывал будущее возвеличение Франции».

При объявлении войны Ришелье решил соблюсти давно забытый ритуал двухсотлетней давности с явной оглядкой на европейское общественное мнение, если, конечно, можно было вообще говорить о таковом в XVII веке. В Мадрид был отправлен специальный герольд в средневековом одеянии, доставивший Филиппу IV декларацию Людовика XIII об объявлении войны с перечислением всех «обид», нанесенных его королевскому достоинству. Другой герольд, чье имя сохранила история, сьер Жан де Грасьоле отбыл с аналогичной декларацией в Брюссель к губернатору испанских Нидерландов кардиналу-инфанту дону Хуану Австрийскому.

Итак, война объявлена. За одиннадцать дней до ее начала отец Жозеф следующим образом определил цель предстоящей кампании: «Подлинные намерения короля состоят в том, чтобы в максимально короткие сроки обеспечить всеобщий мир на будущее, которое напоминало бы золотой век времен Августа».

Ни Людовик XIII. ни Ришелье не могли и предположить, что война, которая начнется через одиннадцать дней, против Испании отодвинет наступление «золотого века» без малого на три десятилетия.

Вторжение

Фактически Франция начала военные действия еще 8 мая 1635 г., когда ее 25-тысячная армия пересекла границу Люксембурга. В день объявления войны, 19 мая, французские войска в районе Авена (бельгийские Арденны) встретили 13-тысячный испанский корпус, возглавляемый принцем Томасом Савойским, и, с ходу атаковав, наголову разгромили его. Испанцы потеряли до 4 тысяч убитыми, всю артиллерию и 40 знамен. 27 мая, продвигаясь в глубь испанских Нидерландов, французские войска встретились в районе Маастрихта с передовыми частями голландской армии принца Оранского.

6 июня Людовик XIII подписал обращение к населению испанских Нидерландов с призывом к национальному восстанию. В следующей королевской декларации, датированной 18 июня, начавшаяся кампания была названа «справедливой войной». Данное понятие, впервые введенное в обращение Ришелье, было неизвестно в тогдашней политической лексике. Как видим, кардинал продолжал заботиться о том, чтобы придать французскому вмешательству в войну вынужденный характер.

Окрыленный первыми успехами, Ришелье предпринимает усилия по мобилизации всех живых и материальных ресурсов страны на военные цели. Его стараниями общая численность французской армии возросла с 60 тысяч до 160 тысяч человек: 134 тысячи в пехоте и 26 тысяч в кавалерии. Никогда прежде Франция не имела столь многочисленной армии.

Тем временем франко-голландские войска развивали наступление на Брюссель. 1 июня они подошли к городу Тирлемону — на полпути между Маастрихтом и Брюсселем. Там размещалась ставка дона Хуана Австрийского, который, взвесив свои возможности, предпочел сдать город, заранее выведя оттуда испанские войска. Тирлемон подвергся жестокому разграблению. Как уверял Таллеман де Рео, ответственным за это был принц Оранский. Трудно сказать, как было в действительности, но французы приняли в грабежах самое активное участие. Бесчинства, творимые на территории испанских Нидерландов «освободителями», отрицательно сказались на дисциплине франко-голландских войск.

Наступление на Брюссель продолжалось, но уже не столь энергично, как в начале кампании. Многие полагали, что судьба столицы испанских Нидерландов предопределена.

И в это время французское командование внезапно прекратило наступление. Оно приступило к осаде Лувена вместо

того, чтобы обойти его и совершить последний бросок на Брюссель, как настаивал принц Оранский. Шатильон и Брезе, командовавшие французской армией, отказались предоставить принцу Оранскому хотя бы часть своих сил для наступления на Брюссель. Раздоры с голландским командованием усугублялись отсутствием согласия между французскими маршалами, постоянно ссорившимися друг с другом. Ко всему добавлялось крайне неудовлетворительное состояние интендантской службы, где процветало казнокрадство. Солдаты были плохо одеты, не был обеспечен регулярный подвоз продовольствия, что толкало их к грабежам мирного населения.

А время неумолимо отсчитывало свой ход, работая на тех, кто уже, казалось, был побежден. Ришелье в Париже понимал это лучше, чем Шатильон и Брезе под Лувеном. Поэтому он настойчиво требовал немедленно возобновить наступление и завершить кампанию до конца лета. В одном из писем дипломатическому представителю при штабе маршалов барону Шарнасе кардинал подчеркивал: «Ежедневно я молю Бога, чтобы ваши пророчества относительно быстрого продвижения во Фландрии оказались вернее моих опасений, что оно (наступление. — *П. Ч.*) идет недостаточно энергично».

Кардинал-инфант с успехом использовал неосмотрительно предоставленную ему французами передышку. Пока французская, а с ней и голландская армии теряли время под Лувеном, он успел перегруппировать свои силы и даже укрепил их за счет 15-тысячного имперского корпуса под командованием Макса Пикколомини, посланного Фердинандом II на помощь кардиналу-инфанту из Рейнской области. Испанский губернатор предпринял смелый прорыв на территорию Голландии, захватив стратегически важный форт Шенк у слияния Рейна и Ваала. Он приказал истребить всех оставшихся в живых защитников форта.

В результате этой неожиданной операции под прямой угрозой оказались Утрехт и Амстердам.

Принц Оранский немедленно устремился на помощь соотечественникам, а французам пришлось снимать осаду и следовать за ним — спасать Соединенные провинции. Увы, опасения Ришелье сбывались. Блестяще начатая кампания шла к бесславному завершению. Принцу Оранскому при поддержке французов удалось отвести угрозу от Утрехта, но в изнурительных боях с испано-имперскими войсками французская армия понесла ощутимые потери, усугубленные волной дезертирств из-за крайне плохого снабжения.

Жалкие остатки той армии, которая в мае-июне 1635 года была еще вполне боеспособной, к концу сентября того же года

благодаря заботам голландцев вернулись морем во Францию. Все захваченные в начале кампании позиции были утрачены. «Сердце кровью обливается, — писал Ришелье Людовику XIII в связи с провалом экспедиции в испанские Нидерланды, — когда узнаешь о той нищете, в которой погибла фландрская армия… Это должно послужить в дальнейших делах короля самым серьезным уроком, ибо достойна презрения та держава, которая спокойно взирает на то, как гибнут в нищете ее войска».

* * *

Провал франко-голландского наступления в испанских Нидерландах отразился и на общей расстановке сил. Особое беспокойство у Ришелье вызывала обстановка в Германии, где императору удалось не только вывести из борьбы Саксонию и Бранденбург, но и заключить с ними союз против Швеции. «Новости из Германии очень плохие» — так комментировал Ришелье в письме к одному из своих помощников подписание Пражского мира между императором и курфюрстами Саксонским и Бранденбургским.

Добившись определенного перевеса в Германии, Фердинанд II размышлял над планом дальнейших действий. Император колебался: продолжать ли борьбу в самой Германии до полного искоренения лютеранской «ереси» или бросить все силы Империи на Францию. В конечном счете император склонился ко второму варианту. Не отказываясь в перспективе от борьбы с германскими последователями Лютера, Фердинанд II из тактических соображений счел необходимым временно пойти им на уступки, с тем чтобы развязать себе руки для войны с Францией. Самой серьезной уступкой такого рода было его решение об отсрочке на 40 лет введения в действие Реституционного эдикта, вызывавшего решительное неприятие германских протестантов. С целью укрепления отношений с Саксонией Фердинанд II пошел на территориальные уступки, отдав курфюрсту Иоганну Георгу часть чешских земель, а также четыре округа, отторгнутых от Магцебургского епископства.

Летом 1635 года Империя практически была свободна от иностранного военного «присутствия», за исключением Померании, где сосредоточились шведская армия генерала Баннера, а также части Рейнской области, Эльзаса и Лотарингии, захваченной французами и их союзником герцогом Саксен-Веймарским. У Фердинанда II были основания надеяться на скорое победоносное окончание войны. Но он явно недооценивал

возможностей и решимости Франции вести борьбу до конца.

Формально Империя не находилась в состоянии войны с Францией и пока не вмешивалась, за исключением испанских Нидерландов, в ход военных действий между Францией и Испанией. К тому же, прежде чем объявить войну кому бы то ни было от имени Империи, необходимо было получить согласие ее высшей инстанции — общегерманского сейма. В ожидании же его созыва Фердинанд II счел себя вправе принять неотложные меры по изгнанию Франции с незаконно захваченных ею имперских земель в Рейнской области, Эльзасе и Лотарингии. Воспользовавшись провалом франко-голландской экспедиции в испанские Нидерланды, император направил в Лотарингию небольшую армию во главе с бывшим герцогом Логарингским Карлом и генералом Галласом. Фактически это означало, что император вступал в войну с королем Франции.

Маршал де Лафорс и герцог Ангулемский, возглавлявшие войска в Лотарингии, оказались не в состоянии дать отпор имперцам и вынуждены были отступить. В довершение всего Карлу удалось поднять в своем недавнем владении антифранцузское восстание, которое облегчило наступление имперцев.

В Париже всерьез встревожились развитием событий в Лотарингии. Лафорс и герцог Ангулемский получили приказ принимать самые жесткие меры против восставших. Пленных велено предавать казни незамедлительно. Если тот или иной город нельзя удержать, гласил приказ министра-кардинала, его надо предварительно разрушить до основания, чтобы неприятель впредь не смог использовать его укрепления.

Людовик XIII горел желанием лично возглавить поход в Лотарингию. В сентябре 1635 года он наконец отправился туда, оставив Ришелье в Париже. В начале октября король захватил и предал разграблению «неверный» город Сен-Мишель. Однако сил королевской армии оказалось недостаточно для изгнания имперцев из Лотарингии. Уже 8 октября помощник государственного секретаря де Шавиньи, приставленный Ришелье к штабу Людовика XIII, извещал кардинала о «глубокой меланхолии» у короля. В письме от 13 октября Шавиньи сообщал о сильном упадке духа у Людовика XIII и вызванных этим сильнейших желчных коликах. Ришелье спешит поднять настроение короля бодрыми, обнадеживающими письмами.

Однако уже 20 октября король прекращает боевые действия в Лотарингии и возвращается в Париж в крайне удрученном состоянии.

Лотарингия полностью опустошена в результате

хозяйничанья там французской и имперской армий. Победители — Карл Лотарингский и генерал Галлас — вынуждены также отступить из разоренной страны в соседние германские земли.

Возникшую паузу в ходе военных действий Ришелье использовал для переговоров с Бернгардом Саксен-Веймарским. Он предлагает энергичному талантливому полководцу, непримиримо настроенному по отношению к Габсбургам, возглавить французскую армию. Переговоры с Бернгардом проводились втайне от канцлера Оксенштерны, на службе у которого до сих пор находился герцог. Ришелье предложил Бернгарду куда более выгодные условия — ежегодную пенсию в размере 1,5 миллиона ливров и 4 миллиона в год на содержание армии. Франция согласна была признать за герцогом все «благоприобретенные» им на войне владения.

Бернгард принял предложения Ришелье, подписав в октябре 1635 года Сен-Жерменский договор с Францией, обязывавший его вести активные военные действия в Эльзасе и Рейнской области во взаимодействии с французской армией кардинала де Лавалетта, отступившей под натиском Галласа к Мецу.

* * *

В Северной Италии Франция действовала на основании «договора Риволи» с герцогом Савойским. Объединенные под командованием маршала де Креки франко-савойские войска должны были контролировать проходы через Альпы, чтобы не допустить соединения сил испанского наместника Милана с армией императора в Германии. Другая задача состояла в том, чтобы держать под ударом Геную — верного союзника Испании в Северной Италии, обеспечивавшего переброску подкреплений из Испании и финансировавшего ее военные операции. Однако парализовать деятельность этой перевалочной базы Испании на Апеннинах Франции так и не удалось. Кроме того, Франция лишилась потенциального союзника в Северной Италии в лице герцога Мантуанского, который в сентябре 1635 года неожиданно умер. Герцогство перешло к малолетнему внуку Карлу, за которого стала править его бабка — убежденная сторонница Филиппа IV.

Неутешительные известия поступали из Прованса.

В середине сентября 1635 года испанский галерный флот под командованием маркиза де Санта-Круса высадил десант на Леринские острова, вблизи берегов Прованса. Слабые французские силы, застигнутые врасплох, не смогли оказать

сопротивление, и острова перешли под контроль испанцев. Только Вальтелина, надежно контролируемая небольшой армией недавнего мятежника-гугенота герцога де Роана, не доставляла Ришелье забот. Роан успешно держал оборону сразу на двух фронтах — на юге от испанцев и на северо-востоке от австрийцев, отражая все их попытки овладеть альпийскими проходами. В ходе двух таких атак — 27 июня и 3 июля 1635 г. — армии противника понесли значительные потери, после чего испанский командующий попытался склонить герцога к измене. Испанский генерал направил к Роану французского дворянина с соответствующими предложениями. Герцог ответил на них более чем красноречиво: приказал повесить изменника-парламентера на виду у всех — французов и испанцев, т В конце октября Роан сам предпринял дерзкую вылазку в направлении Тироля, вызвав настоящую панику в расположении имперских войск, обратившихся в бегство. Затем совершил быстрый поворот и 10 ноября нанес столь же неожиданный удар испанцам. Смелые действия Роана надолго отбили охоту у испанцев и австрийцев беспокоить его в Вальтелине.

1635 год завершился для короля Франции и его первого министра досадной неудачей дипломатического характера: папа Урбан VIII отказался признать недействительным брак Гастона Орлеанского и Маргариты де Водемон. У Ришелье были все основания полагать, что здесь не обошлось без участия Габсбургов.

* * *

Всю зиму 1635/36 года кардинал занимался переоснащением армии и подготовкой планов предстоящей летней кампании. Извлекая уроки из печального опыта похода во Фландрию, он намерен был в этом районе военных действий ограничиться сугубо оборонительными операциями. Зато на других направлениях — в Эльзасе, Франш-Конте и Северной Италии — планировалось предпринять наступление. Важную роль отводил Ришелье активизации морской войны силами двух эскадр, которыми командовали талантливые флотоводцы архиепископ Бордоский и епископ Нантский, совмещавшие по примеру министра-кардинала служение Иисусу Христу и богу войны.

Действительность нередко опрокидывает первоначальные планы вопреки всем стараниям и хитроумным расчетам их составителей. Наступление, начатое кардиналом Лавалеттом и Бернгардом Саксен-Веймарским в направлении Рейна,

захлебнулось, а затем завершилось быстрым отступлением в Эльзас. Бернгард с трудом остановил свои войска в районе Хагенау.

Посланный в Италию для укрепления командования маршал де Туара погиб в одном из первых же сражений, а его наступавшая армия откатилась на исходные позиции.

Принц Конде безуспешно топтался со своей армией у стен города Доль во Франш-Конте, будучи не в силах сломить сопротивление испанского гарнизона.

Удача явно не сопутствует французскому оружию. Зато кардиналу-инфанту удалось прорвать французскую оборону в Пикардии и выйти в ряде мест к реке Сомме. В первых числах июля 1636 года перед ним капитулирует Ла-Капель, затем в течение трех недель последовательно Вервен, Боэн и Ле-Катле.

Ввиду угрожающею положения, сложившегося в Пикардии, Людовик XIII приказал отслужить во всех соборах королевства молебны об избавлении от врагов и о погублении оных Крестом Господним. Но Господь не внял молитвам сообщников «еретиков», обойдя их своим покровительством и благословив истинно католическое воинство кардинала инфанта.

4 августа испанцы форсировали Сомму, а через два дня осадили крепость Корби — последний мощный заслон по пути на Париж. Крепость продержалась только девять дней. 15 августа 1636 г. она пала. Теперь кардинал-инфант мог свободно идти на столицу Франции.

Крайне неблагополучно складывались дела и в Лотарингии, откуда французы были практически полностью вытеснены имперской армией Иоганна фон Верта, двинувшегося затем на Шампань.

Ришелье приказывает немедленно прекратить бессмысленную осаду Доля и отзывает из Франш-Конте значительную часть сил Конде для защиты Парижа. С оставшимися войсками Конде не в состоянии продолжать борьбу за Франш-Конте и вынужден отступить из этой провинции. Испанцы тем временем вторгаются в Бургундию и намереваются захватить Дижон — административный центр провинции. Почти никто, в том числе и Ришелье, не сомневался, что Бургундия потеряна. Но в этой обстановке всеобщего отчаяния горстка смельчаков, укрывшихся за стенами небольшой крепости Сен-Жан-де-Лон, прикрывавшей юго-восточные подступы к Дижону, неожиданно преградила дорогу продвигавшейся быстрыми темпами испанской армии. Наступательный порыв испанцев был погашен мужественным и на первый взгляд бессмысленным сопротивлением защитников Сен-Жан-де-Лона. Бургундия была спасена.

Увы, это была единственная удача, которая, конечно же, не могла повлиять на ход всей кампании, принимавшей для Франции поистине катастрофический характер.

Ришелье со страхом ожидал падения Амьена — последней цитадели, контролируемой французами в Пикардии. Он пытается спасти столицу Пикардии, направив на помощь сопротивлявшемуся Амьену армию графа Суассона, но она была разбита, и ее остатки откатились за Уазу — в район Компьена.

Угроза для Парижа нарастала с каждым днем. Ришелье отдал приказ взорвать все мосты к северу от Парижа, а также все мельницы на пути возможного продвижения противника, чтобы затруднить движение испанских войск и их снабжение.

* * *

В Париже начинается паника. Город полон слухов. Говорят, что испанцы уже в северо-восточных пригородах и со дня на день ворвутся в столицу. Дороги на Орлеан, Блуа и Тур забиты беженцами. Париж давно уже перерос свои старые стены, он явно не готов к обороне. В этой обстановке даже Ришелье растерялся. Многие обвиняют во всем кардинала, не обеспечившего безопасности столицы королевства. Наиболее горячие головы требуют смерти Ришелье.

В эти критические, полные драматизма дни неожиданную энергию и волю обнаружил человек, от которого менее всего этого ожидали. Человеком этим был король Франции Людовик XIII.

Именно ему, этому монарху, известному своей бесхарактерностью и апатичностью, — а не волевому и неутомимому министру-кардиналу — Париж будет обязан своим спасением.

В критический момент Людовик XIII нашел в себе силы, чтобы выполнить возлагаемую на него короной миссию «отца Отечества».

«Его Величество, — вспоминал Ришелье, — подписал ордонанс, согласно которому все мужчины, способные носить оружие, обязаны в течение двадцати четырех часов вступить в ряды армии маршала де Лафорса…» Действительно, 4 августа 1635 г. Людовик XIII обратился к населению Парижа с призывом ко всеобщей мобилизации. В его обращении не было слов «Родина в опасности», но смысл королевского ордонанса был именно в этом. Парижан приглашали вступать в резервную армию, срочно комплектуемую 77-летним маршалом де Лафорсом. Король подал

пример: вся многочисленная придворная прислуга, за исключением нескольких человек, обслуживавших лично Людовика XIII, была зачислена в формируемое ополчение. Мобилизации не подлежали лишь те горожане, которые обеспечивали продовольствие для Парижа, — мукомолы, пекари, мясники и т. д. Дворяне, имевшие собственный выезд, обязаны были отдать на военные нужды лошадей с кучерами. Все ближайшие к Парижу городки и деревни должны были регулярно направлять на строительство укреплений вокруг столицы не менее трети мужского населения. Запасы продовольствия сосредоточивались в общественных подвалах и охраняемых помещениях. Даже большая галерея Лувра была приспособлена для хранения зерна. Город готовился к длительной обороне, явно не собираясь сдаваться на милость врага.

Король принимает в Лувре многочисленные депутации ремесленников, изъявляющих готовность пожертвовать всем своим имуществом и даже жизнью ради победы над врагом. Наверное, впервые Людовик XIII обнимался с простым людом, никогда не допускавшимся прежде в королевские апартаменты.

В эти августовские дни король без обычного многочисленного эскорта и даже без охраны разъезжает по улицам Парижа, вступая в беседы с прохожими. Кто знает, может быть, он открывал для себя неведомый ему мир — мир грубых, плохо одетых, но честных людей, задавленных тяжелой жизнью и тем не менее готовых сразиться с иноземными захватчиками. Именно у них черпает Людовик XIII необходимые силы и уверенность в победе. Вполне возможно, что именно тогда испытал он наивысший подъем духа.

Зато кардинал Ришелье, этот верховный жрец бюрократии, пребывает в полной растерянности. Мастер тонкой политической игры и хитроумных комбинаций, любящий и умеющий приказывать, он буквально раздавлен неожиданным поворотом событий. До его слуха долетают не только радостные крики «Да здравствует король!», но и угрожающие — «Смерть кардиналу!». В отличие от короля, чувствующего себя уверенно среди парижан, Ришелье совершенно беспомощен перед этой народной стихией, боится ее… Кардинал заговаривает с королем об отставке, но Людовик XIII ничего не желает слушать и советует Ришелье укрыться в дворцовых покоях до тех пор, пока не улягутся страсти.

В течение нескольких дней Ришелье не выходил из дворца, охрана которого усилена. А вскоре король заражает кардинала своим примером. Ришелье вновь обретает душевное равновесие и присущую ему ясность ума. Он возвращается к делам и даже выезжает из дворца, инспектируя оборонительные работы. Его

красный плащ привлекает всеобщее внимание. Но странно… ни враждебных действий, ни оскорбительных выкриков. Народ целиком поглощен иными заботами, а может быть, вид грозного кардинала внушает страх? Кто знает… Ришелье заводит беседы со случайными прохожими, заверяющими его в том, что Париж не склонит голову перед врагом. Но он знает и о других настроениях. Некий отец-иезуит Карре, как сообщали осведомители, публично заявил, что Людовику XIII очень скоро «придется на коленях просить короля Испании о мире».

Города и профессиональные корпорации спешили на помощь попавшей в беду столице, предоставляя людей и деньги. Города между Парижем и Блуа выделили средства на содержание 10 500 солдат, города и населенные пункты в окрестностях столицы — на 4500, сам Париж — на 6500. Парижский парламент постановил произвести оплату 2500 пехотинцев, канцлер и сюринтенданты — 500, духовенство — 800, университет — 400. Таким образом, собранных средств хватило на формирование 27-тысячной армии.

В середине августа в Париже началась запись волонтеров, которых после короткого обучения направляли на линию фронта в район Компьена.

Ришелье предлагает отступить за Луару. По всей видимости, у него нет полной уверенности, что удастся удержать Париж. Большинство министров привычно поддерживают кардинала, но Людовик XIII решительно отвергает этот план, настояв на удержании любой ценой занимаемой линии обороны по реке Уазе. Дальнейшие события показали, что прав был король, а не министр-кардинал. Опасность для Парижа, возникшая после падения Корби, уже миновала.

* * *

Кардинал-инфант не последовал настойчивым советам Иоганна фон Верта немедленно штурмовать Париж, а почему-то замешкался в районе Компьена, утратив наступательный порыв. По всей видимости, дон Хуан опасался за растянутость своих коммуникаций, создававшую угрозу для тылов. Его базы снабжения остались далеко позади — в испанских Нидерландах и в Рейнской области; на оккупированных территориях, во многом благодаря предусмотрительности французского командования, испанцы не нашли достаточного количества продовольствия и фуража. Самое серьезное беспокойство у кардинала-инфанта вызывали действия армии принца Оранского. По настоятельной просьбе Людовика XIII принц Оранский в первых числах сентября

начал наступление на границе Соединенных провинций и испанских Нидерландов с целью отвлечения сил кардинала-инфанта с французского фронта. Дон Хуан вынужден был принять решение о немедленном возвращении в Брюссель, оставив в Пикардии лишь слабые прикрытия.

1 сентября 1636 г. король отправился в Компьен, чтобы лично возглавить готовившееся наступление. Ришелье остался в Париже.

Наступление началось 13 сентября, когда французские войска форсировали Уазу и с ходу овладели городом Руа в Пикардии. Испанцы ведут арьергардные бои и отступают на правый берег Соммы. В начале октября французы окружили Корби и приступили к осаде крепости.

Король расположил свою ставку в Амьене, куда в середине октября прибыл и Ришелье. Здесь он едва не стал жертвой организованного против него заговора, о котором, впрочем, так никогда и не узнал.

Заговор был составлен его давними недругами Гастоном Орлеанским и графом Суассоном, назначенными Ришелье в соответствии с тогдашней практикой «сокомандующими» армией. Они решили воспользоваться приездом кардинала в Амьен и убить его. Непосредственными исполнителями акции согласились стать два приближенных к Гастону и Суассону дворянина — Антуан де Бурдель, граф де Монтрезор, и его кузен де Сен-Ибар, привлекшие к этому делу трех своих приятелей.

После одного из заседаний Военного совета, когда большинство его участников разошлись, Гастон под благовидным предлогом задержал Ришелье и завел разговор. Они вдвоем вышли из дома и стали прогуливаться по двору, где в углах притаились пять вооруженных заговорщиков, ожидавших сигнала от Гастона. Внезапно, прервав беседу на полуслове, Гастон быстро удаляется и скрывается за дверью, оставив Ришелье в полном недоумении.

Заговорщики не решились действовать без сигнала. Обескураженный граф де Монтрезор после долгих поисков обнаружил Гастона в спальне в состоянии нервного шока. Принц дрожал как в лихорадке, с него градом катил пот, и он был не в состоянии что-либо объяснить.

Три дня спустя, взяв себя в руки, Гастон назначил новую акцию. Однако и на этот раз его нервы не выдержали сильнейшего напряжения. Он так и не смог победить свой страх. А через несколько дней, сославшись на плохое самочувствие, Гастон покинул Амьен и уехал в Блуа.

Тем временем французская армия развивала наступление в

Пикардии. Кольцо окружения вокруг Корби сжималось с каждым днем. Испанскому гарнизону было передано очередное предложение о капитуляции. Поразмыслив несколько дней, испанцы отошли в полном составе и при оружии к франко-испанской границе во Фландрию. Король возвращается в Париж под звон колоколов и пение «Те Деум».

К лучшему изменилось положение и в Бургундии, откуда противник постепенно был вытеснен во Франш-Конте. За исключением Прованса, где испанцы продолжали удерживать Леринские острова и Сен-Жан-де-Люз, а также крепости Ла-Капель в Пикардии, территория Франции к началу 1637 года была очищена от неприятеля.

Военные потрясения 1636 года пагубно сказались на хозяйственном положении страны. Пикардия и Бургундия — две богатейшие провинции — были буквально опустошены. Отражение интервенции потребовало невероятного напряжения всех ресурсов — живых и материальных. Военные расходы в 1636 году достигли не виданного прежде уровня — 60 миллионов ливров, а сбор основного налога не превысил по всей стране 50 миллионов ливров. Недостающие суммы выколачивались всеми правдами и неправдами, вызывая массовое разорение малоимущего населения и, как следствие, крестьянские и городские восстания.

Особо население было недовольно введением налога на соль — табель, а также на виноделие — эд.

Собственно говоря, народные волнения сопровождали все правление Ришелье, но пик активности пришелся на вторую половину 30-х годов, когда колоссальные военные расходы вызвали катастрофическое ухудшение положения населения в целом ряде районов страны. В 1635–1636 годах волна крестьянских восстаний прокатилась по юго-западу Франции, охватив провинции Перигор и Ангумуа. Многотысячные толпы крестьян, предводительствуемые сельскими кюре, поднимаются против сборщиков табели. В июле 1636 года восстание вспыхивает в Сентонже, Они, Пуату и Лимузене. Восставшие называют себя кроканами (от слова «croquant» — хрустящий на зубах).

Зимой 1636/37 года восстание пошло было на убыль, но с наступлением весны разгорелось с новой силой, охватив около 15 провинций. Подавление восстаний требовало постоянного отвлечения войск с фронтов. Попытки мирно договориться с руководителями кроканов в большинстве случаев не давали положительных результатов.

В 1637 году в Перигоре вспыхнуло самое крупное восстание.

Кроканы организовались в настоящую армию, во главе которой встал местный дворянин Антуан дю Пюи де Ламот де Лафоре. Это был уже немолодой человек, опытный военачальник, участник многих сражений. Он стал подлинным «генералом кроканов», организовав и вооружив 10-тысячную армию, наводившую ужас на власти провинции. В распространявшихся им манифестах и приказах постоянно утверждалось, что восстание ни в коей мере не направлено против короля и центрального правительства, а исключительно против злоупотреблений сборщиков налогов и покровительствующих им местных властей. Примечательно, что кроканы пользовались поддержкой духовенства. Обосновавшись в Бержераке, де Ламот де Лафоре отменил выплату всех «незаконных» налогов и призвал все города Перигора последовать этому примеру.

Крайне обеспокоенный масштабами восстания в Перигоре, Ришелье приказал д'Эпернону, командующему армией, действовавшей против испанцев в провинции Гасконь, срочно выделить часть войск для его подавления. Карательные войска численностью примерно 3 тысячи человек были направлены в Перигор. Командовал ими сын д'Эпернона герцог де Лавалетт. Он реально оценил обстановку, в которой явное превосходство крестьянской армии практически не оставляло ему шансов на военную победу, и начал тайные переговоры с «генералом кроканов», обещая ему прощение короля в случае сдачи Бержерака.

Руководители кроканов, по всей видимости, заподозрили неладное и потребовали объяснений от командующего армией. Очень быстро разногласия приняли характер междоусобных вооруженных стычек. 1 июня 1637 г. произошло настоящее сражение между частями, верными де Ламоту де Лафоре, и его противниками, возглавляемыми ремесленником (по другим сведениям — лекарем) Маго. Командующего поддержала буржуазия Бержерака, искавшая компромисса с правительством. В сражении Маго был убит, а 4 тысячи его сторонников сложили оружие.

8 июня в Бержерак вошел герцог Лавалетт, достигший согласия с Ламотом. При активном содействии последнего власть короля в Перигоре была восстановлена.

В донесении о подавлении восстания, посланном в Париж, герцог подал Ришелье оригинальную идею: почему бы не включить вполне боеспособные отряды кроканов де Ламота в королевскую армию, направляемую на испанский фронт в район Сен-Жан-де-Люза? Кардинал был крайне удивлен столь необычным предложением и уже намеревался отчитать де

Лавалетта за дерзость, но по здравом размышлении идея показалась ему интересной, и он дал свое согласие: на счету было не только каждое подразделение— каждый солдат.

Очаг восстания в Перигоре погашен, но то и дело возникают новые в самых различных уголках Франции. Так будет на всем протяжении войны.

Разумеется, отвлечение сил на борьбу с народными волнениями осложнило и без того серьезное положение правительства, вынужденного вести войну сразу с двумя противниками — Испанией и Империей.

* * *

А Фердинанд II тем временем всеми средствами стремился укрепить свои позиции в Германии. Почти все протестантские князья либо уже замирились с ним, либо подумывали об этом. Императору удалось навязать Чехии династию Габсбургов. Страна усиленно германизировалась. Пфальц был поделен между Фердинандом и Максимилианом Баварским.

Считая, что настало время «узаконить» свои приобретения и закрепить одержанную в Германии морально-политическую победу, император в сентябре 1636 года созвал в Регенсбурге общегерманский сейм. В письме к Мазарини от 7 октября 1636 г. Ришелье следующим образом комментировал это событие: «Совершенно очевидно, что Австрийский дом созвал в Ратисбонне (Регенсбурге. — *П. Ч.*) сейм исключительно с двумя целями: во-первых, получить от него короны Венгрии и Румынии (так в тексте. — *П. Ч.*) и, во-вторых, заставить (Католическую) Лигу во всей Германии включиться в борьбу против Франции и ее союзников».

Работа сейма продолжалась до конца года и в целом оправдала надежды Фердинанда II, получившего формальные заверения курфюрстов и имперских городов в их готовности и решимости принять участие в войне против Франции и Швеции. Ведь до сих пор император вел войну с Францией в полном одиночестве, если не считать Филиппа IV. Правда, германские князья согласились воевать только в том случае, если Франция откажется освободить от своего «присутствия» занимаемые ею имперские территории в Эльзасе и Лотарингии, а также епископства Меца, Туля и Вердена. Данное условие предполагало длительные и безусловно трудные переговоры с Парижем, который, естественно, сознательно будет тянуть с ответом.

На позицию германских князей, безусловно, повлияли

действия, предпринятые шведами из Померании. В конце сентября 1636 года шведская армия начала наступление против двух недавних союзников — Саксонии и Бранденбурга, перешедших в 1635 году на сторону императора. 6 октября 1636 г. шведский генерал Баннер разбил при Витстоке объединенные силы имперцев, саксонцев и бранденбуржцев, после чего, по взаимной договоренности с Ришелье, двинулся в направлении Чехии. Однако вслед за первыми успехами началась полоса неудач. Армия Баннера остановилась в районе Эрфурта. Это и определило во многом поддержку императора на сейме даже протестантскими князьями, утвердившими эрцгерцога Фердинанда королем Венгрии и Трансильвании.

Едва закончился Регенсбургский сейм, как из Вены пришло известие о смерти императора Фердинанда II. На престол вступил его сын Фердинанд III. «Менее зависимый от иезуитов и испанцев и, — как писал Фридрих Шиллер, — более справедливый к чужой вере, он легче, нежели его отец, мог прислушаться к голосу умеренности. Он внял ему и даровал Европе мир, но лишь после одиннадцатилетней войны мечом и пером и лишь тогда, когда всякое сопротивление стало бесплодным и неумолимая необходимость продиктовала ему свой железный закон».

Воцарение молодого императора с надеждой было встречено в Германии, причем в обеих ее частях — католической и протестантской, в одинаковой мере изнемогавших от двух десятилетий войны.

В это время появляются первые планы созыва в Кёльне европейского мирного конгресса под эгидой папы римского. Однако Урбан VIII перечеркнул их, заявив, что никогда не сядет за один стол с «еретиками» — голландцами и шведами. Попытки Ришелье убедить папу подняться над предрассудками ради достижения мира в Европе не увенчались успехом. Для Святого престола католическая Франция, олицетворяемая кардиналом-«отступником», была ничем не лучше протестантских Соединенных провинций или Швеции. Недвусмысленным выражением неприязни папского Рима к кардиналу Ришелье явился отказ Урбана VIII возвести в кардинальский сан ближайшего помощника французского министра — отца Жозефа, несмотря на все его известные заслуги перед римскокатолической церковью и даже личное расположение папы.

Потерпев неудачу в организации европейского мирного конгресса, интерес к которому проявлял и Фердинанд III, Ришелье попытался прозондировать почву в Мадриде относительно возможности сепаратного мира с Испанией на приемлемых для Франции условиях. Кардинал полагал, что

примирение с Испанией может быть достигнуто легче, чем с Империей, учитывая французские интересы и обязательства по отношению к протестантам Германии.

Для выяснения настроений и намерений герцога Оливареса, руководившего политикой Филиппа IV, в Мадрид был направлен отец Башелье — священник из окружения Анны Австрийской, пользовавшийся полным доверием министра-кардинала. Официально миссия отца Башелье заключалась в поисках для Анны Австрийской реликвий чтимой ею Святой Исидоры. Под этим прикрытием эмиссар Ришелье должен был вступить в секретные переговоры с Оливаресом о возможности заключения мира между Францией и Испанией.

Оливарес охотно пошел на переговоры с дипломатом в рясе. У него были достаточно серьезные причины обсудить предложение Ришелье: Испания сражалась из последних сил, в Каталонии и в ряде других провинций нарастало движение за независимость, интенсивная эмиграция в Новый Свет и непрерывные войны до предела обострили демографическую ситуацию, испанская деревня находилась в упадке; обилие золота, поступавшего из Америки, обесценивало его стоимость, а заодно подрывало земледелие и ремесла.

При всем том Оливарес был тверд и непреклонен: мир возможен только на условиях возвращения к довоенному status quo; Лотарингия — единственное приобретение Франции за последние два года — должна быть освобождена от французов и возвращена ее законным хозяевам — Лотарингскому дому и Империи. Условия, продиктованные Оливаресом, Ришелье счел неприемлемыми. Тайные переговоры с Мадридом временно были прерваны.

В целом же положение Франции к концу 1636 года хотя и стабилизировалось, но продолжало оставаться тяжелым. Провал шведского наступления на Чехию означал, что в ближайшем будущем Франции придется воевать в одиночку, не рассчитывая на чью-либо поддержку.

Испытания

Наступивший 1637 год принес Ришелье новые тревоги и заботы. На театре военных действий положение Франции было неустойчивым. Победы сменялись поражениями. Самым значительным успехом Франции в кампании 1637 года было возвращение Леринских островов.

Еще в январе министр-кардинал отдал приказ об организации морской блокады захваченных испанцами островов. С этой целью туда стягивались все наличные силы Франции на Средиземном море. К концу февраля 40 кораблей и 20 галер полностью перекрыли все подступы к Леринским островам. Морской осадой руководил архиепископ Бордоский. Начиная с 24 марта корабельная артиллерия ежедневно обстреливала береговые укрепления. Полтора месяца продолжался это г кошмар. Испанская армия несла тяжелые потери. Наконец испанцы не выдержали и 12 мая капитулировали. По условиям капитуляции испанским солдатам во главе с доном Мигелем Пересом разрешили вернуться на родину. Французы восстановили контроль над островами и удерживали их до самого окончания войны. В июне 1637 года Испания попыталась захватить Сен-Тропез, но и здесь потерпела поражение.

Возвращение Леринских островов не смогло тем не менее компенсировать серьезное поражение Франции в Вальтелине, ответственность за которое лежала и на министре-кардинале. По условиям соглашения с гризонами, под чьим управлением издавна находилась Вальтелина, французское правительство обязано было выплачивать им ежегодно миллион ливров в обмен на разрешение держать в этом районе армию и осуществлять контроль за альпийскими перевалами. Часть выделяемых средств шла на нужды армии Роана.

Уже в 1636 году Франция не выполнила своих финансовых обязательств перед гризонами, что сразу же сказалось на материальном положении солдат и офицеров Роана. По всей видимости, Ришелье упустил этот вопрос из своего поля зрения: летом 1636 года у него были куда более срочные и важные заботы. Возможно, он переоценил отношение гризонов к Франции. Нельзя исключать и происков испанской партии при дворе Людовика XIII, давно пытавшейся настроить короля и первого министра против недавнего мятежника-гугенота.

Так или иначе, но в 1637 году армия Роана осталась без денег, а гризоны после неоднократных напоминаний и французскому командующему, и правительству Франции

отказались содержать французские войска за свой счет. По непонятной причине все обращения Роана в Париж остались без ответа. Наконец к началу весны гризоны вместо положенного миллиона ливров получили 200 тысяч. Возникла конфликтная ситуация, которой поспешила воспользоваться испанская агентура. У Роана были все основания подозревать гризонов в сговоре с Миланом.

18 марта 1637 г. в Вальтелине началось антифранцузское восстание. Таким образом, подозрения Роана подтвердились.

Ришелье с опозданием осознал совершенную ошибку. В письме к королю от 29 марта 1637 г. кардинал писал: «Курьер подтвердил плохие новости относительно гризонов. Вероломные гризоны сговорились с имперцами и испанцами… Если бы их вовремя обеспечили деньгами… то того, что случилось, не произошло бы. У меня давно уже были опасения на этот счет…» Из письма остается неясным, что же мешало Ришелье проконтролировать выплату денег, тем более что он сам признается в своих опасениях. Однако всю ответственность за случившееся кардинал возложил на сюринтенданта финансов Бюльона, обвинив его в недопустимой волоките. А уже на следующий день Ришелье отдает распоряжение о срочной доставке Роану 200 тысяч ливров.

Увы, он опоздал. К началу апреля восстание охватило всю Вальтелину. Войска Роана, разбросанные по всей территории, оказались блокированными. Герцогу не оставалось ничего другого, как вступить в переговоры с повстанцами. 20 апреля ему удалось убедить гризонов выпустить французские войска из Вальтелины со знаменами и при оружии.

Роан принял решение не возвращаться во Францию а прорываться в Эльзас на соединение с армией Бернгард. Саксен-Веймарского, что ему в конечном счете и удалось осуществить через несколько месяцев. У герцога были все основания избегать встречи с Ришелье, который переложил на него ответственность за потерю стратегически важной Вальтелины. В «Мемуарах» Ришелье есть прямые указания на то, что в случае возвращения Роана во Францию его необходимо отдать под суд. 29 июня 1637 г. Людовик XIII подписал секретный приказ об аресте Роана. А герцог тем временем с боями прорывался через Франш-Конте в Эльзас.

Испания же спешила воспользоваться открывшейся возможностью взять под контроль альпийские переходы. Теперь перед ней открывалась реальная перспектива оказать прямую помощь императору в Германии.

8 сентября 1637 г. в довершение всех несчастий Франция

потеряла самого надежного союзника в Северной Италии — Виктора Амадея, герцога Савойского. Регентшей была объявлена его вдова Кристина, но ее права сразу же оспорили братья покойного герцога — принц Томас, сражавшийся в рядах имперской армии, и кардинал Мориц Савойский, убежденный сторонник Филиппа IV. Таким образом, в течение двух лет Франция лишилась сразу двух своих союзников в Северной Италии — Мантуи и Савойи. Пьемонт, служивший тылом для французских войск, оказался под угрозой.

Более благоприятно складывалось положение в районе Пиренеев, где испанцы вынуждены были оставить Сен-Жан-де-Люз. Ришелье правильно определил направление летнего наступления испанцеа Он считал, что его объектом будет Лангедок, и успел принять соответствующие меры. Людовик XIII был того же мнения: «У меня нет никаких сомнений в том, что испанцы попытаются развернуть наступление на Лангедок».

Действительно, испанская армия в самом начале августа вторглась из Руссильона в эту провинцию и устремилась по направлению к Нарбонну, но в девяти лье от намеченной цели была остановлена у небольшого городка Лёкат силами ополченцев провинции под предводительством герцога д'Аллюина, сына маршала Шомберга. Французам удалось не только остановить продвижение испанцев, но и нанести им в последних числах сентября того же года сокрушительное поражение. Испанцы в беспорядке отступили к Перпиньяну. Их потери составили 4 тысячи убитыми и 500 пленными. Французам достались 45 пушек и 4 мортиры, 12 знамен и все снаряжение. «Одержана абсолютная победа, — с гордостью сообщал Ришелье в письме к Шавиньи, одному из своих ближайших помощников, — враг разбит, многие утонули (в водах Лионского залива. — *П. Ч.*); в Испанию вернулось не более тысячи человек. Месье д'Аллюин проявил чудеса храбрости и получил ранение». По представлению первого министра Людовик XIII пожаловал д'Аллюину маршальский жезл и отцовский титул герцога де Шомберга. Ришелье щедро награждал тех, кто верно служил ему.

Обнадеживающе складывалась обстановка на севере, на границе с испанскими Нидерландами. Здесь в мае началось согласованное наступление: с юга — силами армии кардинала де Лавалетта и с севера — силами армии принца Оранского. Французам удалось потеснить испанцев и осадить крепость Ландреси. Осада обещала быть долгой, но французы сумели сделать подкоп и заложить мощный заряд под крепостную стену. В результате взрыва в ней образовалась брешь, в которую и устремились солдаты де Лавалетта. Ожесточенные бои

развернулись на улицах города, но силы были неравны, и испанцы выкинули белый флаг. 26 июня крепость полностью перешла в руки кардинала Лавалетта, заслужившего поощрение короля и благодарность Ришелье, который в письме выразил кардиналу-генералу свою «особенную радость» по случаю одержанной победы. Правда, затем Лавалетт надолго застрял под стенами другой крепости — Ла-Капели, которую ему удалось взять лишь к 22 сентября 1637 г.

Тем временем голландцы остро нуждались в его поддержке. Они развивали наступление с севера — в районе Бреды. Успешно используя тот факт, что силы Лавалетта оказались скованными под Ла-Капелью, Хуан Австрийский вынудил голландцев остановиться. Затем бросил значительную часть своих войск на штурм города Мобёж, который защищал небольшой французский гарнизон во главе с молодым, подающим надежды офицером виконтом де Тюренном. Оборона Мобёжа станет одной из первых побед будущего знаменитого маршала. Тюренн блестяще организовал свои силы, и наступление испанской армии было сорвано. Потерпев неудачу под Мобёжем, кардиналинфант перешел от войны маневренной к войне позиционной. То, что не удалось двум прославленным генералам — принцу Оранскому и кардиналу де Лавалетту. сумел сделать совсем молодой офицер виконт де Тюренн.

В целом кампания 1637 года завершилась на севере успехом Франции и Голландии, сумевших отобрать v противника три города-крепости: Ландреси, Ла-Капель и Бреду.

В Германии военная активность Франции ограничивалась главным образом Эльзасом, где действовал Бернгард Саксен-Веймарский. В связи с явным превосходством здесь австрийцев и испанцев, располагавших опорными базами в соседнем Франш-Конте, герцог Бернгард вынужден был ограничиваться оборонительными действиями. С наступлением зимы он отступил в Бургундию, прикрыв провинцию от возможного наступления испанцев из Франш-Конте. «Я очень рад, — писал Людовик XIII к Ришелье по этому поводу, — что герцог Веймарский расположил свои зимние квартиры в графстве Бургундия».

Хуже развивались события в Северной и Восточной Германии, где действовали союзники Франции — шведы. Поход генерала Баннера в Чехию окончился провалом. Шведы не смогли взять Лейпциг, более того, они дважды потерпели поражение: сначала в Мекленбурге, а затем и в самой Померании. Император Фердинанд III считал, что теперь шведская угроза отодвинулась надолго, если не навсегда. Все освободившиеся силы можно было сосредоточить против Франции и двух ее последних союзников в

Германии — герцога Саксен-Веймарского и ландграфа Гессен-Кассельского.

* * *

Положение Франции на исходе 1637 года продолжало оставаться серьезным. Что касается самого Ришелье, то в уходившем году он пережил очередной (который уже по счету!) заговор. В центре его — Анна Австрийская, предпринявшая попытку вбить клин между внушавшим ей постоянный страх, ненавистным кардиналом и нелюбимым, презираемым мужем. Она всерьез вознамерилась положить конец этому тандему, управлявшему страной вот уже тринадцать лет. Трудно сказать что-либо определенное относительно дальнейших планов королевы в случае, если бы ей удалось осуществить задуманное. Ведь ее собственная судьба висела на волоске отнюдь не из-за происков кардинала, а по причине глубокой антипатии, которую испытывал к ней сам король. Королеве еще предстояло убедиться в том, что Ришелье скорее ее союзник, нежели противник. Единственное, что создавало непреодолимую преграду между Анной Австрийской и кардиналом Ришелье, — э го отношение к Габсбургскому дому.

Судя по документам восьмитомной публикации писем и деловых бумаг Ришелье, кардиналу стало известно о тайной переписке Анны Австрийской с ее родственниками в Мадриде и Брюсселе еще осенью 1636 года. Сам по себе факт такой переписки не представлял бы ничего особенного, если б не два обстоятельства: во-первых, Франция находилась в состоянии войны с Испанией, а во-вторых, содержание писем — кардинал приказал перлюстрировать всю корреспонденцию королевы — со всей очевидностью свидетельствовало, что Анна Австрийская намеревалась склонить Людовика XIII к невыгодному для Франции миру с Габсбургами, предварительно добившись удаления Ришелье. Таким образом, речь шла об антигосударственной деятельности королевы, представлявшей угрозу интересам Франции.

Ришелье тщательно скрывал от Анны Австрийской, что ему известно о ее намерениях. Кардинал хотел получить как можно больше сведений. 6 переписке со своими помощниками и агентами Ришелье из соображений конспирации именовал королеву вымышленным именем «месье де Генелль». В письме к Шавиньи от 29 октября 1636 г. он предупреждал: «Остерегайтесь, когда вы разговариваете с месье де Генеллем. Самое лучшее, если

вы не будете вообще обсуждать с ним что бы то ни было…» Из письма к Шавиньи от 2 ноября того же года: «Из последних перехваченных писем из Фландрии для Генелля следует, что ожидаются события, которые сделают их (испанцев. — *П. Ч.*) полными хозяевами положения на поле битвы; в них (письмах. — *П. Ч.*) высмеивается военная мощь Франции… В самом деле, месье де Генелль не заслуживает снисхождения…»

В письме к тому же Шавиньи от 18 ноября 1636 г., напомнив о недавнем погашении 800-тысячного долга «месье де Генелля» из государственной казны, Ришелье раздраженно заметил, что «…не представляется далее возможным оставлять дверь открытой для подобного безобразия». Интересы дела, однако, взяли верх над понятным раздражением. Кардинал продолжал внимательно следить за перепиской королевы, которая заверяла своих братьев Филиппа IV и дона Хуана Австрийского в скором прекращении войны. Все письма королевы Франции направлялись в Брюссель на имя маркиза Мирабеля, бывшего посла Испании в Париже. Анна Австрийская и не подозревала, что некоторые из ее доверенных слуг, которым она поручала доставку писем, завербованы отцом Жозефом. Единственным, кого не удалось подкупить, был дворянин де Лапорт, безусловно преданный королеве. Тогда его решили изолировать. Во время одной из поездок в Брюссель Лапорта схватили и доставили в Бастилию. Там его поместили в камеру, в которой до него долгие годы провел алхимик Дюбуа, тщетно пытавшийся до самой смерти получить золото для Ришелье. Среди прочих у Лапорта было изъято письмо Анны Австрийской к герцогине де Шеврёз — злейшему врагу Людовика XIII и кардинала.

Собрав достаточно компрометирующих улик, Ришелье сообщил обо всем королю, который приказал канцлеру Сегье лично допросить королеву.

Первый допрос состоялся 14 августа 1637 г. Надо сказать, что Сегье с самого начала повел дело весьма неумело, что дало возможность королеве все начисто отрицать. Уже на следующий день Анна Австрийская обратилась с письмом к самому Ришелье, заверяя его в том, что ее оговорили и что она никогда и не помышляла о какой бы то ни было антигосударственной деятельности. Письмо было отправлено с секретарем королевы, который по возвращении доложил своей госпоже, что у кардинала есть неопровержимые доказательства ее тайных связей с врагами короля Франции.

Тогда королева решает лично встретиться с Ришелье и приглашает его к себе. Ришелье подробно описал в «Мемуарах» эту встречу. Увы, это единственный источник, который нельзя

перепроверить.

Кардинал ясно дает понять Анне Австрийской, что ему известно все, вплоть до мельчайших подробностей. Королева признается, что вела переписку со своими родными, но ничего дурного в этом не видит, поскольку речь в письмах шла исключительно о семейных проблемах. Она еще тешит себя надеждой, что Ришелье знает гораздо меньше, что он просто шантажирует ее. Тогда кардинал сообщает Анне Австрийской о некоторых деталях. Королева явно смущена, она меняет тактику и начинает признаваться только в том. что, как она поняла, известно Ришелье.

Постепенно Ришелье расширяет круг обсуждаемых вопросов, предлагая королеве объяснить, зачем ей понадобилось отговаривать Карла I от заключения союза с Францией против Габсбургов, какую роль в антифранцузских происках играет герцогиня де Шеврёз, что Ее Величество имеет в виду, обещая своему брату кардиналу-инфанту скорую встречу в Париже… Вопросы, один другого убийственнее, не оставляют Анне Австрийской ни малейшей надежды.

Ришелье доводит королеву до полного изнеможения, требуя назвать фамилии, даты, каналы связи и т. д. Он подводит ее к признанию антигосударственного характера ее «семейной» переписки. Анна Австрийская поняла, что ее ожидает: в лучшем случае — заточение в монастырь, а то и скандальное судебное разбирательство.

Презрев достоинство, королева падает на колени и пытается целовать руки кардинала, в слезах умоляя заступиться за нее перед мужем, который, она это знает, не простит ей государственной измены, как не простил ей Бекингема. Кардинал, по его собственному признанию, не позволил королеве целовать его руки, поспешил поднять ее и заверил в своем полном содействии. Тем не менее истерика, спровоцированная самим Ришелье, прекратилась не сразу.

Министр настоятельно советует королеве признаться во всем Людовику XIII. Это будет тяжело, но это единственное, что может помочь ей в создавшемся положении.

Объяснение Анны Австрийской с королем было тягостным для обеих сторон, а также для присутствовавшего при разговоре Ришелье. Людовик XIII слушал признания королевы, не удостаивая ее ни единым словом. Весь его вид говорил, что он не намерен прощать жену.

Тогда за дело принимается Ришелье. Он доказывает королю, что в данном случае семейные счеты должны отойти на второй план — интересы государства превыше всего. Расторжение брака

вызовет скандал во всей Европе, и, скорее всего, папа римский не утвердит его. К тому же оно крайне несвоевременно в обстановке войны. Поэтому король поступит мудро, если простит раскаявшуюся королеву, а там, Бог даст, родится и наследник. Никто не должен знать о конфликтах в королевской семье, так как враги Франции могут попытаться использовать их в своих коварных целях. Таков был смысл страстной проповеди Ришелье в защиту — но не в оправдание — Анны Австрийской.

Зачем кардиналу понадобилось защищать интересы королевы, которая почти не скрывала своей ненависти к нему? Конечно же, он руководствовался исключительно государственными соображениями, а не какими-то романтическими чувствами к этой женщине, как это любили подчеркивать литераторы и некоторые историки Возможно. Ришелье действительно питал слабость к Анне Австрийской как к красивой женщине, но его политические идеалы и программа действий, которыми он руководствовался в течение всего своего правления, никогда и ни в чем не совпадали со взглядами и устремлениями королевы. Ратуя за сохранение брачных уз между Людовиком XIII и Анной Австрийской, Ришелье прежде всего хотел свести к минимуму шансы на престол Гастона Орлеанского — своего куда более опасного противника. С Анной Австрийской кардинал надеялся поладить даже в случае преждевременной смерти Людовика XIII. Но успех их будущего сотрудничества в значительной степени зависел от того, сумеет ли королева подарить стране наследника. В защите интересов будущего дофина от всех возможных притязаний Ришелье усматривал основу согласия между ним и королевой. А появление на свет желанного наследника впрямую зависело от сохранения брака Людовика XIII с Анной Австрийской, на что и употребил все свои усилия расчетливый министр-кардинал.

Ему удалось убедить короля примириться с королевой после того, как Анна Австрийская под диктовку Ришелье написала письменное покаяние и обязательство впредь быть безукоризненно лояльной по отношению к Людовику XIII и Франции. Экземпляр этого удивительного исторического документа до сих пор хранится в Национальной библиотеке в Париже. Внизу можно прочесть собственноручную приписку Людовика XIII, соизволившего милостиво простить «нашу дражайшую супругу»- «—Мы заявляем, — написал король, — что готовы полностью забыть все, что произошло, никогда не вспоминая; также мы желаем жить с ней, как добрый король и добрый муж должен жить со своей женой». Инцидент исчерпан. Однако у Ришелье появились новые заботы.

Добиться формального примирения между королем и королевой оказалось куда легче, чем склонить Людовика XIII бывать в покоях Анны Австрийской. V короля очередное сильное увлечение.

Едва Ришелье удалось тонкими интригами разлучить влюбчивого Людовика с некоей мадемуазель де Отфор, возомнившей, что она может оказывать влияние на государственные дела, как король оказался во власти еще более сильной страсти, возникшей не без участия самого кардинала. Желая отвлечь короля от ставшей опасной мадемуазель де Отфор. Ришелье обратил его внимание на совсем еще юную девушку Луизу Анжелику, графиню де Лафайет, только что ставшую фрейлиной королевы. Луиза была столь же хороша, сколь и скромна, отличалась набожностью и, казалось, не проявляла ни малейшего интереса к политике.

Король не на шутку увлекся мадемуазель де Лафайет, которую с некоторых пор приглашали на все дворцовые приемы и даже на королевскую охоту. Все чаще и чаще Людовика XIII видели в обществе Луизы де Лафайет, но Ришелье не придавал этому никакого значения до той поры, пока не почувствовал, что его влияние на короля стало ослабевать. Он быстро понял, откуда грозит новая опасность.

Луиза охотно проводила время в беседах с Людовиком XIII, не поощряя, однако, его попыток сблизиться с ней. Ревностная католичка, она никак не могла понять смысла войны, которую «христианнейший» король вел против Филиппа IV и Фердинанда III в союзе с «еретиками». Выросшая в провинции, она видела ту нищету, в которую война ввергла народ, и искренне сочувствовала ему, надеясь на облегчение его доли в случае заключения мира. Обо всем этом она и говорила с королем, который стал постепенно подпадать под ее влияние. Ее твердое нежелание сближаться с королем лишь усиливало его интерес к ней. Наверное, впервые в своей жизни Людовик XIII испытал к женщине что-то напоминающее уважение. Со всей присущей ей искренностью Луиза высказывала неодобрение политики, проводимой кардиналом, считая ее пагубной для страны и интересов церкви.

Встревоженный Ришелье думает над тем, как избавить короля от пагубного влияния мадемуазель де Лафайет, В этом он встретил неожиданное содействие со стороны самого Людовика XIII, допустившего грубую ошибку в отношении своей пассии. Распаленный страстью король сделал неуклюжее предложение Луизе поступить к нему на содержание.

Луиза приняла незамедлительное решение постричься в

монахини и тем избежать участи королевской наложницы. Узнав о намерениях девушки, кардинал постарался ускорить это дело. 10 мая 1637 г. 22-летняя графиня Луиза Анжелика де Лафайет оставляет место фрейлины при королеве и поступает в монастырь Сент-Мариде-ла-Визитасьон в Сент-Антуанском предместье Парижа. Попытки короля воспрепятствовать ее уходу в монастырь не увенчались успехом, девушка проявила характер.

Однако Ришелье рано праздновал победу. Людовик XIII не только не забыл Луизу, но и часто навещал ее в монастыре, где они подолгу беседовали. Когда король уезжал из Парижа, они вели переписку. Ришелье сумел подкупить некоего Бузенваля, доставлявшего письма короля Луизе. Не ограничиваясь ролью «третьего лишнего», кардинал стал прикладывать руку к письмам, умело заменяя слова и даже целые предложения в I расчете поссорить короля с юной монахиней. Надо сказать, что он преуспел в этом. Последняя встреча Людовика XIII и Луизы де Лафайет произошла в монастыре 5 декабря 1637 г. Историки утверждают, что Луиза горячо убеждала короля примириться с королевой. Именно влиянию монахини приписывали поразившее весь двор событие: вернувшись поздно вечером в Лувр, король впервые после длительного перерыва провел ночь в спальне Анны Австрийской. Шесть недель спустя Франция будет извещена о беременности королевы.

Что же касается Луизы де Лафайет, то она окончит свои дни в 1665 году в возрасте 50 лет в монастыре близ Шайо под именем матери Анжелики.

…Мария Медичи, Анна Австрийская — герцогиня де Шеврёз, Луиза де Лафайет — эти женщины в иные времена причиняли Ришелье не меньше хлопот и беспокойства, чем мятежники-гугеноты или испанская дипломатия.

Однако испытания, ожидавшие кардинала в тяжелом для него 1637 году, не завершились с возвращением мира в королевскую семью. Ришелье предстояло выдержать еще одну схватку — на этот раз с духовником. Людовика XIII отцом Коссеном.

* * *

В конце года при дворе почувствовали внезапное охлаждение короля к своему первому министру, что было приписано влиянию Луизы де Лафайет. Полагали также, что король не может простить кардиналу участие в пострижении Луизы. Между Людовиком XIII и Ришелье все чаще стали возникать разногласия

относительно ведения боевых действий. Король уже не скрывает своих сомнений в правильности политической линии, — проводимой министром-кардиналом. Он возлагает на него ответственность за военные неудачи и за внутренние неурядицы.

Не улучшились отношения Ришелье и с королевой. Кардинал был свидетелем унижения Анны Австрийской, и она ему этого не простила. В своих несчастьях королева обвиняла кого угодно, но только не себя; ну а первым виновником был, разумеется, кардинал. Тщеславие красивой женщины, привыкшей ко всеобщему поклонению, подсказывало ей единственно понятное объяснение «интриг» Ришелье, равно как и его заступничества за нее, — желание добиться ее расположения. Никаких иных мотивов действий кардинала Анна Австрийская постичь не в состоянии.

Противники и завистники Ришелье, уловив смену настроений короля, заметно активизировались. Им удалось провести на должность духовника Людовика XIII своего человека — отца Коссена, умело продолжившего начатую Луизой де Лафайет работу по дискредитации политики кардинала. Во всех неудачах и несчастьях — будь то вовне или внутри страны, изнемогавшей от военных тягот, — отец Коссен винил обуреваемого гордыней первого министра. Король, казалось, с пониманием выслушивал рассуждения своего духовника, позволяя себе в ряде случаев соглашаться с ним. И отец Коссен решил, что настал момент действовать в открытую.

8 декабря 1637 г. он вызвал Людовика XIII на откровенный разговор. Прежде всего он осудил короля за союз с еретиками. «Это Вы призвали шведов в Германию, — обличал отец Коссен, — и именно Вы будете держать ответ перед Господом за все жестокости, насилия и беспорядки, которые они там учиняют». Затем он обратил внимание короля на бедственное положение его народа.

Король меланхолично соглашается: «Да, мой бедный народ! Я не смог принести ему облегчение, ввязавшись в войну».

Поощренный, как ему казалось, сочувствием Людовика XIII, отец Коссен продолжил свою обвинительную речь. Он заговорил о королевской семье. Именно Ришелье, утверждал духовник, перессорил всех ее членов — сына с матерью и братом, мужа с женой… Увидев, что задел за больное, отец Коссен рискнул показать королю полученное им из Брюсселя письмо от Марии Медичи, сетовавшей на свою скитальческую жизнь. Впечатление было тем более сильным, что сетования эти были обращены не прямо к Людовику XIII, а к постороннему человеку — отцу Коссену. Духовник просит короля проявить великодушие и

простить мать: «Неужели вы хотите заставить ее умереть с голоду во Фландрии?» Людовик XIII подавлен, он обещает подумать. «Власть, безопасность, все дело Ришелье покоились на его секретной службе, эффективность которой никогда и никем не будет превзойдена. Не прошло и двух часов, как иезуит произнес свою обвинительную речь, а министр уже знал ее содержание», — отмечает современный французский историк Филипп Эрланжер.

Отец Коссен думал, что уже победил. Однако без малого полтора десятилетия тесного, почти ежедневного сотрудничества Ришелье с королем сделали свое дело. За это время идеи Ришелье прочно вошли в сознание Людовика XIII. Человек слабый, с болезненным самолюбием, Людовик XIII не раз задумывался над тем, чтобы. освободиться от угнетающего влияния своего министра, но здравый смысл всегда подсказывал ему жизненную необходимость и для страны, и для него самого продолжения сотрудничества с Ришелье, ставшим его alter ego. С Ришелье короля связывали самые трудные, но и самые интересные. наполненные плодотворной работой годы.

На следующий день после разговора с королем отец Коссен отправился к кардиналу, чтобы предупредить его о предстоящем визите Людовика XIII. Иезуит настолько уверовал в успех, что не посчитал нужным скрывать свои намерения от того, кого он неосмотрительно поспешил списать со счетов и на чье место определенно метил. Он изложил бесстрастно внимавшему ему Ришелье свою программу, которая сводилась к трем тезисам: прекращение войны, внутренний мир, возвращение Марии Медичи. Кардинал выслушал отца Коссена с ледяной отчужденностью, чуть снисходительно. Кто знает, быть может, ему даже жаль этого безумца, осмелившегося в одночасье разрушить то, над чем он напряженно и кропотливо трудился долгие годы?

Когда разгоряченный отец Коссен завершил свою несколько бессвязную речь, Ришелье спокойным голосом, без малейших признаков волнения, осведомился, не сможет ли духовник передать королю письмо. Получив утвердительный ответ, кардинал садится за стол и тут же составляет письмо с просьбой об отставке, не преминув подчеркнуть, что узнал о своей опале не от Его Величества, а от отца Коссена. «Ежели он (отец Коссен. — *П. Ч.*) лучше угадал Ваши намерения, — продолжал Ришелье, — то я считал бы себя виноватым, если б не смог сделать мое отсутствие приятным Вам, поскольку мое присутствие не может быть Вам полезным».

Ничего не подозревавший иезуит отправился с письмом к Людовику XIII. Через день-другой король в сопровождении ни на

шаг не отходившего от него отца Коссена прибыл в резиденцию Ришелье. Кардинал попросил духовника оставить их с королем наедине.

Оставшись с Людовиком XIII с глазу на глаз, министр методично, с убийственной логикой разбил все возведенные на него отцом Коссеном обвинения, причем в той же последовательности, в которой они ему заочно предъявлялись отцом Коссеном в тиши королевского кабинета. Людовик XIII с опаской слушал своего министра, в очередной раз убеждаясь, что во всем королевстве нет такой тайны, которая не была бы известна Его Высокопреосвященству.

Кардинал без труда опрокинул все построения иезуита. Он убедительно доказал, что война против Габсбургов — справедливая война, завещанная сыну Генрихом Великим, она ведется во имя интересов Франции и всей Европы, задавленной господством Австрийского дома.

Людовик XIII, продолжал кардинал, всегда был предельно лоялен по отношению к своей матери, брату и жене. Не его вина, что они в разное время подпадали под дурное влияние врагов Франции. Что касается самого Ришелье, то разве не он мирил короля с членами его семьи, ставя ее благополучие на один уровень с государственными интересами страны?

Уже через полчаса Людовик XIII полностью находился под гипнотическим влиянием этого дьявола в пурпурной мантии, призывавшего его вспомнить годы настойчивой борьбы за единство и величие Франции. И король, словно в наваждении, вспоминал все: и славные походы в Северную Италию и Лотарингию, и взятие Ларошели, и победы над мятежными принцами. По существу, вся его сознательная жизнь связана с Ришелье. Там, где они были вместе, их ждала победа, будучи разъединенными, они терпели поражения. Они нуждаются друг в друге, они связаны нерасторжимой цепью до конца своих дней.

А отец Коссен в соседней комнате томится в мучительном ожидании. Но вот его приглашают войти, и король объявляет ему свою волю — отправляться в Сен-Жермен и ждать там последующих распоряжений.

Когда Людовик XIII вернулся в свою загородную резиденцию, он сообщил иезуиту, что Его Высокопреосвященство был настолько добр, что посоветовал ему оставить отца Коссена своим духовником, правда, с одним условием — всегда и во всем поддерживать политику короля, сиречь первого министра. Отцу Коссену хватило мужества и достоинства отклонить поставленное ему условие, после чего он был арестован и отправлен в ссылку в Ренн.

Очередная попытка устранить Ришелье потерпела провал. «Ни один человек в истории не вел свое дело в окружении стольких опасностей, — заметил биограф Ришелье Филипп Эрланжер. — Противоборствуя с первой державой мира, Ришелье должен был остерегаться королевской семьи, фаворитов, духовников из дворца Рамбуйе, заговорщиков из Седана, Брюсселя и Лондона».

Немощным физически, кардинал тем не менее уверенно направлял государственный корабль Франции, умело обходя все подводные рифы. Но некому было поддержать его в трудную минуту. Кардинал не очень-то доверял людям, поэтому и помощников у него было немного. И в личной жизни он был одинок, впрочем, он любил одиночество.

Единственными живыми существами, разделявшими короткие часы досуга Ришелье и искренне к нему привязанными, были многочисленные кошки, населявшие Пале Кардиналь. История сохранила имена некоторых из них: Фенимор, Газет, Люцифер, Пирам, Тисбе, Сумиз, Серполе, Рюбис, Лодоиска, присланная кардиналу в подарок из Польши… Кто знает, быть может, кардинал, не чуждый мистики, прослышал, что кошки заряжают человека какой-то неведомой (космической или биологической, как сказали бы мы сейчас) энергией, в которой он так нуждался для поддержания сил. Во всяком случае, Ришелье относился к своим кошкам с редкой привязанностью и даже любовью, которой он не удостаивал никого из людей.

В целом 1637 год был для Ришелье годом серьезных испытаний, потребовавших колоссального напряжения всех физических и душевных сил. Тем не менее и на этот раз он вышел победителем. Король, пытаясь загладить свою вину перед министром, в последний день уходившего 1637 года преподнес ему подарок: любимой племяннице кардинала мадам де Комбале, о которой злые языки говорили, что она для него больше чем племянница, были пожалованы владения в Эгийоне, принадлежавшие умершему в 1635 году Пюилорену. Соответственно мадам де Комбале стала отныне именоваться герцогиней д'Эгийон.

Перелом

1638 год сулил перемены. 20 января «Газет» известила французов о беременности королевы, дав надежду на появление долгожданного дофина.

Надежда оправдалась. 5 сентября в 11 часов 30 минут родился мальчик, которого назвали «Людовиком, Богом данным». Это был будущий «король-солнце» Людовик XIV. Теперь трону Людовика XIII ничего не угрожало; позиции Гастона и тех, кто на него ориентировался, сразу же ослабли. Счастливый король обратился к папе Урбану VIII с просьбой быть крестным отцом младенца. Папа согласился и направил в Париж для участия в обряде крещения дофина специального легата Джулио Мазарини. Описанием церемонии крещения завершаются десятитомные «Мемуары» кардинала Ришелье, который по каким-то причинам не смог их продолжить.

Тяжелая борьба Франции с Империей и Испанией продолжалась. Но начиная с 1638 года успех все чаше будет сопутствовать французскому оружию. «1638 и 1639 годы, — отмечает современный французский историк Мишель Кармона, — станут решающими для того крутого поворота, который медленно, но неуклонно изменит военный баланс в пользу Франции».

Борьба разворачивалась одновременно на нескольких направлениях силами семи французских армий: в провинции Артуа действовала армия маршала Шатильона. на границе Пикардии и Шампани — де Лафорса, на границе с Люксембургом — кардинала де Лавалетта, в Эльзасе и Рейнской области — Бернгарда Саксен-Веймарского, на границе Франш-Конте — герцога де Лонгвиля, в Северной Италии — маршала де Креки, на Пиренеях — принца Конде и герцога де Лавалетта.

Первый успех пришел к герцогу Саксен-Веймарскому. В начале февраля он выступил из Базельского епископства, где его армия находилась на зимних квартирах. Застав противника врасплох, он с ходу захватил три небольших рейнских городка: Лауфенбург, Вальдсгут и Зекинген. Затем осадил крепость Рейнфельден. 28 февраля имперские войска под командованием герцога Савелли и Верта перешли в наступление, и Бернгарду пришлось отступить. Но три дня спустя разбитый, казалось, герцог Саксен-Веймарский неожиданно обрушился на беспечно наслаждавшихся победой имперцев и нанес им под стенами Рейнфельдена сокрушительное поражение. В этом сражении был смертельно ранен герцог де Роан, пробившийся к Бернгарду из

Вальтелины с остатками своей армии. Победитель захватил более 2 тысяч пленных, в числе которых были Иоганн фон Верт, так напугавший Париж летом 1636 года, и еще три генерала имперской армии: Савелли, Энкефорд и Шперрейтер. Рейнфельден немедленно капитулировал, после чего Бернгард устремился к крепости Фрейбург и осадил ее.

В Париж отправили богатые трофеи, взятые в Рейнфельдене, в том числе 80 знамен и штандартов. Но главным трофеем, безусловно, был Иоганн фон Верт. Его привезли в столицу Франции в железной клетке. В соборе Нотр-Дам отслужили благодарственный молебен, в ходе которого к алтарю были брошены отбитые у врага знамена и штандарты. Принимая присланные трофеи, Людовик XIII заметил: «Герцог Бернгард единственный, кто делает мне подобные подарки».

А Бернгард продолжал свое победное шествие по территории Бадена. 11 апреля 1638 г. он овладел Фрейбургом, а затем Ретельном. Единственным городом в Бадене, остававшимся еще под контролем имперцев, был Брейзах, граничивший с Эльзасом. К нему и устремился герцог Саксен-Веймарский. Брейзах занимал важнейшее стратегическое положение на перекрестке путей, связывающих Францию одновременно с Германией, Швейцарией и Италией. «Крепость Брейзах на Верхнем Рейне господствовала над этой рекой и считалась ключом к Эльзасу, — писал Шиллер в „Тридцатилетней войне“. — Не было в тех местах укрепления более важного для императора, ни об одном так не заботились. Удержать Брейзах было главнейшим назначением итальянской армии под начальством герцога Фериа. Надежность укреплений и выгодное положение делали Брейзах неприступным, и императорские генералы, отправленные туда, получили приказ не щадить ничего, лишь бы отстоять эту твердыню». Сражение за Брейзах станет центральным событием не только кампании 1638 года, но и всей Тридцатилетней войны.

* * *

Военные дела и борьба с интригами занимали немало времени у первого министра, а он должен был вести еще и активную дипломатическую деятельность в целях укрепления внешнеполитических позиций Франции.

В результате его усилий 6 марта 1638 г. был заключен новый договор со Швецией сроком на три года. В обмен на французские субсидии Швеция обещала не заключай ь в течение трех лет сепаратного мира с Габсбургами. Обе стороны договорились о

более тесной координации действий своих армий: Франция — в Верхней Германии, Швеция — в Бранденбурге и Саксонии. Шведы должны были начать широкое наступление из Померании в Саксонию, поддержанное французской армией из Эльзаса.

Одновременно Ришелье начал переговоры с кабинетом Карла I. В Лондоне с тревогой следили за наращиванием морской мощи Франции и не считали даже нужным скрывать огорчения в связи с победой французской эскадры у берегов Прованса. Серьезные опасения в английских правящих сферах выражали и в связи с возможным разделом испанских Нидерландов между Францией и Голландией.

И все же Карл I пошел на переговоры с Людовиком XIII, в поддержке которого в тот момент нуждался. Английский король конфликтовал со своими шотландскими подданными, не желавшими принимать англиканскую церковь. Внутренняя обстановка в Англии была взрывоопасной, и британский кабинет хотел бы заручиться если не содействием Ришелье, пользовавшимся определенным влиянием среди протестантов Европы, в том числе и в Шотландии, то хотя бы благожелательным к английской короне нейтралитетом.

Ришелье, со всей стороны, опасался сближения Англии и Испании. Он заверил английских представителей, прибывших в Париж, что Франция не намерена вмешиваться во внутренние дела Карла I. Что касается судьбы испанских Нидерландов после окончания войны, то министр-кардинал уклончиво ответил на английское предложение создать между Францией и Голландией некое буферное государство (будущую Бельгию), но твердо обещал, что с Лондоном в любом случае будут проведены соответствующие консультации. Зато Ришелье согласился удовлетворить просьбу Англии о передаче ей Дюнкерка, принадлежавшего Испании. Разумеется, это станет возможно только в случае победы антигабсбургской коалиции, возглавляемой Францией. Но Англия должна помочь победе «правого дела».

Ришелье предложил организовать совместное франко-английское морское патрулирование Ла-Манша с целью воспрепятствовать переброске подкреплений из Испании в ее нидерландские провинции. Английские дипломаты отвечали уклончиво, явно избегая связывать Карла I какими-то формальными обязательствами с королем Франции.

Изучив внутреннюю обстановку на Британских островах, Ришелье сделал главный вывод: сближения и тем более союза между Лондоном и Мадридом вряд ли можно ожидать. Карл I все больше сосредоточивался на укреплении пошатнувшегося трона

Стюартов.

В 1638 году возобновились прерванные было секретные переговоры Ришелье с Оливаресом. С этой целью в феврале в Мадрид инкогнито прибыл французский дипломат барон де Пюжель, который встретился с доверенными лицами правителя Испании. В мае того же года в Париж отправился эмиссар Оливареса Мигель де Саламанка. С соблюдением всех мер предосторожности в Компьенском соборе ночью была организована его встреча с кардиналом.

Из их беседы стало ясно, что Оливарес по-прежнему требует возвращения Лотарингии Карлу IV как непременное условие всех дальнейших мирных переговоров — условие явно неприемлемое для Франции, объявившей Лотарингию своей провинцией.

Другим камнем преткновения совершенно неожиданно оказалась далекая Бразилия. Дело в том, что на территорию Бразилии, доставшейся испанской короне вместе с Португалией, в 1637 году был высажен голландский десант. Соединенные провинции вознамерились отобрать у Мадрида эту богатейшую колонию. Будучи не в силах направить в Бразилию достаточный военный контингент для укрепления находившихся там незначительных сил, Испания была не прочь заручиться содействием Франции в оказании давления на Голландию и попытаться вытеснить голландцев из колонии с помощью дипломатических средств. Однако Ришелье твердо заявил Саламанке, что Франция не намерена оказывать никакого давления на своего ближайшего союзника, тем более что Оливарес не обещает ей взамен ничего конкретного за подобное содействие.

Таким образам, и на этот раз точек соприкосновения между Францией и Испанией найдено не было. Саламанка возвращается в Мадрид с пустыми руками. Мирный исход затянувшейся кровопролитной войны отодвигался на неопределенное будущее.

* * *

Два с половиной года войны окончательно убедили Ришелье в том, что одна из главных причин неудач французских армий заключается в слабости высшего командования. Большинство маршалов и генералов безнадежно отстали в своих знаниях военного дела — одни слишком стары, другие бездарны, как, например, маркиз де Брезе, который больше был известен своим пристрастием к дыням из-за мучившей его мочекаменной болезни. Беда, если кампания проводилась в конце лета:

командующий мог бросить вверенные ему войска и уехать в свой замок, где его ожидал обильный урожай дынь.

Старые маршалы неохотно уступали дорогу молодым, талантливым командирам, разглядеть которых из Парижа Ришелье было нелегко.

В течение первой половины 1638 года на театре военных действий, за исключением Рейнской области, наблюдалось затишье, изредка нарушаемое мелкими стычками.

В самом конце мая французские войска, сосредоточенные в Пикардии, перешли в наступление в направлении испанских Нидерландов. Наступление осуществлялось под руководством маршалов Шатильона и Брезе. Продвинувшись всего на несколько километров, французы остановились под стенами города Сент-Омер и начали его планомерную осаду.

8 июня Томас Савойский, находившийся на имперской службе, сумел пробиться со своим отрядом к Сент-Омеру. В середине июля к нему присоединился отряд Макса Пикколомини. Совместными усилиями они вынудили французскую армию снять осаду и отступить. Ответственность за провал операции Ришелье возложил на Брезе, между прочим, своего родственника. Он был отстранен от командования и отправлен в продолжительный отпуск для поправки пошатнувшегося здоровья. На его место был назначен маршал дю Аллье.

Ришелье принял решение объединить силы Шатильона, дю Аллье и Лафорса в одну мощную армию и попытаться отнять у испанцев захваченную ими еще в 1636 году крепость Ле-Катле, которую кардинал в «Мемуарах» называет «воротами для их (испанцев. — *П. Ч.*) вторжений во Францию».

11 августа 1638 г. французские войска подступили к Ле-Катле и попытались с ходу овладеть крепостью, но потерпели неудачу. Началась осада, продолжавшаяся более месяца. «Взятие Катле, по-моему, слишком затянулось…» — недовольно писал Людовик XIII Ришелье в первых числах сентября.

Но темп был утрачен. Маневренной кампании, которую Ришелье хотел провести против кардинала-инфанта во взаимодействии с голландцами, не получилось; вместо нее — изматывающая позиционная война. Не лучше шли дела и у принца Оранского, вынужденного снять осаду Антверпена. 16-тысячная армия кардинала-инфанта прочно держала оборону на обоих фронтах.

В Эльзасе продолжалась осада Брейзаха, которую Бернгард вел с присущими ему энергией и решимостью. В течение лета и осени 1638 года он успешно отражал все попытки имперских и баварских войск под предводительством герцога Максимилиана

прорваться к осажденному Брейзаху.

Зато в Северной Италии французская армия терпела поражения. В одном из сражений был убит маршал де Креки, после чего французы оставили Монферрат и Верселли в Пьемонте.

Ришелье крайне огорчился, узнав о гибели Креки, «этого великого военачальника», как он его называет в «Мемуарах». Он советует королю назначить новым командующим в Пьемонт кардинала де Лавалетта, в одинаковой мере владевшего военным и дипломатическим искусством. Ришелье особо подчеркивает, что «личные качества кардинала Лавалетта снискали бы ему уважение итальянцев».

Лаваллет прибыл в Пиньероль, где размещался штаб французской армии, 6 мая 1638 г. Он сразу же оценил всю сложность положения, сложившегося в Савойе после смерти Карла Эммануила. Кристина Савойская была крайне непопулярна в своей стране. Кроме того, она находилась под влиянием сменявших один другого авантюристов-фаворитов. Ее права на регентство открыто оспаривали братья покойного герцога Томас и Мориц — сторонники Габсбургов.

Когда Лавалетт попытался получить согласие Кристины на размещение французских гарнизонов в стратегически важных пунктах герцогства, то встретил сопротивление со стороны духовника и первого фаворита герцогини отца Моно. Этот иезуит, принадлежавший к испанской партии, побудил Кристину отказать в просьбе французскому командующему. «Именно он, — пишет Ришелье в „Мемуарах“, — заставил ее (герцогиню. — *П. Ч.*) укрепить пограничные с Францией крепости, назначив туда происпански настроенных комендантов, и отдалить от себя всех состоявших при ней французов…»

В результате враждебных происков испанской агентуры, умело направлявшей действия вздорной и ограниченной герцогини Савойской, стратегические позиции Франции в Северной Италии были ослаблены.

На Пиренейском фронте (на западном его участке) Ришелье запланировал весной 1638 года дерзкую операцию по проникновению в Страну Басков. Операция должна была быть осуществлена при поддержке с моря эскадры кардинала Сурди. Как и было задумано, 22 августа Сурди рассеял испанские корабли в бухте Сан-Себастиана и высадил на берег десант, который с ходу завязал бои с превосходящими силами противника.

Действия десанта носили отвлекающий характер. Одновременно основные силы французов под командованием

принца Конде и герцога де Лавалетта (брата кардинала Лавалетта) вторглись на испанскую территорию в районе Фонтараби. Удар был неожиданным, а крепостные стены Фонтараби ненадежными. К тому же число защитников города не превышало 7 тысяч, в то время как численность французской армии составляла 12 тысяч. Казалось бы, судьба Фонтараби предрешена. Но произошло то, чего французское командование, предвкушавшее скорую победу, никак не ожидало.

В отчаянном порыве защитники города ринулись в контратаку. Удар был столь неожиданным, что французов охватила паника. Командиры утратили управление частями и подразделениями, началось беспорядочное отступление. Сам Конде бросил свою армию на произвол судьбы и скрылся в Байонну. Французы в беспорядке отступали до самой границы. Это произошло 7 сентября 1638 г.

Французский двор недоумевал. Ришелье был в ярости. Он лучше всех знает, во сколько обошлась подготовка операции, обещавшей блестящий успех. Его многомесячные усилия были сведены на нет всего за несколько часов. «Боль Фонтараби убивает меня», — писал Ришелье 17 сентября Людовику XIII в Шантильи. В ответном письме король сообщал: «Новости из Фонтараби я узнал позавчера, они вынуждают меня вернуться в Париж… Вы, наверное, уже знаете, что мы потеряли там всю артиллерию и все армейские обозы… Досада настолько сильна, что сделала меня больным; вчера я чувствовал себя гораздо хуже, чем обычно».

Король и первый министр вызвали в Париж для объяснений Конде, который, пользуясь отсутствием Лавалетта, находившегося вместе с отступившими войсками на франко-испанской границе, все свалил на герцога, не проявившего якобы мужества и выдержки. Правда, принц не смог объяснить, каким образом оказался в Байонне — за многие десятки километров от поля боя. Но Конде — второй после Гастона принц крови, член королевской семьи — и Ришелье, как, впрочем, и сам Людовик XIII, вынужден делать вид, что верит ему. Попытки Лавалетта оправдаться, а заодно и поставить под сомнение военные дарования своего начальника успеха не имели. Его письменные объяснения, присланные с курьером, не были приняты. Нужен виновник скандального поражения, и он был найден. Оставалось арестовать его и предать суду.

Предупрежденный братом о грозившей ему опасности, герцог де Лавалетт не вернулся в Париж. 23 октября 1638 г. на английском судне он бежал в Англию.

Бегство Лавалетта было на руку Конде. Виновник поражения

сам указал на себя. Сообщая кардиналу де Лавалетту о бегстве брата, Ришелье писал ему 4 ноября 1638 г.: «Говорят, он уехал в Англию, правда, другие утверждают, что — в Германию, а третьи — будто он предпочел Венецию». Возможно, Ришелье и догадывался о причастности кардинала Лавалетта к побегу ошельмованного принцем Конде герцога, но у него не было никаких сведений на этот счет, к тому же командующий итальянской армией входил в число его доверенных лиц.

Парижский парламент сформировал специальную комиссию для организации заочного судебного процесса над герцогом де Лавалеттом по обвинению в государственной измене. На процессе председательствовал сам Людовик XIII, потребовавший для обвиняемого смертной казни. Суд, разумеется, уважил требование короля и вынес Лавалетту (заочно) смертный приговор. Лавалетт будет реабилитирован только после смерти Людовика XIII, тогда же он и вернется на родину.

Ришелье нужна была победа, которая заставила бы забыть о Фонтараби. И он решил штурмовать Ле-Катле. Руководить осадой крепости будет сам кардинал. Он разместил свой штаб неподалеку — в Сен-Кантене.

В считанные дни Ришелье навел в войсках, в полном бездействии простаивавших под Ле-Катле, железную дисциплину и подготовил их к решающей атаке. В середине сентября крепость была взята. Последний очаг испанского военного «присутствия» в Пикардии был ликвидирован.

Французская атлантическая эскадра нанесла поражение испанцам в сражении при Гетари, а средиземноморская, по существу, стала полновластной хозяйкой в Западном Средиземноморье, надежно прикрыв побережье Прованса и Лангедока.

Но главное событие всей кампании 1638 года произошло 18 декабря, когда Бернгард Саксен-Веймарский наконец сломил сопротивление имперского гарнизона и овладел Брейзахом. «Отныне Франция — полная хозяйка Эльзаса, она контролирует Южную Германию и отрезала испанцев от Рейнской области» — так оценивает значение победы под Брейзахом французский историк Ф. Эрланжер.

* * *

А в это время в Рюэле в загородном доме Ришелье умирал отец Жозеф, сраженный апоплексическим ударом. Именно он в течение многих лет был проводником французской политики в

Германии, именно он убедил Бернгарда перейти на французскую службу. Умирал ближайший и самый верный соратник кардинала, быть может, единственный друг.

Ришелье — всегда сдержанный и даже холодный — был потрясен и не пытался скрыть охватившего его смятения. Он предпринимает отчаянные попытки спасти отца Жозефа, призвав на помощь лучших парижских докторов. Но все их усилия бесплодны. Отец Жозеф обречен, ему осталось жить несколько часов.

Умирающий неподвижно и безмолвно лежит на железной кровати, а Ришелье тихо ходит по комнате из угла в угол, бессильный чем-либо помочь ему. Кардинал не может знать, о чем думает перед смертью отец Жозеф. Может, о Брейзахе. Ведь еще совсем недавно он говорил только о нем. Ришелье останавливается, о чем-то задумывается, потом быстро покидает комнату. Некоторое время он отсутствует, затем, стараясь произвести как можно больше шума, возвращается, держа в руке бумагу, похожую на депешу. Склонившись над умирающим, кардинал кричит ему в самое ухо: «Отец Жозеф, отец Жозеф! Брейзах наш!» Угасающие глаза капуцина на мгновение засветились слабым блеском, он нашел в себе силы чуть улыбнуться и пожать руку Ришелье в знак последней благодарности. Через минуту он испустил дух.

Ришелье опередил события. Весть о взятии Брейзаха пришла в Париж лишь 24 декабря. Но кардинал решил, что не будет большого греха, если он доставит последнюю радость тому, кто так много потрудился ради победы.

Очевидцы прощания Ришелье с отцом Жозефом рассказывали, что железный министр был безутешен, не мог справиться с собой и рыдал над гробом капуцина. «Я потерял утешение и опору», — повторял он.

Скорбь министра разделил и король, с большим уважением относившийся к отцу Жозефу еще с отроческих лет. «Сегодня я потерял самого верного из своих служителей, а господин кардинал — своего доверенного человека и помощника», — заявил Людовик XIII в день смерти отца Жозефа.

С потерей отца Жозефа ближайшим помощником Ришелье станет Мазарини, которого министр-кардинал в скором времени пригласит на французскую службу. Неоднократные встречи и продолжительные беседы с папским любимцем убедили Ришелье, что это именно тот человек, который ему так нужен после того, как не стало отца Жозефа.

Мазарини усмотрел для себя в предложении Ришелье заманчивые возможности и принял его. 5 января 1640 г. 38-

летний итальянец прибудет в Париж. Отныне дело Ришелье станет его делом.

Если не считать утраты отца Жозефа и поражения при Фонтараби, итоги 1638 года были для Ришелье обнадеживающими. Он чувствовал, что в ходе войны наступает перелом. Франция сумела выстоять под натиском двух мощных противников — габсбургской империи и Испании — и не только выстоять, но и нанести им ряд серьезных поражений. После критического для Франции 1636 года, когда поражение казалось неминуемым, психологический настрой в обществе заметно изменился. Крепла уверенность в победе. Армия и ее командование извлекли урок из первых горьких неудач.

Важное психологическое значение для эволюции умонастроений французов, безусловно, имело рождение дофина — «Людовика, Богом данного». Этот, на взгляд людей конца XX века, малозначимый факт в тогдашней Франции был расценен как подарок судьбы, в нем видели руку Провидения, благословляющего трон Людовика XIII.

Почти одновременно с рождением дофина в Мадриде появилась на свет инфанта, которую назвали Марией-Терезией. Тогда, в 1638–1639 годах, даже смелые головы не могла посетить мысль о том, что 20 лет спустя, в 1659 году, будет заключен брак между Людовиком XIV и инфантой Марией-Терезией, который положит конец извечной вражде двух королевских домов.

* * *

Четвертый год войны начался для Франции с серьезных неприятностей в Савойе и Пьемонте. Там активно действовала испанская агентура, возглавляемая духовником герцогини Савойской отцом Моно. Иезуит сумел до крайности обострить отношения между Кристиной и первым министром Франции. В чем только не обвиняла герцогиня кардинала! И в том, что он разрушил их «дружную» семью, и в том, что из-за него их «горячо любимая» мать стала изгнанницей, и что он целиком подчинил своей злой воле ее «излишне доверчивого и мягкого брата» Людовика XIII, наконец, в том, что он уготовил Савойе судьбу Лотарингии, вознамерившись установить над ней французский протекторат.

Ришелье хорошо знал, с чьих слов и по чьему наущению действует Кристина, и решил положить этому конец. Кардинал приказал Лавалетту арестовать отца Моно и препроводить его в крепость Монмельян на франко-савойской границе.

Возмущение герцогини Савойской было безмерно, и не известно, чем бы все это кончилось, если б ранней весной в Пьемонте не вспыхнуло восстание, подготовленное двумя ее шуринами — Томасом и Морицем Савойскими. Восстание быстро охватило весь Пьемонт и было поддержано испанцами.

В начале апреля войска испанского губернатора Милана маркиза Леганеса вторглись в Пьемонт и 17 апреля осадили Турин, оборону которого возглавил сам кардинал Лавалетт. Находившуюся в Турине Кристину под покровом ночи удалось вывезти из города и переправить поближе к французской границе.

Восставшие жители Турина открыли ворота Томасу Савойскому, прибывшему вместе с испанцами, и французскому гарнизону пришлось искать спасения в городской цитадели.

Тем временем кардинал Мориц Савойский при поддержке испанских войск захватил графство Ницца на Средиземноморском побережье.

Узнав о событиях в Савойе и Пьемонте, Людовик XIII и Ришелье направили в этот район армию герцога де Лонгвиля.

Силы небольшого французского гарнизона в цитадели Турина были на исходе. Продержавшись без малого четыре месяца, кардинал Лавалетт вынужден был вступить в переговоры с Томасом Савойским и испанским командованием. Ему удалось избежать унизительной капитуляции и заключить на свой страх и риск перемирие сроком на два месяца. По условиям перемирия Лавалетт должен был сдать Турин и вывести часть войск за пределы Пьемонта, но ему удалось удержать за Францией несколько крепостей (в частности, Пиньероль). За время перемирия он надеялся переформировать свои силы и продолжить борьбу. Армия Лонгвиля по непонятным причинам задерживалась.

Ришелье одобрил действия Лавалетта. Зато союзники Франции — Голландия и Швеция усмотрели в перемирии в Северной Италии угрозу своим интересам и потребовали от французского правительства соответствующих объяснений. С большим трудом Ришелье удалось рассеять их опасения.

Лавалетт вывел часть войск на пограничную с Савойей французскую территорию, а сам намеревался встретиться с королем и министром-кардиналом для обсуждения дальнейших планов. Но 28 сентября 1639 г. он неожиданно умер в Лионе от тяжелой пневмонии в возрасте 47 лет. Это была вторая после отца Жозефа тяжелая утрата для Ришелье. «Если бы можно было отдать собственную кровь ради спасения тех, кого мы любим, я, не раздумывая, сделал бы это, чтобы вылечить друга, которого я потерял», — горестно заметил первый министр, узнав о смерти

Лавалетта. В его окружении было не так уж много людей, которым он безусловно доверял и на которых мог полностью положиться. Кардинал де Лавалетт принадлежал к их числу. Командование войсками в Северной Италии перешло к графу д'Аркуру.

Король тем временем прибыл в Гренобль для встречи с сестрой, которую не видел 10 лет. Кристина Савойская устроила брату настоящую сцену, обвиняя во всех своих несчастьях зловредного Ришелье. Поистине не было в семействе Бурбонов человека, который не питал бы ненависти к тому, кто столь преданно служил их интересам.

Переговоры короля Франции и герцогини Савойской были крайне напряженными. Кристина в штыки встретила предложение брата взять на себя заботу о воспитании племянника — малолетнего герцога Савойского. Еще более враждебно она отреагировала на идею установления своего рода французской опеки над Савойей до совершеннолетия герцога. Король и его первый министр, участвовавший в переговорах, не без оснований указывали Кристине на реальную угрозу утраты ею регентства, а ее сыном — престола, исходящую от Томаса и Морица, поддерживаемых Испанией. Только «братская» помощь Людовика XIII может отвести от Савойи эту опасность.

Но Кристина и слушать не желает об опеке. Тогда Ришелье вынужден напомнить герцогине, что у Его Величества короля Франции есть и собственные соображения, вытекающие из естественного желания иметь соседом дружественную, а не враждебно настроенную Савойю. Если герцогиня не способна осознать, что ее родной брат, король Франции, преследует и ее интересы, тогда Людовику XIII ничего не остается, как попытаться договориться с принцем Томасом и кардиналом Морицем. В конце концов, Франция для него важнее семейных уз. Кристина напугана таким оборотом дела, но продолжает упорствовать. Переговоры заходят в тупик.

В целом к концу 1639 года Франция оказалась в значительной степени вытесненной из Северной Италии.

* * *

Неожиданные осложнения возникли в Германии. Бернгард Саксен-Веймарский упрочил свое положение в Эльзасе и даже предпринимал дерзкие набеги на Баден и Франконию. Но с некоторых пор он стал внушать Ришелье серьезные опасения растущим неповиновением и непомерными амбициями.

Овладев Брейзахом и установив контроль практически над всем Эльзасом, Бернгард не спешил передать их королю Франции, а вознамерился объявить себя владетельным герцогом Эльзасским. Дело дошло до того, что Ришелье недвусмысленно пригрозил Бернгарду прекращением финансовой помощи. Не известно, к чему бы привели возникшие распри, если бы не внезапная смерть Бернгарда на 36-м году жизни в Нейбурге на Рейне 16 июля 1639 г. «Он умер от болезни, — писал Шиллер, — по многим признакам схожей с чумой; это поветрие унесло в его лагере около 400 человек в течение двух дней. Черные пятна, проступившие на теле герцога, слова, произнесенные умирающим, и те выгоды, которые его внезапная кончина дала Франции, вызвали предположение, что он был отравлен французами, но оно в достаточной степени опровергается характером болезни. Союзники потеряли в нем крупнейшего полководца, какого они имели после Густава Адольфа, Франция — грозного соперника в борьбе за Эльзас, император — самого опасного из своих врагов… Чувствуя себя в силах совершить намного больше, нежели другие, он питал более смелые замыслы». Смерть настигла Бернгарда в тот самый момент, когда он намеревался вторгнуться в Баварию.

«Король и весь двор в трауре. Надеюсь, что войска останутся твердыми в их верности королю. Не могу передать вам того беспокойства, которое я лично испытываю в связи с гибелью этого полководца», — писал Ришелье 27 июля генерал-полковнику артиллерии Мейере. При всей сложности отношений с Бернгардом Ришелье сознавал все значение утраты талантливого военачальника для последующего ведения войны. К тому же предстояло еще склонить соратников покойного герцога к соблюдению верности королю Франции. Ради этого кардинал пошел на их прямой подкуп. Барон Эрлах получил крупные земельные владения в Эльзасе, генералы Нассау, Оём и Шёнбек — 12-тысячную пожизненную ренту каждый, полковникам было предложено годовое жалованье 6 тысяч экю на весь период войны. Такова была цена, которую Ришелье заплатил за Брейзах и весь Эльзас.

Возник вопрос, кто же возглавит армию герцога Саксен-Веймарского. Солдаты и офицеры были слишком привязаны к Бернгарду, чтобы принять любого из объявившихся претендентов на пост командующего. В их числе был и сын эфемерного короля Чехии Фридриха V пфальцграф Карл Людвиг, усиленно навязываемый Ришелье добрым дядюшкой английским королем Карлом I. Но у Ришелье были собственные планы на этот счет, он не без оснований видел в Карле Людвиге нового претендента на

титул герцога Эльзасского, поэтому просто приказал арестовать спешившего в Брейзах пфальцграфа. С помощью подкупленных генералов Ришелье удалось провести на пост временного командующего веймарской армией герцога де Лонгвиля, его заместителем стал де Гебриан, будущий маршал.

На исходе осени Лонгвиль начал с основными силами наступление, подготовленное еще Бернгардом. Но он изменил его направление: вместо Баварии армия была переориентирована на север — в сторону Франкфурта и Майнца. Наступление развивалось успешно, в короткий срок были взяты Нейштадт, Оппенгейм, Бинген, Крейцнах,

Другая часть армии под командованием Гебриана (который в скором времени займет место Лонгвиля) 27 декабря 1639 г. форсировала Рейн и вклинилась с юга в центральные районы Германии. В январе 1640 года Гебриан, взяв Лимбург, остановился в Гессене. Для габсбургской империи возникла серьезная опасность на западном направлении.

А в это время из Померании началось наступление 18-тысячной шведской армии генерала Баннера, который прошел через Бранденбург, Брауншвейг и другие германские земли, вплоть до Тюрингии и Саксонии, откуда весной следующего, 1640 года вторгся в Чехию.

Положение императора Фердинанда III становится критическим. Огромным напряжением сил ему удается вытеснить шведов из Чехии. Но умиротворение Германии, которого, казалось, он добился, было поставлено под вопрос.

* * *

Положение габсбургской коалиции еще более ухудшилось в результате сокрушительного поражения испанского флота у английских берегов близ Дувра в октябре 1639 года.

Главный путь, связывающий Испанию с ее провинциями в Нидерландах, лежал через море. Хотя в руках испанцев были Вальтелина и альпийские переходы, пользоваться этим сухопутным путем было гораздо сложнее, чем морским.

Попытки Ришелье договориться с Англией о совместной морской блокаде подступов к испанским Нидерландам оказались тщетными. Тогда кардинал сделал аналогичное предложение Соединенным провинциям, которые с пониманием отнеслись к идее французского министра.

Летом 1639 года испанский флот в составе 70 кораблей с 10-тысячным десантом под командованием дона Антонио де

Окуендо вошел в Ла-Манш, где его поджидал со своей эскадрой (30 судов) молодой голландский адмирал Мартин Тромп. Не ввязываясь в бой, Тромп по договоренности с англичанами вынудил испанцев войти в бухту Дувра и фактически запер их там, оставив за собой морской простор и свободу маневра. В бухте он продержал испанские корабли до наступления осени, заставив израсходовать все имевшиеся запасы продовольствия.

Оценив возможности испанцев и используя свои преимущества в маневрировании, Тромп 21 октября нанес сокрушительный удар по испанскому флоту. Из 70 кораблей лишь семи с большим трудом удалось вырваться из блокады и укрыться в Дюнкерке. На дне моря оказался и почти весь 10-тысячный десант, предназначавшийся в помощь кардиналу-инфанту, которому теперь до конца войны придется рассчитывать только на свои силы.

В один день Испания перестала быть хозяйкой Атлантики. Отныне здесь безраздельно господствовали англичане, голландцы и французы. Воображение Ришелье рисует заманчивую картину полного и окончательного уничтожения морской мощи Испании. Он поручил французскому послу в Гааге выяснить возможности организации совместных франко-голландских морских экспедиций к берегам Испании, Северной Африки и даже далекой Америки с целью уничтожения или захвата всех кораблей, плавающих под испанским флагом. Однако голландцы не дают вовлечь себя в столь обширные планы, посчитав их несвоевременными.

Положение на фронте в испанских Нидерландах характеризовалось растущим напором со стороны французской армии, командовать которой в 1639 году был назначен родственник Ришелье по материнской линии Шарль де Л а Порт, маркиз де Ламейре. Главным событием на этом участке стала осада хорошо укрепленной испанцами крепости Эден, к западу от Арраса. В начале июня сюда прибывает сам Людовик XIII, пожелавший принять участие во взятии Эдена. Он доволен тем, как ведется осада, о чем сообщает Ришелье: «Я не могу выразить Вам то удовлетворение, которое вызывает у меня месье де Ламейре… равно как и те, кто служит под его командованием. Я побывал уже в нескольких траншеях и посетил три редута…»

Ришелье тоже доволен своим родственником, о чем и пишет Шавиньи: «Эден осажден, и я уверен в благополучном исходе. Месье де Ламейре получил мушкетную пулю, которая, к счастью, застряла в его колете из буйволовой кожи…» Далеко не все родственники кардинала, вознесенные им на высокие посты в армии и гражданской администрации, оправдали его доверие. Но

Ламейре не был в их числе. Он хорошо показал себя и под Эденом, и в последующих сражениях.

27 июня 1639 г. французам удалось сделать подкоп под крепостную стену Эдена и заложить мощный заряд, который пробил в ней брешь. Через два дня город был взят. Теперь открывался прямой путь через Сент-Омер во Фландрию, по которому французская армия двинется в недалеком будущем. Здесь же, в Эдене, Ламейре из рук короля получит маршальский жезл.

* * *

Победа в Эдене несколько сгладила горечь от поражения принца Конде в Руссильоне. У Конде была прекрасно оснащенная армия. Казалось, успех наступления обеспечен. Конде, по-видимому, и сам ожидал легкой и быстрой победы. По его сведениям, силы испанцев в Руссильоне были незначительны.

Поначалу все шло, как и было задумано. 19 июля 1639 г. армия Конде овладела городом Сальс, в нескольких десятках километров от столицы Руссильона — Перпиньяна. Однако по мере приближения к желанной цели Конде встречал все более сильное сопротивление. На ближних подступах к Перпиньяну он был остановлен войсками под командованием маркиза Спинолы-младшего, который сумел даже перейти в контрнаступление. Конде попятился назад, сдавая одну за другой захваченные ранее позиции. 8 ноября он оставил Сальс, на взятие которого ему потребовалось 40 дней. К концу года положение стабилизировалось на прежних рубежах. На остальных направлениях сохранялось относительное спокойствие, изредка прерываемое боями местного значения, не влиявшими на общую расстановку сил.

* * *

Продолжение войны неизбежно сопровождалось усилением налогового бремени. Расширение масштаба военных действий, формирование все новых и новых армий, постоянная финансовая помощь союзникам — все это вело к росту военных расходов и в конечном счете к еще большему ухудшению положения беднейших и даже средних слоев населения.

Выражением растущего недовольства стала новая волна народных восстаний, поднявшаяся летом 1639 года в Нижней

Нормандии. Восставшие называли себя «босоногими» (vanu-pieds). Под названием «восстание босоногих» оно и вошло в историю Франции.

Восстание, начавшееся в Авранше, быстро распространилось на другие города Нижней Нормандии (Кан, Байе, Руан и т. д.). К осени 1639 года численность восставших достигла 20 тысяч. Они были организованы в так называемую «армию страдания», во главе которой встал полулегендарный Жан Босоногий. Под этим именем скрывался сельский кюре Жан Морель по кличке Мондрен. Он объявил об отмене выплаты всех налогов, а причастных к их взиманию приказал сурово преследовать, вплоть до предания смертной казни. Восставшие пытались установить связь с аналогичными движениями в Бретани и Пуату. Осенью вся территория Нормандии, по существу, оказалась под контролем «босоногих», что потребовало от правительства принятия срочных мер.

Ришелье, как уже говорилось, не был сторонником введения дополнительных налогов, считая этот путь решения финансовых проблем малоэффективным и даже, как бы мы сейчас сказали, социально опасным. Он хорошо знал о всех злоупотреблениях откупщиков и финансовой администрации и при случае наказывал зарвавшихся лихоимцев, но в конечном счете был бессилен принять в этом отношении радикальные меры. Война постоянно требовала все новых и новых денежных поступлений.

Конечно же, первый министр не мог бездействовать перед открытым неповиновением власти, которую он олицетворял. Бунт должен быть подавлен самым решительным образом. Для этого он отзывает с театра военных действий отборные войска под командованием маршала Гассиона. Карательные войска были укомплектованы главным образом иностранными наемниками, проявлявшими особую жестокость в отношении восставших. Города, которые они занимали, подвергались безжалостному разграблению, против чего вынужден был — увы, тщетно — протестовать даже архиепископ Руанский Франсуа д'Арле. К началу 1640 года все районы и города, охваченные восстанием, перешли под контроль правительственных войск. Последним — 2 января 1640 г. — был взят Руан, столица Нормандии. Сюда и прибыл с чрезвычайными полномочиями чинить суд и расправу сам канцлер Сегье, «примерно» наказавший мятежную провинцию. Нормандия лишилась парламента, а Руан — муниципалитета. Все налоги, вызвавшие возмущение, были восстановлены, население провинции обязывалось кормить и содержать за свой счет войска в течение всего периода их пребывания. Руан был приговорен к выплате в казну более

миллиона ливров штрафа, несколько меньшие суммы должны были заплатить остальные «мятежные» города — Авранш, Кан, Байе…

Когда порядок восстановили, Ришелье задумался: не было ли восстание в Нормандии подготовлено и спровоцировано какой-либо «недружественной» иностранной державой? Его подозрения падают на Англию, которая в давние времена владела Нормандией. Кто знает, может быть, Карл I задумал воспользоваться трудностями Людовика XIII и отобрать у него столь лакомый кусок.

Едва ли не первым Ришелье сформулирует тезис о происках «внешних врагов» для объяснения сугубо внутренних проблем и конфликтов. Это было просто и вполне доступно для понимания, а главное — избавляло правительство от трудных поисков действительных причин народного недовольства. Сколько правителей и правительств в истории последуют по этому соблазнительному пути, оправдывающему их неспособность предвидеть и разумно решать возникающие проблемы внутреннего развития своих стран.

Что же касается «восстания босоногих», то все попытки канцлера Сегье, выполнявшего волю министра-кардинала, найти «руку» Лондона или Мадрида, разумеется, не увенчались успехом.

Заря победы

Хотя ни Англия, ни Испания, ни Империя не были замешаны в организации «восстания босоногих», тем не менее Мадрид и Вена не прочь были воспользоваться внутренними трудностями, переживаемыми Францией, и попытаться изменить военную ситуацию в свою пользу. Силы их были на исходе. Оливарес признавался в начале 1640 года: «Мы переживаем большие трудности, а император в еще более худшем положении, чем мы…» Ришелье, в свою очередь, хорошо знал уязвимые места обоих противников и намерен был использовать это в интересах Франции. В Германии он пытается отдалить Бранденбург, Саксонию и другие протестантские княжества от императора, вернув их в ряды антигабсбургской коалиции. В Испании он надеется использовать нарастание сепаратистских тенденций в Каталонии и Португалии.

Ришелье чувствовал, что военная и политическая расстановка сил благоприятствует Франции. Начиная с 1638 года Габсбурги постепенно утрачивали стратегическую инициативу. Поражения при Рейнфельдене и Брейзахе, а также разгром испанского флота у английских берегов существенно подорвали силы Империи и Испании.

Карл I под влиянием внутренних событий (обостряющийся конфликт с Шотландией) все более склонялся к сближению с Людовиком XIII, чему всячески пыталась содействовать королева Генриетта.

Союз Франции с Соединенными провинциями прочен как никогда. Сторонники примирения с Филиппом IV из рядов крупной голландской буржуазии были окончательно оттеснены от власти «партией войны» во главе с крайне популярным среди простых голландцев принцем Оранским. В начале 1640 года франко-голландский союз был возобновлен, что свидетельствовало об обоюдной решимости довести войну до победного конца.

Швеция после длительной депрессии, вызванной тяжелым поражением при Нердлингене в 1634 году, готова была возобновить активные военные действия в Германии.

Таковы были основные факторы внешнего порядка, позволявшие Ришелье с оптимизмом смотреть в будущее.

К началу 1640 года Ришелье удалось укрепить позиции правительства и стабилизировать положение внутри страны. Заметного успеха он добился в деле обновления кадрового состава армии за счет введения новой системы ее

комплектования. Отныне все города Франции обязаны были в соответствии с полученной ими «разнарядкой» регулярно поставлять определенное число новобранцев. С тем чтобы сделать военное ремесло более привлекательным, министр-кардинал распорядился выплачивать каждому новобранцу помимо обычного жалованья своеобразную прибавку в размере 4 экю, то есть 12 ливров — сумма для простого солдата немалая. Кроме того, Ришелье сократил срок службы (найма), что, конечно же, облегчало задачу формирования армии. Старослужащим, которые соглашались продлить контракт, предоставлялись всевозможные льготы. Надо сказать, что в условиях массовой нищеты материальная обеспеченность солдатской жизни, даже при всем очевидном смертельном риске, многим казалась привлекательной.

За годы войны выросла плеяда молодых способных военачальников. Среди этих «выдвиженцев» — Шомберг-младший, д'Аркур, Гебриан, Гассион, Ламейре, Тюренн и др. Все свидетельствовало о том, что Франция могла уверенно смотреть в будущее и продолжать борьбу.

Намечая военные планы на 1640 год, Ришелье подчеркивал в одном из писем: «Турин и Аррас — первоочередные цели текущей кампании». Столица Пьемонта должна быть возвращена под власть Кристины Савойской, а административный центр провинции Артуа — королю Франции.

Осада Арраса, занятого войсками кардинала-инфанта, продолжалась более полугода. Наконец 10 августа 1640 г. сопротивление испанцев было сломлено, и город оказался в руках маршала Шатильона, после чего 32-тысячная французская армия приступила к освобождению пограничной с испанскими Нидерландами провинции Артуа.

Взятие Турина было тщательно подготовлено Ришелье. Французский министр сумел внушить и сумасбродной Кристине, и ее врагам Томасу и Морицу. что именно он, а никто другой, может быть единственным арбитром в определении судьбы Савойи.

Свои доводы и увещевания, обращенные к Кристине и двум ее шуринам, весной 1640 года Ришелье подкрепил демонстрацией военной силы. Французская армия, размещенная в соседней с Савойей провинции Дофине и частично в Пьемонте, начала боевые действия против испанцев и отрядов Томаса Савойского. Уже в апреле французы овладели крепостью Казале, памятной им еще со времен Мантуанского похода, и развернули наступление на Турин. «Не могу передать Вам той признательности, которую я испытываю к графу д'Аркуру (французскому

главнокомандующему в Северной Италии. — *П. Ч.*) и ко всем, кто служит в Итальянской армии», — писал Ришелье своему новому помощнику Джулио Мазарини в связи с наступлением в Пьемонте. В другом письме, датированном 26 июля, кардинал вновь отмечает «храбрость графа д'Аркура, прославившую его в Италии и во всем христианском мире».

Протеже Ришелье сумел оправдать доверие кардинала. 20 сентября он принудил Томаса Савойского, руководившего обороной Турина, к капитуляции. Для участия в принятии капитуляции из Парижа срочно прибыл другой протеже первого министра — чрезвычайный посол Его Величества Людовика XIII Мазарини.

Испанцы были изгнаны из Пьемонта. Франция фактически установила в Савойе режим протектората.

* * *

Положение Испании как воюющей державы резко ухудшилось в связи с национально-освободительными восстаниями в Каталонии и Португалии.

Испания в это время по-прежнему больше напоминала своеобразную федерацию провинций и областей, нежели единое государство. «Испания, — писал

К. Маркс, — подобно Турции, оставалась скоплением дурно управляемых республик с номинальным сувереном во главе». Каждая из составляющих Испанское королевство провинций настойчиво отстаивала свои древние законы и традиции. В этом смысле внутренняя разобщенность, против которой с энергией, достойной кардинала Ришелье, тщетно боролся герцог Оливарес, была несопоставима с положением Франции, к тому времени уже достаточно консолидированной.

Наиболее широкой автономией среди других испанских провинций, управлявшихся вице-королями, пользовались Каталония и Португалия. В Каталонии, например, в полную силу действовала своя конституция, кодифицированная в 1588 году. Одна из отличительных особенностей каталонской автономии состояла в том, что каждый новый король Испании, восходящий на трон, обязан был лично прибыть в Барселону и подтвердить свое уважение к древним свободам Каталонии. Только после этого каталонцы удостаивали нового монарха почетного титула графа Барселонского и признавали своим королем. Назначаемый в Каталонию вице-король должен был предварительно получить одобрение органов провинциального самоуправления.

Другая особенность каталонской автономии заключалась в том, что провинция сама определяла число рекрутов, направляемых в королевскую армию, время их набора и сроки службы, а это значительно осложняло составление в Мадриде мобилизационных планов.

Автономия Каталонии не была пустым звуком, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что провинция в течение пяти лет отказывалась признать Филиппа IV королем Испании после смерти его отца. Обструкция продолжалась до тех пор, пока Филипп IV не обуздал гордыню и не явился в соответствии с древней традицией на поклон в Барселону.

Герцог Оливарес, одержимый, как и Ришелье, идеей единой Испании, исподволь вел наступление на права Каталонии и других провинций. Он неосмотрительно замахнулся на саму конституцию Каталонии, что имело серьезные последствия для центрального правительства. Кризис в отношениях Каталонии с Мадридом в условиях испано-французской войны быстро прогрессировал, что было связано с требованиями центрального правительства о предоставлении все большего числа рекрутов и более щедром финансовом участии в военных усилиях короля Испании. Значение Каталонии в военных планах Мадрида было тем более велико, что она непосредственно граничила с Францией и ее территория стала оперативной базой для королевской армии, нацеленной на Лангедок. Каталония выражает готовность участвовать в войне с Францией только в том случае, если французская армия нарушит ее границы. Не этим ли объяснялась удивительная пассивность французской стороны на данном направлении? Ришелье хорошо был осведомлен о настроениях в Каталонии и всеми средствами пытался использовать их в интересах Франции. Французские наступательные операции в Восточных Пиренеях никогда не выходили за пределы Руссильона.

В течение трех лет (1635–1637 гг.) Оливарес тщетно добивался подключения Каталонии к участию в воине, за это время ему удавалось получить оттуда лишь несколько десятков преступников, согласившихся сменить тюремные камеры на походную жизнь.

13 июля 1637 г. Оливарес приказал вице-королю Каталонии провести широкую мобилизацию. Эта мера вызвала бурную ответную реакцию со стороны каталонцев, объявивших бойкот. В результате мобилизация была сорвана.

Во время осады Фонтараби французской армией все испанские провинции прислали на помощь осажденному гарнизону свои ополчения — все, за исключением Каталонии.

В последующие годы отношения между Каталонией и Мадридом зашли в тупик. Взрыв мог произойти в любой момент и по любому поводу. И он произошел.

7 июня 1640 г. в результате незначительного инцидента (случайный выстрел из окна дворца вице-короля в Барселоне в мирную толпу, собравшуюся на центральной площади города) столица Каталонии, а затем и вся провинция были охвачены восстанием. Сразу же после инцидента возбужденная толпа ворвалась во дворец и растерзала вице-короля. Началась подлинная охота на испанских солдат. Испанские командующие вывели войска в соседний Руссильон.

Характерно, что каталонцы восстали не против королевской власти как таковой. Они требовали лишь уважения древних свобод провинции. Их лозунги: «Да здравствует король! Смерть предателям! Долой плохое правительство! Да здравствует мать Святая церковь!». Депутаты, отправленные в Мадрид, заверяли короля, что Каталония в состоянии сама защитить себя в случае французского вторжения и поэтому не нуждается в присутствии его армии. Филипп IV отказался вступить в какие-либо переговоры с бунтовщиками, пригрозив потопить восстание в крови. Это был непростительный просчет испанского монарха и его первого министра Оливареса.

В ответ на угрозы короля Каталония официально лишила Филиппа IV традиционного титула графа Барселонского и, таким образом, перестала признавать его своим сувереном. Одновременно она обратилась за помощью к королю Франции. «Я думаю, — писал Людовик XIII Ришелье, — что мы можем извлечь из этого дела большие преимущества для нас…»

В начале августа в Барселону для переговоров с военным руководителем восставших доном Раймоном де Гиймерой прибыл эмиссар Ришелье дю Плесси-Безансон, обсуждавший возможности заключения союзного договора между Францией и Каталонией, независимость которой была признана Парижем с непостижимой для тех времен быстротой. Такой договор был подписан в Барселоне 16 декабря 1640 г.

А уже 7 января 1641 г. послы Каталонии прибыли в Париж с ратификационными грамотами, которые вручили Людовику XIII, получив от кардинала Ришелье аналогичный французский документ.

Каталонцы пошли еще дальше в своих отношениях с Францией. В феврале 1641 года они предложили Людовику XIII принять титул графа Барселонскою, что означало распространение французского суверенитета на Каталонию. Предложение было настолько смелым и неожиданным, что

повергло Королевский совет и кардинала Ришелье в серьезные и мучительные размышления. Наконец 19 сентября 1641 г. Людовик XIII сообщил о своем согласии принять предложенный титул. Ришелье прекрасно понимал, что лишь крайние обстоятельства вынудили каталонцев пойти на такой шаг, поэтому сумел убедить короля не относиться серьезно к оказанной ему чести, использовав в то же время тесное сближение с Каталонией для более эффективной борьбы с Испанией. Франция, по существу, ограничилась оказанием Каталонии военной помощи в изгнании испанцев из Руссильона, что полностью соответствовало ее собственным планам. В остальном она предпочла не вмешиваться во внутренние дела Каталонии.

Завоевание Руссильона стало одной из центральных задач кампании 1642 года.

Восстание в Каталонии ускорило давно назревавший взрыв в Португалии, подпавшей в зависимость от Испании в 1531 году в результате заключения брака между Филиппом II Испанским и Маргаритой Португальской, единственной дочерью короля Жоана III.

Как Филипп II, так и Филипп III старались по возможности не ущемлять древних традиций некогда могущественной Португалии, но с воцарением Филиппа IV и особенно в результате насильственной централизаторской политики Оливареса положение стало быстро меняться. Особенное недовольство в Португалии вызвало введение Оливаресом в 1635 году 5-процентного налога на все виды имуществ в провинции, что ударило по интересам португальской знати и торговой буржуазии. Тогда же в связи с началом испано-французской войны в Португалии была объявлена дополнительная мобилизация в испанскую армию. С тех пор подобные мобилизации стали проводиться ежегодно. Все это безусловно способствовало нарастанию антииспанских настроений в Португалии.

Назревание кризиса в отношениях между Португалией и Испанией довольно рано было замечено в Париже. Ришелье поручает своим агентам активизировать деятельность в Португалии. Современный французский историк Мишель Кармона не исключает того, что именно стараниями этой агентуры был найден будущий вождь восстания в Португалии герцог Жоан Браганцкий, член царствовавшего некогда в Лиссабоне Королевского дома. Во всяком случае, переписка Ришелье с архиепископом Бордоским Сурди, относящаяся к 1638–1639 годам, свидетельствует об ожидании каких-то событий в

Португалии, к которым нужно быть готовыми и «в случае необходимости прийти на помощь португальцам».

Восстание началось 1 декабря 1640 г. в Лиссабоне, где Жоан Браганцкий с помощью своих многочисленных сторонников отстранил от власти вице-королеву Маргариту Савойскую, назначенную Филиппом IV, и провозгласил себя королем Португалии под именем Жоана IV. Его действия нашли широкую поддержку во всех слоях португальского общества.

Получив первое сообщение о событиях в Лиссабоне, Оливарес не знал, как доложить о случившемся Филиппу IV. Может быть, он сознавал, что восстание не в последнюю очередь было ускорено его прямолинейной политикой в отношении Португалии.

Король в это время прогуливался по аллее парка. Все при дворе знали, что в эти минуты Филиппа IV нельзя беспокоить. Но дело было слишком серьезным, чтобы откладывать. Оливарес осмелился нарушить одиночество размышлявшего о чем-то короля и подошел к нему со словами:

— Я принес Вашему Величеству важные новости. Только что Ваше Величество приобрел крупное герцогство и стал обладателем значительных богатств.

— Как это?

— Ваше Величество, герцог Браганцкий сошел с ума. Он провозгласил себя королем Португалии

— ???

— Вы должны немедленно конфисковать всю его собственность.

— Так пусть изыщут возможности для этого, — завершил беседу озабоченный Филипп IV.

Оливарес подготовил королевский эдикт о наложении секвестра на имущество взбунтовавшегося герцога в принадлежащей ему провинции Браганца. Разумеется, Мадрид не признал новоявленного короля Португалии, но зато поспешил направить туда войска.

Со своей стороны, Жоан IV принял необходимые меры по отражению нападения. Отряды повстанцев срочно были организованы в армию, сумевшую не допустить испанские войска на территорию Португалии. В ряде мест — в Андалусии и Галисии — португальцам удалось даже оттеснить испанцев в глубь испанской территории.

Франция, Англия, Голландия, Дания и Швеция немедленно признали Жоана IV законным сувереном Португалии, который одновременно подписал мирные договоры с Людовиком XIII и Соединенными провинциями, обязавшись не вступать в какие-

либо соглашения с Филиппом IV в течение 10 лет.

Внутренний кризис, в котором оказалась Испания, существенно ослабил габсбургскую коалицию.

* * *

У Фердинанда III дела обстояли немногим лучше, чем у его кузена Филиппа IV. С большим трудом ему удалось весной 1640 года вытеснить шведскую армию Баннера из Чехии, но Баннер не отступил в Померанию, на что надеялся император, а, соединившись с армией Гебриана, двинулся через Тюрингию и Фогтланд к Дунаю, оказавшись зимой 1641 года под стенами Регенсбурга, где в это время заседал имперский сейм. Лишь неожиданная оттепель и начавшийся ледоход помешали шведам переправиться через Дунай и овладеть городом. В отместку за свою неудачу Баннер выпустил по Регенсбургу свыше 500 ядер, причинивших значительные разрушения.

Затем Баннер направился в глубь Баварии и в Моравию, что было неосторожно с его стороны, так как императору удалось создать численное превосходство над силами шведов. Столкнувшись с имперской армией в районе Ингольштадта, Баннер вынужден был отступить через Западную Чехию в Саксонию, призвав на помощь армию Гебриана. Помощь подоспела вовремя, так как в районе Цвиккау Баннер едва не был разбит имперцами. Вмешательство Гебриана позволило избежать неминуемого поражения. Из Цвиккау шведско-веймарская армия двинулась в направлении Гальберштадта. Там 20 мая 1641 г. скоропостижно скончался генерал Баннер. «Его умертвил яд излишеств и волнений, — пишет Фридрих Шиллер. — Хотя и с переменным счастьем, он доблестно поддерживал честь шведского оружия в Германии и вереницей побед показал себя достойным учеником своего великого наставника в военном деле. Его всегда занимали обширные планы, которые он умел хранить в тайне и выполнять быстро; он был рассудителен в опасностях, в превратностях судьбы проявлял себя более достойно, нежели в счастье, и страшнее всего был тогда, когда его считали на краю гибели. Но добродетели героя соединились в нем со всеми теми изъянами и пороками, какие порождает или по меньшей мере питает военное ремесло. Равно властный как в обращении, так и перед фронтом армий, грубый, как его профессия, и гордый, как истый завоеватель, он своим высокомерием угнетал германских государей столь же тяжко, как опустошением их земель. За невзгоды походной жизни он вознаграждал себя пиршествами и

любовными утехами, предаваясь излишествам, следствием которых явилась преждевременная смерть».

До прибытия из Стокгольма нового шведского главнокомандующего, которым станет другой питомец Густава Адольфа граф Бернгард Торстенсен, французский маршал Гебриан возглавит и шведские войска. Вот что пишет о Торстенсене Шиллер: «Разбитый подагрой и прикованный к носилкам, он побеждал всех своих противников быстротою. Тело его было обременено тягчайшими из оков, но его планы обладали крыльями. При нем перемещается театр войны и устанавливаются новые принципы, предписанные необходимостью и оправданные успехом. Земли, из-за которых до сих пор сражались, обнищали окончательно, а Австрийский дом, чьи отдаленные владения остались нетронутыми, не чувствует бедствий войны, под гнетом которых истекает кровью вся Германия. Торстенсен первый доставляет ему этот горестный опыт, насыщает шведов [.всем, чем изобилует Австрия, и швыряет факел пожара к самому трону императора». Огнем и мечом прошелся Торстенсен по Силезии и Моравии, разорив множество не знавших войны городов. Вытесненный оттуда с великим трудом армиями Пикколомини и эрцгерцога Леопольда, Торстенсен отступил в Саксонию, а оттуда в Тюрингию, разбив под Лейпцигом австрийцев.

Гебриан после приезда Торстенсена ушел со своей армией в Вестфалию, оттуда в начале 1642 года совершил молниеносный рейд в Саксонию на помощь Торстенсену и, наконец, захватив на обратном пути Кёльн, вернулся в Эльзас.

Все более частые неудачи императора побудили примирившихся было с ним протестантских государей Германии задуматься над правильностью сделанного ими выбора. Занявший бранденбургский престол после смерти родителя в декабре 1640 года 29-летний курфюрст Фридрих Вильгельм начал с того, что отстранил от дел и уволил первого министра своего покойного отца Адама Шварценберга (католика), проводившего проавстрийскую политику, и взял курс на сближение со Швецией. В июле 1641 года он окончательно порвал с Габсбургами, заключив союз со Швецией. Поведение молодого курфюрста Бранденбургского произвело большое впечатление в Саксонии и других протестантских княжествах. Появляются первые, пока еще робкие надежды на возрождение Евангелической унии.

Политическое чутье не подвело Ришелье. Он уловил новые веяния и постарался облегчить процесс воссоздания антигабсбургского блока в Германии. Он решил сделать жест доброй воли, который, как полагал, будет оценен в Германии, осудившей в свое время попытку поглощения Францией

Лотарингии.

Из переписки Ришелье видно, что уже с конца 1639 года он стал задумываться над тем, чтобы найти приемлемый для всех заинтересованных сторон modus vivendi в Лотарингии. События показали, что время для полного включения Лотарингии в состав Франции еще не настало. Кардинал приходит к выводу о целесообразности восстановления Карла IV на лотарингском прсс голе при условии признания им вассальной зависимости от короля Франции.

Бывший герцог Лотарингский все последние годы скитался по Германии, поступив на имперскую службу. Некоторое время он надеялся вернуться в Лотарингию с имперской армией. Однако уже к 1640 году разуверился в шансах императора на победу и начал осторожно выяснять возможности примирения с Людовиком XIII. Ришелье поручил своему любимцу государственному секретарю Шавиньи, о котором поговаривали, что он побочный сын самого кардинала, а не покойного Бутилье, вступить в секретные переговоры с Карлом. Эти переговоры проходили в конце февраля — начале марта 1641 года, и обе стороны достигли договоренности.

10 марта Людовик XIII соблаговолил дать аудиенцию низложенному им герцогу, заверив его в своем полном расположении. «Мой кузен, — заявил он при встрече, — прошлое навсегда забыто…»

А 29 марта того же года Людовик XIII и Карл IV скрепили своими подписями Парижский мирный договор, восстанавливающий герцога Лотарингского на престоле, но уже как формального вассала Франции. В обмен на вывод французской армии из Лотарингии Карл IV передавал Людовику XIII город Клермон-ан-Аргон и три крепости: Стене, Жамец и Дён. Кроме того, обязывался не вступать ни в какие антифранцузские коалиции и оказывать королю Франции помощь в войне с Испанией. По понятным соображениям Ришелье не счел целесообразным втягивать герцога Лотарингского в войну в Германии, считая, что его благожелательного нейтралитета, укрепленного военным «присутствием» Франции в четырех городах Лотарингии, вполне достаточно, во всяком случае на первое время.

Но Карл IV не был бы самим собой, если бы не слукавил и на этот раз. Буквально за несколько дней до подписания Парижского договора он составил и заверил у нотариуса документ, свидетельствовавший, что его союз с Францией не может иметь правовую силу, так как заключен под принуждением. Карлу очень скоро — всего через несколько месяцев — придется поплатиться

за свое двурушничество. Полученные уроки явно не шли ему впрок. На этот раз он окончательно и безнадежно потеряет с таким трудом возвращенный престол, ввязавшись в очередной заговор, направленный против Ришелье.

* * *

Организатором нового заговора стал граф Суассон, безвыездно проживавший с 1637 года в принадлежавшем ему Седане, у самой границы с испанскими Нидерландами.

С давних пор лелеял он мысль об устранении Ришелье. Весной 1640 года Суассону удалось завязать нити новой интриги, в которую он втянул герцогов Гиза и Буильона. Одновременно он установил тайные связи с испанцами, австрийцами и герцогом Лотарингским, с помощью которых к весне следующего, 1641 года ему удалось сформировать более чем 6-тысячную армию, выступившую в начале лета в поход на Париж. По мере продвижения армии вдоль реки Мёз к ней присоединялись все недовольные политикой первого министра. Определяя цели похода, герцог Буильонский признавался в своих воспоминаниях: «Мы хотели войти во Францию для того, чтобы возбудить там движение, способное свергнуть кардинала. Мы должны были искать нашу безопасность в выгодном мире (с Габсбургами. — *П. Ч.*) и в установлении нового министерства».

Узнав о выступлении мятежников, Ришелье направил им навстречу снятую с фронта армию маршала Шатильона. Но произошло непредвиденное: Суассон довольно легко разгромил 9 июля 1641 г. при Ла-Марфе численно превосходящие его силы Шатильона. Воодушевленные победой мятежники были полны решимости идти на Париж, чтобы освободить короля от пагубного для страны влияния министра-кардинала.

Вот тут-то и произошел его величество случай. Опьяненный победой Суассон, если верить мемуарам Буильона, гарцевал на коне с пистолетом в руке на поле выигранной битвы. Остановившись, он попросил воды и стал пить из кувшина, не выпуская пистолета. Внезапно раздался выстрел, и граф замертво упал с простреленной головой. Скорее всего, это действительно был несчастный случай, но молва немедленно приписала смерть Суассона «дьяволу в пурпурной мантии», подославшему к Суассону убийцу. Поистине кардиналу приписывали и то, что превышало даже его возможности. Так или иначе, но кардинал мог благодарить судьбу за неожиданный (?) подарок. В письме к д'Аво Ришелье заметил в связи с этим событием: «Если месье де

Шатильон проиграл битву вследствие своего просчета, то Франция много выиграла от потери графа (Суассона. — *П. Ч.*)».

После гибели своего военачальника армия мятежников быстро стала распадаться. Возглавивший ее Буильон с жалкими остатками отступил к Седану и Мезьеру.

* * *

Мятежом Суассона поспешил воспользоваться неугомонный герцог Лотарингский, объявивший о прекращении вассальной зависимости от Людовика XIII. Соответственно он денонсировал Парижский мирный договор с Францией. Правда, скоро Карлу IV пришлось пожалеть о своей поспешности.

15 августа 1641 г. Людовик XIII объявил войну Лотарингии и в течение всего двух недель полностью оккупировал ее. Трудно сказать, на что рассчитывал Карл IV — на помощь ли австрийцев или на успех выступления Суассона? — но в конечном счете он окончательно проиграл.

Поняв, что дело плохо, герцог Буильонский, укрывшийся за мощными стенами Седана, решил искать пути примирения с Людовиком XIII, лично возглавившим поход на Мезьер и Седан. Другой руководитель мятежников герцог Гиз предпочел бежать за пределы Франции. В сентябре 1641 года он будет приговорен (заочно) к смертной казни за государственную измену.

Буильон же не стал дожидаться, когда королевская армия возьмет Седан, а поспешил на свой страх и риск в ставку короля, являя собой саму покорность и раскаяние. Он не устает рассыпать бесчисленные комплименты тому, кого собирался отстранить от власти, а может быть, и лишить жизни. Называет кардинала не иначе как «самым великим министром, каких только знал мир».

Герцогу удалось-таки получить прощение Людовика XIII, он был даже допущен к королевскому столу обедать в компании короля и первого министра.

Покончив с мятежом и восстановив контроль над Лотарингией, Ришелье направил армию маршала Ламейре к границам испанских Нидерландов. Осенью на этом участке фронта началось французское наступление, завершившееся взятием нескольких городов — Эр-сюр-ла-Ли, Ланса, Ла-Бассе, Бапома — на территории Фландрии. В разгар этого наступления 9 ноября 1641 г. умирает кардинал-инфант — один из самых опасных противников Франции, лучший полководец испанской армии.

Ришелье имел все основания быть довольным результатами

кампании 1640–1641 годов. Франция явно приближалась к победе. Его собственное положение после перенесенных волнений еще более укрепилось. В 1641 году Ришелье породнился с королевской семьей. Кардиналу удалось выдать свою племянницу Клер Клеманс де Мейе-Брезе — дочь маршала Брезе и сестры кардинала Николь дю Плесси — замуж за герцога Энгиенского — будущего «Великого Конде», сына принца Конде и Шарлотты де Монморанси. Этот брак принес несчастье всему роду Конде, обрек его на вырождение.

Дело в том, что сестра Ришелье страдала тяжелым психическим расстройством: ей казалось, что она сделана из хрусталя. Николь боялась «разбиться», и потому стоило большого труда заставить ее присесть или уложить спать. Ее муж маршал де Брезе довольно скоро оставил жену, которая безвыездно прожила до конца своих дней в замке Милли в Анжу под бдительным присмотром. Их дочь с ранних лет воспитывалась отдельно от матери. Это было тщедушное существо карликового роста, с невыразительными чертами лица и унаследованными от матери отклонениями. Она-то и принесла несчастье семейству Конде. Старший сын от этого брака родился психически неполноценным, внук будет страдать эпилепсией и врожденным уродством, правнук — психическим заболеванием.

Но все это обнаружится позже, после смерти Ришелье. Тогда же, в 1641 году, Его Высокопреосвященство испытывал понятное чувство удовлетворения от заключенной сделки, которая обошлась кардиналу в 600 тысяч ливров — таково было приданое невесты.

Последняя схватка

Долгие восемнадцать лет день за днем кардинал Ришелье, окруженный завистниками и врагами, желающими его смерти, должен был твердой рукой направлять государственный корабль Франции. Конечно же, «великий замысел», завещанный Генрихом IV, кардинал осуществлял не без своего покровителя и союзника Людовика XIII. Но этот союзник отличался непостоянством и часто поддавался всевозможным влияниям, что хорошо было известно при дворе. Многочисленные авантюристы и авантюристки, зная характер короля, пользовались этим в своих корыстных целях. Кто знает, сколько лет жизни отняла у министра-кардинала борьба за монопольное влияние на Людовика XIII…

В этой борьбе, от которой в одинаковой мере зависели его личная судьба и судьба Франции, Ришелье не брезговал никакими средствами, что, впрочем, вполне соответствовало нравам эпохи.

Зная о слабостях и пороках Людовика XIII (последние не были большим секретом при дворе), кардинал окружал короля особым сортом шпионов из числа хорошеньких женщин и смазливых молодых людей, разделявших королевский досуг и регулярно сообщавших Ришелье о настроениях Его Величества. Эта «служба» работала достаточно эффективно, что позволяло Ришелье вовремя предупреждать нежелательный поворот событий.

Одним из таких «мальчиков»-агентов стал 17-летний Анри, маркиз де Сен-Мар, сын покойного сюринтенданта финансов д'Эффиа. Это был красивый молодой человек, окончивший школу пажей и служивший в гвардии кардинала. Он был безусловно предан своему патрону. Ришелье обратил внимание, что с некоторых пор король стал проявлять интерес к красавцу-офицеру, и постарался сделать Сен-Мара главным распорядителем королевского гардероба. Это было в 1637 году.

Год спустя Ришелье прямо и откровенно объяснил Сен-Мару, что от него требуется. Молодой человек был шокирован и решительно отверг предложение кардинала. Ссылки на государственные интересы не произвели на него должного впечатления. Историки не располагают документами, относящимися к этому делу, да это и не имеет принципиального значения. Известно только, что Ришелье в конце концов с помощью матери (?!) Сен-Мара, посулами и угрозами лишения всей семьи пенсий и других доходов добился своего. Сен-Мар согласился стать осведомителем кардинала при короле.

Разумеется, все было обставлено разговорами о необходимости защитить короля от «дурного влияния», ведь это может повредить интересам Франции. Судя по всему, угрызения совести давно уже не мучили Его Высокопреосвященство.

«За свою карьеру кардинал совершил две крупные ошибки, поразительные для столь великого знатока человеческих душ. Одну — в годы своей молодости, недооценив Людовика XIII, другую — на исходе жизни, недооценив Сен-Мара. Он жестоко заплатил за первую, и ему предстояло пережить все последствия второй», — заметил в связи с «делом Сен-Мара» французский историк Филипп Эрланжер.

Уже довольно скоро Ришелье понял, что обманулся в своих ожиданиях. Приблизившись к королю, Сен-Мар стал действовать не в пользу кардинала. Дело осложнялось тем, что король не на шутку увлекся Сен-Маром, в котором буквально души не чаял. Он не желал с ним расставаться ни на один день. «Ни к кому и никогда король не испытывал более неистовой страсти», — писал государственный секретарь Шавиньи одному из своих корреспондентов.

При дворе быстро оценили значение нового фаворита, которого король называл не иначе как «дорогой друг» и с которым с недавних пор стал обсуждать политические и иные проблемы и даже советоваться. Враги кардинала, хотя и не сразу, увидели в Сен-Маре человека, способного устранить ненавистного министра. Первое время они по понятным причинам считали маркиза «человеком Ришелье». Какова же была их радость, когда они поняли, что в лице Сен-Мара приобрели влиятельного союзника. Впоследствии расследование установит, что Сен-Мар еще в середине 1640 года завязал тайные связи с Суассоном. Буильоном и другими недругами кардинала.

Уже к концу 1639 года Сен-Мар, не достигший и 20 лет, сумел поставить короля в полную от себя зависимость. Опьяненный фавором, он начинает подумывать о политической карьере. В самом деле, положение «мальчика» ненадежно, сколько их видел двор и куда все они подевались…

Не довольствуясь должностями распорядителя королевского гардероба и первого шталмейстера Малой конюшни, Сен-Мар добился, к неудовольствию Ришелье, назначения на весьма престижный пост — главного шталмейстера. С этого времени его обязаны были именовать в соответствии с этикетом «месье Главный». Но Сен-Мару нужно закрепить свое положение: он оставляет любовницу — известную при дворе кокотку Марион де Лорм — и собирается жениться на дочери покойного Невера, герцога Мантуанского, принцессе Марии-Луизе де Гонзаг. Сен-

Мара не смущает, что невеста старше его на девять лет.

Мария-Луиза — непримиримая противница Ришелье, а в недалеком прошлом любовница Гастона Орлеанского — согласна была выйти замуж за фаворита короля только при одном условии: Сен-Мар должен освободить Францию от «тирана»-кардинала. Но месье Главный еще не готов к этому. Он пытается даже заручиться содействием Ришелье в устройстве своего брака с принцессой де Гонзаг. «Я думаю, — высокомерно заявил Ришелье Сен-Мару, — что принцесса Мария не до такой степени забыла о своем происхождении, чтобы унизить себя столь незначительной партией». Кардинал сделал все от него зависящее, чтобы расстроить намечавшийся брак, а также лишить Сен-Мара надежд на герцогство и пэрство.

Поведение Ришелье положило конец колебаниям и нерешительности месье Главного, отдавшего себя в распоряжение врагов первого министра. До сих пор он действовал в расчете на собственные силы, теперь же решил объединиться с противниками Ришелье.

Как никто, Сен-Мар знал скрытую от большинства придворных сторону взаимоотношений короля и его министра. Он видел, что железная воля кардинала травмировала бесхарактерного, но болезненно-самолюбивого Людовика XIII. Мнительный король подозревал, что министр презирает его. Даже в том, как кардинал поддерживал в нем представление о себе как о достойном продолжателе дела своего великого отца, Людовик XIII усматривал скрытую насмешку. От Сен-Мара не ускользнуло и то, что самолюбие короля больно задевают диктаторские замашки его первого министра: многие решения, принимаемые Советом, утверждались именем Людовика, хотя в душе он был с ними не согласен. Людовик XIII побаивался и недолюбливал кардинала, но в государственных делах обходиться без него уже не мог.

О взаимоотношениях Людовика XIII и Ришелье ярко, хотя и с явным преувеличением, рассказывает Виктор Гюго в драме «Марион Делорм». Великий романтик вложил в уста короля всю свою неприязнь к тирану-кардиналу.

Король: Он ненавистен мне!
Меня он душит. Здесь я больше не свободен.
Здесь не хозяин я, — а я на что-то годен.
. . . . . .
Мне, первому в стране, пришлось последним стать.
. . . . . .
Он разлучил меня с страной, мне богом данной,

И, как ребенка, скрыл под мантией багряной.
. . . . . .
Обезоружен я, отцовский отнят трон!
Я в этом Ришелье, как в гробе, заключен,
И мантия его — мой саван погребальный.[23]

Однажды Сен-Мар стал свидетелем сцены, происшедшей в дверях королевского кабинета, откуда вместе выходили Людовик XIII и Ришелье. У самого порога Людовик XIII внезапно остановился и, обращаясь к Ришелье, язвительно сказал: «Проходите первым, все и так говорят, что именно Вы — подлинный король».

Другой бы растерялся, но не Ришелье. Он взял оказавшийся вблизи подсвечник и уверенно прошел впереди короля со словами: «Да, Сир, я иду впереди, чтобы освещать Вам дорогу».

Честолюбивый Сен-Мар лелеет надежду занять место Ришелье. Но как? Скомпрометировав политику кардинала, предложить королю новый курс: немедленное прекращение войны на любых условиях, после чего в стране наступит благоденствие и процветание. Людовик XIII не раз сетовал на невыносимые военные тяготы и нарастание недовольства. Это и пытался использовать Сен-Мар в своей игре против Ришелье.

В начале 1641 года ему стало казаться, что король готов заменить первого министра и назначить на эту должность его, Сен-Мара. В самом деле, как можно было понять распоряжение Людовика XIII впредь приглашать месье Главного на заседания Королевского совета? Это было полной неожиданностью для всех, включая Ришелье.

Первым сообщником Сен-Мара в задуманном им предприятии по устранению Ришелье стал его лучший друг 19-летний советник парижского парламента Франсуа Опост де Ту, горячий сторонник примирения с Испанией. Он привлек к участию в заговоре маркиза де Фонтре, знатного дворянина из Лангедока. Таллеман де Рео утверждал, что у маркиза были сугубо личные мотивы ненавидеть кардинала, неосторожно оскорбившего его на людях. Дело в том, что маркиз де Фонтре был горбун. Однажды, если верить знаменитому мемуаристу и историку нравов эпохи Людовика XIII, маркиз пришел на прием к первому министру, который вышел из кабинета встречать какого-то посланника. Увидев в приемной Фонтре, кардинал якобы сказал ему насмешливо: «Встаньте-ка в сторонку, господин де Фонтре, и не попадайтесь на глаза: посланник не любит уродов». С этого будто бы и возникла лютая ненависть Фонтре к Ришелье.

По-видимому, дело все-таки было не только в личной неприязни, что подтверждается и последующей ролью Фонтре в «заговоре Сен-Мара». Маркиз был давним убежденным сторонником разгромленной, но не уничтоженной до конца испанской партии при французском дворе. Именно ему поручат заговорщики вступить в тайные переговоры с Оливаресом. В новом заговоре обретут друг друга и давние противники Ришелье — герцог Буильонский, Гастон Орлеанский и Анна Австрийская…

Рождение долгожданного дофина, а затем и второго сына — будущего Филиппа Орлеанского — не восстановило вконец испорченных отношений между Людовиком XIII и Анной Австрийской. К старым обидам добавились новые. Король убежден, что его жена сознательно и целенаправленно настраивает против него совсем еще маленького дофина. В письме к Ришелье от 10 сентября 1640 г. Людовик XIII горько сетует: «С большим сожалением должен сообщить вам о глубоком отвращении, которое мой сын питает ко мне. Это отвращение так велико, что он, едва увидев меня, уже кричит так, будто его режут. При одном упоминании моего имени он становится пунцовым и заливается плачем. С тех пор как я писал Вам в последний раз, я дважды был у него в комнате, причем даже не приближался слишком близко. Но стоило ему меня заметить, как он испускал вопль». Король убежден, что дело здесь, конечно же, в происках Анны Австрийской, а не в том, что он слишком редко навещает собственного сына, принимающего его за чужого, неизвестного человека. В конце концов, ребенку было всего лишь два года, и подобным же образом он реагировал на каждого незнакомого ему человека.

Но король был не в состоянии понять такую простую вещь и продолжал клеймить «изменницу»-жену. «Я не могу видеть, — пишет он Ришелье, — как этот дегенеративный (!?) ребенок изводит ее (Анну Австрийскую. — *П. Ч.*) своими ласками, все время произносит ее имя, испытывая отвращение к моему. Я не могу все это выносить и потому прошу Вас, моего лучшего друга в этом мире, дать мне совет, как я должен поступить. Я хотел бы отнять у нее ребенка, увезти его в Шантильи или куда-нибудь еще, чтобы он никогда не видел ни королеву, ни всех этих женщин, которые целыми днями только и делают, что заискивают перед ним и льстят ему».

Людовик XIII возвращается к мысли о заточении Анны Австрийской в монастырь и ищет поддержки у Ришелье.

Королева чувствует нависшую над ней угрозу и, со своей стороны, спешит заручиться помощью кардинала, который советует ей быть внимательнее и нежнее к мужу, не задевать его

самолюбия, а главное — добиться сближения сына и отца. Короля же предостерегает от необдуманных шагов, могущих скомпрометировать его перед всей Европой.

Чем руководствовался Ришелье? Он опасался, что в случае насильственного пострижения Анны Австрийской и возможной смерти Людовика XIII регентом Франции и опекуном дофина станет Гастон Орлеанский, которого кардинал считал не только своим личным врагом, но и человеком, способным загубить все их — Ришелье и Людовика XIII — многолетние старания на благо Франции. Опасения были вполне обоснованными.

Король прислушался к советам своего министра и как будто отказался от замысла удалить жену. Что касается королевы, то ее отношения с мужем ненамного улучшились. Зато, почувствовав себя в относительной безопасности, она вновь включилась в интриги против кардинала, явно не сознавая, в чем состоят ее интересы.

Итак, глубокая неприязнь к Ришелье и осуждение проводимой им политики осенью 1641 года свели воедино Сен-Мара, де Ту и Фонтре с Гастоном Орлеанским, герцогом Буильонским и Анной Австрийской. Каждый из них опирался на свою группу доверенных людей. В совокупности это был значительный круг заговорщиков, представляющих серьезную угрозу для первого министра.

* * *

По всей видимости, Ришелье уже в конце 1641 года получил какие-то сведения о новом заговоре. Правда, он не знал еще всех участников, но вполне мог быть уверен, что Сен-Мар и Гастон — в их числе. Еще в июле 1641 года, обеспокоенный быстрым возвышением месье Главного, министр-кардинал единоличным решением положил конец участию Сен-Мара в заседаниях Королевского совета, членом которого фаворит официально пока стать не успел. В один прекрасный день, когда Сен-Мар уже собирался войти в зал заседаний Совета, охрана не пропустила его, а старший офицер от имени кардинала передал, чтобы месье Главный не беспокоился относительно государственных дел, которые его не касаются, а исполнял лучше свои прямые обязанности шталмейстера и распорядителя гардероба Его Величества. Сен-Мар не решился обратиться к королю, думая, что Ришелье согласовал запрет с ним.

Между королем и его фаворитом, как между двумя страстными влюбленными, постоянно возникали мелкие стычки и

недоразумения: то месье Главный сказывался больным и не сопровождал короля на охоту, как того требовал придворный этикет, то пропадал целыми ночами неизвестно где. а ближе к обеду являлся невыспавшимся и отвечал невпопад, то консервативному в одежде королю не нравились яркие костюмы, которые заказывал для него распорядитель гардероба у самых модных портных. Но все эти мелкие размолвки быстро улаживались, король не мог долго сердиться на своего любимца.

Месье Главный продолжал свою ежедневную неутомимую деятельность: он внушал королю, что единственная причина затянувшейся, надоевшей всем войны — упрямство Ришелье. Теперь, после стольких одержанных побед, продолжал Сен-Мар, можно было бы предложить Мадриду и Вене мир на приемлемых условиях и тем самым положить конец страданиям народа. Сен-Мар знал, как Людовик XIII любил поговорить о благе своего «бедного народа». Фаворит осторожно намекал, что Габсбурги тем охотнее пойдут на уступки, чем скорее будет устранен главный виновник войны — ненавистный всем Ришелье.

Чего греха таить, многое из того, о чем говорил Сен-Мар, было созвучно мыслям и чувствам самого Людовика XIII, уставшего ждать наступления «золотого века», обещанного министром-кардиналом. Королю самому надоела затянувшаяся война, он давно тяготился ею. Участие в сражениях, вполне, впрочем, безопасное для его драгоценной жизни, уже не грело королевскую кровь и не тешило самолюбия, как в прежние годы. Король все чаще недомогал и был подвержен приступам меланхолии, из которых его умел выводить разве что Сен-Мар.

Трудно сказать, было ли так в действительности, но Сен-Мар уверял друзей, что однажды Людовик XIII, посетовав на упрямство и неуступчивость своего министра, сказал в сердцах: «Хотел бы я, чтобы против него образовалась враждебная партия, такая, какая существовала в свое время против маршала д'Анкра». Сен-Мар уверял своих сообщников, что все было именно так и что это следует понимать как руководство к действию.

Во время одной из последующих встреч Сен-Мар прямо спросил Людовика XIII:

— Сир, ведь Вы, в конце концов, хозяин. Почему бы Вам не удалить кардинала?

— Не спешите, — чуть помедлив, ответил король и добавил: — Кардинал — это самый значительный из министров, которого когда-либо имела Франция. Я не смог бы обходиться без него.

Затем подумал и сказал грустно, глядя прямо в глаза своему любимцу:

— Если когда-нибудь он решит выступить против Вас, то

даже я не смогу Вас защитить.

Это были пророческие слова, к которым Сен-Мару надо было бы прислушаться. Но со свойственными молодости беззаботностью и самомнением он пропустил их мимо ушей.

А ведь это было прямое предостережение! Король хотел любой ценой избежать столкновения месье Главного с первым министром. К слову сказать, последний вел себя куда более осмотрительно, избегая открытых выпадов против своего недавнего выдвиженца.

Сен-Мар своеобразно понял предостережение короля: Людовик XIII не даст прямой санкции на физическое устранение Ришелье, но не спросит строго с тех, кто это осуществит, — разумеется, если их действия будут успешными.

Обсудив ситуацию, заговорщики пришли к выводу, что убить Ришелье — это полдела, важно изменить политический курс. Нужна поддержка извне, необходимо заручиться согласием Филиппа IV и Оливареса на прекращение войны сразу же после убийства кардинала.

В декабре 1641 года заговорщики составили проект тайного договора с Испанией, в котором ставился вопрос и о прямой военной помощи Мадрида руководителю заговора Гастону Орлеанскому в случае, если бы ему пришлось поднять новый мятеж.

Экземпляр подготовленного документа заговорщики передали Анне Австрийской, которая в конечном счете и предала их. В последний момент она переметнется на сторону Ришелье.

У королевы были свои причины. Видя постоянно ухудшающееся состояние здоровья мужа, она надеялась на скорое вдовство, а следовательно, и на регентство, обещавшее быть длительным, учитывая, что к моменту описываемых событий дофину было всего три года. Дав согласие участвовать в заговоре, она серьезно рисковала в случае его провала. Предупредив Ришелье о грозящей опасности, она гарантировала свое будущее в случае победы кардинала. Одним словом, она ставила на победу, а вернее — на обе победы сразу.

* * *

В соответствии с планами летней кампании 1642 года решающим направлением было избрано пиренейское: предполагалось овладеть провинцией Руссильон. Король решил лично возглавить армию, которая должна была наступать на этом направлении. 3 февраля 1642 г. Людовик XIII в сопровождении

Ришелье со всем двором отбыл из Фонтенбло в Лангедок. Анна Австрийская осталась в Париже, так же как и некоторые другие участники заговора, в том числе и принцесса де Гонзаг. Герцог Буильонский по распоряжению короля отправился в Пьемонт на смену графу д'Аркуру, отозванному во Францию. Гастон и Сен-Мар сопровождали Людовика XIII. Трудно сказать, случайно или по воле министра-кардинала, но участники заговора оказались разобщенными.

Накануне отъезда короля в Лангедок пришло известие о разгроме Гебрианом имперской армии Ламбуа при Кемпене и захвате им герцогства Юлих на Нижнем Рейне. Известие это вызвало смятение в рядах заговорщиков, не заинтересованных в успехе французского оружия, что, по их мнению, укрепляло позиции Ришелье.

Первым попытался дать отбой герцог Буильонский. В беседе с Гастоном он откровенно выразил свои сомнения в способности Испании реально поддержать заговор. «Хотим мы того или нет, монсеньор, но после поражения, нанесенного Австрийскому дому, испанцам не на что больше надеяться. Граф де Гебриан утвердился на столь выгодных позициях, что их (испанцев. — *П. Ч.)* дела в Голландии будут обречены, если голландцы захотят хотя бы немного помочь королю». Испания озабочена теперь исключительно спасением своих нидерландских провинций.

Высказав сомнения в успехе заговора, Буильон отбыл в Турин, оставив Гастона в полной растерянности.

А Сен-Мар не оставляет попыток получить от короля формальное согласие на устранение кардинала. Он даже признается, что готов лично убить его, но только с санкции короля. Сен-Мара поддерживает капитан королевских мушкетеров де Тревиль, пользующийся полным доверием Людовика XIII. Однако короля шокирует прямолинейность двух его любимцев, и он отказывается обсуждать с ними эту тему. Тем не менее Сен-Мар и де Тревиль продолжают наседать на короля, надеясь вырвать у него формальное согласие на убийство Ришелье.

Трудно понять это*! «формализм» заговорщиков. Скорее всего, они наивно надеялись спасти свои жизни с помощью клочка бумаги с автографом Людовика XIII в случае провала акции.

Убедившись, что король не намерен вооружать их компрометирующим его документом. Сен-Мар и его друзья решили действовать на свой страх и риск. Убийство Ришелье по сигналу месье Главного намечено было осуществить в Лионе, где король, кардинал и сопровождавшая их многочисленная свита должны были сделать остановку по пути к Руссильону.

17 февраля 1642 г. королевский кортеж прибыл в Лион. Людовик XIII и Ришелье по многу часов сидят вместе над картами, уточняя планы предстоящих военных действий.

Сен-Мар сговорился с де Тревилем, руководившим охраной короля, разместить надежных людей в комнатах, прилегающих к кабинету, в котором ежедневно работали Людовик XIII и первый министр. По сигналу Сен-Мара заговорщики должны были ворваться в кабинет и заколоть кардинала прямо на глазах короля.

Воспользовавшись моментом, когда Людовик XIII остался один, Сен-Мар прошел к нему и вновь завел разговор об устранении кардинала. Они говорят шепотом, при этом король с опаской поглядывает на дверь, он ждет Ришелье и потому хотел бы завершить эту неприятную беседу как можно скорее. Постепенно их разговор становится все более оживленным. Сен-Мар разгорячен и говорит уже в полный голос, забыв об осторожности.

Внезапно он остановился на полуслове, увидев широко раскрытые от ужаса глаза Людовика XIII. Оглянувшись, Сен-Мар увидел за своей спиной кардинала, с неподдельным интересом слушающего его гневную филиппику. Ришелье не один. Чуть сзади — капитан его гвардейцев де Бар. Страх и оцепенение охватывают Сен-Мара, он словно парализован: язык, ноги, руки отказываются служить ему. Молчит король. Молчит Ришелье. Молчит де Бар, одну руку он держит на рукояти пистолета, засунутого под кожаный ремень, другую — на эфесе шпаги.

В полном молчании проходит некоторое время — может быть, минута-другая, а может, и больше. Пауза затянулась, и никто не решается прервать ее. Но вот месье Главный встает со стула и, не говоря ни слова, втянув голову в плечи, удаляется.

Позднее он расскажет сообщникам, ожидавшим совсем рядом сигнала, что был во власти какого-то наваждения, парализовавшего сознание, энергию и волю. Повторялась ситуация с Гастоном Орлеанским.

Случай упущен и больше уже никогда не представится ни Сен-Мару, ни кому-либо другому. Ришелье суждено умереть в собственной постели, а Сен-Мару — потерять голову на эшафоте.

После инцидента в Лионе кардинал повысил бдительность и уже нигде, включая королевские покои, не появлялся без надежной охраны.

* * *

13 марта 1642 г. Людовик XIII и Ришелье прибыли в Нарбонн, откуда должны были руководить наступательными действиями французской армии на испанский Руссильон.

В тот же день в Мадриде эмиссар заговорщиков маркиз де Фонтре подписал с Оливаресом секретный договор, согласно которому новая администрация Франции во главе с Гастоном Орлеанским в качестве наместника королевства (он явно спешил не только устранить Ришелье, но и похоронить Людовика XIII) обязывалась разорвать союзные отношения с Соединенными провинциями, Швецией и германскими протестантами, а также вернуть Испании все захваченные у нее в ходе войны территории. Испания, со своей стороны, обещала Гастону военную помощь, а также возвращение военных приобретений во Франции. Таким образом, речь шла о восстановлении довоенного status quo с очевидными минусами для Франции, лишавшейся своих традиционных и новых союзников.

Фонтре был удостоен аудиенции у самого Филиппа IV, что должно было подчеркнуть значение, которое в Мадриде придают успеху заговора. После завершения всех формальностей Фонтре отправился в обратный путь, увозя зашитый в камзоле экземпляр подписанного договора, ратифицированного Филиппом IV, и личное послание короля Испании Гастону Орлеанскому.

Ришелье через свою агентуру знал о тайной миссии Фонтре, но приказал не мешать ему, надеясь заполучить неопровержимые доказательства государственной измены и одним махом покончить с заговором. Однако произошло непредвиденное. На обратном пути Фонтре удалось оторваться от своих преследователей и доставить ценный документ Сен-Мару, который, опасаясь шпионов кардинала, переправил его в более безопасное место — Анне Австрийской…

А военные действия шли своим ходом. В начале марта 1642 года французская армия, обойдя Перпиньян — административный центр Руссильона, — сумела захватить Коллиур, в непосредственной близости от границы Каталонии. Теперь главным вопросом стало овладение Перпиньяном, взятым в кольцо осады.

18 марта Людовик XIII отбыл в армию, осаждавшую Перпиньян, а Ришелье вынужден остаться в Нарбонне. У него температура, приступы лихорадки, а на правой руке образовался огромный нарыв, лишивший его возможности писать. В довершение всего кардинала буквально изводит до изнеможения мысль, что король оказался всецело под влиянием Сен-Мара.

Месье Главный действительно не терял времени даром. Он досаждал Людовику XIII непрерывными и все более грубыми

нападками на министра. Но королю было не до того, он плохо себя чувствовал, стал раздражителен, капризен и придирчив, замечал каждый промах Сен-Мара, который, оставшись без советов своей великовозрастной возлюбленной, вел себя по меньшей мере неумно. Все чаще он пренебрегал своими придворными обязанностями, дерзил королю. Будучи не искушенным в военном деле (его познания ограничивались владением шпагой), Сен-Мар позволял себе делать замечания опытным воякам, высказывая вздорные суждения о фортификации и управлении войсками. Король, считавший себя большим знатоком в этой области, с трудом выносил дерзость своего любимца. Наконец его терпение иссякло. Однажды, когда Сен-Мар в очередной раз ввязался в спор с капитаном мушкетеров де Фабером, побывавшим во многих походах, Людовик XIII взорвался: «Месье Главный, Вы ничего еще не видели и потому напрасно желаете переспорить многоопытного человека». Сен-Мар пришел в бешенство и неосмотрительно сказал, обращаясь к королю: «Ваше Величество, Вы могли бы и не говорить мне всего того, что сказали». Тут король окончательно вышел из себя.

В другой раз Сен-Мар пытался поучать маршала Ламейре и вновь был отчитан королем в присутствии посторонних. «Как Вы, кто ничего толком не видел, можете спорить с человеком, имеющим такой богатый военный опыт?» — раздраженно заметил Людовик XIII. Едва скрывая ярость, месье Главный позволил себе ответить дерзостью: «Сир, когда обладаешь здравым смыслом и знаниями, понятно даже то, чего ты не видел».

Именно там, под Перпиньяном, между королем и его фаворитом произошло ухудшение отношений. Людовик XIII в порыве откровенности признался капитану мушкетеров де Фаберу: «Вот уже шесть месяцев как меня от него тошнит… Нет человека, более погрязшего в пороках и более нетерпимого. Это самое неблагодарное существо на свете. Он заставлял меня целыми часами ждать в карете, пока сам распутничал. На расходы его не хватило бы целого государства. У него сейчас не менее трехсот пар сапог»*.

Неприязнь короля к Сен-Мару усилилась и в связи с непрекращавшимися попытками фаворита дискредитировать первого министра. В разговоре все с тем же Фабером, которого в недалеком будущем ожидал маршальский жезл, Людовик XIII как-то спросил:

«На самом же деле, — замечает в связи с этим Таллеман де Рео, — месье Главному наскучила нелепая жизнь, которую вел король, и. быть может, еще пуще того его ласки».

— Я знаю, что моя армия разделена на две фракции —

роялистов и кардиналистов. К какой из них принадлежите вы?

— К кардинальской, Сир, — не моргнув глазом, ответил бравый мушкетер, — поскольку партия кардинала — это Ваша партия.

Говорят, что изречение истины — привилегия младенцев. В данном случае она была вложена в уста капитана мушкетеров. Сам Ришелье не мог бы сказать лучше.

С целью выяснения обстановки в окружении короля кардинал направил из Нарбонна в Коллиур одного из своих помощников — государственного секретаря Сюбле де Нуайе. В письмах из Коллиура Нуайе сообщает, что король как никогда расположен к своему министру и с трудом обходится без него. Государственный секретарь советует Ришелье не мешкать с отъездом в ставку короля и взять в свои руки осаду Перпиньяна. Однако кардинал не только не следует этому совету, но принимает неожиданное решение: покидает Нарбонн и едет в Тараскон, расположенный поблизости от папского города Авиньон.

Решение Ришелье объяснялось резким ухудшением здоровья. Врачи настоятельно советовали кардиналу сменить влажный климат Нарбонна. По всей видимости, сам Ришелье готовился к худшему исходу. Иначе трудно объяснить составление им второго в своей жизни завещания. 8 мая 1642 г. он пишет в письме к Нуайе: «Этой ночью я жестоко страдал от ревматических болей. Врачи считают необходимым пустить кровь, правда, опасаются перерезать вены. Я в руках Господа и очень хотел бы закончить составление своего завещания, но не могу это сделать без Вас, а Вы не можете приехать до тех пор, пока не будет покончено с Перпиньяном». К страданиям телесным добавляется мания преследования, кардиналу кажется, что его должны убить по приказу короля. 23 мая Ришелье пишет Людовику XIII письмо, полное смятения. Реальность причудливо переплеталась с картинами, рисуемыми болезненным воображением. Ришелье предупреждает Людовика XIII о заговоре, в который вовлечены люди из его окружения, связанные с Мадридом, Брюсселем и Веной. Правда, он не может пока предоставить неопровержимых улик.

Король отвечает ему 4 июня, стараясь по возможности рассеять беспокойство своего министра. «Ходят какие-то ложные слухи, — пишет он. — Заверяю Вас, что люблю Вас, как никогда. Мы слишком долго были вместе, чтобы когда-нибудь разлучиться».

А Ришелье 23 мая диктует завещание. Он просит похоронить его в новой, отстроенной по его распоряжению церкви Сорбонны. Все свои наличные средства[24] завещает герцогине д'Эгийон и

Нуайе. Герцогство и титул Ришелье хочет передать внучатому племяннику Арману де Виньеро, а герцогство и пэрство Фронзак — Арману де Мейе-Брезе, своему племяннику. Ришелье подтверждает передачу принадлежащего ему Пале-Кардиналь в дар Людовику XIII. Завещание Ришелье, соответствующим образом заверенное, составляло шестнадцать с половиной страниц.

* * *

Кардинал был возвращен к жизни, но не стараниями докторов и благодатным климатом Тараскона, а… Анной Австрийской.

7 июня 1642 г. доверенный человек королевы барон де Брассак доставил умирающему Ришелье текст хранившегося у нее тайного договора Гастона Орлеанского с Испанией и сопроводительное письмо, в котором Анна Австрийская заверяла кардинала, что отныне намерена «быть в его партии, зная, что Его Высокопреосвященство также поддержит ее и не оставит своей помощью».

Привезенные бумаги явились тем бальзамом, который сотворил чудо. Приговоренный докторами больной через несколько дней встал с постели и обнаружил живой интерес к делам. Один из секретарей министра-кардинала — Шарпантье впоследствии рассказывал, что его господин безмолвно и отрешенно лежал в постели, когда он передал ему бумаги, доставленные Брассаком из Парижа. Через несколько минут Шарпантье услышал крик из спальни Ришелье: «Прикажите подать мне горячий бульон, я весь дрожу!» Секретарь бросился исполнять просьбу кардинала, а когда вернулся с чашкой бульона, то застал министра с воздетыми к потолку руками. «О Господи! — взывал Ришелье вернувшимся к нему громким голосом. — Позаботься об этом королевстве и обо мне!» Затем, обратившись к Шарпантье, попросил сделать несколько копий с этого бесценного документа. И немедленно направил к королю своего любимца и воспитанника — государственного секретаря Шавиньи в сопровождении внушительной охраны.

Что же побудило Анну Австрийскую дать в руки кардинала убийственное для его врагов оружие? Исключительно интересы собственной безопасности. Дело в том, что весной 1642 года король в очередной раз решил отделаться от опостылевшей супруги. Поистине у него это была навязчивая мысль. Королева реально оценила грозившую ей опасность и поспешила

заручиться поддержкой Ришелье, без которого — она это хорошо знала — ее упрямый, но бесхарактерный муж не принимает ни одного сколь-нибудь важного решения. 30 апреля королева направляет Ришелье призыв о помощи. «Намерение разлучить меня со своими детьми в их нежном возрасте, — писала она, — причиняет мне такую скорбь, что она лишает меня последних сил».

Кардинал не спешит с ответом, доводя Анну Австрийскую до полного отчаяния. Она уже согласна заплатить любую цену, лишь бы избежать пострижения. Королева раскрывает министру все, что ей известно о заговоре. Ришелье заверяет королеву, что она может рассчитывать на него.

Тем временем Шавиньи прибывает в Нарбонн, куда из Коллиура вернулся недомогавший король. Посланец Ришелье не медлит ни минуты. Он добивается аудиенции, которую в связи с ранним часом Людовик XIII дает ему, лежа в постели. Шавиньи рассказывает королю все, что стало известно о заговоре в его ближайшем окружении. Людовик XIII поначалу не верит, полагая, что Ришелье сводит старые счеты с Сен-Маром и Гастоном, но государственный секретарь представляет ему неопровержимую улику — текст тайного договора с Испанией.

Месье Главный подслушивает за дверью и, поняв, что все раскрыто, спешит предупредить сообщников. Маркиз де Фонтре оказался проворнее всех: он сбежал из Нарбонна в тот же день, 12 июня. Больше никто и никогда не увидит его во Франции.

Сен-Мар попытался было укрыться в доме благоволившей к нему дамы, но уже на следующий день его арестовали. Об участии в заговоре де Ту станет известно чуть позже. Что касается Гастона, то его в момент описываемых событий не было в Нарбонне. Желая предупредить его возможное бегство за границу, Ришелье советует Людовику XIII для отвода глаз назначить герцога командовать армией в Шампани. Им удалось усыпить бдительность Гастона, не знавшего еще, что текст договора с Испанией, на котором стоит его подпись, уже в распоряжении не только Ришелье, но и короля. Герцог даже благодарит кардинала за оказанное доверие в письме, датированном 17 июня.

Герцог Буильонский был арестован в крепости Казале (Северная Италия) маршалом дю Пасси-Праленом, который доставил его под конвоем в Лион. Насмерть перепуганный герцог готов заплатить любую цену за спасение жизни: он уступит королю Седан, доставшийся ему после Суассона.

21 июня 1642 г. «Газет» поместила официальное сообщение о раскрытии заговора Сен-Мара. Королевская юстиция начинает вершить свое дело. Государственный секретарь Шавиньи лично

прибыл в Мулен и предъявил обвинение в участии в заговоре Гастону Орлеанскому. Гастон перепуган и спешит назвать всех известных ему заговорщиков, в частности де Ту, советника парижского парламента.

* * *

28 июня французская эскадра под командованием племянника Ришелье маркиза де Мейе-Брезе разбила в трехдневном морском сражении в Лионском заливе последние силы испанцев в Средиземном море, пытавшиеся пробиться с десантом к осажденному Перпиньяну. В этот же день Людовик XIII навестил в Тарасконе своего министра, так и не собравшегося выехать оттуда. Чудодейственное лекарство помогло лишь на короткий срок. Напряжение последних месяцев, ежедневная работа, постоянные волнения — все это окончательно подорвало слабые силы 56-летнего Ришелье. Он опять по большей части прикован к постели. Остановившись в Тарасконе по пути в Париж, Людовик XIII приказал поставить свою кровать в спальню к — Ришелье, служившую ему и рабочим кабинетом. Король тоже тяжело болен, потому-то и решил вернуться в столицу, так и не вкусив радости победы в Перпиньяне.

Король и его министр обсуждали текущие дела — оба больные и порядком уставшие от жизни, к которой они остаются все же привязанными немногими оставшимися нитями. Они беседовали с глазу на глаз, и никто никогда не узнал, о чем конкретно они говорили.

На следующее утро Людовик XIII отправился дальше, в Лион. Напутствуя короля, Ришелье произнес не совсем, впрочем, уверенно: «Бог даст, все устроится…»

За всеми этими событиями и связанными с ними хлопотами малозамеченным прошло известие о смерти 3 июля в Кёльне всеми забытой Марии Медичи, которая, как рассказывали, все последние годы мечтала только об одном — умереть после Ришелье. Ей было отказано судьбой даже в этом последнем утешении.

А следствие по делу Сен-Мара шло своим ходом. Главный обвиняемый отрицал намерение убить первого министра. Он настойчиво твердил, что никогда не пошел бы на это без приказа короля. Сен-Мар даже рассказал о своих частых беседах с Людовиком XIII на эту тему

Узнав о показаниях бывшего фаворита, король пришел в крайнее замешательство, он явно не рассчитывал на подобные

признания своего недавнего любимца. Что касается Ришелье, то и он был немало шокирован неблагодарностью того, ради блага которого он не жалел ни сил? ни здоровья все восемнадцать лет. Впрочем, однажды он сам оказался свидетелем одной из таких бесед между Сен-Маром и Людовиком XIII. Теперь же об этом узнал достаточно широкий круг людей, а завтра это станет известно всей Франции и Европе.

Но, конечно, самое тяжелое обвинение — это тайный сговор с врагом, причем с врагом, находящимся в состоянии воины с Францией. За одно только это полагается смертная казнь.

Но вот следствие закончено. Судебный процесс решено провести в Лионе под председательством канцлера Сегье

Ришелье весь июль и половину августа много и напряженно работал, не покидая свою спальню-кабинет в Тарасконе. В письме к Нуайе от 4 августа он сообщал: «Хотя я практически не встаю с постели, Вы не можете упрекнуть меня в праздности, поскольку пишу вам ежедневно» Аббат Анри Арно сохранил для нас распорядок дня Ришелье, по которому он жил в Тарасконе. Уже в 7 утра кардинал принимался за дела, которыми занимался до 8 часов С 8 до 9 утра ему делали перевязку и другие предписание процедуры. Затем до 10 часов он вел краткие деловые беседы различными должностными лицами, после чего вновь начиналась работа с секретарями. Вслед за мессой и обедом Ришелье продолжал принимать посетителей, среди которых чаще других видели кардинала Мазарини — уже было известно, что министр считает его своим преемником. Едва закрывалась дверь за последним посетителем, как появлялись секретари, и работа возобновлялась уже до позднего вечера. И так каждый день. Валились с ног секретные помощники, а кардинал продолжал работать, словно не его придавили к постели многочисленные болезни, перед которыми были бессильны самые лучшие доктора: могучая воля и напряженно работающий мозг поддерживали полуразвалившийся организм кардинала, питая его какой-то неведомой энергией. «Четыре вещи занимают меня, — признавался Ришелье одному из своих посетителей, — болезнь короля, осада Перпиньяна, процесс месье Главного и моя немощь».

В преддверии процесса 17 августа Ришелье покинул Тараскон и отправился в Лион. Поскольку движение в карете причиняло кардиналу невыносимые боли, его несли на огромных носилках под балдахином посменно двадцать четыре человека. Там, где это было возможно, передвигались по реке на баркасе. Весь путь от Тараскона до Лиона занял без малого месяц.

По прибытии в Лион Ришелье получил радостную весть о

взятии Перпиньяна 9 сентября. Герцог Энгиенский, зять Ришелье, оставленный за командующего армией, объявил Перпиньян владением короля Франции. Спустя шесть дней он овладел Сельсом — последней испанской крепостью в Руссильоне.

Процесс над Сен-Маром и де Ту, начавшийся 12 сентября, был на редкость скоротечным и завершился в тот же день вынесением смертного приговора обоим обвиняемым. Правда, де Ту был приговорен одиннадцатью судьями из тринадцати, двое отказались послать его на смерть.

Оба приговоренных были казнены в тот же день. Они мужественно приняли смерть, вызвав откровенную симпатию многотысячной толпы, из которой раздавались враждебные кардиналу выкрики и угрозы. Ришелье всегда знал, что непопулярен в обществе, но, по всей видимости, его это мало интересовало. Кардинал презирал суд толпы и людскую молву, ища себе оправдание только в истории.

* * *

Завершив дела в Лионе, Ришелье отправился на целебные воды в Бурбон-Ланси, но они не помогли ему, а даже ухудшили его состояние. Он решил вернуться в Париж, проделав весь мучительный путь на тех же носилках. Но даже в это время кардинал не бездействует, он следит за текущими делами, ведет обширную переписку. Более того, за каких-нибудь три недели, буквально не сходя с носилок. Ришелье продиктовал пьесу под названием «Европа», навеянную событиями происходящей войны. Красавица Европа предается мучительным сомнениям, кому из двух своих поклонников отдать предпочтение — Франсиону или Иберию. Разумеется, ее конечный выбор остановился на благородном, мужественном Франсионе. В аллегорической форме Ришелье довольно зло высмеял испанское тщеславие и непомерную амбициозность. Демаре зарифмовал текст, и уже 15 ноября того же, 1642 года пьеса с большим успехом была поставлена на парижской сцене.

13 октября в сопровождении внушительного кортежа Ришелье прибыл в Фонтенбло, где остановился во дворце Альбре. Он не спешил нанести визит проживавшему неподалеку королю, опасаясь покушения на свою уже полуугасшую жизнь. Рядом с королем — давний, заклятый враг кардинала — де Тревиль. Следствию не удалось получить компрометирующие его материалы, но Ришелье убежден, что капитан королевских мушкетеров был в числе главных заговорщиков, поэтому он

опасался его.

Людовик XIII сам приезжает к кардиналу, и они совещаются о чем-то в течение трех часов. Их отношения уже не те, что прежде, они явно устали друг от друга. Их связывает, быть может, последняя, но прочная нить — общие взгляды на роль королевской власти, на Францию и ее место в Европе. Ришелье чувствует, что уйдет из жизни первым, и старается обеспечить продолжение своего курса. Главное — сохранить у руля власти своих людей и успешно завершить войну против Габсбургов.

17 октября Ришелье уже в Париже, в Пале-Кардиналь, под надежной охраной своих гвардейцев. Здесь его ждут новые дела и заботы.

Одна из них — судьба Гастона. Чувствуя, что силы на исходе, министр-кардинал хочет гарантировать, чтобы этот человек, участвовавший по меньшей мере в пяти антиправительственных заговорах, не приобрел решающего влияния на государственные дела. По мнению Ришелье, герцог Орлеанский не имел морального права определять или хотя бы даже влиять на политику Франции.

Трудно сейчас сказать, какие угрозы пустил в ход Ришелье, но Гастон под его диктовку написал от своего имени декларацию, в которой отказывался от всех притязаний на престол независимо от того, какая ситуация могла бы возникнуть в королевстве. Надо сказать. Ришелье явно превысил свои полномочия, нарушив древние законы, согласно которым «сын Франции» — а именно таков был титул младшего брата короля — не может отказываться от своих неотчуждаемых прав, данных ему самим фактом рождения. Людовик XIII узнал о существовании «противозаконного» документа только за три недели до своей смерти и, будучи крайне возмущен неслыханной дерзостью покойного уже министра, объявил декларацию, подписанную Гастоном под принуждением, недействительной.

25 октября Ришелье направил королю письмо, в котором пытался преподать ему уроки, вытекающие, из «дела Сен-Мара». Он буквально потребовал положить конец фаворитизму как явлению, представляющему серьезную опасность для государства. Надо, считал кардинал, исключить саму возможность появления в будущем новых фаворитов. Король, писал Ришелье, должен управлять, опираясь только на своих министров, полностью доверять им, добиваться исполнения всех принимаемых решений, «время от времени очищать двор от злонамеренных умов… в целях предотвращения зла, которое зачастую ведет к необратимым последствиям (как это было в случае с месье Главным), когда пренебрегают этой опасностью».

Людовик XIII в течение девяти дней не отвечает своему министру, который 5 ноября направляет ему новый «меморандум» с новыми, более откровенными упреками в связи с «делом Сен-Мара». Король по-прежнему молчит.

Тогда, обеспокоенный двусмысленным молчанием Людовика XIII, кардинал посылает к нему государственного секретаря Шавиньи, повторившего все основные соображения первого министра, излагавшиеся ранее в двух письмах. Шавиньи добавил, что Его Высокопреосвященство считает совершенно необходимым удалить от двора всех, кто хоть в малейшей степени был причастен к заговору Сен-Мара; в первую очередь это относится к капитану конных мушкетеров де Тревилю и его друзьям.

Людовик XIII раздражен подобными требованиями, относя их за счет болезненного состояния господина кардинала. Король говорит, что ему лично тоже далеко не все лица из окружения Его Высокопреосвященства приятны, однако же он не требует их удаления. На это Шавиньи отвечает:

— Если бы Его Высокопреосвященство знал, что ктото из его окружения вызывает неудовольствие Вашего Величества, он уволил бы этого человека.

— В таком случае, — не сдержался король, — он должен уволить Вас, так как я Вас не выношу. — Людовик XIII повернулся к Шавиньи спиной и вышел.

Слова короля, сказанные в сильнейшем раздражении, не будут иметь последствия для судьбы Шавиньи, сохранившего свой пост и после смерти Ришелье.

В течение недели Шавиньи ведет по поручению Ришелье безнадежные переговоры с Людовиком XIII. А здоровье кардинала тем временем ухудшается с каждым днем.

Наконец король сдался и 20 ноября передал Шавиньи письмо, адресованное первому министру. Подтвердив свое полное доверие к нему, Людовик XIII обещал удалить от двора месье де Тревиля и еще трех человек, замешанных в заговоре Сен-Мара: Тилладе, Ла Салля и Эссара. Все они были отправлены в ссылку с сохранением, правда, пенсий и званий.

Король заверил Ришелье, что будет продолжать войну до тех пор, пока не обеспечит Франции мир на выгодных условиях. Ни одно территориальное приобретение в ходе войны не будет возвращено противнику.

Ришелье мог почувствовать теперь некоторое душевное облегчение: он получил пусть и не гарантии, но все же твердое обещание короля продолжать совместный курс. А жить ему оставалось ровно четырнадцать дней.

В эти оставшиеся дни Ришелье продолжал по нескольку часов

диктовать приказы по армиям, дипломатические инструкции, распоряжения губернаторам и интендантам провинций. Его угасающий взор устремлен в далекую Германию, откуда он успевает получить радостную весть о разгроме имперцев под Брейтенфельдом. Одного только дня не дожил он до взятия Лейпцига.

* * *

28 ноября наступило резкое ухудшение. Врачи ставят еще один диагноз — гнойный плеврит. Кровопускание не дало результата, лишь до предела ослабило больного. Кардинал временами теряет сознание, но, придя в себя, пытается еще работать. В эти дни рядом с ним неотлучно находится герцогиня д'Эгийон.

2 декабря умирающего навещает Людовик XIII. «Вот мы и прощаемся, — слабым голосом говорит Ришелье. — Покидая Ваше Величество, я утешаю себя тем, что оставляю Ваше королевство на высшей ступени славы и небывалого влияния, в то время как все Ваши враги повержены и унижены. Единственно, о чем я осмеливаюсь просить Ваше Величество за мои труды и мою службу, это продолжать удостаивать Вашим покровительством и Вашим благоволением моих племянников и родных. Я дам им свое благословение лишь при условии, что они никогда не нарушат своей верности и послушания и будут преданы Вам до конца».

Затем Ришелье рекомендует оставить на их постах Шавиньи и Нуайе, а своим единственным преемником называет кардинала Мазарини. «У Вашего Величества есть кардинал Мазарини, я верю в его способности на службе королю», — говорит министр. Пожалуй, это все, что он хотел сказать королю на прощание.

Людовик XIII обещает выполнить все просьбы умирающего и покидает его. Проходя по галерее Пале-Кардиналь, который совсем скоро перейдет в его собственность, король, с интересом разглядывает украшающие ее картины. Остановившись у одной из них, изображающей вакханалию, он не сдерживает улыбки.

Оставшись с докторами, Ришелье просит сказать, сколько ему еще осталось. Врачи отвечают уклончиво, и лишь один из них — месье Шико — осмеливается сказать: «Монсеньор, думаю, что в течение 24 часов Вы либо умрете, либо встанете на ноги». «Хорошо сказано», — тихо произнес Ришелье и сосредоточился на чем-то своем.

На следующий день король наносит еще один, последний,

визит Ришелье. В течение часа они беседуют с глазу на глаз. Людовик XIII вышел из комнаты умирающего, чем-то очень взволнованный. Правда, кое-кто из свидетелей утверждал, что король был в веселом расположении духа.

У постели кардинала собираются священники, один из которых причащает его. В ответ на традиционное в таких случаях обращение простить врагам своим Ришелье говорит: «У меня не было других врагов, кроме врагов государства». Присутствующие удивлены четкими, ясными ответами умирающего. Когда с формальностями было покончено, Ришелье сказал с полным спокойствием и уверенностью в своей правоте: «Очень скоро я предстану перед моим Судией. От всею сердца попрошу его судить меня по той мерке — имел ли я иные намерения, кроме блага церкви и государства».

Ранним утром 4 декабря Ришелье принимает последних посетителей — посланцев Анны Австрийской и Гастона Орлеанского, заверяющих кардинала в своих самых лучших чувствах. Появившаяся вслед за ними герцогиня д'Эгийон со слезами на глазах торопливо стала рассказывать, что накануне одной монахине-кармелитке было видение, что Его Высокопреосвященство будет спасен рукой Всевышнего. «Полноте, полноте, племянница, все это смешно, надобно верить только Евангелию».

Некоторое время они проводят вдвоем. Где-то около полудня Ришелье просит племянницу оставить его одного. «Помните, — говорит он ей на прощание, — что я любил Вас больше всех на свете. Будет нехорошо, если я умру у Вас на глазах…»

Место д'Эгийон занимает отец Леон, дающий умирающему последнее отпущение грехов. «Предаюсь, Господи, в руки твои», — шепчет Ришелье, вздрагивает и затихает. Отец Леон подносит к ею рту зажженною свечу, но пламя остается неподвижным. Кардинал мертв.

В тот же день король вызвал к себе Мазарини и объявил, что назначает его главой Королевского совета. Ближайшие соратники Ришелье — Шавиньи и Нуайе — оставлены на постах государственных секретарей. Губернаторам провинций и парламентам было отправлено уведомление, в котором говорилось: «Богу угодно было призвать к себе кардинала де Ришелье. Я принял решение сохранять и поддерживать все установления его министерства, продолжать все проекты, выработанные при его участии, как во внешних, так и во внутренних делах, не внося в них никаких изменений. Я сохранил в моем Совете тех же людей, которые мне там уже служили, и призвал к себе на службу кардинала Мазарини, в способностях и

верности которого я имел возможность убедиться…»

История дает множество примеров крутых изменений, происходивших после смерти правителей, слишком долго державшихся у власти. Ришелье продолжал править и из своей могилы, устроенной в соответствии с его пожеланием в церкви Парижского университета. Не было ли это лучшим признанием правильности избранного им для Франции пути? Ответ на этот вопрос принадлежал истории.

Заключение

Смерть настигла Ришелье в тот самый момент, когда у него после многих лет напряженной работы наконец появилась надежда увидеть плоды своих усилий как во внутренней, так и во внешней политике. Приняв в 1624 году в управление «умирающую Францию» («La France mourante»), он оставлял Людовику XIII в 1642 году «Францию торжествующую» («La France triomphante»). Так, во всяком случае, представлялось министру-кардиналу на смертном одре. Но он же лучше многих сознавал и незавершенность своего «великого замысла», опасение за судьбу которого мучило Ришелье в последние месяцы жизни.

Каковы же итоги 18-летнего правления кардинала Ришелье? Они неоднозначны и противоречивы, как противоречива сама личность министра-кардинала.

В основу своей политики Ришелье положил выполнение программы Генриха IV: укрепление государства, его централизация, обеспечение главенства светской власти над церковью и центра над провинциями, ликвидация аристократической оппозиции, противодействие испано-австрийской гегемонии в Европе. Главный итог государственной деятельности Ришелье, безусловно, состоит в утверждении абсолютизма во Франции. Именно он сумел глубоко и радикально перестроить сословную монархию в монархию абсолютную. Именно он подорвал политическую мощь аристократической оппозиции центральной (королевской) власти, добился существенных успехов в преодолении регионального сепаратизма и сословных партикуляризмов, которым он противопоставил национальный и государственный интерес.

Дворянин до кончиков ногтей, герцог де Ришелье нанес смертельный удар по исключительным правам и привилегиям аристократии, подчинив ее, как и всех остальных подданных, государственным законам. В этом смысле Ришелье бессознательно готовил почву для будущего торжества третьего сословия.

Князь римско-католической церкви, кардинал Ришелье решительно пресек непомерные претензии папского Рима на некую особую роль как во Франции, так и во всей Европе. Он ограничил даже экономические права церкви, в частности ее право на недвижимость. «Государство, — говорил Ришелье, — имеет реальные потребности, тогда как потребности церкви воображаемые и произвольные».

Масштабность личности Ришелье проявлялась и в том, что он

смог подняться над узко-идеологическими предрассудками ради общенациональных интересов. Разгромив гугенотскую партию — это «государство в государстве», — Ришелье не пошел на поводу «святош» и никогда не посягал на религиозные и гражданские права французских протестантов, не делая после падения Ларошели политических различий между ними и католиками. И те и другие были для него прежде всего французами. Ришелье отклонил навязываемую ему идею создания религиозно однородной Франции. Характерно, что во Франции «эпохи Ришелье», в отличие от большинства других католических государств тогдашней Европы, не полыхали костры инквизиции, и в этом несомненная заслуга министра-кардинала, совершенно чуждого какого бы то ни было религиозного мракобесия и нетерпимости.

Бесспорен вклад Ришелье в развитие французской культуры. «Эпоха Ришелье» — это время бурного интеллектуального кипения во всех областях, время утверждения классицизма и рационализма во французской культуре и философии, подготовивших наступление «золотого века». С полным правом Ришелье мог бы претендовать на почетное звание одного из «отцов» французской нации.

И все же история не дала однозначной оценки деятельности Ришелье. Впрочем, возможна ли она применительно к любому государственному деятелю?

Подавление легальной политической оппозиции, ликвидация сословных и провинциальных свобод во имя централизации и унификации мешали естественному развитию гражданского общества во Франции. Ришелье не допускал и мысли о возможности и тем более необходимости для всякой разумно устроенной власти уметь опираться не только на послушно-согласных, но и на инакомыслящих, хотя бы для большей устойчивости самой же власти. Апологет государства, Ришелье попросту игнорировал гражданское общество, его специфические интересы, не ведая, что тем самым обрекал на непрочность и недолговечность и возводимое им здание абсолютистского государства, лишенное поддержки общества. Первый удар по этому зданию последовал всего через шесть лет после смерти Ришелье. Его нанесла Фронда. Великая французская революция разрушила это здание до основания. Таким образом, ошибка Ришелье как политика состояла в том, что он основывал величие Франции только на государственной власти. Необходимость гармоничного развития и сосуществования государства и гражданского общества не была понята Ришелье, хотя, впрочем, не им одним…

Во внешней политике и дипломатии Ришелье показал себя столь же крупным политическим деятелем, как и во внутренней администрации. Здесь он также сумел подняться на уровень понимания национально-государственных и общеевропейских интересов, отвергнув навязываемые ему идеологические императивы. Принадлежа к элите римско-католической церкви, кардинал Ришелье тем не менее поддержал дело Реформации в Германии и в Европе в целом, смело выступил против папского Рима, стоявшего за спиной испанских и австрийских Габсбургов. По образному выражению посла Венецианской республики в Париже, «Ришелье был ниспослан Провидением, дабы смирить гордыню Испанского дома и спасти рукою Франции Европу от угрожавшего ей рабства».

Ришелье не дожил до победного для Франции и европейских протестантов окончания Тридцатилетней войны. Но как в Вестфальском (1648 г.), так и в Пиренейском (1659 г.) мирных договорах, установивших новую систему международных отношений в Европе, есть немалый его вклад. История подтвердила правильность избранной Ришелье для Франции внешнеполитической стратегии противодействия папско-габсбургской гегемонии в Европе.

Ришелье был неутомимым поборником идей «европейского равновесия» и «естественных границ». В результате Тридцатилетней войны обе эти идеи кардинала были реализованы. Угроза испано-австрийской и папской гегемонии на континенте была устранена, в Европе впервые возникло равновесие, а Франция обрела наконец «естественные» границы: Пиренеи на юго-западе, морское побережье на юге и северо-западе, частично левый берег Рейна на востоке. Прямым следствием войны и усилий кардинала Ришелье явилось приращение территории Франции за счет Эльзаса и Лотарингии, Артуа и Руссильона. Начиная с Пиренейского мира и вплоть до революционных войн, то есть почти 130 лет, территория Франции не подвергалась иностранным нашествиям, и в этом тоже немалая заслуга кардинала Ришелье.

Как политик и руководитель французской дипломатии Ришелье всегда мыслил в общеевропейском масштабе, о чем свидетельствует сама «география» его дипломатической активности.

В отличие от многих его современников и позднейших западноевропейских политиков, кардинал никогда не исключал из понятия «Европа» Россию, считая естественным и необходимым ее прямое участие в европейских делах. «Нужно стремиться поддерживать отношения как с ближними, так и с

отдаленными государствами», — любил повторять Ришелье. Размах его дипломатической деятельности поражает, если учесть занятость министра-кардинала внутренними делами. По данным, приводимым Ф. Гизо. за время правления Ришелье им было подготовлено и заключено 74 договора, в том числе 4 — с Англией, 12 — с Голландией, 15 — с германскими княжествами, 6 — со Швецией, 12 — с Савойей, 6 — с Венецианской республикой, 3 — с Империей, 2 — с Испанией, 3-е папским Римом, 4 — с Лотарингией, 1 — с Граубюнденом (гризонами), 1 — с Португалией, 2 — с повстанцами Каталонии и Руссильона, 1 — с Россией, 2 — с Марокко.

Не все преемники Ришелье здраво отнеслись к его заветам относительно «естественных границ» и «европейского равновесия». «Король-солнце» Людовик XIV и император Наполеон I нарушили их, встав на путь экспансии и гегемонизма. Франция жестоко поплатилась за их авантюризм хозяйственной разрухой, демографическим упадкам и даже иностранной оккупацией.

Ришелье положил начало активной морской и колониальной политике Франции. Отныне французские корабли бороздили моря и океаны, достигая самых отдаленных уголков земного шара.

Франция становилась великой европейской державой, в то время как ее экономика и финансы оставались в плачевном состоянии- Здесь Ришелье мало что сумел предпринять, при нем положение даже усугубилось.

Его финансовый проект «для мирного времени» не был реализован, поскольку сам министр не дожил до окончания войны. В этом отношении апологетам кардинала во французской историографии всегда было трудно найти убедительные аргументы в его пользу- Факты неопровержимо свидетельствуют, что Ришелье оставил страну в состоянии хозяйственной разрухи, вызванной многими годами, если не десятилетиями, разорительных внутренних и внешних войн. Не подлежит сомнению, что экономика и финансы страны в значительной мере были принесены Ришелье в жертву его амбициозной внешней политике.

И все же огромный вклад кардинала Ришелье в создание новой Франции не может быть убедительно оспорен. Безусловно, он принадлежит к числу наиболее крупных и ярких фигур во французской истории, с которых началась собственно национальная политика Франции.

Источники и литература

К. Маркс. Революционная Испания. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. — Т. 10.

Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. — М., 1978.

Г. Ганото. Франция перед Ришелье. — М., 1903.

Т. Н. Грановский. Лекции по истории средневековья. — М., 1986.

В. Гюго. Марион Делорм // Собр. соч. в 15-ти томах. — Т. 3. — М., 1953.

История Франции. — В 3-х томах. — Т. 1. — М., 1972.

Н. Е. Колосов. Абсолютная монархия во Франции XVI–XVIII веков (государственный строй). Методические указания к спецкурсу. — Ч. I–II — Л., 1984.

С. Г.Лозинский. История папства. — Изд. 3. — М., 1986.

А. Д. Люблинская. Франция в начале XVII в. — Л., 1959.

А. Д. Люблинская. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. — М.-Л., 1965.

А. Д. Люблинская. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. —Л., 1982.

Ш. Монтескье. Избранные произведения. — М., 1955.

Б.Ф. Поршнев. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). — М.-Л., 1948.

Б. Ф. Поршнев. Франция. Английская революция и европейская политика в середине XVII в. — М., 1970.

Б. Ф. Поршнев. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. — М., 1976.

В. Л. Ранцов. Ришелье, его жизнь и политическая деятельность. — СПб., 1893.

Ж. Таллеман де Рео. Занимательные истории. — Л., 1974.

Е. В. Тарле. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XIV — начало XIX в.). М.-Л., 1965.

П. П. Черкасов. Судьба империи: Очерк колониальной экспансии Франции в XVI XX вв. — М., 1983.

Ф. Шиллер. Валленштейн. Драматическая поэма. — М, 1980

Ф. Шиллер. Тридцатилетняя война / Собр. соч. в 7-ми томах. — Т. 5. М., 1957.

G. Vicomte d'Avenel. Richelieu et la monarchie absolue, T. 1–4, — Paris, 1884–1890.

J.-P. Babelon. Henri IV. — Paris, 1982.

A. Bailly. Richelieu. — Paris. 1939.

J. Bergin. Pouvoir et fortune de Richelieu. — Paris, 1987.

T. Cahu, M. Leloir. Richelieu. — Paris, 1901.

J. Canu. Louis XIII et Richelieu — Paris. 1944.

M. Carmona. Richelieu. L'ambition et le pouvoir. Paris, 1983.

M. Carmona. La France de Richelieu. - Paris. 1984.

H. Carre. I a jeunesse et la marche au pouvoir dr Richelieu (1585–1624). — Paris, 1944.

H. Carre. Sully. Sa Vie et son oeuvre 1559–1641. — Paris, 1980.

Collection des Memoires relatifs a l'Histoire de France depuis de Henri IV jusqu a la paix de Pans conclue en 1663, avec des notes sur chaque auteur et des observations sur chaque ouvrage par M. Peiilol. Mrmoires du Cardinal de Richelieu sur le rиgne de Louis XIIX — T. 21–30 (1-10). — Paris, 1823.

Ph. Erlanger. Richelieu. — Paris, 1980.

G. Fagniez. Le pиre Joseph et RicheKeu. — T. 1–2. — Paris 1894.

Pere H. Griffet, de la Compagnie de Jesus. Histoire du rйgne de Louis XIII. Roy de Fran-e et de Navarre. - T. 1. - Paris, 1768.

F. Guizot. L'Histoire de France depuis les temps les pliu recu'e jusqu'en 1789.— T. 4. — Paris 1875.

G. Hanotaux. Histoire du cardinal de Richelieu. — T. I–VI. — Paris, 1893–3947.

G- Hardy. Histoire de la colonisation franзaise. - Paris. - 1928.

H. Hauser. La pensee et l'action economiques du cardinal de Richelieu. — Paris. 1944.

P. Lafue. Le pure Joseoh, capucin et diplomate. — Paris, 1947.

Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'Etat du cardinal de Richelieu. Recueillis et publies par M. Avenel. — T. 1–8. — Paris, 1856–1877.

E. W. Marvick. The young Richelieu: A psychoanalytic approach to leadership. — Chicago — London, 1983.

J. Michelet. Henri IV et Richelieu — Paris. 1857.

J. Michelet. Richelieu et la Fronde. — Paris, 1859.

Recueil des instructions donnйes aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traites de Westphalie jusqu'a la Revolution Francaise. — T. 8 (Russie). — Paris, 1890.

Richelieu et la culture. Actes du Colloque International en Sorbonn:. Sous la d: rection de R. Mousnier — Pars, 1987.

V.-L. Tapie. La politique etrangure de la France et le debut de la guerre de Trente ans (1616–1621). — Paris, 1934.

V.-L. Tapie. La France de Louis XIII et de Richelieu. — Paris, 1967.

Testament politique du Cardinal de Richelieu. Edition critique publice avec une introduction et des notes par Louis Andre. — Paris, 1947.

notes

Примечания

1

Перевод Н. Александровой.

2

12 мая 1888 г на улицах Парижа впервые в истории Франции появились баррикады, воздвигнутые сторонниками Католической лиги.

3

Игра слов. «Генрих Великий защищен Арманом» (лот.).

4

«Справедливо, чтобы человек, обнаруживший мудрость, превосходящую его возраст, был повышен досрочно». (лат.)

5

«Этот молодой человек будет со временем большим плутом». (ит.)

«Чья земля, того и вера» *(лат.)*.

7

В 1613 году Ришелье публикует «Синодальные ордонансы», в 1618 году «Основы вероположения католической церкви», «Наставление христианства». Посмертно были опубликованы «Трактат о совершенствовании христианства» (1646 г) и «Метод обращения тех, кто отделил себя от церкви» (1651 г).

8

Гражданский лейтенант — помощник прево Парижа, совмещающий функции судьи по гражданским делам и начальника городской полиции.

9

«Оскорбление Величества» («lese Majeste») во всех монархических государствах считалось самым тяжелым преступлением и обычно каралось смертной казнью.

10

Немецкое название этой республики — Граубюнден.

11

Королевская власть время ст времени прибегала к созыву ассамблей нотаблей — узкого круга видных представителем всех трех сословий — для одобрения того или иного правительственного тана с целью его более успешного осуществления.

12

Французское название — республика гризонов.

13

«Последний довод короля» (лат.).

14

Ультрамонтанство (от лат. ultra montes — за горами, т. е. в Риме) — направление (с XV в.) католицизме, отстаивающее идею неограниченной верховной власти папы римского, его право вмешиваться в светские дела любого государства.

15

Перевод Н. Александровой.

16

Перевод Н. Александровой.

17

Перевод В. Левицкого и М. Рязановой.

«Мыслю, следовательно, существую» (лат.).

19

Фердинанд II имел в виду полное согласие, достигнутое отцом Жозефом в Регенсбурге с шестью германскими князьями.

20

Материалы переговоров Деэ де Курменена с дьяками Посольского приказа впервые введены в научное обращение Б. Ф. Поршневым.

21

Перевод Н. Славятинского.

22

Повод к войне (лат.).

23

Перевод Анны Ахматовой.

24

По новейшим подсчетам, проведенным французским историком Ж. Берженом, состояние Ришелье оценивалось в 20 миллионов ливров, что эквивалентно 15 тоннам золота.